

Altai State University

**Harness in the Altai
in the early Iron Age
and Middle Ages**

Altai State University's Publishing House
Barnaul 1998

Министерство общего и профессионального образования
Российской Федерации
Алтайский государственный университет

**Снаряжение верхового коня на Алтае
в раннем железном веке
и средневековье**

Сборник научных трудов

Издательство Алтайского государственного университета
Барнаул 1998

УДК 930. 26 (235.222)

ББК 63.4 (2 Р 537) 273.1 + (2 Р 537) 273.4
С53

Ответственные редакторы:
д.и.н., проф. Ю.Ф. Кирюшин, к.и.н., доц. А.А. Тишкин

Редакционная коллегия:
академик РАН В.И. Молодин; к.и.н., доц. А.Л. Кунгуров;
к.и.н., с.н.с. Л.С. Марсадолов; к.и.н., доц. С.В. Неверов;
к.и.н., с.н.с. П.И. Шульга

С53   Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье: Сборник научных трудов / Под. ред. Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 1998. 192 с.

Сборник научных трудов подготовлен на средства, полученные Научно-исследовательским сектором Алтайского государственного университета по базовому финансированию из Минобразования Российской Федерации по темам «Этнокультурная история древних племен Алтая» и «Палеодемография Алтая в раннем железном веке». В нем рассматриваются вопросы развития и особенности найденных на Алтае и сопредельных территориях элементов конского снаряжения от раннего железного века до средневековья. В данном выпуске собрана основная библиография по обозначенной теме.

Издание рассчитано на археологов, историков, этнографов, музейных работников, краеведов, студентов и всех, кто интересуется древней историей Южной Сибири.

ISBN 5-7904-0040-X

© А.А. Тишкин, составление, 1998

© Д.В. Колдаков, В.В. Токарев, оформление, 1998

Основные тенденции в изменении форм удил, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII–V веках до н.э.¹

Конь — постоянный помощник и спутник кочевников, обычно погребен в алтайских курганах взнузданным и оседланным. Материалы из курганов Алтая позволили с достаточной полнотой реконструировать конские уздечки, седла и удерживающие их ремни [Грязнов, 1947, 1950; Руденко, 1953, 1960]. Во многих работах археологов ранее рассматривались разнообразные вопросы экипировки коня (см. библиографию Л.С. Марсадолова, А.А. Тишкина в настоящем сборнике). В данной статье основное внимание уделено анализу изменений основных форм удил, псалиев и пряжек — предметов наиболее часто встречаемых в больших и малых курганах Алтая I тыс. до н.э.

Хронология памятников Алтая. Основой для расстановки во времени предметов снаряжения коня служит опорная «цепочка» больших курганов Алтая VI–V вв. до н.э., даты которых определены дендрохронологическим путем и проверены комплексом методов — археологическим, радиоуглеродным, топографическим и др. В 580-е годы до н.э. был сооружен курган Туэкта-1, позднее курганы Башадар-2 — Арагол — Туэкта-2, в конце VI в. до н.э. — Кутургунтас, затем Ак-Алаха, в 450-х годах до н.э. — 2-й и 1-й Пазырыкские курганы, в 410-е годы до н.э. — Пазырык-5 [Марсадолов, 1996, с. 54–57]. Для памятников VIII–VII вв. до н.э. хронологической основой являются аналогии с курганом Аржан в Туве (808 год до н.э.) и «раннескифскими» памятниками степей Евразии. Даты для алтайских псалиев VIII–VII вв. до н.э. в целом не противоречат новым датировкам их восточноевропейских и среднеазиатско-казахстанских аналогов. Поэтому в статье не рассматриваются неоднократно измененные и часто не совпадающие друг с другом даты близких псалиев и пряжек, предложенные многими исследователями, точки зрения которых можно найти по литературным сноскам.

Удила и псалии VIII–VII вв. до н.э. Как и в других регионах Евразии, на Алтае в VIII–VII вв. до н.э. кочевники, вероятно, исполь-

зовали не менее четырех способов крепления удил с псалиями: 1) узда с мягкими удилами и трехдырчатыми псалиями (Курту-II, Усть-Куюм); 2) узда с металлическими удилами и трехдырчатыми псалиями, привязывавшимися за среднее отверстие к окончанию удил (Черный Ануй-I, к. 1; Карбан-I; Семисарт-I, к. 1; Бойтыгем-II и др.); 3) узда с «напускными» металлическими удилами, надевавшимися на «Т»- или «У»-образный отросток псалиев (Кок-су-I, к. 42; Солонечный Белок, к. 2; Вакулиха и др.); 4) узда с металлическими удилами и двухдырчатыми псалиями (Измайловка), вероятно, наиболее поздняя по времени.

Удила. Все известные алтайские удила VIII–VII вв. до н.э. — бронзовые, литые по восковой модели, двусоставные, шарнирные, с наружным концом в виде «стремечка». Удила со «стремечковидным» окончанием найдены в Майэмирском «кладе» (раскопки А.В. Адрианова); в Черном Ануе-I, к. 1 (раскопки В.И. Молодина); в Карбане-I, к. 5 (раскопки М.А. Демина); Кок-су-I, к. 42 (раскопки С.С. Сорокина); под Солонечным Белком, к. 2 (раскопки А.В. Адрианова); в Бойтыгеме-II, к. 2 (раскопки М.Т. Абдулганеева); в Вакулихе (по В.Б. Бородаеву) в Измайловке (раскопки А.С. Ермолаевой) и других местонахождениях (рис. 1.–2,3,4,5,8, 12,14). На конце «стремечка» удил из Майэмира, Измайловки, Вакулихи и Солонечного Белка есть небольшие выступы, а у удил из Черного Ануя-I и Кок-су-I таких выступов нет. Удила из Карбана-I, к. 5 в верхней части стремечка имеют дополнительное маленькое отверстие (рис. 1.–4), а в большое отверстие удил из Измайловки вставлялся двухдырчатый псалий (рис. 1.–9). В материалах кургана Аржан в Туве преобладают стремечковидные удила без дополнительного отверстия и известен лишь один комплект удил с небольшим отверстием, выпадающий по своей форме из общей массы [Грязнов, 1980, рис. 12.–1]. Судя по аржанским и алтайским материалам, вначале появились удила с треугольным («стремечковидным») окончанием,

затем — такие же удила с маленьким дополнительным отверстием, а позднее — с большим отверстием. Удила обладают меньшей временной изменчивостью, чем другие предметы экипировки коня.

В евразийских степях и в Передней Азии VIII–VII вв. до н.э. известны бронзовые и железные удила с маленькими кольцами, пока не обнаруженные на Алтае. Такие же удила из бронзы были найдены в Южной Сибири (в кургане Аржан и в Минусинской котловине — см. Грязнов, 1980; Боковенко, 1986; Махортых, 1991 и др.). Псалии к таким удилам, вероятно, привязывались, а не продевались внутрь. Это иная система крепления удил с псалиями, отличная от алтайской VI в. до н.э. Бытовали в это время и «строгие» удила для жесткого управления конем (типа рис. 1.–9), но в небольшом числе.

Псалии. В отличие от более ранних форм, у которых три отверстия расположены в разных плоскостях, у всех ныне известных псалиев с Алтая в VIII–VII вв. до н.э. отверстия находятся в одной плоскости. Можно выделить семь основных разновидностей псалиев: 1) трехдырчатые, с небольшой «грибовидной шляпкой» на одном конце и выделенным «шарообразным» утолщением на другом (Курту-II, к. 3; Черный Ануй-I, к. 1; Карбан-I, к. 5); 2) трехдырчатые, с одним концом в виде четырехгранной пирамидки (Семисарт-I, к. 1; Усть-Кулом, к. 9); 3) псалии, сделанные из отростков рогов животных или подражающие им (р. Чарыш, Измайловка); 4) псалии с отверстиями на концах и с центральным «Т»-образным «шпильком-запункой» (Кок-су-I, к. 42; Вакулиха); 5) «У»-образные псалии (Солонечный Белок, к. 2; Вакулиха и др.); 6) псалии переходных типов (Измайловка, Бойтыгем-II); 7) зооморфный псалий (Карбан-I).

Роговые псалии из Курту-II имеют по одному отверстию на концах и одно — в центре (рис. 1.–1). Изгиб стержней, длина и форма отверстий у них разные (фото 1.–1,2). Более короткий, слабо изогнутый псалий сделан с двумя подовальными отверстиями на краях, возможно, полученными в результате неточности сверления [Сорокин, 1966, с. 45], а, может быть, и преднамеренно, а также с круглым отверстием в центре. У более длинного, сильно изогнутого псалия — три отверстия правильной круглой формы. Оба они на одном краю имеют вырезанную небольшую «грибовидную шляпку», а на другом — округлое утолщение, выделенное желобком.

Как уже отмечали исследователи, псалии из Курту-II входят в аржанско-черногоровскую группу [Грязнов, 1975, с. 11; 1979, с. 6; Тереножкин, 1976, с. 150,151]. Псалии, морфологически близкие к куртуским, найдены в следующих пунктах: в кургане Аржан в Туве [Грязнов, 1980, с. 48, рис. 30.–1–5,18,37, с. 56]; в двух погребениях у с. Большая Речка на Оби [Грязнов, 1956а, табл. XIX–15 и XXI–23; Сорокин, 1966, с. 45]; на городище Елбаны [Тишкин, Медникова, 1993, с. 135, рис. 1.–2]; в погребении № 10 VII Измерского могильника в Поволжье [Казаков, 1994, с. 121, рис. 8.–5]; в погребении 13 кургана № 10 могильника Балабинский I в Прикубанье [Шарафугдинова, Дубовская, 1987, с. 34, рис. 1.–5]; у хут. Черногоровка, курган № 3 на Украине; у с. Верхний Кобан на Кавказе [Иессен, 1953, с. 80, рис. 19.–1,2]; у с. Николаевского [Анфимов, 1971, с. 172, рис. 2; Тереножкин, 1976, с. 150, 151]; у с. Александровского [Петренко, 1982, с. 71], а также в Западной Европе [фото. 5.–2; Тереножкин, 1976, с. 150, 151; Кеменцеи, 1986, с. 147, рис. 49].

Общее между псалиями из восточных и западных регионов, как известно, проявляется в том, что они представляют собой более или менее изогнутый стержень с небольшой «грибовидной шляпкой» на конце и с тремя отверстиями, выделенными утолщениями (фото 1 и 2). У многих западных псалиев есть разные по величине «шляпки» на обоих концах, но такая же форма известна и по случайным находкам из Минусинской котловины (фото 2.–1). Основное отличие азиатских псалиев от восточноевропейских заключается в том, что первые имеют выделенное «шарообразное» утолщение на одном конце. Вопрос о том, являются ли псалии с овальными отверстиями более ранними по отношению к псалиям с круглыми отверстиями, должен решаться конкретно для каждого из регионов. В целом наблюдается тенденция перехода от более ранних псалиев с подовальными отверстиями к псалиям с круглыми отверстиями [Лесков, 1971, с. 84, рис. 4]. Большинство псалиев VIII–VII вв. до н.э. с Алтая имели круглые, а не овальные отверстия, хотя у одного псалия из Курту-II также были крайние отверстия подовальной формы. Отметим, что в кургане Аржан в Туве преобладали псалии с круглыми отверстиями, но были и бронзовые псалии с подовальными отверстиями (фото 1.–4).

Псалии из рога хрупки и недолговечны, поэтому они не могли долго бытовать. Форма «фигурных» роговых и бронзовых псалиев

также меняется довольно быстро, обычно в течение одного столетия. Это хорошо прослеживается как на более поздних материалах Алтая (рис. 1.-5,6,11,17,42-44), так и ранних псалях из Восточной Европы [Лесков, 1971, с. 84]. Гораздо медленнее меняется форма «простых» псаляев, сделанных из отростков рогов животных или копирующих их форму. Здесь основными критериями являются число и расположение отверстий на псалях или их украшение (рис. 1.-10,46,53,55), в совокупности с остальными предметами из комплекса.

К псалям из Курту-П наиболее близки псалях из кургана Аржан. Куртуские псалях немного больше по размерам, массивнее аржанских. Хорошо известно, что «массивность» и «грацильность» изделий часто зависят от навыков и мастерства человека их сделавшего. Пока мы не можем точно установить — древнее или моложе псалях из Курту-П, чем псалях из Аржана, вероятно, их следует считать близкими по времени. Так как курган Аржан датируется 808 годом до н.э., следовательно, псалях из Курту-П можно отнести к первой половине VIII в. до н.э. или к концу IX в. до н.э.

В кургане № 1 могильника Черный Ануя-1 обнаружены бронзовые удила и два псалях (рис. 1.-3; Молодин, Петрин, 1985, с. 70, рис. 11). «Стремечковидные» окончания удил оформлены неодинаково: одно звено имеет подтреугольное окончание, а другое — подпрямоугольное. У каждого псалях по три выделенных круглых отверстия, небольшая «шляпка» на одном конце и довольно массивный шар на длинном изогнутом стержне на другом краю. Близкие по форме бронзовые псалях, но без массивного шара, а с небольшими утолщениями «шишечками» на концах были найдены в кургане № 5 могильника Карбан-1, вместе со стремечковидными удилами с дополнительным отверстием в верхней части (рис. 1.-4; Демин, Гельмел, 1992, с. 174, рис. 4.-1,3).

Вероятно, псалях из Черного Ануя, к. 1 и Карбана-1, к. 5 могут быть включены в одну группу со следующими псалях: из клада на р. Биже в Восточном Семиречье [Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, с. 40, рис. 2]; из кургана № 40 могильника Тагискен [Вишневская, Итина, 1971, с. 201, рис. 5.-3]; из кургана № 23 могильника Сакар-чага 6 в Южном Приаралье [Яблонский, 1996, с. 158, рис. 18.-1,2]; с изображением псалях на обломке литой формы с поселения Дальверзин в Фергане [Заднепровский, 1962, табл. XX-3]; из могилы № 15 некрополя Си-

алк В в Иране [Тереножкин, 1971, с. 76, рис. 3.-9]; из погребения № 98 Акозинского могильника в Поволжье [Халиков, 1977, с. 223, рис. 82.-2]; из погребения 5 кургана № 7 у с. Красная Деревня в Заволжье [Лукашев, 1974, с. 158, рис. 7; Железчиков, 1994, с. 27, рис. 1]; из кургана № 524 у с. Жаботин [Иессен, 1953, с. 87, рис. 24]; из бывшего Каневского уезда [Там же, с. 53, рис. 3.-6]; из кургана № 375 могильника Емчиха [Рабинович, 1936, с. 94, рис. 8; Галанина, 1977, с. 15-17]; из кургана у хут. Алексеевского [Тереножкин, 1976, с. 127, рис. 77.-7]; из Каменноостского могильника [Иессен, 1953, с. 60, рис. 5]; из Кисловодска [Там же, с. 53, рис. 3.-5]; из местонахождения Диньеш в Венгрии (фото 5.-1,4; Кеменцеи, 1986, с. 147, рис. 49.-2, 3) и др.

У всех этих псаляев один конеп короткий, а другой — длинный, изогнутый. На коротком прямом конце у псаляев часто делали так называемую «шишечку» или иногда — сильно схематизированную «грибовидную шляпку» (фото 4.-1). На конце другой стороны часто было небольшое утолщение или «грибовидная шляпка» больших размеров (фото 5.-1). На наш взгляд, псалях из Черного Ануя-1 и Карбана-1 (рис. 1.-3,4) по морфологическим признакам занимают промежуточное положение между псаляхми аржано-черногоровского типа (фото 1,2) и псаляхми типа Жаботина-Емчихи (фото 4.-2-4) в Восточной Европе, а также типа Усть-Куюма на Алтае (фото 3.-4). Поэтому псалях из Черного Ануя-1 и Карбана-1 можно датировать второй половиной VIII — первой половиной VII вв. до н.э.

В кургане № 5 Карбана-1 было найдено два разных комплекта удил с псаляхми [Демин, Гельмел, 1992, с. 28-33]. Во втором комплекте были найдены большие массивные псалях, оканчивающиеся головками кабана (рис. 1.-5а). Как отмечают авторы раскопок, в Сибири пока аналогий таким псаляхм не найдено. По весьма далеким стилистическим признакам (по оформлению концов), возможно, эти псалях входят в группу роговых псаляев келермесско-нартановского круга, датируемых VII в. до н.э. (см. Махортых, 1991, рис. 26-27, особенно рис. 26.-28). Не исключено, что псалях из Карбана-1 датируются раньше их восточно-европейских аналогов.

В кургане № 1 могильника Семисарт-1 (раскопки Л.С. Марсадолова в 1980 г.) найден один роговой псалях с тремя круглыми отверстиями, подчеркнутыми подпрямоугольными

«муфтообразными» выступами (рис. 1.-6). Один конец псаля на уровне «муфты» срезан (фото 3.-3), а другой, вытянутый, округлый в сечении, имеет окончание в виде подчетырёхгранной пирамидки; такое же окончание как и у псалий из Усть-Куюма (рис. 1.-11). Длина псаля около 12 см. Следы изношенности около среднего отверстия позволяют предполагать, что этот псалий употреблялся с металлическими удилами с большим «стремечковидным» окончанием, пока не найденными на Алтае, типа удил из Черногоровки (см. Иессен, 1953, рис. 19.-1) и известными также в Минусинской котловине.

Псалий из Семисарта-I пока не имеет аналогий в Сибири. Он близок к восточноевропейским роговым псалям из следующих археологических памятников: кургана у с. Веселая Долина [Тереножкин, 1976, с. 37-38, рис. 11; Татаринцов, 1982, с. 227-229, рис. 2.-3]; кургана № 6 у хут. Жирноклеевского (фото. 3.-1,2; Смирнов К.Ф., 1964, с. 294, рис. 2.-3а; Тереножкин, 1976, с. 41, рис. 14.-9); станицы Солёневской [Там же, с. 54, рис. 24.-16], а также, возможно, к псалю с поселения у с. Сахарна [Мелюкова, 1972, с. 66, рис. 6.-1-2; Тереножкин, 1976, с. 99, рис. 62.-16]. Вероятно, псалии из Семисарта-I следует датировать второй половиной VIII — первой половиной VII вв. до н.э. Возможно, восточноевропейские аналоги относятся к более раннему времени [Вальчак, Мамонтов, Сазонов, 1996], чем псалий из Семисарта-I.

Все эти трехдырчатые псалии имеют единые конструктивные детали — удлиненный один конец и, наоборот, близко срезанный около отверстия другой край; выделенные «муфтами» отверстия. У псаля из Семисарта-I отверстия круглые и четко выраженные подпрямоугольные «муфты» (более поздний хронологический признак), а у восточноевропейских — подовальные отверстия и не так четко обозначены «муфты» (фото 3.-1-3). Уздечные бляшки из клыков кабана, найденные в курганах у с. Веселая Долина, у хут. Жирноклеевского и в других местонахождениях, близки к аржанским (см. Тереножкин, 1976, с. 37, рис. 11; с. 41, рис. 14.-10-13; Грязнов, 1980, с. 23, рис. 12.-9; с. 38, рис. 24.-2-7; с. 55; Вальчак, Мамонтов, Сазонов, 1996). Такая форма бляшек появилась ранее — в эпоху бронзы и бытовала до VI в. до н.э.

У псалий из кургана № 9 в Усть-Куюме (рис. 1.-11) один конец слегка расширяется к вершине и оформлен в виде четырехгранной пирамидки, со срезанной острым оружием вершиной (фото 3.-4). Другой конец у

одного псаля обломан, а у второго представляет собой сужающуюся книзу многогранную пирамидку, с обрезанной двумя крупными срезами вершиной [Марсадолов, 1981, с. 19, рис. 4.-1,2]. Длина целого псаля — 14,5 см, наибольшая ширина — 1,7 см. Отверстия хорошо сохранившегося псаля расположены на одной прямой. Сверление круглое, цилиндрическое.

Вероятно, устькуюмские псалии входят в одну группу с псалями из следующих восточноевропейских памятников: кургана № 183 на р. Тенетинке [Ильинская, 1975, табл. XXIX-9]; кургана № 2 группы II в Горчаковском лесу у с. Медвин в бассейне р. Рось [Ковпаненко, 1981, с. 42, рис. 31.-4,5]; с. Старое Тулущеево, близ Воронежа [Иессен, 1953, с. 53, рис. 3.-7]; кургана № II в Мингечауре [Тереножкин, 1971, с. 72, рис. 1.-7]; кургана № 8 у с. Константиновка [Ильинская, 1975, табл. XIII-10]. У всех этих псалий по три круглых выделенных отверстия, расположенных на одной прямой и сдвинутых к центру. Верхний и нижний отростки у псалий длинные, без ярко выраженных утолщений. Псалий из Усть-Куюма можно отнести к VII в. до н.э. [Марсадолов, 1981, с. 21].

Трехдырчатые дуговидные псалии, сделанные из концевого отростка рога, на Алтае найдены на р. Чарыш (рис. 1.-10; Шульга, 1996, с. 262, рис. 7). Такие псалии известны и на соседних территориях: в Центральном Казахстане (Тасмола), Средней Азии (Уйгарак и Тагискен), Кавказе (Березовский могильник), на Украине (Днестровка-Лука) и других регионах (см. сводку литературы — Смирнова Г.И., 1982, с. 46, 52). У псалий этой группы отверстия расположены по-разному: сдвинуты к краям, сдвинуты к верхнему краю или к центральной части. У псаля с р. Чарыш отверстия находятся в средней части, поэтому он может быть датирован VII в. до н.э.

Бронзовые псалии из кургана № 42 могильника Кок-су-I (рис. 1.-12) сделаны в виде слегка изогнутого стержня, круглого в сечении. На концах псаля — подовальные отверстия для крепления к ремням оголовья, а в центре — «Т»-образный «шпенёк-запонка» для соединения с удилами. Длина одного псаля — 13,5 см [Сорокин, 1969, с. 249-252].

Близкие псалии известны среди случайных находок с Алтая [Грязнов, 1947, с. 10, рис. 3.-2,6,11; Москва, ГИМ, колл. М.П. Погодина, инв. №№ 54746], Северного Казахстана [Грязнов, 19566, с. 12-13], а также найдены в кургане № 33 могильника Уйгарак в

Средней Азии [Вишневецкая, 1973, табл. IX-17,19]. Для Восточной Европы такие псалии не характерны. Автор раскопок отнес псалии из Кок-су-I к VII-VI вв. до н.э. [Сорокин, 1969, с. 251]. Также датируются псалии из Уйгарака и из случайных находок.

Особую группу составляют псалии в виде буквы «У» (рис. 1.-14). «У»-образные псалии известны среди случайных находок с Алтая [Грязнов, 1947, с. 10, рис. 3.-3,10]; из кургана № 2 под Солонечным Белком [Грязнов, 1947]; из местонахождения Вакулиха-I около г. Змеиногорска [Бородаев, 1993, рис. 1]; в могильнике Машенка-I на р. Сентелек [Демин, Шульга, 1995, рис. 2.-2; Шульга, 1996, рис. 1.-4]; из кургана без № (1931 г.) у с. Суртайка на Верхней Оби [Членова, 1973, с. 116, рис. 44.-10-12]; в трех курганах Тувы: Алды-Бель-I, к. 21; Хемчик-Бом-III, к. 1,2 [Грач, 1980, с. 221, рис. 83.-1; с. 247, рис. 109.-1]; Ортаа-Хем-II, к. 11 [Самбу, 1970, с. 182-183] и других местонахождениях. Это трехдырчатые псалии с двумя круглыми отверстиями на концах для соединения с ремнями оголовья и центральным изогнутым ответвлением для надевания и крепления удила. На внешнем конце ответвления также имеется круглое отверстие.

«У»-образные псалии известны в основном в Саяно-Алтае. Особенно много комплексов найдено в районе г. Змеиногорска, где, возможно, был основной центр их производства. Появление такой формы псалиев объясняется возможностями бронзолитейного дела [Боковенко, 1986] или необходимостью «жесткого сцепления» [Шульга, 1996, с. 263]. Это все правильно, но, вероятно, исходная форма этих псалиев лежит в другом материале — не в бронзе, а в роге (рис. 1, вставка А,С). При разделке рога козули или оленя (А) использовались разные части концевых отростков рога — верхней части с двумя отростками (С) или одним (В). Вероятно, отверстия на таких отростках могли сверлить в разных частях рога, например, ниже двух отростков, как на псалии из кургана № 13 могильника Бийск-I на Верхней Оби (см. Завитухина, 1961, с. 104, рис. 6.-9). К близким выводам подошел также А.П. Бородавский, изучая бийский псалий [Троицкая, Бородавский, 1994, с. 64, рис. 10]. Не исключено, что в качестве псалиев иногда использовался необработанный рог козули или даже большой рог оленя (типа показанного на рис. 1-А или типа рогов «оленя» из 1-го Пазырыкского кургана — см. Грязнов, 1950). Псалии, сделанные из цельных рогов оленя без дополни-

тельной подработки, автор видел в 1985 г. в Венгрии, на памятнике основателям Венгерского государства, около Исторического музея г. Будапешта.

Бронзовые «У»-образные псалии и псалии с центральным «Т»-образным шпеньком обычно датируются очень широко — VII-V или VII-VI вв. до н.э. Для VI в. до н.э. на Алтае характерны псалии и удила совершенно другого облика (см. рис. 1). В местонахождении Вакулиха-I было найдено несколько комплектов удил с псалиями. При этом псалии с «У»- и «Т»-образными центральными отростками отмечены в одном комплексе [Тишкин, Казаков, Бородаев, 1996, с. 195]. Поэтому уздечные наборы типа Солонечного Белка, Сентелека, Вакулихи-I и Кок-су-I, вероятно, следует отнести к VII — началу VI вв. до н.э. [Руденко, 1960, с. 336; Марсаолов, 1985, 1996; Бородаев, 1993, с. 155; Демин, Шульга, 1995, с. 101 и др.].

В кургане № 2 могильника Бойтыгем-II были найдены бронзовые псалии, пока не имеющие прямых аналогий [Абдулганеев, 1994, с. 38-39, рис. 1.-1]. У этих псалиев тонкие, но широкие лопасти; один край у них изогнут сильнее, а другой — слегка изогнут в противоположную сторону, намеченная тенденция к «S»-образной форме (рис. 1.-7). В отличие от псалиев из Измайловки (рис. 1.-8) эти псалии имеют три отверстия, расположенные на узкой грани, а не на широкой. Эта конструктивная деталь позднее часто встречается и в двухдырчатых псалиях туэктинско-башадарско-пазырыкского типа (рис. 1-20, 56, 57)². Вероятно, псалии из Бойтыгема — II, к. 2 датируются второй половиной VII века до н.э. — первой половины VI века до н.э.

Удила VI-V вв. до н.э. Как отмечалось выше, удила со стремечковидным окончанием появляются в конце IX в. до н.э. или немного ранее (курган Аржан в Туве) и бытуют до VI в. до н.э. Но со второй половины VI в. до н.э. это уже «антиквариат», пережиток, так как появляется новая более прогрессивная форма крепления псалиев к удилам.

Один из «хронологических парадоксов» Н.Л. Членовой, В.Д. Кубарева [1990, с. 46-47, 54] о том, что бронзовые стремечковидные удила «существуют в условиях Горного Алтая до IV-II вв. до н.э.», решается довольно просто. В.Д. Кубарев датировал курган № 6 могильника Джолин, где были найдены такие удила — IV-III вв. до н.э. [Кубарев, 1991, с. 134]. Но, наиболее вероятно, этот курган датируется второй половиной VI или началом V вв. до н.э.³

В VI в. до н.э. на Алтае преобладали шарнирные, двусоставные удила не со «стремчовидными», а с большими «кольчатыми» окончаниями (рис. 1). С VI в. до н.э. наряду с бронзовыми употреблялось большое число железных удили. Возможно, появление железных удили с большими кольчатыми окончаниями на Алтае связано с появлением нового этноса в начале VI в. до н.э. (см. Марсадолов, 1996, с. 59–69). Именно в юго-западных от Алтая регионах (Передняя Азия, Кавказ) известны прототипы удили с большими кольчатыми окончаниями в таких памятниках как Сялук В, Хасанлу, Гордион и др. (см. удила приведенные в работах — Медведская, 1983, с. 59–73; Muscarella, 1988, р. 65–66; Марсадолов, 1997, с. 42, рис. 17–9). В западных регионах массовое использование железа зафиксировано гораздо раньше, чем на Алтае. В кургане Туэкта-I все удила были железные [Руденко, 1960, с. 124]. Хотя железные удила более прочные и менее окисляются во рту коня, вероятно, в силу традиций и мощного бронзового очага металлургии, удила из бронзы бытовали наряду с железными ещё два-три столетия.

Наблюдаются следующие временные отличия в оформлении концов бронзовых удили. В ранних курганах (VI — первой половины V вв. до н.э.) обнаружены удила с окончаниями неправильной и подовальной формы — Башадар-2, Уш-Биик [Арсланова, 1981] и др. Относительно тонкого стержня удила овал поставлен либо на свою более длинную сторону (рис. 1.–21), либо на короткую (рис. 1.–23). С конца VI в. до н.э., в основном, с V в. до н.э., окончания удили приобретают более округлую форму (рис. 1.–47, 48). Удила из железа имеют слегка «подпетлевидное» окончание (рис. 1.–49). В это время известны и удила без центрального «шарнира». Они изготовлялись как цельнолитыми из бронзы (рис. 1.–41), так и коваными из тонкого железного стержня с загнутыми концами (Алагаил, к. 1; см. Могильников, Суразаков, 1980, с. 189, рис. 7.–2 и др.).

Псалии. В VI в. до н.э. в очень малом числе известны трехдырчатые псалии, которые не привязывались за среднее отверстие к удилам, а крепились уже новым способом — продевались в большое кольцо удила. Один такой массивный роговой трехдырчатый псалий был найден Ю.Т. Мамадаковым и Н.Ф. Степановой в кургане № 7 могильника Кайнду, относящемся к VI в. до н.э. (рис. 1.–17). Еще один бронзовый «трехдырчатый» псалий обнаружен в предгорьях Ал-

тая, в кургане № 4 могильника Майма-XIX [Киреев, 1992, с. 184, рис. 3.–5; с. 45]. У майминского псалия крайние отверстия сквозные, а среднее отверстие — намечено, но не сквозное (рис. 1.–18). На одном краю псалия — утолщение с изображением стилизованной головы птицы. Вероятно, этот псалий использовался с железными удилами. По комплексу предметов из этого кургана псалий может быть датирован VI в. до н.э. Прототипы составляющих элементов псалия из Кайнду, вероятно, восходят к Карбану-I (рис. 1.–5), а для майминского псалия — типа схематизированного шара из Черного Ануя-I (рис. 1.–2) или удлиненных отростков на концах — типа Усть-Куюма, Измайловки, Бойтыгема-II (рис. 1.–7–11). Но выступающие с одной стороны отверстия-петли характерны для псалиев келермесского круга [Галанина, 1983, табл. 5–7], датируемых VII — началом VI вв. до н.э.

Большинство псалиев VI в. до н.э. на Алтае уже не трехдырчатые, а с двумя отверстиями, что связано с появлением новой системы крепления псалиев с удилами — двухдырчатые псалии не привязывались к окончанию удила, а продевались в них. Отверстия на псалиях имеют подовальную, округлую или подпрямоугольную форму и сдвинуты к центральной части стержня. Изготавливались псалии из бронзы, рога, дерева и изредка из железа. По своему оформлению и общему контуру псалии условно можно разделить на две большие группы: 1) «простые» и 2) «декоративные».

«Простые» псалии VI–V вв. до н.э. имеют свои эволюционные прототипы в псалиях VIII–VII вв. до н.э. Для этих псалиев характерна в основном дуговидная форма стержня, господствующая в раннее время. Возможно, от псалиев типа Карбан-I (рис. 1.–4) происходит форма бронзовых псалиев из 5-го Арагольского кургана (рис. 1.–40), но не исключена и западная линия происхождения. Это дуговидные стержни с утолщениями вокруг отверстий и с «шишечками» на концах. Арагольские псалии по комплексу предметов, найденных в этом кургане, можно датировать VI в. до н.э. В памятниках Алтая V в. до н.э. обнаружены двухдырчатые псалии, сделанные из отростков рога. В сечении они не только округлые, но и подовальные, пятиугольные и т.п. (рис. 1.–46, 53, 55). Одна из сторон у них иногда украшена геометризованным орнаментом.

«Декоративные» псалии часто имели «S»-образную форму стержня, гораздо реже —

дуговидную и прямую. Многие из них покрыты тонкими листками золота. Известны десятки отличных друг от друга вариантов псалиев с зооморфными (рис. 1.–19), растительными (рис. 1.–45) и геометризованными окончаниями (см. Грязнов, 1950; Руденко, 1953, 1960; Боковенко, 1981, с. 56–57; Полосьмак, 1994). Особенно часто на концах псалиев противопоставлены были головы хищной птицы (орла или грифона) и хищника «кошачьей-собачьей» породы (тигра, пантеры, волка — см. сводку близких изображений в работе Чежиной Е.Ф., 1991, рис. 1 и 2). Есть ранние псалии с реалистически выполненными изображениями животных, а есть и поздние — со схематизированными (сравни рис. 1.–42–44, 56). Безусловно, изображения на псалиях несли глубокую семантическую нагрузку, но детальное их рассмотрение возможно только в контексте изучения «искусства» пазырыкского этапа в целом, что выходит за рамки нашей работы.

Художественное оформление окончаний псалиев довольно быстро менялось во времени. Поэтому «декоративные» псалии могут служить более надежными хронологическими определителями, чем «простые» псалии [Сорокин, 1974, с. 91]. Псалии с одинаковыми изображениями, как правило, не бытовали более 50–100 лет. Поэтому дата малых курганов, в которых встречаются «декоративные» псалии, может быть определена по аналогии с датированными выше большими курганами.

«Эволюция» узды в VIII–V вв. до н.э. Алтайские материалы позволили наметить предварительную схему изменения снаряжения коня в I тыс. до н.э. [Грязнов, 1947, с. 9; 1979, с. 5–6; 1992, с. 164–170; Боковенко, 1981, с. 55–57; 1986; Марсадолов, 1985, с. 12–13; Тишкин, 1996, с. 16–18; Шульга, 1996, с. 261–264 и др.]. В настоящее время, с дополнением новыми данными и небольшими уточнениями, эта схема развития конской узды на Алтае в VIII–VII вв. до н.э. представляется примерно в следующем виде (рис. 1).

В VIII–VII вв. до н.э. было много вариантов крепления удила к псалиям. В VIII в. до н.э. в Саяно-Алтае трехдырчатые псалии в основном привязывали к окончанию удила [Грязнов, 1979, с. 6]. На псалиях из Семисарта-I ясно видны следы такого использования. Употреблялась в это время и узда с мягкими удилами: VIII в. до н.э. — Курту-II, к. 3 [Сорокин, 1966, с. 45]; VII в. до н.э. — Усть-Куюм, к. 9 [Грязнов, 1947; Марсадолов, 1981].

Вероятно, в конце IX в. до н.э. появились псалии аржанского типа, с «грибовидной шляпкой» на одном конце и выделенным «шаром» на другом (Курту-II, к. 3). Постепенно «шляпка» и «шар» были доведены до «гипертрофированных» размеров и стали неудобными для использования — 2-я половина VIII — 1-я половина VII вв. до н.э. (Черный Ануй-I, к. 1), а также псалии камышевахского типа (см. Тереножкин, 1976, с. 152, рис. 87). Параллельно с этими псалиями, возможно, сосуществовала другая, более простая форма псалиев, оказавшаяся более жизнеспособной. Это были псалии вначале с одним удлиненным отростком (Семисарт-I, к. 1), а затем с двумя (Усть-Куюм, к. 9). У ранних псалиев (рис. 1) отверстия расположены на концах и в центре (Курту-II), затем отверстия сдвигаются к одному краю (Черный Ануй-I, Карбан-I, Семисарт-I), а у поздних — сдвинуты ближе к средней части (Усть-Куюм, Бойтыгем-II, Измайловка). У псалиев с «Т»- и «У»-образным отростками отверстия расположены ближе к краю.

В VII в. до н.э. на Алтае использовали и другой вариант — удила навешивали на различные отростки бронзовых псалиев: на «Т»-образный «шпенек-запонку» (Кок-Су-I, к. 42; Вакулиха) или на «У»-образный длинный изогнутый стержень (Солонечный Белок, к. 2; Вакулиха, Сентелек).

Как отмечают многие исследователи, VIII–VII вв. до н.э. были периодом поиска оптимальных форм конского снаряжения, чем вызвано такое разнообразие вариантов удил и особенно псалиев [Иессен, 1953, с. 105; Грязнов, 1980, с. 47–50; Боковенко, 1981, с. 55–57; 1986; Марсадолов, 1985; Тишкин, 1996; Шульга, 1996 и др.]. Долгое время археологи считали, что трехдырчатые псалии сменяются двухдырчатыми только в конце VI или в V вв. до н.э. [Грязнов, 1947, с. 10; 1979, с. 5; Иессен, 1953, с. 106; Ильинская, 1975, с. 112; Боковенко, 1979, с. 69 и др.]. Раскопки последних 25 лет позволили внести коррективу в эти представления [Марсадолов, 1985, с. 12; Боковенко, 1986; Тишкин, 1996; Шульга, 1996].

В Западной Европе, в Передней Азии, на Кавказе, в Средней Азии и Казахстане в VIII–VII вв. до н.э. были известны цельнолитые комплекты с неподвижным креплением удила к псалиям, иногда удила продевались в большое отверстие или специальные петли в центре псалия [Вишневская, 1973, табл. XXVI; Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, с. 39–44; Медведская, 1983]. Многочисленные попытки

горизонтального продевания удила через центральное отверстие псалиев вначале в Передней Азии и на Кавказе, затем в Средней Азии, Казахстане (типа Уйгарака, Тасмолы, Биже) или навешивания удила на «Т»- и «У»-образные отростки (в тех же регионах и на Алтае), вероятно, во второй половине VII — начале VI вв. до н.э. привели к **вертикальному продеванию** тонких псалиев через «стремечковидное» окончание удила (типа Алды-Бель-1, к. 21 в Туве; Грач, 1980, с. 221, рис. 83.-2) или дополнительное большое отверстие рядом со «стремечком» (типа Измайловки на р. Иртыш; рис. 1.-9; Ермолаева, 1987, с. 72, рис. 33.-2). После появления на Алтае удила с большими кольцами (типа переднеазиатско-кавказских), **трехдырчатые псалии** вначале продевались через кольца удила (Кайнду), затем среднее отверстие на трехдырчатых псалиях стало ненужным (оно постепенно стало пережитком — Майма-ХІХ, к. 4) и стали преобладать **двухдырчатые псалии** туэктинско-башадарского типа. Только с VI в. до н.э. на Алтае этот вариант узды стал господствующим на многие столетия. В пазырыкское время закреплялись наиболее конструктивно-рациональные старые и вырабатывались новые элементы экипировки коня, способствующие дальнейшему совершенствованию и простоте управления им.

Но после уточнения хронологии памятников не исключено, что эта схема будет немного другой, при одном допущении — в первой половине VI в. до н.э. на Алтай с юго-запада ранними пазырыкцами в готовом виде была принесена узда с большими кольчатými удилами, в которые вставлялся двухдырчатый псалий (Туэкта-1, Башадар-2). Вытесненные в разные стороны местные позднемайэмирские племена (Бойтыгем-ІІ, Измайловка, Кайнду, Майма и др.) в силу прежних традиций продолжали в VI в. до н.э. использовать прежнюю майэмирскую систему узды с небольшими комбинациями разных удила и псалиев. Поэтому уточнение хронологии памятников (всеми методами доступными на современном уровне исследований) остается одной из главных задач на ближайшее время.

Как видно на photographиях, различия между псалиями даже в одном регионе — Алтай или Саяно-Алтай (фото 1) весьма значительны, ввиду того, что исследовано небольшое число памятников, а с другой стороны не было массового производства однотипных роговых или бронзовых изделий (даже в одном комплекте встречаются разные по разме-

рам и конструктивным деталям псалии — фото 1.-1-2). На примерах псалиев из кургана Аржан или материалов из более поздних больших алтайских курганов, ранее было отмечено одновременное бытование большого числа разнотипных предметов [Грязнов, 1950, 1980; Руденко, 1953, 1960]. Еще более значительны различия между разными регионами (фото 2.-5; фотографии отличаются большей достоверностью, чем выполненные с разной степенью мастерства рисунки, часто используемые при сопоставлениях). Поэтому можно говорить скорее о тенденциях евразийского развития элементов узды и седла. Более детальная проработка разных категорий предметов узды и поиск предметов, сделанных в одной мастерской или одним мастером — дело будущих исследователей.

Седельные пряжки. Для удерживания седла или попоны на спине коня использовались подпружные или трочные ремни. Соединить вместе концы этих ремней можно простым узлом, но гораздо удобнее это сделать при помощи специально изготовленных пряжек.

Все пряжки VII-V вв. до н.э. по форме общего контура можно разделить на две большие группы: 1) округло-фигурные пряжки типа Солонечного Белка (рис. 1.-12-16, 25-29, 32-34); 2) подпрямоугольные и подтрапецевидные пряжки типа туэктинско-пазырыкских (рис. 1.-30-31, 35-39, 50-52). В VII — начале VI вв. до н.э. на Алтае, как и в других регионах Евразии, преобладали пряжки из бронзы округло-фигурной формы, которые иногда копировали в роге и кости. Большинство известных алтайских пряжек VI-V вв. до н.э. сделаны не из твердой бронзы, а из относительно хрупких материалов — из кости, рога и, гораздо реже, из дерева. Возможно, что стремление увеличить срок использования пряжек, сделать их прочнее, привело древних мастеров к выводу о необходимости прямых «ребер жесткости». С VI в. до н.э. и позднее на Алтае бытовали также пряжки подпрямоугольных и подтрапецевидных форм.

Все бронзовые пряжки в алтайских курганах VII в. до н.э. литые, изготовленные по восковым моделям. В комплектах одна из двух пряжек обычно имела на заостренном спереди кольце вертикально поставленный «Т»-образный «шпенек-запонку» для надевания второй пряжки, которая такого «шпеняка» не имела и служила как бы «петлей».

На Алтае найдено несколько типов бронзовых пряжек, которые по-разному крепились на концах ремня. В Кок-су-І они при-

соединялись к ремню посредством другого «шпенька-запонки», находящегося на оборотной стороне щитка пряжки (рис. 1.-12а). Не исключено, что прототипы пряжек типа Кок-су-I следует искать в Предкавказье и на Кавказе, среди пряжек кобанской культуры [Козенкова, 1995, табл. XXVIII, 28; Махор-тых, 1991, рис. 14.-7; Эрлих, 1994, табл. 8].

Пряжки другого типа крепились к ремню через подпрямоугольное «ушко» (рис. 1.-13-16). В нижней части эти пряжки имеют либо большой по размерам круг (рис. 1.-13) — овал (рис. 1.-16в), либо гораздо меньший по размерам (рис. 1.-15,16а). Пряжки с большим кругом-кольцом найдены в кургане № 5 могильника Карбан-I (рис. 1.-13; Демин, Гельмель, 1992, рис. 5.-17-18), а с подовальным — в кургане № 19 в Бойтыгеме-II (рис. 1.-16в; Абдулганеев, 1994, рис. 4.-4,5). Верхняя часть шпенька у этих пряжек оформлена в виде копыта. Прямоугольное ушко в Карбане-I не имеет выступов в верхней части (рис. 1.-13), но такие выступы есть на пряжке из Бойтыгеме-II (рис. 1.-16а). Судя по псалям, пряжки из Карбана-I бытовали ранее пряжек из Бойтыгеме-II. Близкие по форме пряжки были найдены в Казахстане и в Приаралье (Уйгарак, курган № 38; Вишневская, 1973, табл. I.-4-5)⁴. Позднее с небольшими модификациями верхнего ушка и переднего крючка пряжки типа Бойтыгеме-II, возможно, переходят в пряжки типа Башадара-2 (рис. 1.-27), но этот тип пряжек не был широко распространен в VII-VI вв. до н.э. В кургане № 47 могильника Уйгарак найдена большая седельная пряжка из бронзы, в которой скомбинированы вместе детали, характерные для бронзовых пряжек из Кок-су-I, к. 42 (верхняя часть с «Г»-образным шпеньком) и Карбана-II — Бойтыгеме-II (нижняя часть в виде большого круга), а также другая пряжка небольших размеров близкая к алтайским (см. Вишневская, 1973, табл. XV.-11,12,1). Большая пряжка из Уйгарака еще ближе к кавказским прототипам, чем маленькая пряжка из Кок-су-I, к. 42 (см. выше).

Более широко были распространены пряжки с меньшим по размерам овалом-кругом. Они имеют либо гладкую поверхность (рис. 1.-15. — Солонечный Белок, курган № 2), либо поверхность с более или менее выступающим «ребром» (рис. 1.-16а). Пряжек с «ребром» известно гораздо больше: в Бойтыгеме-II, кургане № 2 [Абдулганеев, 1994, рис. 1.-3-4]; среди случайных находок с Алтая [Грязнов, 1947, с. 11, рис. 4.-6]; в Измайловке, ограда № 17 [Ермолаева, 1987,

рис. 32.-15,16] и др. В местонахождении Вакулиха найдены вместе крупные и мелкие седельные пряжки разной формы (типа рис. 1.-16а,16в; Тишкин, Казаков, Бородаев, 1996, с. 195]. Судя по найденным в вышеуказанных комплексах псалям и другим предметам, алтайские пряжки из Кок-су-I, к. 42 и Солонечного Белка можно датировать VII — началом VI вв. до н.э., так как позднее отмечен новый вариант их застегивания (см. далее).

В азиатской части бронзовых пряжек близких к алтайским типа Солонечного Белка найдено довольно много. Обычно они датируются VII-VI или VII-V вв. до н.э. [Кадырбаев, 1966, с. 317, 332, рис. 66; Вишневская, 1973, с. 106, 107; Грач, 1980, с. 24-40, с. 221, рис. 83-2; вкладка III-42, 43 и др.]. Форма пряжек типа Солонечного Белка конструктивно очень рациональна и, следовательно, изменялась медленно, просуществовав значительный временной интервал. Почти такой же формы пряжки найдены в кургане № 6 хуннского могильника Ноин-Ула [Руденко, 1962, с. 44-46, рис. 40.-а]. Форму этих пряжек мастера копировали не только в бронзе, но и при изготовлении пряжек из рога, дерева (рис. 1.-25, 26, 32, 33).

Хронологическим «индикатором» для VII-V вв. до н.э. может служить не только форма пряжки в целом, но и оформление переднего «крючка», что хорошо можно проследить на алтайских материалах [Марсадалов, 1985, с. 12-13]. В VII в. до н.э. на каждом конце седельного ремня помещали по одной бронзовой пряжке, которые накладывались друг на друга и удерживались с помощью «Г»-образного «шпенька-запонки» (рис. 1.-12-15). В конце VII в. до н.э. или в начале VI в. до н.э. (Бойтыгем II, к. 2 — рис. 1.-16а) появились пряжки с «Г»-образным крючком. В VI в. до н.э. «Г»-образный «шпенек» в основном заменили более простым загнутым внутрь «Г»-образным крючком — курганы Туэкта-I, Башадар-2 (рис. 1.-25-28; фото 6.-3-7; фото 7.-1-5). В этот же период появились, но в меньшем числе, пряжки с крючком загнутым не внутрь, а вперед. Во 2-ом Башадарском кургане всего одна пряжка (фото 6.-8), из 14 там найденных, имела отогнутый вперед крючок (рис. 1.-29). Немного позднее загнутый вперед крючок стал более горизонтальным — курган № 12 могильника Бийск-I (фото 6.-9; Завитухина, 1961, с. 105, рис. 7.-1). Вероятно, со 2-ой половины VI или с конца VI в. до н.э. стали делать пряжки с выступающим вперед заостренным «отростком-носиком», лежащим

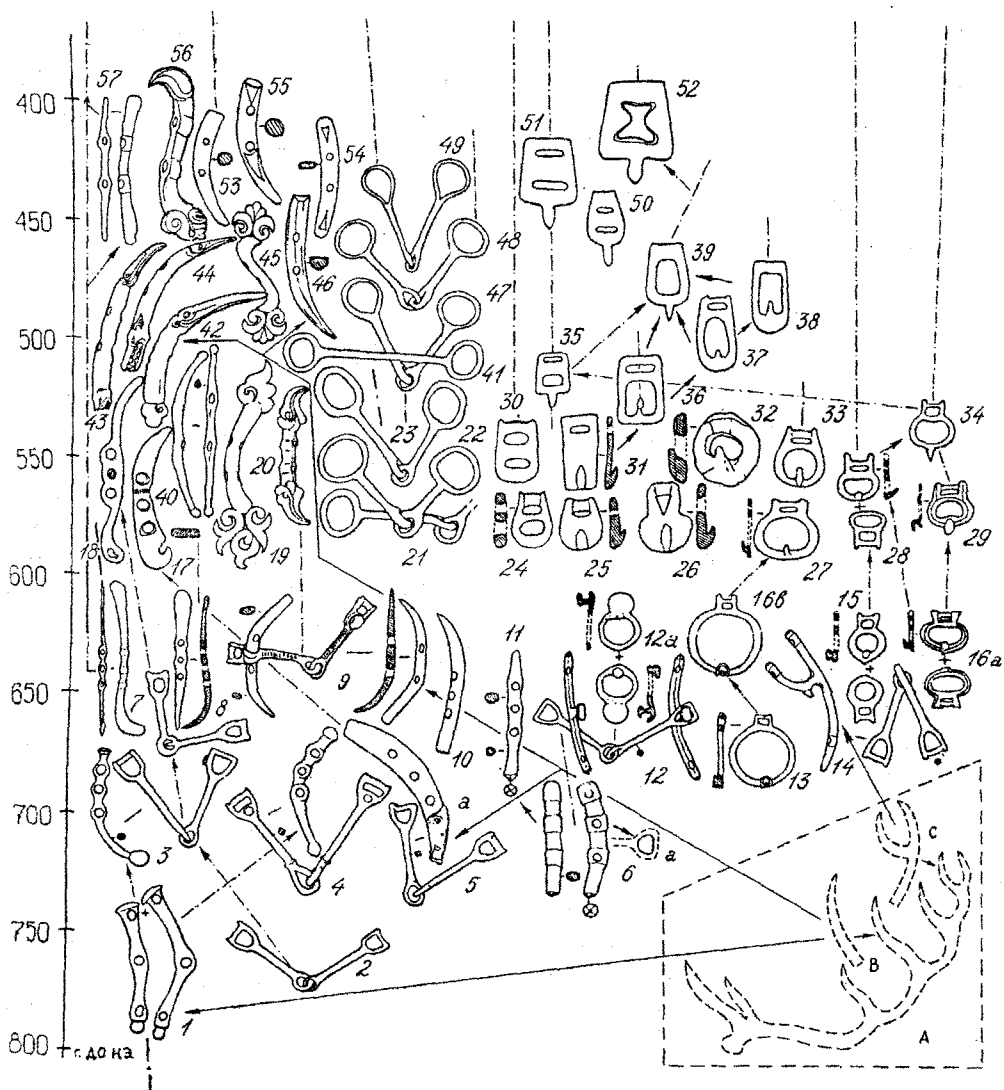

Рис. 1. Схема изменения форм удил, псалиев и пряжек на Алтае

Курганы: 1 — Курту-Ш, к. 3; 2 — Маймирский «клад»; 3 — Черный Ануй-1, к. 1;
 4-5, 13 — Карбан-1, к. 5; 6 — Семисарт-1, к. 1; 6а — реконструируемые по следам удила
 из Семисарта-1, к. 1; 7 и 16а — Бойтыгем-И, к. 2; 8-9 — Измайловка, ограда 17;
 10 — р. Чарыш; 11 — Усть-Куюм, к. 9; 12 — Кок-су-1, к. 42; 14 — Вакулиха;
 15 — Солонечный Белок, к. 2; 16в — Бойтыгем-Ш, к. 19; 17 — Кайнду, к. 7;
 18 — Майма-ХІХ, к. 4; 19, 24-26 — Туэкта-1; 20 — Ушбиик; 21-23, 27-31, 33 — Башадар-2;
 32, 40, 47 — Арагол, к. 5; 35 — Кок-су-1, к. 17; 34, 36 — Туэкта-2; 37 — Уландрык-IV, к. 2;
 38 — Уландрык-V, к. 1; 39 — Ак-Алаха-1, к. 1; 41, 44 — Кок-су-1, к. 26;
 42 — р. Катунь (ГИМ, коллекция М.П. Погодина); 43 — Талдура-1, к. 4; 45, 49 — Пазырык-1;
 46, 48, 50 — Пазырык-2; 51, 53-54 — Пазырык-4; 52, 55 — Пазырык-3; 56 — Пазырык-5;
 57 — Большой Катандиинский курган.
 Материал: 1, 5, 6, 10, 11, 17, 24-26, 30-33, 35-39, 42-44, 46, 50-55 — рог, кость;
 2-5а, 7-9, 12-16, 18, 20-23, 27-29, 34, 40-41, 47-48 — бронза; 19, 45, 56 — дерево;
 49, 57 — железо.

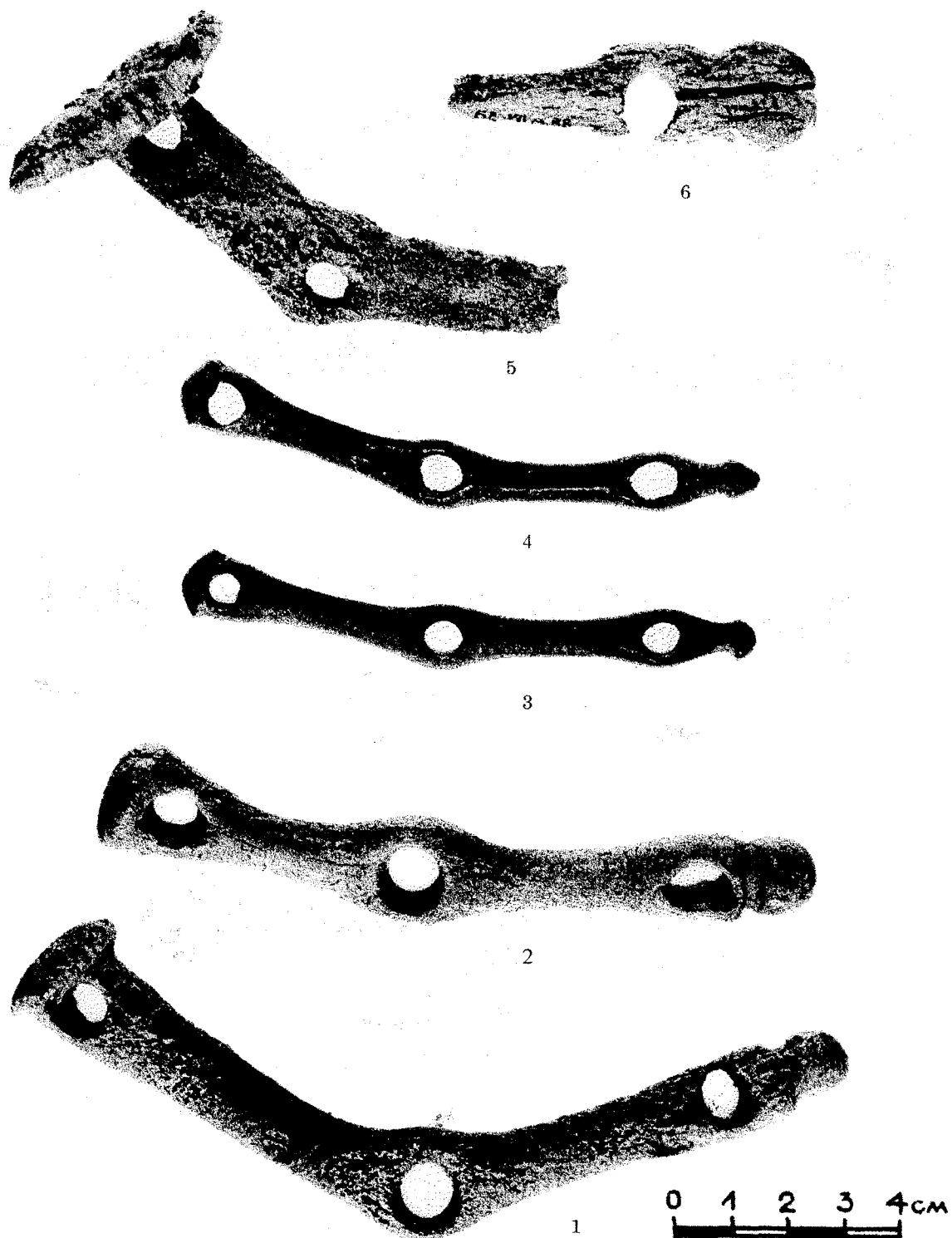

Фото 1. Псаали аржанского типа:

1 — Кургу-II (СК-892); 2 — Кургу-II (СК-891); 3-4 — Аржан;
5 — Большая речка (БЕ-XIV, м. 21); 6 — Большая речка (БЕ-VI, м. 88).

1-2, 5-6 — рог; 3-4 — бронза.

Хранятся в Государственном Эрмитаже

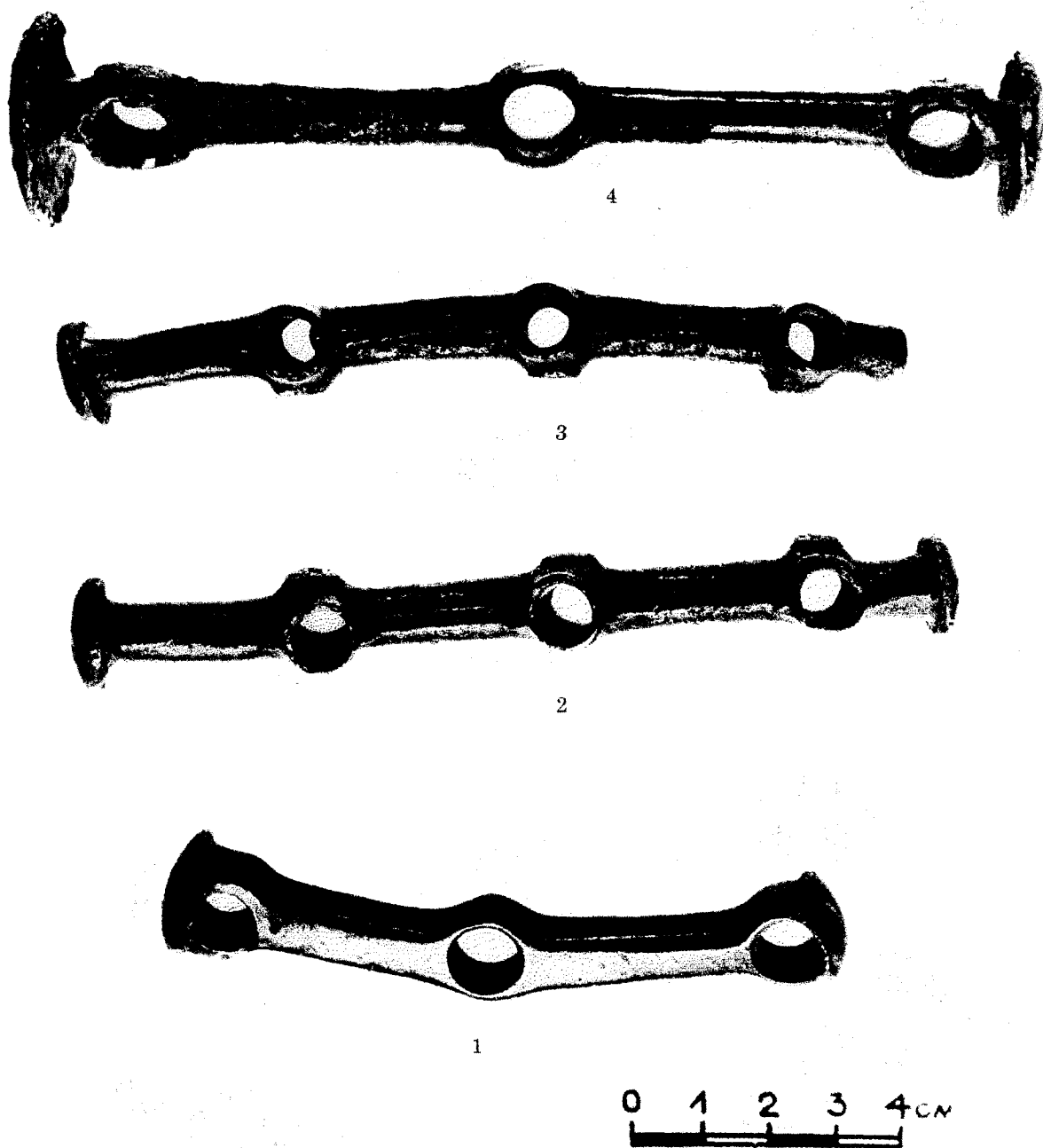

Фото 2. Бронзовые псалии:

1 — Минусинский край (5531-1302);

2, 3 — Большая Белозерка, Цимбалка (ДН 1868 2/6); 4 — Кисловодск (1362/19).

Хранятся в Государственном Эрмитаже

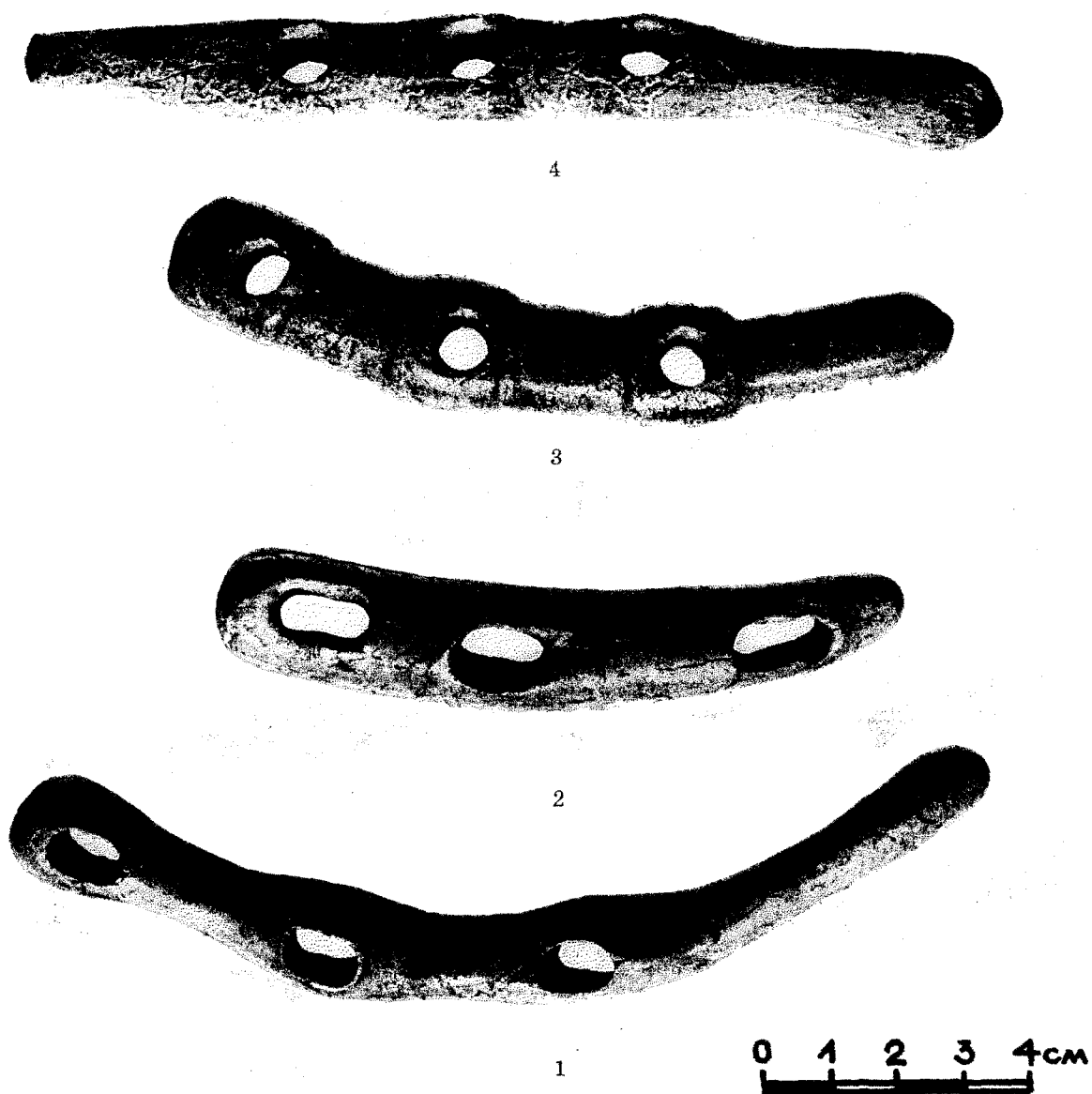

Фото 3. Роговые псалии:

1,2 — Жирноклеевский, к. 6 (1113/60; 1113/59);

3 — Семисарт-1, к. 1 (2825/1);

4 — Усть-Куюм, к. 9 (1272/20).

Хранятся в Государственном Эрмитаже

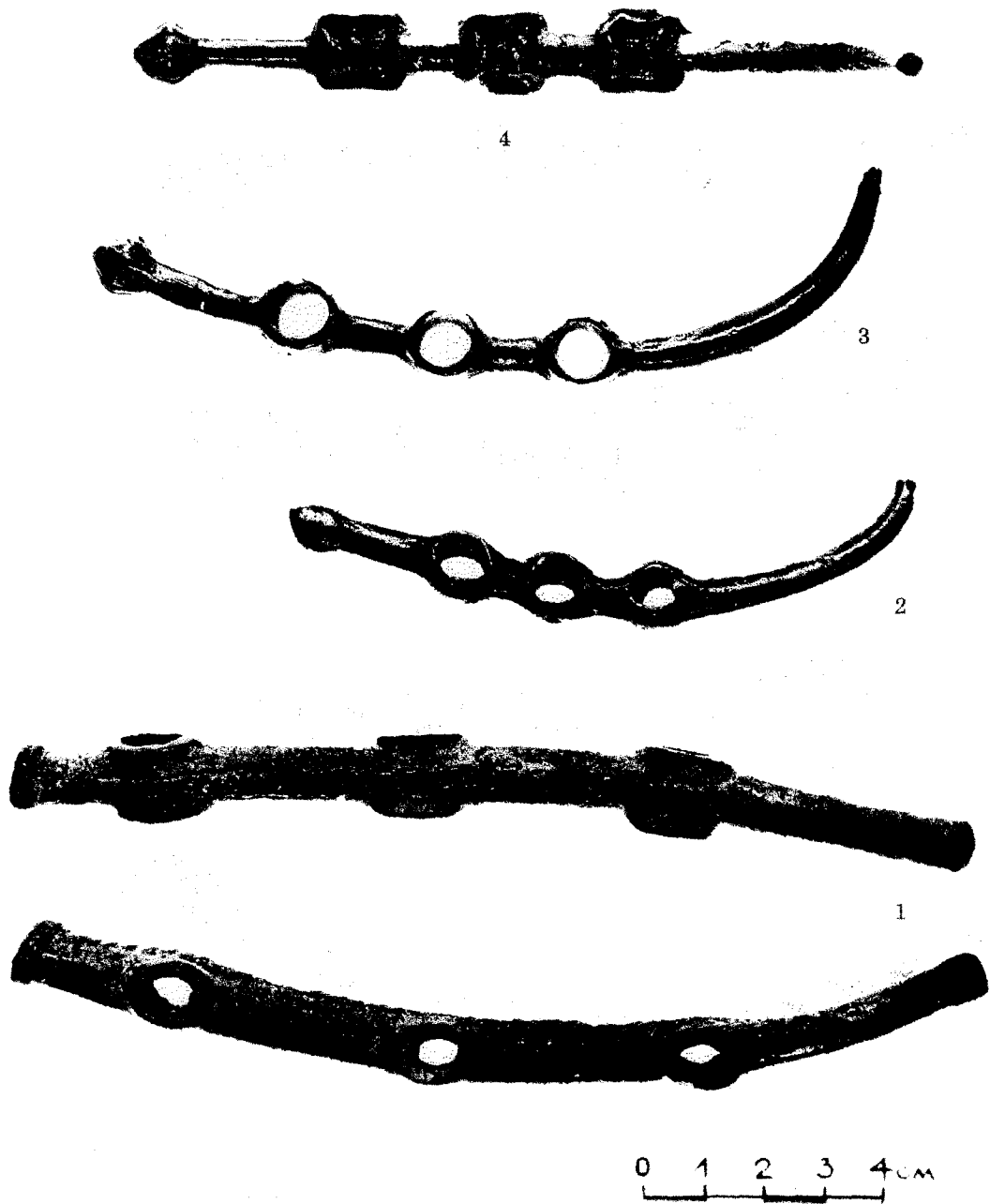

Фото 4. Бронзовые псалии:

1 — Кисловодск (1362/18; 1362/17);

2 — Емчиха, к. 375 (Дн 1932 42/2);

3-4 — Жаботин, к. 524 (Дн 1913, 2/25).

Хранятся в Государственном Эрмитаже

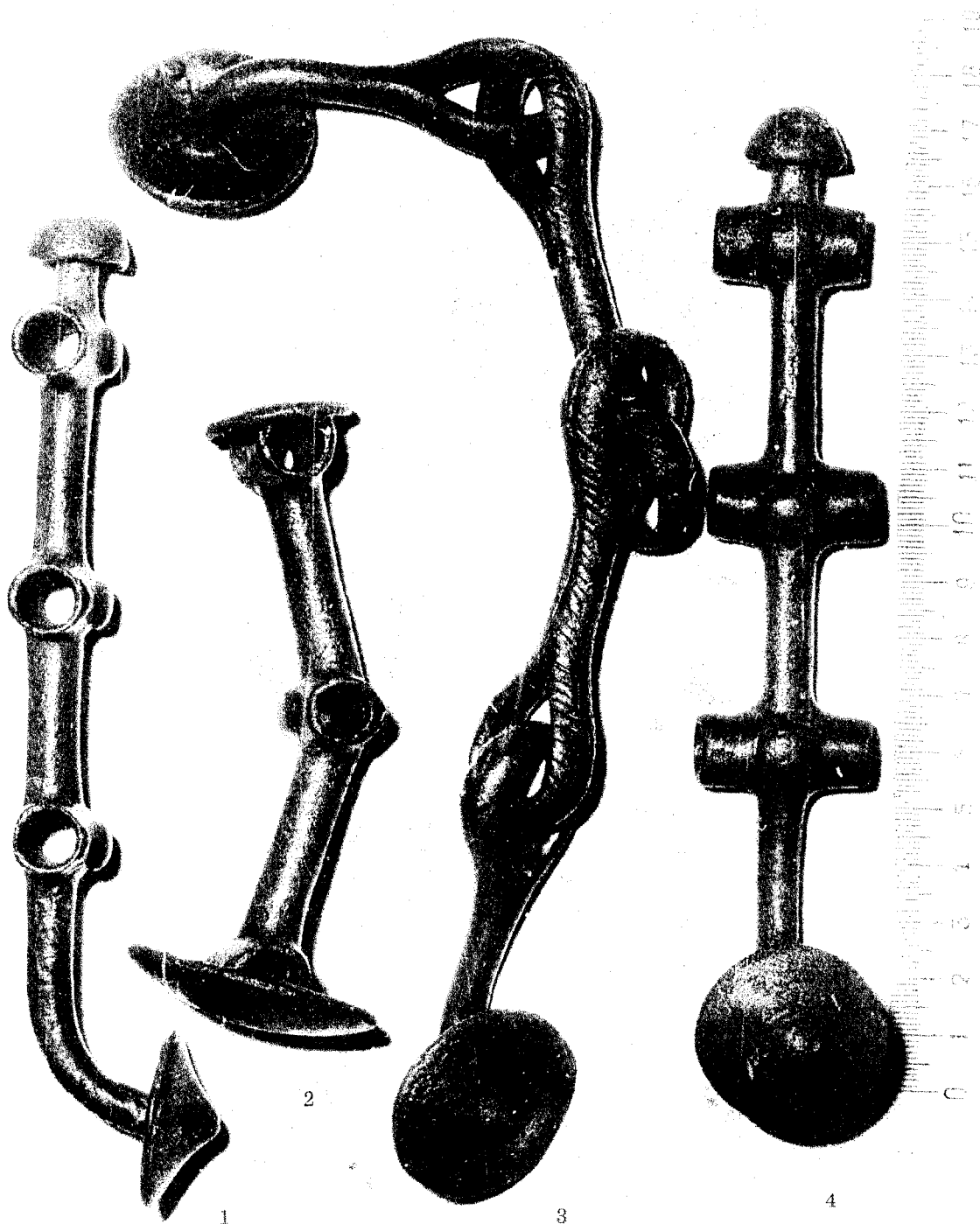

Фото 5. Бронзовые псалии и удила из Венгрии:

1-4 — Dinyues (Диньеш).

Хранятся в Национальном музее г. Будапешта.

Фото Л.С. Марсадолова, 1985 г.

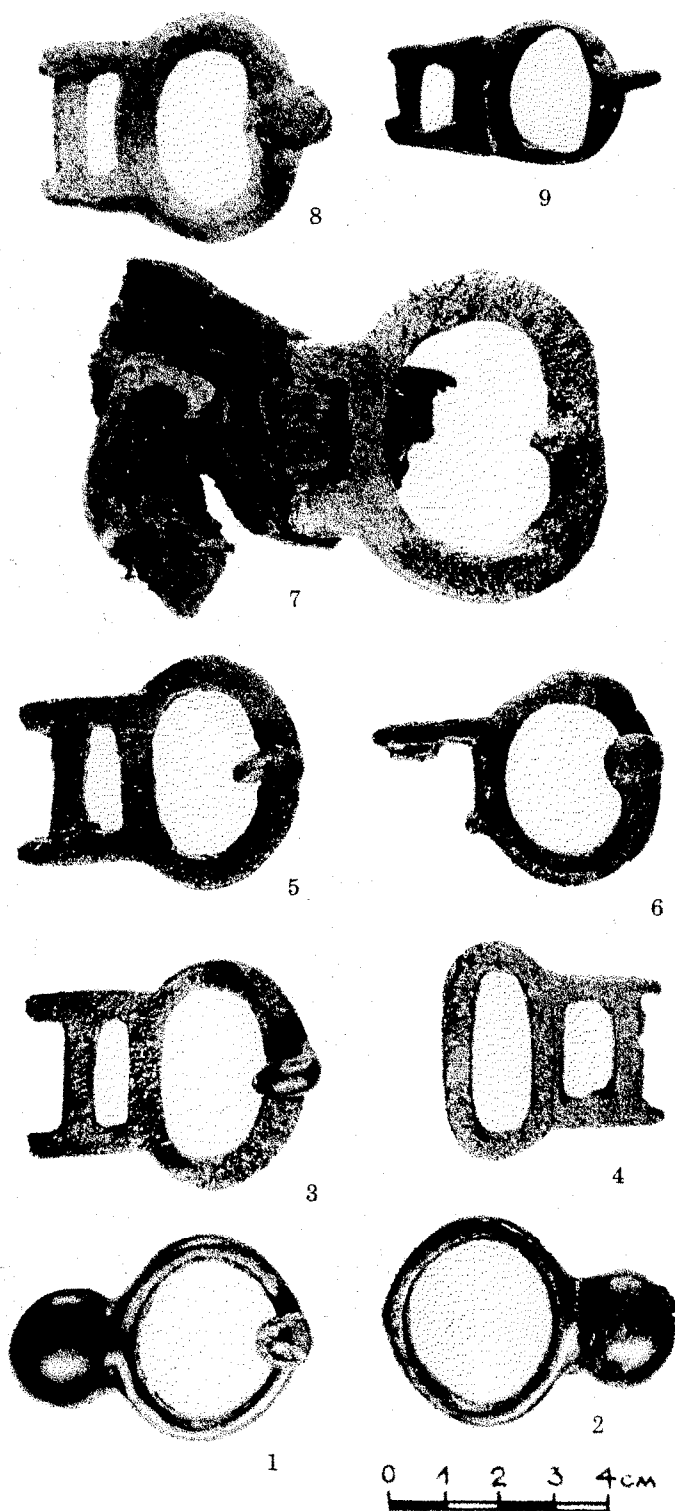

Фото 6. Бронзовые пряжки с Алтая:

1-2 — Кок-су-1, к. 42 (СК-1007; СК-1008);

3-8 — Башадар-2 (1793/815; 1793/451; 1793/86; 1793/593; 1793/761; 1793/423);

9 — Бийск-1, к. 12 (4410/63).

Хранятся в Государственном Эрмитаже

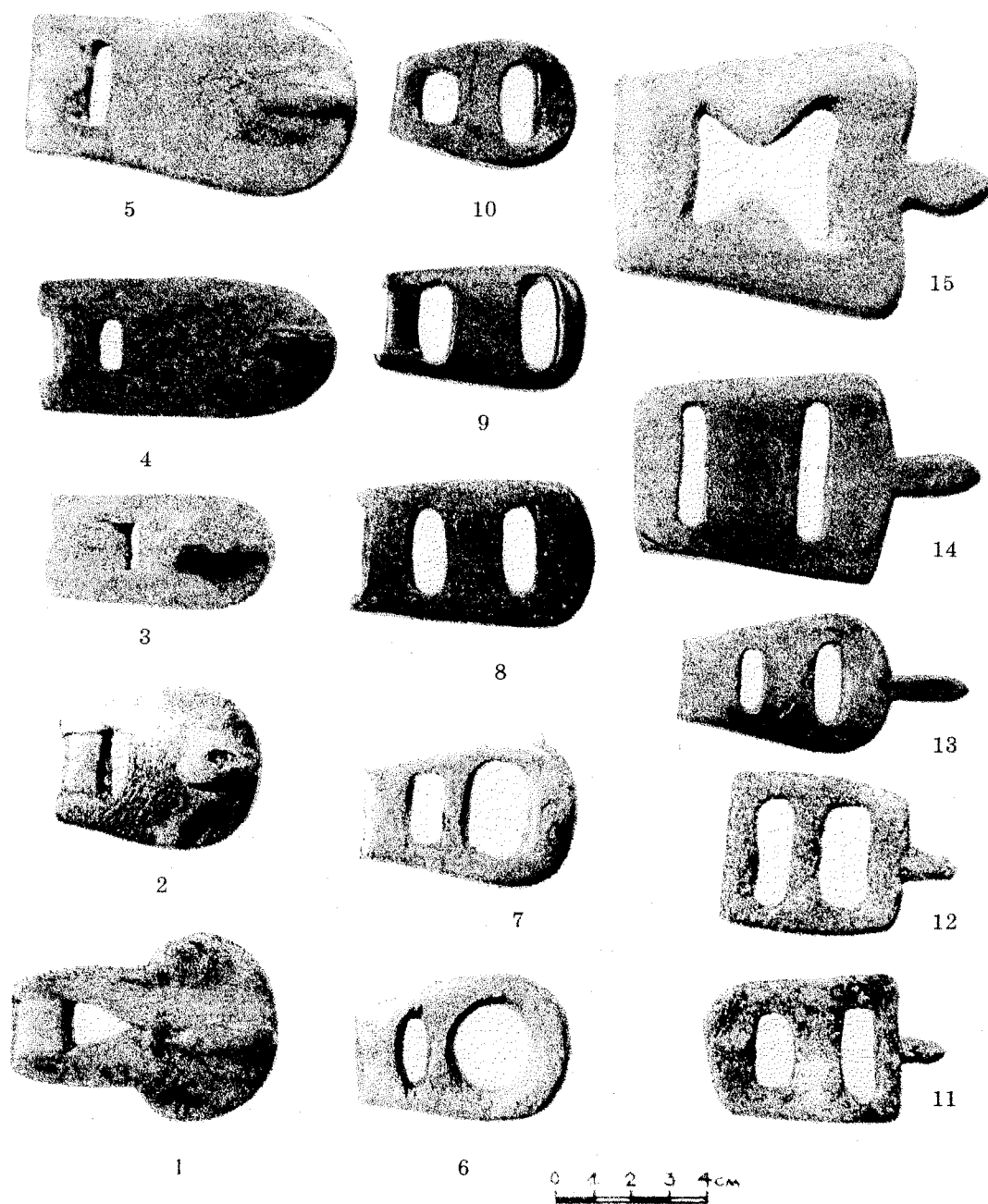

Фото 7. Пряжки с Алтая:

- 1 — Туэкта-1 (2179/854); 2 — Туэкта-1 (2179/853);
 3 — Туэкта-1 (2179/846); 4 — Башадар-2 (1793/56);
 5 — Туэкта-1 (2179/850); 6 — Башадар, к. 9, 1985 г. (2824/13);
 7 — Туэкта-1 (2179/856); 8 — Башадар-2 (1793/53);
 9 — Башадар-2 (1793/54); 10 — Башадар-2 (1793/55);
 11 — Кок-су I, к. 25 (СК-1031); 12 — Катонский могильник, к. 10 (СК-944);
 13 — Пазырык-2 (1684/434); 14 — Пазырык-4 (1686/140);
 15 — Пазырык-3 (1685/280). 1-2,4-15 — рог, кость; 3 — дерево.
 Хранятся в Государственном Эрмитаже

в одной плоскости с рамкой пряжки: из бронзы — Туэкта-2 (рис. 1.-34) или рога, кости, дерева — Кок-су-1, к. 17; Ак-Алаха I, к. 1; Пазырык-2; Пазырык-4; Пазырык-3 (рис. 1.-35, 39, 50-52). Возможно, более ранние пряжки (Кок-су-1) имели более короткий неподвижный «носик», чем поздние пряжки (Пазырыки — фото 7.-11-15). С V в. до н.э. пряжки с выступающим вперед «носиком» становятся господствующими и бытовали продолжительное время.

С VI в. до н.э. более широко стал применяться способ крепления концов седельных ремней не двумя, а одной пряжкой. В комплексах V-III вв. до н.э. рядом с конем обычно лежит всего одна седельная пряжка. В VI в. до н.э. наряду с пряжками с крючком использовались также и так называемые «блоковидные» пряжки — Туэкта-1, Башадар-2 и др. (рис. 1.-24, 30). Эти плоские, без крючков пряжки, с двумя подпрямоугольными прорезами, представляли, вероятно, другой вариант крепления и подтягивания ремней седла (фото 7.-6-10). Такая форма пряжек бытовала несколько веков.

Во второй половине VI в. до н.э. появились высокие подпрямоугольные пряжки с малым верхним вырезом для ремня подпруги и большим нижним отверстием с загнутым внутрь шпеньком для закрепления ремня (Туэкта-2 — рис. 1.-36). Близкие по форме пряжки были найдены в кургане № 2 Уландрыка-IV, который датируется первой половиной V в. до н.э. (рис. 1.-37 — по Кубареву, 1987, табл. LXXIII.-13, относимого им к III в. до н.э., там же с. 132). В дальнейшем два отверстия на этой форме пряжек сливаются в одно с таким же загнутым внутрь шпеньком — Уландрык-V, курган № 1 и Ташанта-II, курган № 1 (рис. 1.-38; Кубарев, 1987, с. 282 и 289) или выступающим вперед носиком — первая половина V в. до н.э. — Ак-Алаха-1, курган № 1 (рис. 1.-39; Полосьмак, 1994, рис. 68) и бытуют наряду как с роговыми пряжками с двумя отверстиями и выступающим вперед носиком, так и с такими же пряжками из бронзы (рис. 1.-35, 34). Иногда пряжки такой же формы использовались для застегивания пояса человека — Уландрык-IV, курган № 3, середина V в. до н.э. (см. Кубарев, 1987, с. 277, 132) и позднее. В последней четверти V в. до н.э. (Пазырык-3) отмечена еще одна переходная форма — массивная роговая пряжка, у которой два отверстия в средней части соединены между собой довольно узким «проходом» (рис. 1.-52). Позднее в такие прорезы, вероят-

но, вставляли подвижный «язычок» и убрали передний «носик» (или сделали переднюю часть пряжки более заостренной).

В более западных от Алтая регионах с V-IV вв. до н.э. известны пряжки-сюльгамы для одежды, округлой формы с подвижным «язычком», типа найденных в кургане № 29/21 у с. Мастюгино; в курганах №№ 1 и 11 урочища «Частые курганы» [Либеров, 1965, рис. 2.-55, 163; табл. 24.-66]; в Толстой могиле [Мозолевский, 1979, с. 124, рис. 106.-6, с. 196] и других памятниках. С IV в. до н.э. в Скифии использовались бронзовые и железные пряжки подквадратной и подпрямоугольной формы (со шпеньком-запонкой или отогнутым вперед крючком, а не с подвижным «язычком»), близкие по форме к пряжкам гунно-сарматского времени [Ильинская, 1973, с. 61, рис. 12.-5; Мозолевский, 1979, с. 33, рис. 18.-1, 6; с. 41, рис. 24.-3, 4]. Возможно, подвижный «язычок» на алтайских пряжках появился после походов Александра Македонского в Переднюю и Среднюю Азию — конец IV в. до н.э. или после гуннского вторжения II в. до н.э. Этот вопрос пока остается открытым в связи со слабой изученностью памятников III-II вв. до н.э.

Роговые пряжки с двумя отверстиями и выступающим «отростком-носиком» найдены в захоронениях коней гуннского времени на Алтае — в курганах №№ 15 и 23 могильника Усть-Эдиган [Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, с. 130-143]. Пряжки-застежки для пояса человека, близкие по форме, но меньшие по размерам, обнаружены в могилах тесинского этапа на Енисее [Шшеницына, 1980, с. 73, рис. 48.-29, 21], на Иволгинском городище в Забайкалье при раскопках А.В. Давыдовой и многих других местах⁵. Так постепенно осуществлялся переход к квадратным, подпрямоугольным и круглым пряжкам гунно-сарматского времени.

В заключении следует отметить, что за последние 10-15 лет материалы по рядовым памятникам Алтая VIII-V вв. до н.э. значительно увеличились, особенно число объектов раннескифского времени. Ныне может быть поставлен вопрос о памятниках переходного типа от майэмирского к пазырыкскому этапу на Алтае, археологических объектах второй половины VII — первой половины VI вв. до н.э. Эта проблема может быть рассмотрена на позднемайэмирских памятниках типа Бойтыгема-II (раскопки М.Т. Абдулганеева), Измайловки (раскопки А.С. Ермолаевой), местонахождения Вакулиха (работы В.Б. Бородаева, А.А. Тишкина и др.) — с одной стороны, а

с другой стороны — на памятниках раннепазырыкского времени типа больших и малых курганов в Башадаре и Туэкте (раскопки С.И. Руденко, С.В. Киселева и Л.С. Марсадолова), Маймы-ХІХ (раскопки С.М. Киреева), Кайнду (раскопки Н.Ф. Степановой и Ю.Т. Мамадакова) и др. Вероятно, важным хронологическим рубежом при разграничении этих памятников будет период около 585 г. до н.э. — времени ухода больших отрядов кочевников из Передней Азии и появления на Алтае нового этноса с иным обрядом захоронения человека с конем, иной ориентировкой погребенных (вместо ранней северо-западной ориентировка меняется на восточную), иным способом более рационального крепления конского снаряжения (не привязывания псалиев к окончанию удил, а продеванию в большое кольцо) и других признаков (см. Марсадолов, 1996, 1997).

Обычно в периоды нестабильности военной обстановки появляется большое число кладов. Возможно, именно такими обстоя-

тельствами объясняется появление кладов в Майэмире и Штабки при вторжении майэмирцев на Алтай в первой половине VIII в. до н.э. или при появлении ранних пазырыкцев в первой половине VI в. до н.э. — «кладов» типа Вакулихи и Измайловки в Западном Алтае. Возможно, пазырыкцы вначале дошли до центральных районов Тувы и с этим связано появление «кладов» в Алды-Беле-І⁶ и других местах (не исключено, что это было одной из разновидностей погребального обряда человека с конем, когда уздечка заменяла целого коня, якобы положенного на краю ямы с человеком) или частично майэмирское население Алтая ушло в Туву. Одним из главных критериев при выделении переходных памятников останется конское снаряжение, способ погребения человека с конем (наряду с другими не менее важными элементами погребального обряда, антропологическим типом населения, керамикой, украшениями и прочими категориями предметов)⁷.

Примечания

¹ Данное исследование проводилось при поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда (Проект №94-06-19341-А)

² В могильнике Бойтыгем-II предварительно намечается следующая последовательность сооружения курганов. Расположенный в восточной половине могильника курган № 19, вероятно, был сооружен ранее кургана № 2. Возможно, курган № 2 Бойтыгема-II — один из самых поздних объектов майэмирского этапа или ранних памятников туэктинско-пазырыкского времени на Алтае. Форма бронзовых пряжек из этого памятника с «Г»-образным крючком больше характерна для памятников последующего времени и не встречается среди ныне найденных предметов майэмирского этапа на Алтае (см. далее).

³ По своим размерам курган № 6 могильника Джолин-I гораздо больше курганов №№ 7 и 8, расположен южнее и сооружен раньше их. В соседнем кургане № 7 было найдено бронзовое зеркало с ручкой-петелькой в центре диска (Кубарев, 1991, табл. LXIX.-2), такое же как и в кургане № 1 могильника Юстыд-XXII [там же, табл. LXIV.-7], в котором другое зеркало со стилизованной головой грифона, несомненно, датируется VI или началом V вв. до н.э. Бронзовые зеркала без бортика, с центральной ручкой-петелькой появляются на Алтае в VII в. до н.э. или еще раньше — курган № 19 могильника Бойтыгем-II [Абдулганеев, 1994, с. 41, рис. 3.-1] и др. Кинжалы, чеканы, зер-

кала из могильников Джолин-I и Юстыд-XXII близки между собой. Отметим также, что сосуд из кургана № 7 Джолин-I близок по форме и орнаментации к сосуду из кургана № 22 могильника Юстыд-XII (сравни Кубарев, 1991, табл. LI.-24 и LXIX.-1), который датируется V в. до н.э., возможно, концом VI в. до н.э. А для соседних курганов №№ 21 и 23 Юстыда XII были получены одинаковые радиоуглеродные даты — 2350±40 лет, «т.е. они относятся к 400 г. до н.э.» [Кубарев, 1991, с. 133]. С учетом калибровочных радиоуглеродных поправок (с достоверностью 2 сигмы=95% — даты лежат в интервале 530-360 лет до н.э.) и археологических аналогий возраст этих курганов Юстыда-XII может быть определен V или концом VI вв. до н.э.

⁴ Бронзовые пронизки с ромбовидным орнаментом из Карбана-I, к. 5 и Уйгарака, к. 38 близки между собой (сравни Демин, Гельмель, 1992, рис. 4.-7 и Вишневская, 1973, табл. I.-3), что свидетельствует о временной близости этих курганов. Отметим также, что погребальный обряд Карбана-I, к. 5 (небольшой подбой, расположение коней в одной яме с человеком) в целом не характерны для алтайских памятников, а чаще встречаются в юго-западных от Алтая регионах [Марсадолов, 1996, с. 63-71]. Так как в кургане была погребена молодая женщина с разнообразными бусинами, она вполне могла быть иноземкой (из юго-западного от Алтая региона), погребенной по «смешанному» обряду.

- ⁵ К близким выводам, но с другими хронологическими рамками, ранее подошли и другие авторы [Завитухина, 1961, с. 103–106; Членова, 1967, с. 79–80; Савинов, 1975, с. 50–52]. Дальнейшие изменения форм пряжек на Алтае рассматривались в работах С.В. Неверова, Д.Г. Савинова, Ю.Т. Мамадакова, Ю.В. Тетерина и др.
- ⁶ В могильнике Алды-Бель-I, курган № 21, найдено два клада с конским снаряжением, в том числе с «У»-образными и двухдырчатыми псалиями, которые находились рядом с разграбленными основными погребениями 3 и 6, совершенными в деревянных срубах и, судя по непотревоженным костям ног, погребенные там были ориентированы головой на восток (также как и в кургане № 20, погребение 8), т.е. по обряду характерному для пазырыкцев и не свойственному основному населению Тувы VIII–V вв. до н.э. (с основной северо-западной ориентировкой). По инвентарю, обнаруженному в вышеуказанных комплексах, (см. Грач, 1980, с. 125, 219–221) эти два кургана можно датировать рубежом VII–VI вв. до н.э. или первой половиной VI в. до н.э.
- ⁷ Список работ, использованных в данной статье, частично вошел в библиографию Л.С. Марсадолова и А.А. Тишкина, помещенную в этом сборнике.

Раннескифская упряжь VII — нач. VI вв. до н.э. по материалам погребения на р. Чарыш

Летом 1993 г. в ходе строительства дороги между селами Сентелек и Машенка Чарышского района Алтайского края обнаружен курганный могильник, получивший название Машенка-1 [Шульга, 1994; Демин, Шульга, 1995]. Расположен он у склона горы по краю узкой правобережной террасы р. Чарыш, в месте впадения маленькой речки Кедровая (рис. 1.-1,2,3). Проведенные в этом же году аварийные раскопки выявили остатки нескольких погребальных и поминальных сооружений, в том числе и кургана № 1, содержавшего захоронение конца VII — нач. VI вв. до н.э. Судя по сохранившемуся непо потревоженным участку насыпи (рис. 2), вокруг могильной ямы кургана № 1 было возведено кольцо из вертикально или под углом установленных плит размерами до 60×58×14 см. Они лежали под углом к центру и можно предположить наличие невысокой земляной насыпи. Примерный диаметр кольца — 8–10 м. В его пределах, в сохранившемся слое гумусированной глины (гумус был почти полностью срезан бульдозером) найдено большое количество мелких углей, обломки костей мелкого рогатого скота (рис. 2). Могильная яма размерами в верхней части 240×120 см перекрывалась в два слоя плитами: тремя уложенными продольно на уровне материка, и еще двумя на 25–35 см выше. Последние, очевидно, до просадки заполнения могильной ямы находились на поверхности земляной насыпи. Ориентация ямы меридиональная (рис. 2; 3). Среди плит найдено несколько обломков костей мелкого рогатого скота, в том числе один кальцинированный, угольки и фрагмент керамики с елочным орнаментом (рис. 4.-6). На глубине 70–76 см от уровня материковой глины расчищены костяки лошади и барана в положении на животе с подогнутыми ногами, головами на север (рис. 3). От дна ямы их отделял слой слабогумусированной глины мощностью 8–14 см, представлявший собой своеобразную ступеньку. У западной стенки могильной ямы выявлен заслон из двух рядов плит, прикрывавших подбой с захоронением женщины. Плиты заслона имели размеры от 80×55×3 см до 100×47×13 см и были ус-

тановлены не на дно могилы, а на плотно утоптанную подсыпку (ступеньку) (рис. 3). Высота подбоя 60–65 см, размеры по дну — 190×70 см, глубина от уровня материка — около 85 см. В древности перед установкой плит он был полностью забит материковой глиной с незначительной примесью гумуса и вкраплениями углей, что обеспечило хорошую сохранность костяка молодой женщины 20–25 лет, уложенной на спину, вытянуто, головой на север (все антропологические определения сделаны С.С. Тур). Руки умершей лежали вдоль тела ладонями вниз, пальцы подогнуты (рис. 3). В 10 см к востоку от черепа и у пальцев левой руки лежали две необработанные сланцевые плитки, по материалу аналогичные плитам заслона. В районе пояса с правой стороны, частью под тазовой костью находились остатки сумочки из тонкой кожи, подшитой изнутри материей, с костяной бусиной наверху (рис. 3; 4.-1,4). В сумочке находилось крупное бронзовое зеркало диаметром 15,5 см с бортиком и петелькой с тыльной стороны, украшенной косыми насечками (рис. 4.-1,2); треснувшая и несколько разошедшаяся костяная трубочка длиной 5,5 см (рис. 4.-1); костяной (роговой?) гребень (рис. 4.-1,3); подтреугольный в сечении обработанный кусок дерева (рис. 4.-1,5); перехваченный ремешком кожаный мешочек размерами 4×3,5 см с красной краской (охрой) (рис. 4.-1) и кусочки черной краски.

Наиболее примечательной находкой в к. № 1 являются остатки упряжи в сопроводительном захоронении. Лошадь была оседлана и взнуздана. От ремней упряжи сохранились полоски черного тлена, унизанные многочисленными бронзовыми кольцами-пронизками (всего 128 шт.). От седла (?) сохранился мощный слой тлена без каких-либо блях и накладок, поэтому его конструкция и размеры не устанавливаются. Слева от скопления тлена прослежены остатки палочки диаметром около 1,5 см, длиной не менее 30 см (от кнутовища или палочки типа крепившейся слева к седлу из Пятого Пазырыкского кургана [Руденко, 1953, рис. 128]). Ремни узды на правой стороне морды лошади

были порваны и растащены грызунами в могиле и за ее пределами еще до того, как успели перегнуть. В первоначальном положении сохранились три пронизки у верхнего конца правого псалия и смещенный в сторону фрагмент суголового ремня длиной 21 см с 13 кольцами-пронизками и вторым малым распределителем. Грызунами же были смещены наносная подвеска с прилегающими к ней с двух сторон на сохранившемся ремне двумя малыми кольцами-пронизками (рис. 5.-3,4) и налобная бляха (рис. 5.-6). Узда на левой стороне черепа осталась непо потревоженной. Здесь удалось проследить размеры и места соединения ремней оголовья (рис. 8.-1). Из-за отсутствия украшений на поводе (чумбуре?), этот ремень фиксировался только на отрезке 4-5 см от удил. Ремни нагрудника и надхолковые пострадали незначительно и реконструируются полностью (рис. 9,1).

Описание упряжи. 1. Узда (рис. 7.-4; 8.-1,2). Набор бронзовых принадлежностей узды (металлической фурнитуры) состоял из находившихся во рту лошади удил со стремчовидными окончаниями и вставленными в них У-образными псалиями (рис. 8.-1; 6.-1-3), наносной подвески (рис. 8.-1; 5.-3,4), налобной бляхи (рис. 8.-1; 5.-6), трех малых распределителей (четвертый не найден) (рис. 8.-1; 5.-10), одной малой пуговицеvidной пронизки-застежки (рис. 8.-1; 5.-9) и 57 малых однотипных ребристых колец-пронизок с отверстиями диаметром 7-8 мм (рис. 8.-1; 5.-12). С учетом недостающих с правой стороны черепа малых колец-пронизок, их общее число первоначально составляло около 78 штук. На пронизках и распределителях узды и нагрудника хорошо видны литейные швы, которые подтачивались инструментом типа небольшого напильника (надфиля). Изделия шлифовались — на них видны бороздки, оставленные, по-видимому, использованным для этого мелким песком. Некоторые малые пронизки распались пополам по литейным швам. На распределителях литейные швы проходят по центрам столбиков, в результате два малых распределителя распались по швам на верхнюю и нижнюю половины. Лицевые (верхние) части больших и малых распределителей, щитки больших и малых застежек имеют характерные округлые углубления (лунки). От каждой лунки отходит по одному рельефному валику (рис. 5.-7-10), на щитках застежек валик выходит на заостренную часть, повернутую в рабочем положении к месту соединения ремней (рис. 5.-8,9; 9.-1,2,3,5).

Все это обилие бронзовых предметов узды (изначально около 89 шт.) крепилось на ремнях оголовья или при их помощи. Исследователи называют эти ремни по-разному, а потому необходимо кратко остановиться на используемых терминах. В специальной литературе по данному вопросу нет единства (см. Карташев, 1956, рис. 44; Книга о лошади, 1959, рис. 87 и др.; Гуревич, Рогалев, 1991, с. 128, с. 230 и др.; Коневодство, 1992, рис. 19; Боярский, 1994, рис. 56, с. 80-81; и др.), что в значительной мере обусловлено разнообразием существующих систем упряжи. Не было единства и в XIX в., например, по В. Далю ремень, идущий через затылок лошади от правого до левого окончаний удил назывался «оглавль, нащечный, -ник или круговой, он же щеки» [Даль, 1881, т. 2, с. 643, переизд. М., 1979]. Соответственно и в археологической литературе нет устоявшейся терминологии. Так, М.П. Грязнов называл «круговой ремень» щечным (рис. 7,2; Грязнов, 1950, с. 55, рис. 20), а В.А. Ильинская — нащечными ремнями с «ремнем на затылке» или «затылочным ремнем» [Ильинская, 1973, с. 48], А.И. Мелюкова — нащечным, упоминая и затылочный ремень [Мелюкова, 1981, с. 76, 79, 81]. С.И. Руденко, детально изучивший сохранившуюся упряжь из мерзлотных курганов Пазырыка, Башадара и Туэкты, учитывая устоявшиеся названия (см. рис. 7.-1), аргументированно выделил два суголовных ремня, соединяющихся у темени и два нащечных (участки суголовных ремней от места их перекрестья с ремнем перенося до псалиев) [Руденко, 1953, с. 150-151]. М.К. Кадырбаев вслед за С.И. Руденко называл «круговой ремень» также суголовным, указывая на его щечные части [Кадырбаев, 1966, с. 416]. Хорошо различимые лексически и в натуре налобный и подбородный или же «налобно-подбородный» [Ильинская, 1973, с. 52] ремни обычно определяются одинаково. Для ремня перенося, соединяющего поверху через храп (переносье) суголовные ремни (рис. 7,1-4; Руденко, 1953, с. 151; Даль, 1881, т. 2, с. 440, переизд., М., 1979) в археологической литературе обычно употребляется термин «наносный», что не совсем точно и может приводить к путанице в случае наличия «лыски» (наносника) — ремня, связующего ремень перенося с налобным (рис. 7.-3; Смирнов, 1961, рис. 44.-3; Мозолевский, 1973, с. 220, рис. 31 на с. 221). Неясности вызывает применение для скифской упряжи, используемого и в специальной литературе [Карташев, 1956, рис. 44; Коневодство, 1992, рис. 19; и др.] понятия

«намордный ремень» [Кадырбаев, 1966, с. 314], которое может трактоваться как ремень, охватывающий морду коня сверху и снизу (см.: Руденко, 1953, с. 150). Между тем исследователи обычно четко разграничивают ремень переносья (наносный) и подгубный [Руденко, 1953, с. 151; Ильинская, 1973, с. 60; и др.].

Во избежание возможных разночтений приводим краткое описание оголовья из Машенки как системы ремней, при помощи которых удила и псалии удерживались в надлежащем положении.

Ремни оголовья (рис. 7,4). **Суголовые ремни.** Правый и левый суголовые ремни, начинаясь от верхних окончаний псалиев, напрямую через два распределителя с переносным и налобно-подбородным ремнем выходили на затылок к месту их соединения (рис. 7.-4; 8.-1). Если следовать схеме С.И. Руденко, то участки между псалиями и местом перекрещивания суголовных и переносного ремней нужно называть нащечными ремнями, хотя выделение это достаточно условно. **Ремень переносья** соединяет через храп (переносье) суголовые ремни и своими щечными частями выходит на нижние окончания псалиев (рис. 7.-4). **Налобный и подбородный ремни** представляли один **налобно-подбородный ремень**, как во втором Башадарском и Первом Пазырыкском курганах [Грязнов, 1950, рис. 11; Руденко, 1953, с. 175, табл. XXXIII,2; Руденко, 1960, с. 70]. Он начинался в 4 см ниже левого суголового ремня, где соединялся застежкой с другим концом, опоясывавшим лоб и ганаш лошади (рис. 7.-4; 8.-1,2).

Нагрудный ремень (подперсье) пристегивался к подпружным ремням слева и справа от седла и поддерживался надхолковыми (холочные, холковые, ремни оплечья) ремнями (рис. 9.-1; 8.-2).

Как показал эксперимент и изучение сохранившихся фрагментов, ремни упряжи в Машенке изготавливались из довольно тонких, хорошо выделанных полосок кожи шириной около 1,5 см (узда) и 2,5 см (нагрудный и надхолковые ремни), что позволяло скручивать их в трубочку диаметром соответственно 7–9 мм (рис. 9,3) и 11–13 мм, чуть большим, чем диаметры отверстий пронизок. Замечательная сохранность основной части пронизок, удила, псалиев, застежек, пряжек и распределителей, сохранивших в некоторых случаях золотистый блеск начищенной бронзы, позволила использовать их при изготовлении копии упряжи в натуральную величину из кожаных ремней. В резуль-

тате удалось установить ряд особенностей соединения ремней при помощи бронзовых деталей, их назначение.

В зубах лошади в рабочем положении находились двузвенные бронзовые удила со стремечковидными окончаниями (рис. 8.-1). Одно из окончаний имело внутри пешковидную конфигурацию (рис. 6.-3; 10.-18,19). В другом пешковидная форма прослеживается слабее. При этом одна из сторон каждого «стремечка» удила имела соответствующий выгнутый профиль, придающий окончаниям колоколовидную форму. Длина звеньев составляет 9,2–9,4 см. В головки пешковидных отверстий были вставлены отростки У-образных псалиев, снабженные у оснований выступами (рис. 10.-3; 8.-1; 7.-4). Длина псалиев — 12,3–12,5 см (рис. 6.-1,2). Псалии и удила отливались с намерением использования их в одном комплекте с точностью, не позволяющей менять места псалиев относительно окончаний удила. Вставляя отросток во внешнее окончание звена удила, нужно было расположить псалий на бок перпендикулярно оси звена удила, что обеспечивало проникновение уплощенных с боков отростков в «головки» пешковидных отверстий (рис. 6.-1-3; 10.-18,19). При установке в рабочее положение (рис. 10.-19) отростки уже не могли выскочить из «головки», а выступ («шип») у его основания не позволял удилам перемещаться и спадать с отростка. Выступ предназначался для блокировки удила, а не для болевого воздействия «на губу лошади» [Бородаев, 1986, с. 96]. Псалии располагались отростками (развилками) вниз (рис. 8.-1,2; 10.-3). В рабочем положении псалии устанавливались перпендикулярно суголовным ремням, и во избежание перекосов нащечные ремни были одинаковой длины — по 8 см, что зафиксировано во время раскопок (рис. 8.-1), подтвердилось экспериментально и легко проверяется проведением линий по направлениям отверстий.

На подножке «стремечка» левого звена удила сохранились окислы от ремня повода (чумбура?), крепившегося прорезной петлей (рис. 9.-4) — традиционным способом, широко распространенным в раннескифское время в Туве [Грязнов, 1980, рис. 16.-4,5], Центральном Казахстане [Кадырбаев, 1966, рис. 26.-7] и позже в пазырыкской культуре VI–II вв. до н.э. [Кубарев, 1987, табл. XXXII,2; табл. XXXIV,1 и др.]¹. В верхних окончаниях псалиев, оформленных в виде малых колец-пронизок с диаметром отверстий 7 мм крепились концы **суголовных ремней**. Судя по

сохранившейся узде на левой стороне черепа, от верхнего окончания псалия до распределителя с ремнем переносья имелось по четыре стандартных малых уздечных кольца-пронизки с внутренним диаметром около 7 мм, длина этого отрезка ремня 8 см (рис. 8.-1). Расстояние между пронизками равно ширине кольца. Пройдя по прямой через распределители с ремнем переносья, суголовные ремни через 22 см (от первого распределителя) перекрецивались с налобно-подбородочным. На этом отрезке находилось 12 пронизок с интервалом в ширину двух колец (10-13 мм). За вторым распределителем по направлению к затылку левый ремень прослежен на 12 см. Его первые 6 см были украшены пятью пронизками с интервалом в ширину кольца (рис. 8.-1). Поскольку суголовные ремни при погребении лошади были натянuty, а ворворки не имелось, то можно предположить, что они связывались узлом (рис. 7.-4; 8.-2), или ворворка была перемещена грызунами за пределы могилы.

Ремень переносья, связывавший нижние окончания псалиев, на левой стороне проходил через пронизковидное отверстие в отростке псалия и поднимался вверх до пересечения с суголовным. Общая длина отрезка до первого распределителя — 8 см. Участок от отростка до распределителя, который может называться нащечным ремнем, был украшен тремя пронизками с интервалом в ширину кольца (рис. 8.-1). На самом переносье ремень был порван грызунами и наносная подвеска с двумя прилегающими пронизками смещена. Здесь на тлене ремня расчищено 10 равномерно размещенных пронизок (рис. 8.-1). Всего же до подвески их было 11 штук, а длина этого участка составляла около 12 см (рис. 8.-1,2). Очевидно, аналогичным образом располагалась и украшалась вторая половина ремня на правой стороне черепа лошади (рис. 7.-4).

Налобно-подбородный ремень начинался узлом, в четырех сантиметрах ниже места его пересечения с суголовным (рис. 8.-1,2; 7,4). В самом его начале, удерживаемая, по-видимому, узлом от спадывания, находилась малая пронизка-застежка с сердцевидным щитком на стойке (рис. 8.-1; 5.-9). Заостренным краем щиток был повернут вниз к месту соединения со вторым концом налобно-подбородочного ремня (рис. 8.-1). Этот конец украшался тремя пронизками и имел, очевидно, прорезь для надевания на пронизку-застежку (рис. 9.-2,3). Необходимо отметить, что большие пронизки-застежки, фик-

сировавшие концы нагрудных ремней, также были повернуты острыми концами в сторону надеваемого на них ремня (рис. 9.-1,5). Для соединения ремней застежка поворачивалась на 90° и продевалась в прорезь другого конца ремня острым концом щитка, после чего поворачивалась в свое первоначальное положение, надежно замыкая место соединения (рис. 9.-3,2). Несомненно, здесь отражен существовавший в раннескифское время принцип застежки, уже описанный нами на примере соединения удила с пешковидным отверстием и У-образных псалиев (рис. 10.-18,19). То, что застежку необходимо было поворачивать, подтверждается отсутствием на прилегающих участках ремня колец-пронизок, которые бы препятствовали его сгибанию под прямым углом (рис. 8.-1; 9.-3). Налобный ремень украшался по центру бронзовой бляхой и двумя кольцами-пронизками по одному у распределителей (рис. 8.-1,2). Лицевая выпуклая часть бляхи имела несколько вытянутую в плане форму 3,6×3,4 см. С тыльной стороны на шпенье находился круглый щиток диаметром 1,6 см. В отличие от всех предметов из набора, используемых со свернутым в трубочку ремнем, налобная бляха своим нижним пуговицевидным щитком могла быть вставлена в прорез плоского ремня, для чего в этом месте ремень нужно было развернуть. Очевидно, две пронизки были на ремне по обеим сторонам распределителя на правой разрушенной стороне (рис. 7.-4). На нижней части подбородочного ремня пронизок не было, за исключением трех уже описанных. Самый конец его длиной около 5 см, думается, был плоским, разрезался по длине примерно на 2 см для пристегивания к верхнему концу (рис. 9.-2,3).

Все найденные распределители однотипные (рис. 5.-10), относятся к малым, предназначенным для довольно тонких, скрученных в трубочку ремней (рис. 9.-3). Боковые отверстия овальные, вытянуты сверху вниз, размерами чуть больше диаметра колец и ремней — 8×9 мм.

Сборка ремней оголовья, очевидно, начиналась с размещения пронизок и распределителей на суголовных ремнях, после чего в заранее определенных местах через распределители пропускались переносный и налобно-подбородный ремни с уже набранными по заранее продуманной схеме пронизками, подвеской и бляхой. Только после этого концы суголовных и переносного ремней крепились узелками в псалиях. Окончательная подгонка узды могла производиться только

по морде конкретной лошади, так как необходимо было отрегулировать длины ремней и определить места их соединения. Ремни в местах перекрещивания сохранились плохо, но они, несомненно, скреплялись между собой, как это имело место на пазырыкской упряжи [Руденко, 1953, рис. 104,6]. В противном случае при нагрузке происходило бы смещение ремней относительно друг друга и перекашивание узды и псалиев. Соединение могло производиться при помощи тонкого кожаного ремешка, пропускаемого через проделанные отверстия в ремнях на месте перекрестья. Отверстия в основании распределителей (рис. 5.-7,10), видимо, служили для пропуска этого ремешка, а также для уминания отведенного кверху суголовного ремня при продевании в распределитель поперечных — переносного или налобно-подбородного (рис. 9.-3). Поскольку ремни в распределителях не сохранились, было бы вполне логично предположить и другой способ их соединения — при помощи «подвижных узлов» [Ильинская, 1968, с. 104, рис. 27]. Однако экспериментально проделать такую операцию с туго скрученными ремнями не удалось. Необходимо подчеркнуть, что малые распределители не могли выдержать значительных нагрузок и выполняли прежде всего роль украшений, прикрывающих места соединения ремней, как это было в более поздней пазырыкской упряжи.

Нагрудник. Система соединения и особенности нагрудного и надхолкового ремней реконструируются почти полностью (рис. 9.-1). К сожалению, из-за вырванного грызунами участка у центральной нагрудной подвески мы не можем точно определить длину нагрудного ремня. Расстояние от застежек нагрудного ремня до подпружных ремней также не устанавливается, и может быть определено лишь предположительно. По этой причине мы не можем исключить и другого способа крепления нагрудника — непосредственно к седельным подушкам, как это было зафиксировано в Туэктинских курганах сер. VI в. до н.э. [Руденко, 1960, с. 129]. Этот участок не украшался кольцами-пронизками и ремень был, очевидно, плоским (рис. 9.-5). Обнаружены две большие застежки и два распределителя, отличающиеся от уздечных лишь более значительными размерами (рис. 5.-7; 9.-1), рассчитанными на скрученный в трубочку ремень диаметром около 10–12 мм. Соответствующий диаметр имеет и отверстие центральной подвески. Все найденные здесь в количестве 71 штуки кольца-

пронизки стандартны (первоначально их было не менее 80 шт.), с ребром, отличаются от малых уздечных лишь размерами — их внутренний диаметр около 10 мм (рис. 5.-11). С левой стороны нагрудника в 9 см от распределителя между седьмой и восьмой пронизками находилась подвеска из добавочной фаланги лошади или лося [Демин, Гельмел, 1992, рис. 4.-10,11 на с. 174; Тишкин, 1996, с. 24] с отверстием в центральной части (рис. 5.-13; 9.-1). Еще одна такая подвеска лежала неподалеку (рис. 5.-14). Расстояние между пронизками с левой стороны нагрудника и надхолкового ремня было в ширину кольца (около 8 мм) или чуть меньше. На правой стороне оно было больше — до 10 мм. Застежки-пронизки находились в 5 см от правого и левого распределителей, их щитки приостренной частью были направлены в сторону подпружных ремней (рис. 9,1). Судя по остаткам глена и аналогиям, застежки крепились несколько иначе, нежели на узде. Поскольку основным назначением нагрудника являлось предотвращение сползания седла или чепрака на круп лошади, то крепление застежки рассмотренным в узде способом (рис. 9.-2,3) не могло выдержать больших нагрузок. Наиболее вероятно, что ремень, на котором находилась закрепленная дополнительно застежка, продевался в прорезь подпружного ремня, перегибался и разрезанным окончанием надевался на щиток застежки уже описанным выше способом (рис. 9.-5). Такого типа соединение зафиксировано в пятом Пазырыкском кургане [Руденко, 1953, рис. 104,а,б] и, судя по рисункам, в кургане № 2 под Солонечным Белком в Восточном Казахстане [Руденко, 1930, фиг. 4,8; Руденко, 1960, табл. XIX,3-5]. Как в Пазырыкских курганах, прорезь в подпружном ремне могла усиливаться несохранившейся кожаной накладкой, заменявшей бляху из кости (рис. 9.-5) [Руденко, 1953, с. 210, рис. 99]. Надхолковых ремней было два. Как в курганах пазырыкской культуры, они, видимо, завязывались или сшивались (рис. 9.-1) [Руденко, 1953, с. 164; Грязнов, 1950, с. 57], так как застежек от надхолковых ремней не обнаружено. Длина надхолковых ремней была близкой установленной в Первом Туэктинском кургане [Руденко, 1960, с. 129] — примерно 70 см. Крепились они к нагрудному через распределитель. Один конец каждого надхолкового ремня поднимался вверх, а другой завязывался узелком под распределителем, при этом между узелком и распределителем помещалось по одной про-

низке (рис. 9.-1). На правом и левом (?) ремешках выше распределителя было по 10 пронизок. Расстояние от места крепления надхолкового ремня до подпруги в раннескифских погребениях неизвестно. В сравнительно поздних курганах пазырыкской культуры (Пятый Пазырыкский курган) по заниженным (?) данным оно равнялось 15–20 см [Руденко, 1953, с. 164]. В ранних — Первом Пазырыкском (середина V в. до н.э.) и Первом Тузуктинском (около середины VI в. до н.э.) — значительно больше — до 30–36 см от седельных покрышек [Грязнов, 1950, рис. 6–10; 12–16; Руденко, 1953, рис. 109; Он же, 1960, с. 129]. Реконструкции М.П. Грязнова подтверждаются находками изображений лошадей скифского времени [Руденко, 1953, табл. ХСV; Бородовский, 1988, рис. 1.–3]. В машинском кургане участок от места крепления надхолкового ремня до подпруги был не менее 40 см (рис. 9.-5). Подхвостный ремень не зафиксирован. Подпругные пряжки были несколько смещены, но по имеющимся аналогиям пряжка со шпеньком должна была находиться выше и крепиться к верхнему подпругному ремню на левой стороне от седла.

Итак, узда лошади из могильника Машенка-1 состояла из следующих ремней (рис. 7.-4; 8.-1): двух суголовных, нащечных, ремня переноса и налобно-подбородного. Подгубный ремень отсутствовал. К седлу пристегивался нагрудник, поддерживаемый двумя надхолковыми ремнями. Подпругные ремни соединялись при помощи двух пряжек со шпеньком и без него.

Анализ раннескифских бронзовых наборов упряжи VII — нач. VI вв. до н.э. убеждает в том, что отливались они обычно комплектами и лишь позднее из-за утери или поломки некоторых деталей пополнялись другими. Сохранность неразрозненного машинского комплекта делает его эталонным при рассмотрении наборов в виде приклада упряжи или сопровождающих черепа и шкуры лошадей, когда достоверно установить назначение той или иной детали не всегда возможно.

Конструктивная близость раннескифских узд определяла схожесть бронзовых наборов, наиболее близких (до тождества) в восточной части степного пояса Евразии. Помимо удил и псалиев на Саяно-Алтае и в Средней Азии хорошо вычленяются основные детали упряжи: 1. четыре распределителя от узды; 2. два распределителя от нагрудника, иногда отличающихся большими размерами; 3. одна

налобная бляха; 4. одна или две подвески (наносная и нагрудная); 5. застежка подбородного ремня и две застежки от нагрудника; 6. ворворка для скрепления на затылке суголовных ремней; 7. пронизки малые от ремней узды и большие от ремней нагрудника; 8. чумбурные блоки и некоторые другие сравнительно редко встречающиеся детали, в число которых входят и застежки надхолковых ремней.

При этом нужно учитывать полифункциональность ряда изделий. Так, полусферические или плоские бляхи со щитком на стержне могли служить украшением налобного и нагрудного (?) [Вишневская, 1973, с. 107] ремней, а также фиксировать и прикрывать перекрестья ремней [Кадырбаев, 1966, с. 335, рис. 28,2]. Маленькие блоки могли применяться как чумбурные, для предотвращения провисания повода и чумбура [Руденко, 1960, с. 81] и для соединения подбородных и надхолковых ремней [Ильинская, 1973, с. 52, 62; рис. 6.-3; 5.-2]. Детали набора из к. № 28 раннескифского могильника Уйгарак из Приаралья, вызывавшего затруднения при определении их функционального назначения [Вишневская, 1973, с. 108–109, табл. X, 10–19], на наш взгляд, не разрозненны, а представлены в комплекте, включающем вещи от узды и нагрудника. Две крупные бляхи [Вишневская, 1973, табл. X, 13], очевидно, соединяли нагрудник с двумя надхолковыми ремнями. Сюда же относятся и две меньшие бляхи с круглыми петлями на обороте — это застежки для крепления двух концов нагрудника к подпругным ремням [Вишневская, 1973, табл. X, 19]. Бляшка с уплощенной петлей [Вишневская, 1973, табл. X, 18] служила застежкой подбородного ремня. Четыре малые бляхи с круглыми щитками на обороте крепились в местах перекрестий переносного и налобного ремней с суголовным, одна служила налобной. В к. № 30 также имеются два крупных распределителя от нагрудника и 4 мелких — от узды [Вишневская, 1973, с. 110, табл. XII]. Вышеописанная схема позволяет уточнить месторасположение деталей конского убора в Центральном Казахстане. В кургане № 19 могильника Тасмола I по обеим сторонам черепа лошади, уложенного в могилу, очевидно, вместе со шкурой, найдены четыре распределителя, украшенные спиральным орнаментом [Кадырбаев, 1966, рис. 4.-3; рис. 5.-2–5, с. 314], маркирующие места перекрестий переносного и налобно-подбородного ремней с суголовными. Справа от черепа

лошади находился скрученный в трубочку ремень «повода или, точнее, чумбура», украшенного бочонковидными пронизками, бляшками и подвеской [Кадырбаев, 1966, с. 314]. Судя по описанию, опубликованным вещам и плану погребения [Кадырбаев, 1966, рис. 4–5, рис. 7–8], можно заключить, что «чумбур» является нагрудником, украшенным сотней бронзовых пронизок [Кадырбаев, 1966, с. 417] с центральной (?) подвеской в виде морды лося. В местах соединения нагрудного и надхолковых ремней могли находиться рассчитанные на круглые ремни два цилиндрических распределителя, пуговицевидная бляшка-застежка и полусферическая бляшка с круглым щитком на стержне [Кадырбаев, 1966, рис. 8.–1, 5, 7, 8] — предназначались для соединения нагрудника с подпружными ремнями. Застежка с плоской петлей на стержне и спиралевидным орнаментом [Кадырбаев, 1966, рис. 8, 10], очевидно, шла в комплекте с распределителями узды (также рассчитанными на плоские ремни) и скрепляла подбородный ремень. Крупная плоская бляха со щитком на стержне [Кадырбаев, 1966, рис. 8, 20] украшала налобный ремень. Подобные реконструкции возможны по кургану № 1 (мог. Тасмола 1) и многим другим в Казахстане, на Алтае и в Туве. Например, в к. № 1 из могильника Элекмонар-2 (Алтай, средняя Катунь), среди костей сопроводительного конского захоронения найдено шесть однотипных распределителей, четыре пуговицевидные бляшки со щитками на стержнях [Степанова, 1996, рис. 3] и другие предметы. Несмотря на смещения, можно считать, что четыре распределителя происходили от узды, а два — с мест пересечения нагрудного и надхолковых ремней. Две пуговицевидные бляшки служили застежками нагрудника, две другие могли использоваться как застежки суголовных и надхолковых ремней. В других комплексах такие бляшки со щитками на стержне применяются и для жесткой фиксации ремней упряжи в месте их пересечения. «Крючок» в виде стилизованной головки орла находился на месте нагрудной подвески. При этом следует иметь в виду происходившую разуклоплектацию наборов, неизбежные территориальные и хронологические различия, иллюстрируемые многочисленными вариантами бытовавшей чуть позже пазырыкской упряжи середины — второй половины VI в. до н.э. (Башадар, Туэкта и др. курганы).

Машенская находка позволяет решить или поставить ряд других вопросов, связан-

ных с конской упряжью. Остановимся на кольцах-пронизках. Зачастую их находят вместе с остатками потревоженных узд, разрозненно, без ремней. По-видимому, отсюда возникло мнение о том, что эти «колечки укрывали ремни поводов и должны были мелодично звенеть» [Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, с. 41]. Во всех известных автору случаях нахождения их на ремнях пронизки не могли перемещаться, так как плотно надевались на ремни и служили для их украшения.

Находка в могильнике Машенка-1 поставила под сомнение верность приведенной М.П. Грязновым реконструкции положения U-образных псалиев в системе ремней оголовья [Грязнов, 1947, рис. 3.–3], повторенной впоследствии В.Б. Бородаевым [Бородаев, 1993, рис. 2.–2]. Как видно из рис. 8.–1, псалии в Машенке расположены развилкой не вверх, как в работе М.П. Грязнова, а вниз. Единственное погребение, где найдены непотревоженными во рту лошади стремежковидные удила с U-образными псалиями — в к. № 2 у Солонечного Белка (Восточный Казахстан), слабо документировано. Однако, из замечания А.В. Адрианова, что «удильный аппарат» (удила с U-образными псалиями — Ш.П.) «служил для твердого управления строптивой лошастью, нажимая ветвями вилки на самое чувствительное место — верхнюю губу» [Адрианов, 1916, с. 27], можно предположить их крепление вверх развилкой. В пользу этого говорит и наличие U-образных псалиев без блокирующего выступа у основания отростка [Грязнов, 1947, рис. 3.–10]. При расположении таких псалиев развилкой вниз (как в Машенке) удила бы сползали по отростку до ремня.

Рассматривая раннескифскую узду, нельзя пройти мимо имеющихся реконструкций с подгубным ремнем и троением нащечных ремней в местах соединения с удилами и псалиями. В восточной части Евразии автору не известны погребения VII–IV вв. до н.э., где бы наличие подгубного ремня не вызывало сомнения. Нет подгубного ремня и в наиболее хорошо сохранившихся пазырыкских уздах, с которыми занимающиеся реконструкциями исследователи обычно соотносят свои материалы (см.: Смирнов, 1961, с. 88–89; Ильинская, 1968, с. 104; Ильинская, 1973, с. 43; Вишневецкая, 1973, с. 107; Мелюкова, 1981, с. 76; Бородавский, 1988 и др.). Поэтому помещение подгубного ремня в реконструкциях В.А. Ильинской и К.Ф. Смирнова [Ильинская, 1973, рис. 6.–1, 3, 4, с. 60; Смирнов, 1961, рис. 44.–5, 6, с. 96], послу-

живших впоследствии образцами в работах многих авторов для восточной части степного пояса не более, чем предположение. Другим, до сих пор — гипотетическим допущением является положение о троении нащечного ремня при соединении с трехдырчатыми псалиями (рис. 7,5) [Грязнов, 1947, с. 9, рис. 3.-1; Галанина, 1983, с. 35; и др.], основанное на ассирийских изображениях [Смирнов, 1961, с. 78, рис. 44.-1,2; Руденко, 1948, с. 14]. Предположение это не подтвердилось, и М.П. Грязнов отказался от прежней точки зрения (сравнить: рис. 7.-6; Грязнов, 1947, рис. 3,1 и Грязнов, 1983, рис. 7.-2). Действительно, троение нащечного ремня в раннескифской упряжи предложенным способом (см.: Грязнов, 1947, рис. 3.-1; Кадырбаев, 1968, рис. 2.-1,2) не имело смысла, так как при этом удила на центральных ремешках почти не фиксировались псалиями и при натяжении повода могли значительно перемещаться в полости рта лошади, сами же псалии также могли сдвигаться. Очевидно, именно этот недостаток в реконструкциях пыталась преодолеть В.А. Ильинская, предположив наличие на щечных ремнях «деревянных развилок или свернутых гармошкой ремней» [Ильинская, 1968, с. 105]. Обеспечить нужную жесткость соединения псалиев и удил при троении нащечного ремня можно было еще одним способом — подтяжкой суголовных ремней. Но это не могло широко практиковаться, так как приводит к повреждению углов рта лошади и к потере управления над ней (см.: Книга о лошади, 1959, с. 166). Тем более не функциональна конструкция, предложенная О.А. Вишневской, где троение производится в двухдырчатых псалиях переходного типа со шпеньком по центру в комплекте из к № 33 со стремечковидными удилами, имеющими дополнительное отверстие (рис. 10,1) [Вишневская, 1973, с. 101]. Возможно, эти удила из другого комплекта и использовались как простые без дополнительного отверстия.

Датировка и особенности упряжи. Погребения, содержащие подобный машенскому инвентарь и наборы украшений упряжи, традиционно относились к VII или VII-VI вв. до н.э. После исследования в Туве кургана Аржан точки зрения исследователей на датировку раннескифских комплексов существенно разошлись. Одни датируют материалы Уйгарака, Тагискена, Тасмолы, Биже, Майэмира, Аржана и др. памятников VIII-VII вв. до н.э. [Грязнов, 1980, с. 61; Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, с. 59, 63; Зуев, Исмаги-

лов, 1995, с. 75; и др.] и даже VIII — первой половиной VII вв. до н.э. [Марсадолов, 1985, с. 10-11; Он же, 1996, с. 54], другие же — VII-VI вв. до н.э. [Чугунов, 1993, с. 169, Членова, 1996, с. 317; Членова, 1997, с. 37]. Разница в датировке одних и тех же памятников достигает 150 лет, что заставляет усомниться в достаточной обоснованности некоторых из упомянутых точек зрения. Не вступая в разворачивающуюся полемику, попытаемся определить место погребения из Машенки в кругу близких ему памятников позднего этапа раннескифской культуры.

До недавнего времени в Туве, на Алтае и в Восточном Казахстане было известно 16 комплектов с У-образными псалиями из 13 пунктов [Бородаев, 1993, с. 152]. Еще два комплекта найдено автором в 1993 и в 1996 гг. по р. Чарыш: в Машенке и у разрушенных курганов близ с. Харлово Краснощековского района Алтайского края (рис. 6.-4,5). Несколько лет назад у с. Кондратьевка в Восточном Казахстане Ю.П. Алехиным найдено еще одно погребение с У-образными псалиями (рис. 1). Исходя из высокой степени сходства комплектов, их малочисленности и узкой территории распространения, В.Б. Бородаев ограничил время их использования полувеком в рамках VII в. до н.э. [Бородаев, 1993, с. 155], с чем можно согласиться, поместив это время в конце VII — начале VI вв. до н.э. Очевидно, к более раннему периоду относит такие удила Н.Л. Членова, связывая их с ирменским могильником VII в. до н.э. [Членова, 1994, с. 20-21], и таким образом синхронизируя У-образные псалии из Суртайки с Аржаном, который она датирует VII-VI вв. до н.э. [Членова, 1996, с. 317; Членова, 1997, с. 27]. В целях разграничения этих явно разновременных комплексов автором были выделены переходные формы псалиев позднего этапа раннескифской культуры [Шульга, 1996]. Поскольку эта публикация имела тезисный характер и содержала не зависящие от автора ошибки, есть необходимость вновь вернуться к вопросу эволюции раннековечнической узды VII-VI вв. до н.э. Ниже предлагается схема изменения в VII-VI вв. до н.э. одного из основных узлов в упряжи верхового коня — удил и псалиев.

В VII — начале VI вв. до н.э. на Саяно-Алтае и в Казахстане наряду с традиционными трехдырчатыми псалиями отмечается большое количество новых способов крепления бронзовых удил и псалиев. Причина появления такого разнообразия узд, очевидно, кроется в их функциональном назначении —

обеспечить наиболее эффективное управление конем в экстремальных ситуациях (война, «спортивная» охота и т.п.). Последнее нужно подчеркнуть, поскольку в быту скотовод мог обходиться очень простой вязаной уздой (см.: Карташев, 1956, рис. 44,а,б), иногда без псалиев или с временными ременными удилами [Кадырбаев, 1966, с. 416; Кадырбаев, 1968, рис. 2.-4,5; Вишневская, 1973, с. 101; Рунич, 1973, с. 163, 166]. Именно в экстремальных ситуациях возникала необходимость применения жестко связанных между собой строгих удил и псалиев. Такая конструкция, в частности, не позволяла лошади закусывать удила и выходить из повиновения.

Наиболее активные поиски новых форм узды, на наш взгляд, велись в середине VII — нач. VI вв. до н.э. в трех направлениях.

1. В Приаралье, а также в Центральном Казахстане и Семиречье (Уйгарак, Тагискен, Тасмола, Биже и др.) эта цель достигалась посредством возвращения к самому раннему, сохранившемуся в Передней Азии, принципу — пропускание удил внутрь псалия (рис. 10.-15; Толстов, Итина, 1966, рис. 8.-3,4,5; Вишневская, 1973, табл. XXVI,8-11; Кадырбаев, 1966, рис. 66.-24 и др.; Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, рис. 1; Бернштам, 1950, табл. XCV,37,38; и др.). Стремление к жесткой фиксации удил и псалиев порождало иногда сложные в изготовлении и ремонте металлоемкие цельнолитые конструкции (рис. 10.-16). Датируя указанные комплексы VII — нач. VI вв. до н.э., мы присоединяемся к существующей точке зрения на них как на последний этап развития местных форм [Вишневская, Итина, 1971, с. 202; Вишневская, 1973, с. 102-103]. Ряд исследователей удревяют эти удила и псалии до второй половины VIII — нач. VII вв. до н.э. [Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, с. 59; Грязнов, 1980, с. 61; Грязнов, 1983, с. 80; и др.], но, за исключением работы К.А. Акишева и А.К. Акишева, сделано это без должной аргументации. Материалы из Биже включают поздние, близкие машенским, изделия: кольца-пронизки нагрудника, распределители, застежку и подвески в виде стилизованной головки орла [Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, рис. 4, 5] и могут датироваться едва ли ранее середины VII в. до н.э.

2. В Восточном Казахстане, Туве и на Алтае распространяются псалии с Т-образным шпеньком и У-образные. Эта конструкция существенно отличалась от традиционной с трехдырчатыми псалиями. Впервые жест-

кость сцепления обеспечивалась помещением отростка псалия (рис. 10.-3) или Т-образного шпенька-застежки вовнутрь удил (рис. 10.-1,2). Окончания удил по-прежнему устанавливаются вертикально, а Т-образный шпенек и У-образный отросток в конечном итоге представляют собой лишь усовершенствованный заменитель кожаного ремешка. На этом этапе в стремечковидных окончаниях удил появляются пешковидные отверстия [Кадырбаев, 1966, с. 384; Таиров, Боталов, 1988, с. 104, рис. 4.-3], которые необходимо отличать от похожих более ранних. В кургане Аржан [Грязнов, 1980, рис. 12,1] головка имеет вид подпрямоугольной в плане сужающейся прорези без расширения и служила одним из вариантов крепления удил к центральному отверстию псалия при помощи петли (рис. 10.-17). Возможно, в этом случае применимо его определение как дополнительного отверстия, слившегося с большим отверстием [Кадырбаев, 1966, с. 384]. На позднем этапе во второй половине VII в. до н.э. «головка» расширяется (Машенка, Хемчик-Бом III, к. 1 и др.) и служит своеобразным замком, предотвращая выскакивание отростка У-образного псалия и псалия с Т-образным шпеньком и обеспечивая жесткое соединение удил с псалиями (рис. 10.-18,19). Еще больше «головка», превращающаяся в кольцо, у известных в Минусинской котловине удил [рис. 10.-9,10; Членова, 1967, табл. 16,7]. Очевидно, на позднем этапе раннескифской культуры пешковидная форма становится довольно устойчивой, приспособленной для пропускания двудырчатых псалиев через гипертрофированную «головку» пешковидного окончания [Членова, 1967, с. 69] с перемычкой в Минусинской котловине (рис. 10.-9,10; Членова, 1967, табл. 16.-7) и в Китае [Кан Ин Ук, 1996, рис. 2.-2,4] и без перемычки в Китае (рис. 10.-11; Курьер ЮНЕСКО. 1988, рис. на с. 19). При этом сами окончания также принимают пешковидную форму. Разделяя точку зрения Н.Л. Членовой об использовании этих удил для пропускания псалиев, нельзя согласиться с ее предположением, согласно которому окончания удил с большими внутренними отверстиями самые ранние, так как, якобы, предназначались под толстые роговые псалии, а «в связи с распространением бронзовых псалий ... уменьшается внутреннее кольцо: получают удила со стремевидными концами и небольшим внутренним колечком» [Членова, 1967, табл. 16.-6,8-11, с. 69]. Исследования за прошедшие с тех пор 30 лет показали, что

стремечковидные удила с малым дополнительным отверстием представлены в раннескифских памятниках уже с VIII в. до н.э. (см.: Могильников, 1994; и др.) и наряду со стремечковидными и кольчатыми (Аржан) являются одной из ранних форм удила, используемых с трехдырчатыми псалями. Все имеющиеся удила с пещковидным отверстием и соответствующей колоколовидной или пещковидной [Грач, 1980, рис. 109,1] формой окончания происходят из поздних комплексов. Этому вполне соответствует и, очевидно, несколько завышенная дата удила из Китая — V в. до н.э. [Курьер ЮНЕСКО, 1988, с. 19].

Итак, прослеживается последовательность в изменении функций «головки» пещковидного окончания удила: 1. изначально (Аржан) они служат для лучшего крепления ременной петли (рис. 10.-17); 2. затем являются своеобразным замком, в который пропускается часть (отросток или Т-образный шпек) псаля (рис. 10.-18,19); 3. и на третьем этапе «головка» уже служит отверстием для двудырчатого псаля (рис. 10.-14). Поэтому вполне вероятно, что У-образные псалии не остались тупиковой ветвью, а явились одним из шагов на пути создания узды нового типа с двудырчатыми удилами, вставляющимися в окончания удила. Для этого мастеру достаточно было лишь мысленно «распрямить» псалий по линии: верхняя часть псаля-отросток и убрать становящуюся ненужной нижнюю часть основного стержня псаля (рис. 10.-4-6)².

3. В Восточном Казахстане и в Южной Приуралье зафиксированы двудырчатые псалии, вставляющиеся в расположенные уже в горизонтальной плоскости большие внутренние кольца удила (рис. 10.-7,8; Ермолова, 1986, рис. 3.-18; Смирнов, 1961, рис. 45.-1). К.Ф. Смирнов объяснял происхождение комплекта из кургана у с. Сара влиянием Закавказья или Ирана через Среднюю Азию [Смирнов, 1961, с. 82, 83], но находки в Измайловском могильнике, Минусинской котловине [Членова, 1967, табл. 16.-3] и в Китае [Кан Ин Ук, 1996, рис. 2.-2,4] указывают на их восточное происхождение. Выработанные двумя первыми направлениями псалии, на наш взгляд, нельзя определять как варианты трехдырчатых псалий [Грязнов, 1947, с. 9]. Это переходные формы, подготовившие появление новой узды с удилами, имеющими большое внешнее кольцо в горизонтальной плоскости и вставленными в них двудырчатыми псалями (рис. 10.-13).

Помещение псаля вовнутрь удила и установка последних в горизонтальную плоскость

явилось принципиально новым изобретением конца VII — начала VI вв. до н.э. Н.А. Боковенко, вслед за Н.Л. Членовой, считающий ажурные «скребницы» из Минусинской котловины строгими псалями [Боковенко, 1986, с. 12], вставлявшимися ручками в дополнительные отверстия удила со стремечковидными окончаниями (псалии XI), относит их к доаржанскому времени (с IX в. до н.э.), с чем нельзя согласиться. Даже предположив использование этих предметов в качестве псалий, мы не можем их датировать ранее начала VI в. до н.э. по изображениям головок ушастых грифонов [Членова, 1967, табл. 16.-44, 46, с. 74]. Последние появляются в Южной Сибири и Казахстане в VI в. до н.э. Головки орлов (грифонов?) на длинных шеях еще на одной «скребнице» [Членова, 1967, табл. 16.-48] типичны для раннего этапа тагарской культуры [Членова, 1967, табл. 26,10-12,17 и др., с. 74] и могут датироваться не ранее конца VII в. до н.э. Новая узда имеет еще одну особенность — увеличенные внешние окончания удила, черта, которую отмечают не многие [Боковенко, 1986, с. 11; Галанина, 1983, с. 37]. Неразделение ранних и поздних кольчатых удила зачастую приводит к путанице.

Появление новой узды было результатом отказа от существовавших столетиями стереотипов, когда ременные или металлические удила пропускались сквозь псалий или привязывались к нему. Очевидно, что это не было выбором одной из уже существующих конструкций, но результатом открытия, сделанного на основе накопленного опыта. По этой причине нельзя согласиться с предположениями о существовании конструкции со вставляющимися в удила псалями в IX-VII вв. до н.э. [Членова, 1967, с. 69; Боковенко, 1986, с. 12; Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, с. 46].

Новая узда отличалась рядом преимуществ и в изменяющихся социально-экономических условиях быстро распространилась в скифо-сакском мире. Местом ее формирования, возможно, является восточная часть степной Евразии. На это указывает отсутствие на западе переходных форм и существование здесь трехпетельчатых псалий до конца VI в. до н.э. [Ильинская, 1968, с. 106-107, 110; Ковпаненко, 1984, с. 112], тогда как на Алтае и в Туве трехдырчатые псалии и переходные формы полностью исчезают уже к середине VI в. до н.э. и заменяются на двудырчатые. В этом плане несомненный интерес представляет изучение известных в Минусинской котловине и Китае поздних

удил с двукольчатыми окончаниями, из которых внутреннее, по всей вероятности, предназначалось для продевания псалия, и удил с пешковидным отверстием (рис. 10.–14).

Внедрение новой узды с двудырчатыми псалиями, продеваемыми в округлые окончания удила, произошло настолько быстро, что в Туве, на Алтае и в Казахстане имеется всего лишь несколько комплексов, где бы она существовала с раннескифской. Вполне вероятно, момент перехода к новой упряжи фиксируется на материалах кургана Варта в Южном Приуралье [Таиров, Боталов, 1988, рис. 4.–5]. Интерес представляет находение на Северном Алтае в кургане № 4 VI в. до н.э. могильника Майма XIX двудырчатого псалия с намеченным центральным отверстием [Киреев, 1992, с. 45; рис. 3.–5 на с. 184], рогового трехдырчатого псалия в могильнике Бийск-1 [Завитухина, 1961, рис. 6.–9] и некоторые другие находки. Известен лишь один случай совместного нахождения набора с двудырчатыми псалиями, вставленными в подпрямоугольные окончания удила (рис. 10.–13) и набора с U-образными удилами в к. № 21 могильника Алды-Бель-1 в Туве [Грач, 1980, рис. 83.–1,2]. Эти материалы опубликованы некачественно, но большая часть вещей из «кладов» 1 и 2 [Грач, 1980, рис. 83.–1,2] может быть идентифицирована, в том числе три круглые бляшки с петлей на оборотной стороне [Грач, 1980, рис. 83,2]. Такие бляшки с плоским или выпуклым щитком (иногда с отверстием) характерны для упряжи с двудырчатыми псалиями VI в. до н.э. [Смирнов, 1961, рис. 51.–8–12; 52.–3,5; 54; Кадырбаев, Курманкулов, 1976, рис. 3.–10]. Ближайшие аналогии имеются в вышеупомянутом комплексе деталей упряжи VI в. до н.э. из могильника Майма XIX, где псалий с рудиментарным центральным отверстием сопровождался подобной бляшкой [Киреев, 1992, рис. 3.–5,8; с. 45]. Случай нахождения описанных бляшек в «кладе» № 2 из к. 21 могильника Алды-Бель-1 служит дополнительным аргументом в пользу определения двух комплексов упряжи из к. № 21 как самых поздних из обнаруженных с U-образными псалиями. К поздним образцам относятся и удила с подпрямоугольными внешними окончаниями. Двудырчатые псалии какое-то время сосуществовали с U-образными и использовались с традиционной металлической фурнитурой раннескифской упряжи VII в. до н.э. Материалы к. № 21 и слитого с ним к. № 20 не противоречат предложенной датировке, что позволяет определить верхнюю

границу бытования комплексов с U-образными псалиями началом VI в. до н.э. Набор упряжи из Машенки был погребен с лошастью примерно в то же время что и в могильнике Алды-Бель-1, или несколько ранее.

Сделанное заключение подтверждает анализ ажурных наносных и нагрудных подвесок-«крючков», встреченных только в комплексах с U-образными псалиями или синхронных им (табл. 1; Грач, 1980, с. 125, рис. 83.–1; 110.–4). Согласно сложившимся канонам в пазырыкской упряжи стилистика и образы украшений узды соответствуют нагрудным и намеренно отличаются от украшения седла и подхвостных ремней [Руденко, 1953, с. 173–174; Суразаков, 1988, с. 19]. Наносная и нагрудная подвески из Машенки также тождественны стилистически и передают очень близкие образы. Рассмотрим первоначально верхнюю часть нагрудной подвески (рис. 5.–5; табл. I,14). Многочисленные аналогии из Алтая, Тувы, Минусинской котловины и Казахстана не оставляют сомнений в том, что здесь изображена головка орла в виде гипертрофированного глаза-пронизи и мощного загнутого клюва с волнисто оформленной восковицей. Шея орла выполнена точно так же, как у чиликтинских орлов (сравнить табл. 1,13 и 14) в Восточном Казахстане [Черников, 1965, табл. XIII, XIV, XXIII, 2]. Наносная подвеска в этой части повторяет нагрудную с той лишь разницей, что клюв здесь имеет подтреугольные очертания и не соединяется с «туловищем» (рис. 5.–3, табл. 1.–15). Ее нижняя часть оформлена как профильное изображение замершего на бегу копытного животного или «собаки» [Савинов, 1980] с повернутой назад головой. Однако наличие несомненно орлиных головок на подвесках не позволяет трактовать их таким образом. Создатели ажурных подвесок брали за основу канонизированный образ сидящего орла с повернутой назад головой. Его изображения известны в Чиликтинских курганах и в Приуралье (табл. I,13,12) [Черников, 1965, табл. XIII, XIV, XXIII, 2]. Аналогичные изображения «грозно обернувшихся орлов» найдены среди петроглифов Джунгарии и на Тянь-Шане (табл. I.–3,4,5,18) [Марьяшев, Рогожинский, 1987, с. 123; Они же, 1991, с. 23–24; рис. 36, рис. 37; Шер и др., 1987, с. 73, рис. 5,5; Шер, 1979, с. 116–120, рис. 1.–16]. При этом сама ажурность подвесок явно повторяет наскальные рисунки. Параллельно существовали изображения орлов, смотрящих вперед (табл. I.–1,2) [Марьяшев, Рогожинский, 1991, рис. 36, рис. 37; Вишне-

ская, 1973, табл. XIX,6]. Обнаружение наскальных рисунков указывает на формирование этих образов в пределах Семиречья, заселявшегося сакскими племенами. Поэтому вполне логично будет назвать их сакскими орлами. В VII в. до н.э. в Казахстане и на Алтае существует и третий вариант изображения сакского орла (табл. 1.-6,7,8; Вишневская, 1973, табл. XIII,2; Кадырбаев, 1966, рис. 65, рис. 66.-48; Членова, 1995, рис. 1.-4), получивший впоследствии широкое распространение в тагарской культуре (табл. I.-9-11). Машенские подвески несколько позже чиликтинских и их нижние части, по-видимому, уже изображают конечности фантастического существа, образ которого мог быть заимствован с Переднего Востока (см.: табл. 1.-19,20). Вместе с тем вполне вероятна связь этого существа с Восточным Туркестаном и Ордосом [Савинов, Членова, 1978, рис. 5,11; Савинов, 1980; Курочкин, 1995, рис. 2.-5,6; и др.]. Не останавливаясь на этом крайне сложном вопросе, отметим, что мнение о распространении этого варианта скифских орлов (табл. 1.-6-11) в Причерноморье или Приднепровье [Матющенко, Сыркина, 1975, рис. 1.-3, с.149; Плетнева, 1977, с. 79; Курочкин, 1988, с.17] основано на ошибках в нумерации использованной указанными авторами табл. 34 в работе Н.Л. Членовой [Членова, 1967]. На с. 134, 143 и др. [там же], а также в более поздней работе [Членова, 1995], однозначно указывается, что прорезной бубенчик в виде птицы происходит не из Причерноморья, а из Минусинской котловины. Аналогичная подвеска («крючок») известна в Туве в могильнике Алды-Бель-1 [Грач, 1980, рис. 83.-1]. «Задняя конечность» подвески закручивается в кольцо, а «передняя» превращается в орнамент (табл. 1.-16). Она вновь трансформируется в орла, как и происходящая из могильника Хемчик-Бом-V (табл. 1.-17; Грач, 1980, рис. 110.-4). Одним из результатов метаморфоз к середине VI в. до н.э. становится хвостатое существо с головой орла или ушастого грифа, известное в Амударьинском кладе, Иссыке, Туэкте и в западной части скифского мира (табл. 1.-21,23,24,22).

В наскальных изображениях и художественном литье из бронзы Горного Алтая, Монголии, Тувы и Минусинской котловины мы не находим основы для возникновения образа рассматриваемого мифического орла, появляющегося здесь в VII в. до н.э., и его более позднего варианта — ушастого грифа. Показательно, что в кургане Аржан (около

рубежа IX-VIII вв. до н.э.) еще нет изображений мифического орла, а его место в какой-то мере занимает кабан. Для определения времени погребения в Машенке важен вывод о подвесках как отражении процесса слияния в Восточном Казахстане и прилегающих районах образа сакского орла с образами существ, привнесенными с юго-востока и юго-запада.

Таким образом, рассмотренные, а также публикуемые в данном сборнике подвески, связаны с поздними комплексами конца VII — нач. VI вв. до н.э. — периода, предшествовавшего сложению пазырыкской культуры, в искусстве которой уже на ранних этапах (Туэкта, Башадар) мы находим детально разработанный в многочисленных вариантах образ ушастого грифа [Руденко, 1960; Баркова, 1987; Кубарев, Черемисин, 1984 и др.].

Поздним признаком для упряжи VII вв. до н.э., с U-образными псалиями в том числе, являются, на наш взгляд, кольца-профили и скрученный в трубочку ремень. Они были настолько характерны для конца VII — нач. VI вв. до н.э., что даже отверстия на концах псалиев и в подвесках были круглые и оформлялись в виде малых ребристых колец-профили (рис. 6.-1,2,5; см.: Бородаев, 1993, рис. 1,3; рис. 2,1). Многочисленные подражания им имеются в VI-V вв. до н.э.

В соответствии с тематикой настоящей работы мы опускаем традиционный перечень многочисленных аналогий инвентарю, помещенному с умершей женщиной, и его анализ. Отметим лишь, что зеркало с бортиком и орнаментированной петелькой (рис. 4.-2) почти идентично найденному в раннескифском кургане № 3 под Солонечным Белком [Руденко, 1960, рис. 4], имеет аналогии на Алтае, в Туве, Казахстане и других регионах (см.: Кузнецова, 1991, табл. 1) и датируется VII-VI вв. до н.э. К этому же периоду относятся костяные гребень и трубочка для хранения черной и красной краски [Кадырбаев, 1966, с. 359; Хабдулина, 1994, с. 23; и др.]. Сочетание всех этих предметов сближает погребение из Машенки с рядом других подобных комплексов позднего этапа раннескифской культуры.

Итак, анализ упряжи и инвентаря позволяет определить время погребения в Машенке периодом, непосредственно предшествовавшим сложению в Горном Алтае пазырыкской культуры (концом VII — нач. VI вв. до н.э.).

Этнокультурная принадлежность. Вопрос об этнокультурной принадлежности ранне-

скифских погребений на Алтае достаточно сложен и до настоящего времени общепринятой концепции не выработано. Вместе с тем ряд исследователей, чье мнение разделяется автором, склонны видеть в памятниках куюмского типа в северных и центральных районах Горного Алтая довольно компактную группу захоронений в каменных ящиках VIII — нач. VI вв. до н.э., характеризующихся определенным набором признаков [Могильников, 1986; Степанова, 1986; Абдулганеев, 1994, с. 38 и др.]. С некоторыми оговорками признает это и А.А. Тишкин [Тишкин, 1996, с. 54]. Памятники Южного Алтая и западных предгорий в эту общность не вписываются. Среди них особый интерес вызывает небольшая группа погребений, в которую входит к. № 1 из мог. Машенка-1. Подобное сопроводительное погребение (в отдельной яме) двух баранов и двух лошадей, одна из которых была снабжена уздой с U-образными псалиями, недавно обнаружено Ю.П. Алехиным в Восточном Казахстане, у с. Кондратьевка, в 10–15 км от границы с Алтайским краем (информация любезно предоставлена Ю.П. Алехиным). Вполне вероятно, погребение барана и лошади с U-образными псалиями из к. № 2 под Солонечным Белком сопровождало незамеченное А.В. Адриановым захоронение человека в подбое [Адрианов, 1916, с. 25–27, рис. 13]. Сюда же можно отнести исследованный автором в 1996 г. к. № 2 из мог. Чесноково-1 (в 70 км ниже по р. Чарыш от речки Кедровая) [Шульга, Казаков и др., 1997] и к. № 5 мог. Карбан-1 на Средней Катуни [Демин, Гельмел, 1992] (рис. 1,1).

Несмотря на имеющиеся различия между указанными погребениями, прослеживаются общие черты:

1. Кольцевая конструкция в насыпи из камня и плит (в Чесноково-1 не определена).
2. Перекрытие могилы плитами (Машенка-1, Карбан-1, Солонечный Белок).
3. Наличие глубокой могильной ямы 1,2–3,04 м от уровня древней поверхности.
4. Погребение умершего в одной яме с лошастью и бараном, двумя лошадьми (Карбан-1) или шкурами двух лошадей с копытами (Чесноково-1). Животные или их шкуры ориентированы в ту же сторону, что и человек.
5. Погребение умершего в подбое с заслоном из плит (для к. № 2 Солонечный Белок предположительно; в Чесноково-1 подбой отсутствовал).
6. Лошадь(и) и баран или шкуры лошадей укладывались на приступку высотой 10–65 см слева (Машенка-1, Чесноково-1, Соло-

нечный Белок?) или справа (Карбан-1) от умершего.

7. Положение умершего — вытянуто на спине (Машенка-1, Чесноково-1) или на правом боку с подогнутыми ногами (Карбан-1), головой в северный или западный секторы.

8. Наборы упряжи с характерными распределителями, застежками, кольцами-пронизками, стремечковидные удила и U-образные псалии (кроме Карбана-1).

Связывает эти погребения и ряд других особенностей: частичная обкладка плитами или камнями погребения человека и лошади с бараном (Машенка-1, Чесноково-1, Солонечный Белок), наличие подвесок из добавочных фаланг лося или лошади, просверленных посередине (Машенка-1, Карбан-1), присутствие черной краски и др.

Имеющиеся материалы позволяют говорить о широком проникновении на Южный Алтай раннесакских племен [Шульга, 1997]. На это указывает присутствие дромосов [Майэмир, к. № 2, Солонечный Белок к. № 1], и подбоев, вытянутое на спине положение умерших (Могильников, 1986), инвентарь. К сакскому кругу относится и курган № 2 мог. Чесноково-1, с сосудом сако-усуньского облика (рис. 4.–8). В курганах и на поселениях Горного Алтая VIII–II вв. до н.э. подобной керамики нет.

Наиболее интересно в этом отношении погребение из Машенки, где сочетаются одновременно несколько раннескифских традиций: подбой, иногда с приступкой [Кадырбаев, 1966, с. 369; Кушаев, 1968, с. 143–145], и погребальный обряд тасмолинской культуры Центрального Казахстана, некоторые погребения которой почти полностью соответствуют машенскому (например, к. № 19 мог. Тасмола 1, Кадырбаев, 1996, рис. 4,3). Необходимо отметить, что обнаруживаемые в южных частях тасмолинских могил черепа, лопатки, кости конечностей лошадей и баранов погребались со шкурами этих животных. Так, только при наличии шкур могли сохранить свое положение лопатки (в одном случае — копыто) у выброшенных из могилы грабителями конских черепов в к. № 2 мог. Тасмола V (см. Кадырбаев, 1966, рис. 13,3, с. 319). О шкурах животных в погребениях тасмолинской культуры писали и другие исследователи [Грязнов, 1983, с. 7; Боковенко, 1986, с. 47; Хабдулина, 1994, с. 79]. В машенском кургане шкура с черепом заменяется тушей. Этот факт вызывает интерес, поскольку, как нам кажется, позволяет вновь поднять вопрос о происхождении пазырыкских погребений с конем на приступке, фиксируемых в Восточном Казах-

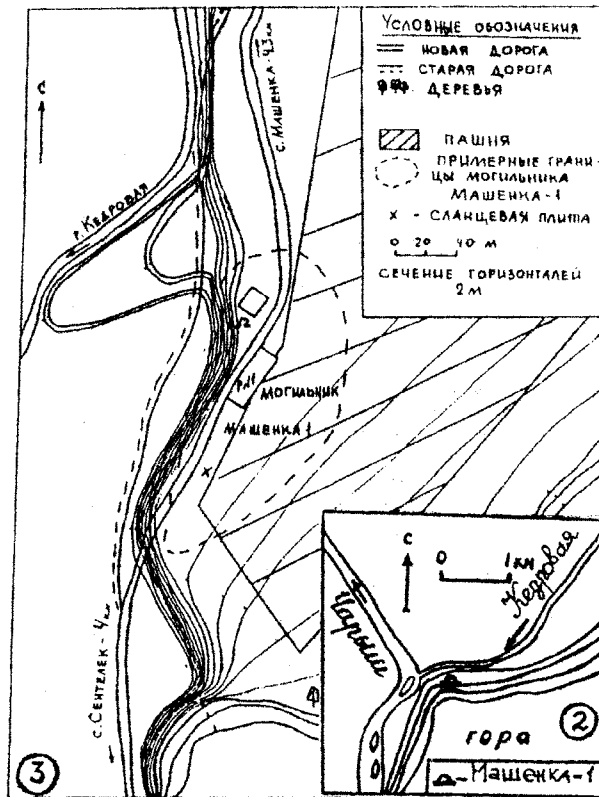
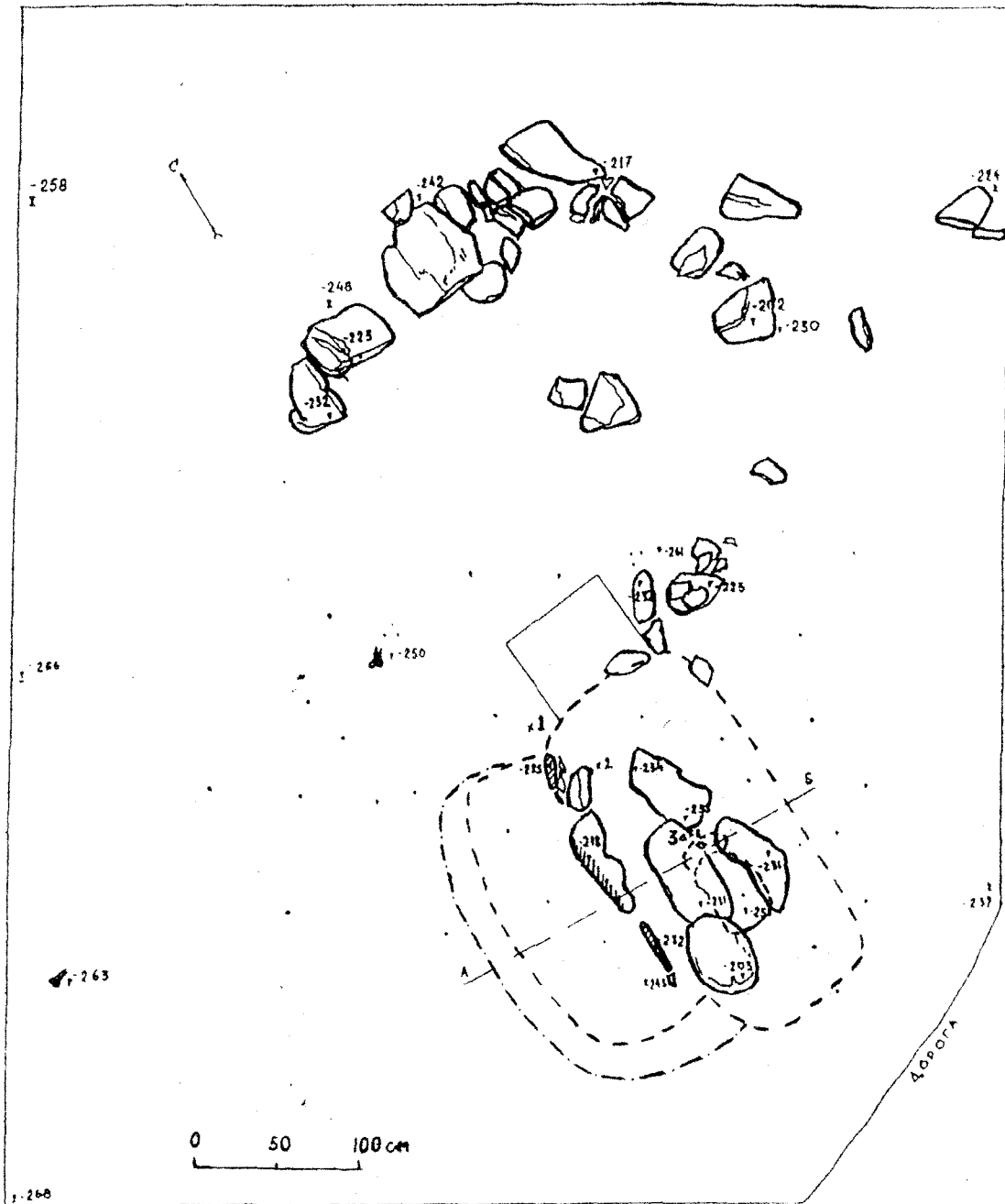

Рис. 1.

1. Схема расположения погребений и вероятные пути перемещения населения и изделий в конце VII – нач. VI вв. до н.э.:
 1 – Солонечный Белок, 2 – Кондратьевка, 3 – Машенка-1,
 4 – Чесноково-1, 5 – Карбан-1, 6 – Каракол;
 2,3. Планы расположения курганного могильника Машенка-1.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- ☉ - КАМНИ
- ⊕ - КОНТУРЫ КАМНЕЙ
- - ПРИРЕЗКА К МОГИЛЬНОЙ ЯМЕ
- - КОНТУРЫ ДНА МОГИЛЬНОЙ ЯМЫ И ПОДВОЯ
- - - - - КОНТУРЫ ПОДВОЯ
- ∠ - УГЛИ
- ☞ - КОСТИ
- x1 - НАЛОБНАЯ БЛЯХА, ГА-240

- x2 - КОЛЫТО ЛОШАДИ, ГА-246
- x3 - ФРАГМЕНТ КЕРАМИКИ, ГА-230
- Г - МЕСТО ШВЕЛЕРОВНИ
- ! - УРОВЕНЬ ЗАЩИТЫ РАКОНА

Рис. 2. Могильник Машенка-1. Курган 1.

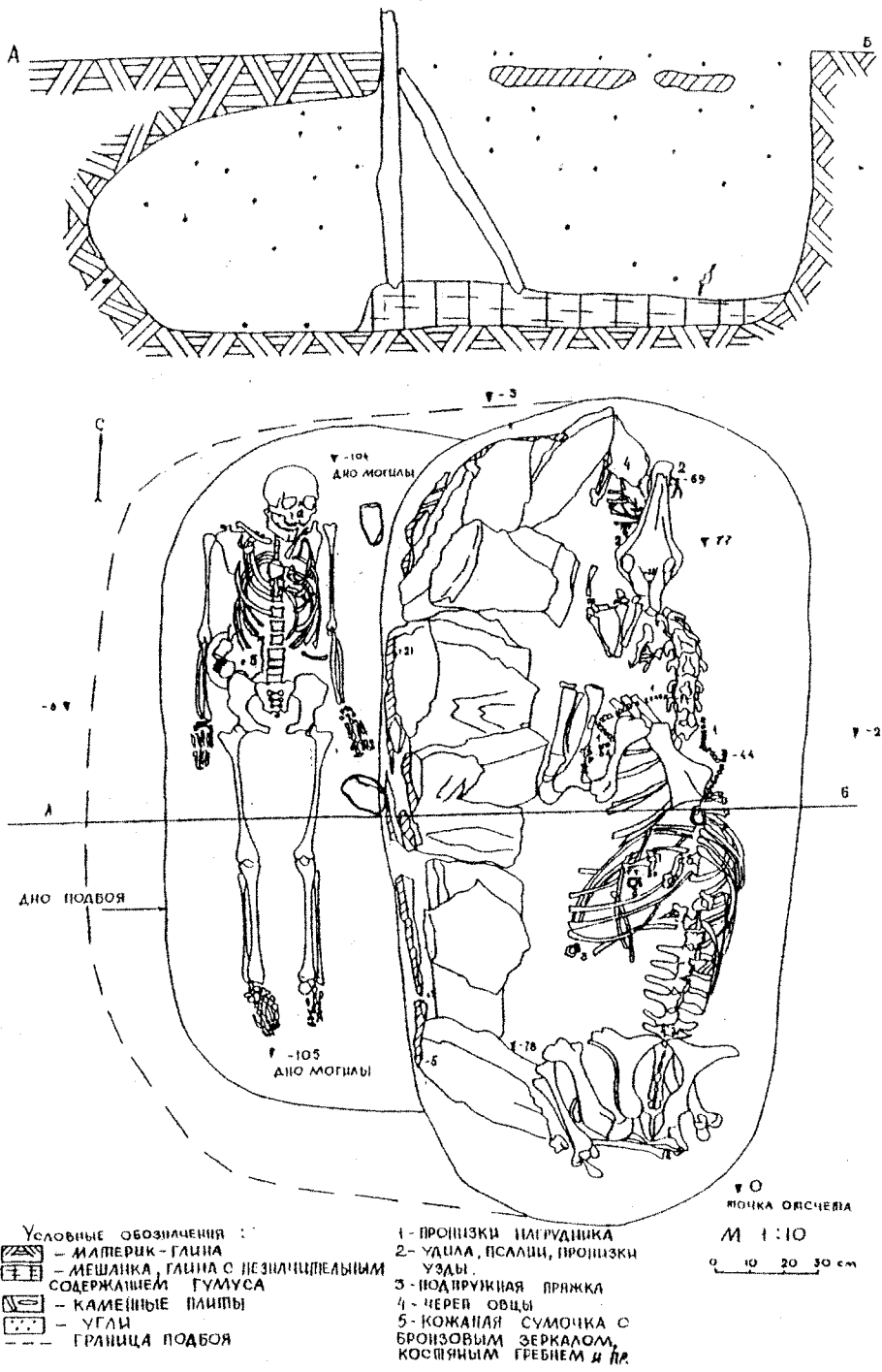

Рис. 3. Могильник Машенка-1. Курган 1. План и разрез могилы.

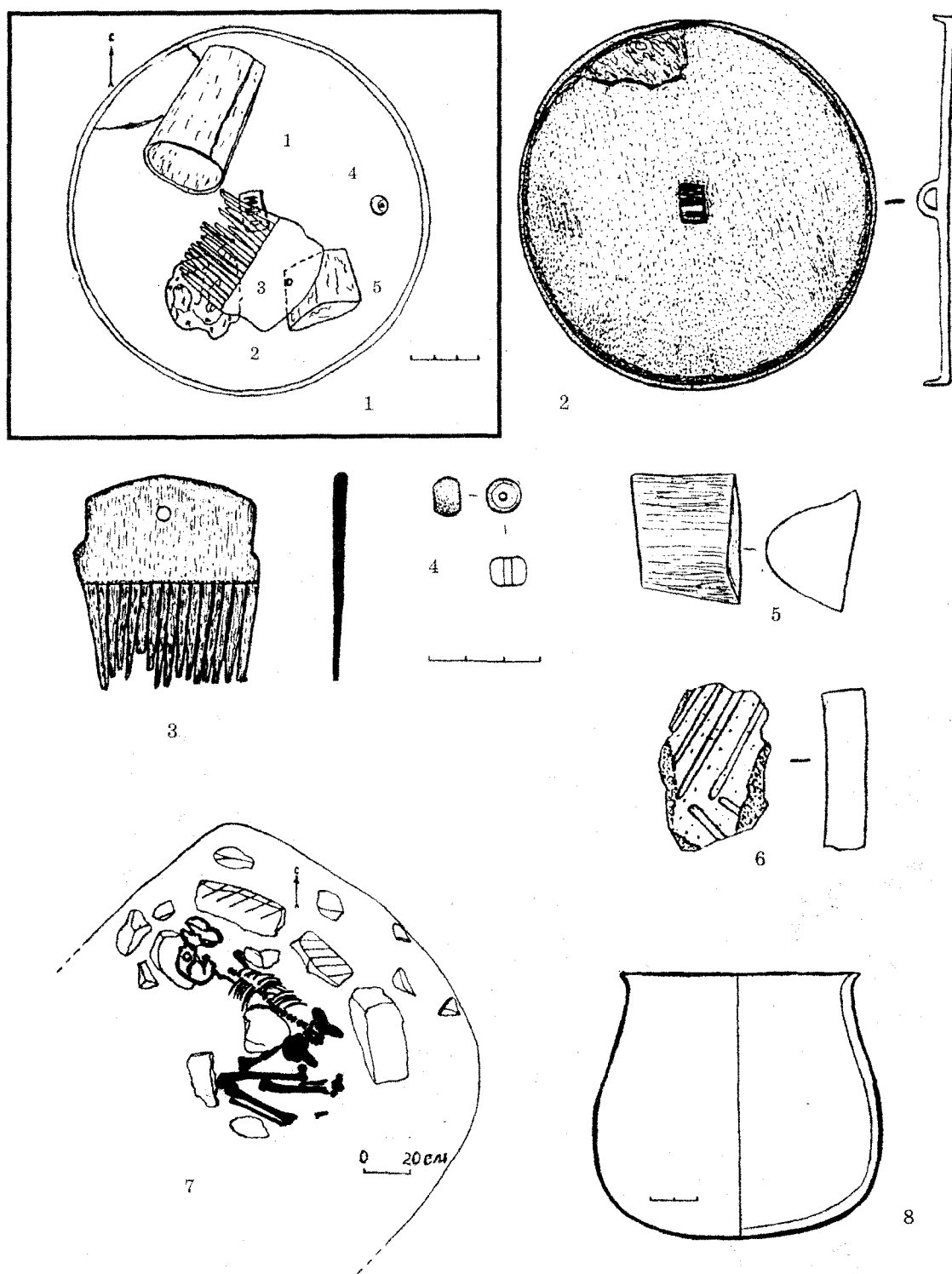

Рис. 4. Могильник Машенка-1. Курган 1: 1 – расположение предметов в сумочке, 2 – зеркало, 3 – гребень, 4 – бусина, 5 – предмет из дерева, 6 – фрагмент керамики из заполнения могилы. Могильник Чесноково-1, курган 2: 7 – план северо-восточной части заполнения могилы с сопроводительным погребением женщины (косяк № 1) и сосудом, 8 – сосуд у косяка № 1. Бронза – 1,2; кость (рог) – 1,1; 3,4; керамика – 6,8.

Рис. 4,1 – расположение предметов на зеркале: 1 – костяная трубочка, 2 – кожаный мешочек с красной краской, 3 – гребень, 4 – бусина, 5 – предмет из дерева.

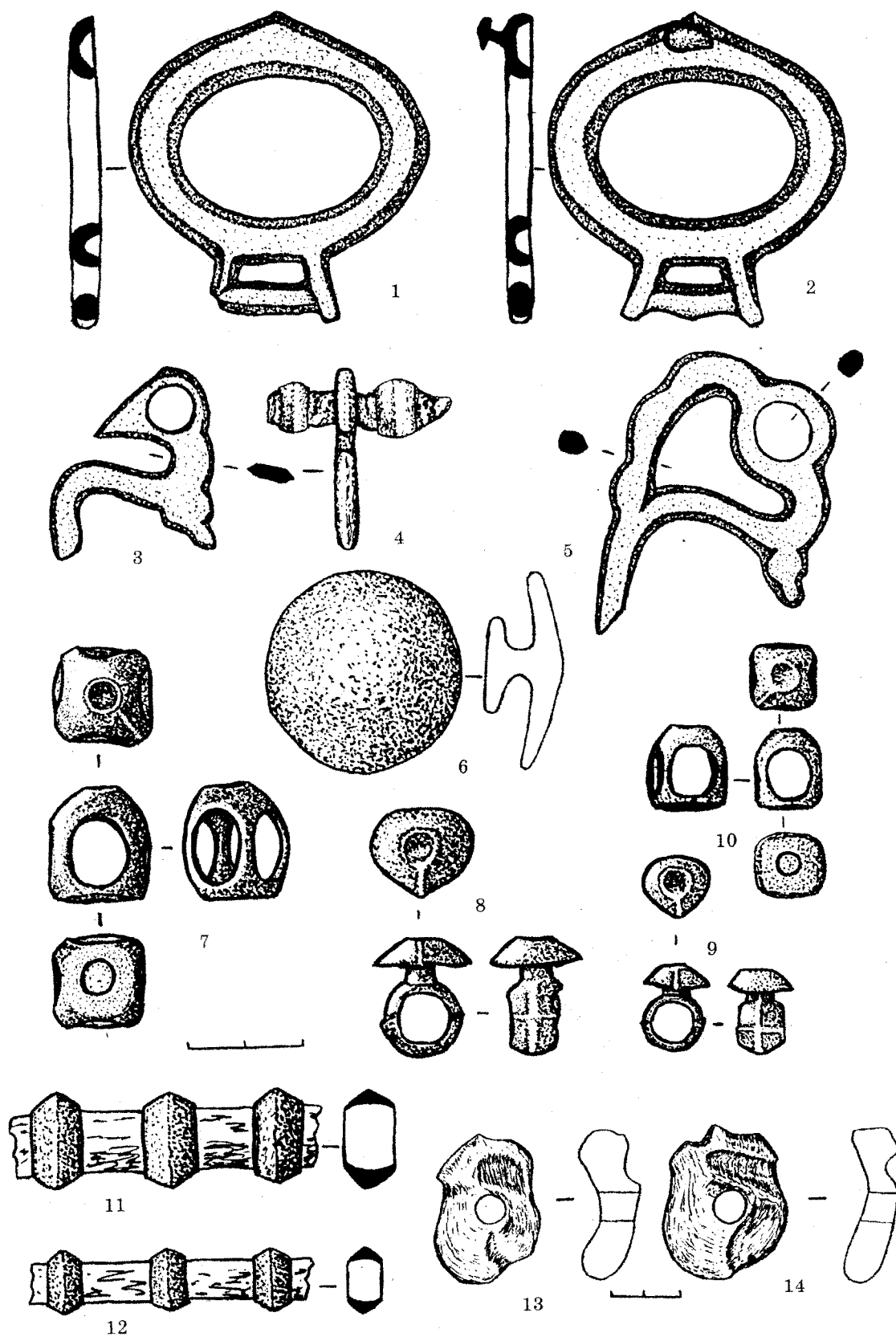

Рис. 5. Могильник Машенка-1. Курган 1. Бронзовые детали набора упряжи (1-12), подвески нагрудного ремня из кости (13, 14).

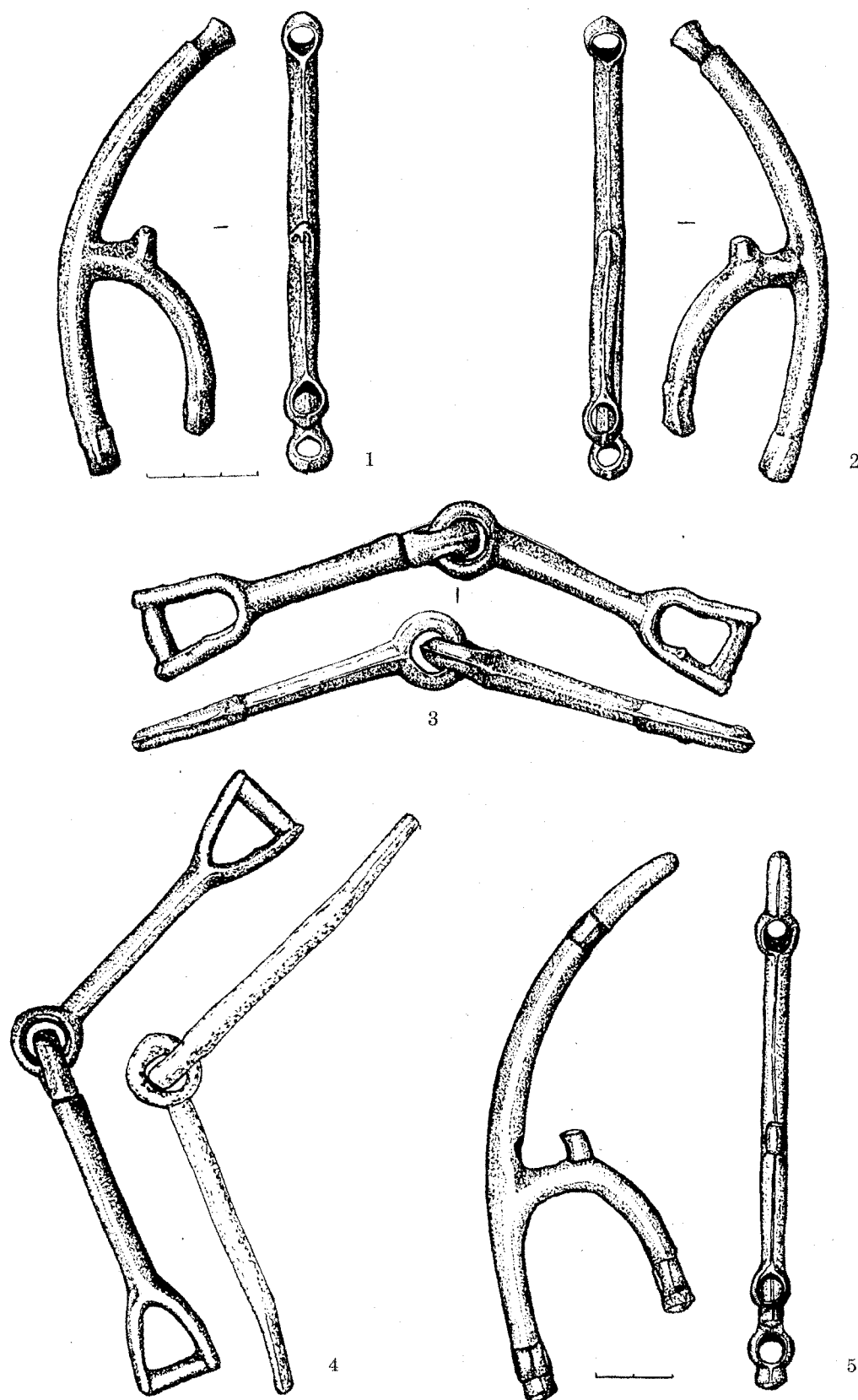

Рис. 6. Удила и псалии: 1-3 - Машенка-1, к.1; 4,5 - случайная находка на могильнике Маяк-1.

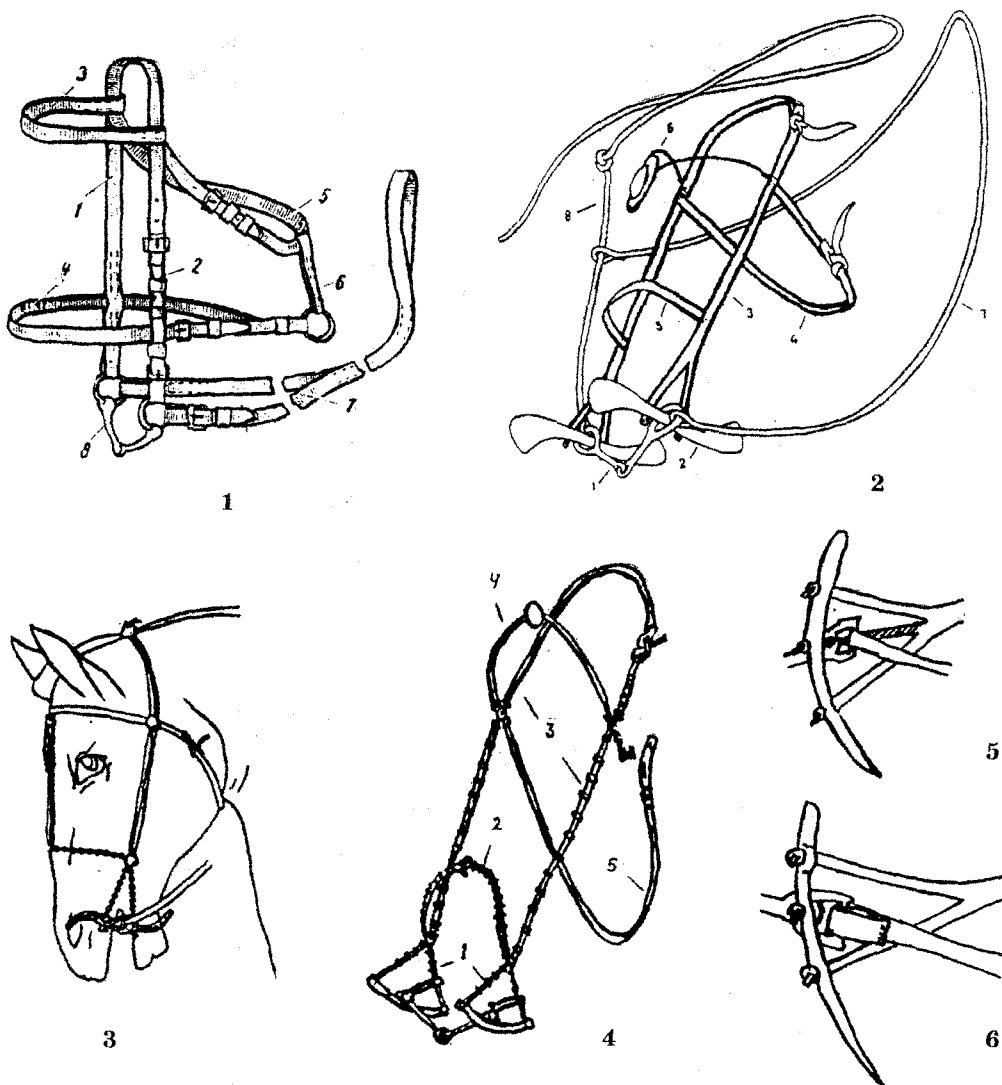

Рис. 7.

1 — современная трензельная узда (по Книге о лошади):

1 — суголовный ремень, 2 — щечный ремень, 3 — налобный ремень, 4 — наморднный ремень, 5 — подбородный ремень, 6 — соединительный ремень, 7 — чумбурные поводья.

2 — пазырыкская узда (по М.П. Грязнову):

3 — щечный ремень, 4 — подбородник, 5 — переносье, 6 — бляха-налобник, 7 — повод, 8 — чумбур.

3 — савроматская узда с «лыской» (по К.Ф. Смирнову).**4 — раннескифская узда из могильника Машенка-1:**

1 — нащечные ремни, 2 — ремень переносья, 3 — суголовные ремни, 4, 5 — налобная и подбородная части налобно-подбородного ремня.

5 — соединение трехдырчатого псаля и удила (по М.П. Грязнову, 1947).**6 — соединение трехдырчатого псаля и удила (по М.П. Грязнову, 1983).**

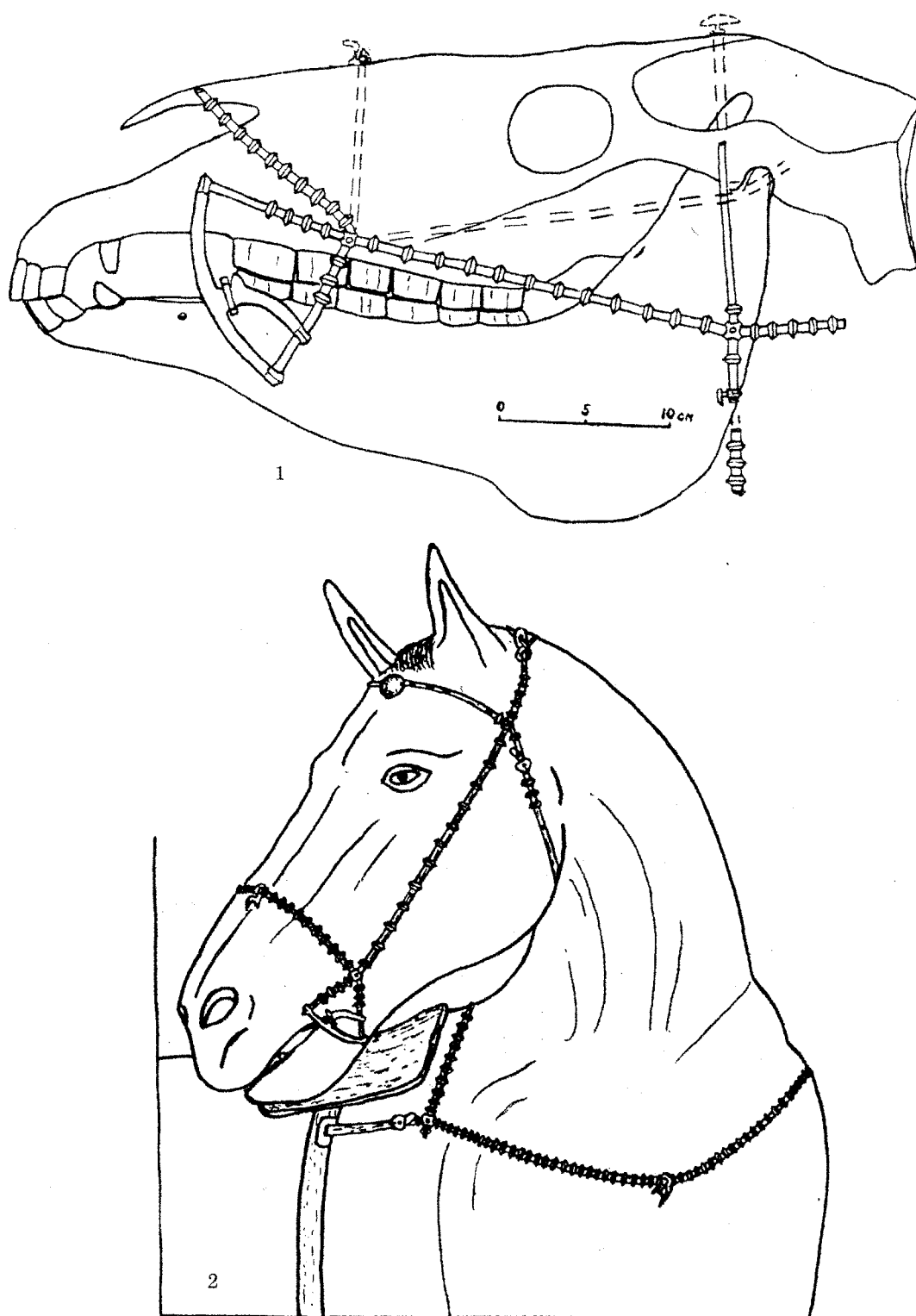

Рис. 8. 1 – расположение деталей упряжи и остатков ремней на черепе лошади из кургана 1 могильника Машенка-1. Пунктиром обозначено первоначальное (рабочее) положение ремней упряжи. 2 – реконструкция рабочего расположения упряжи и нагрудника.

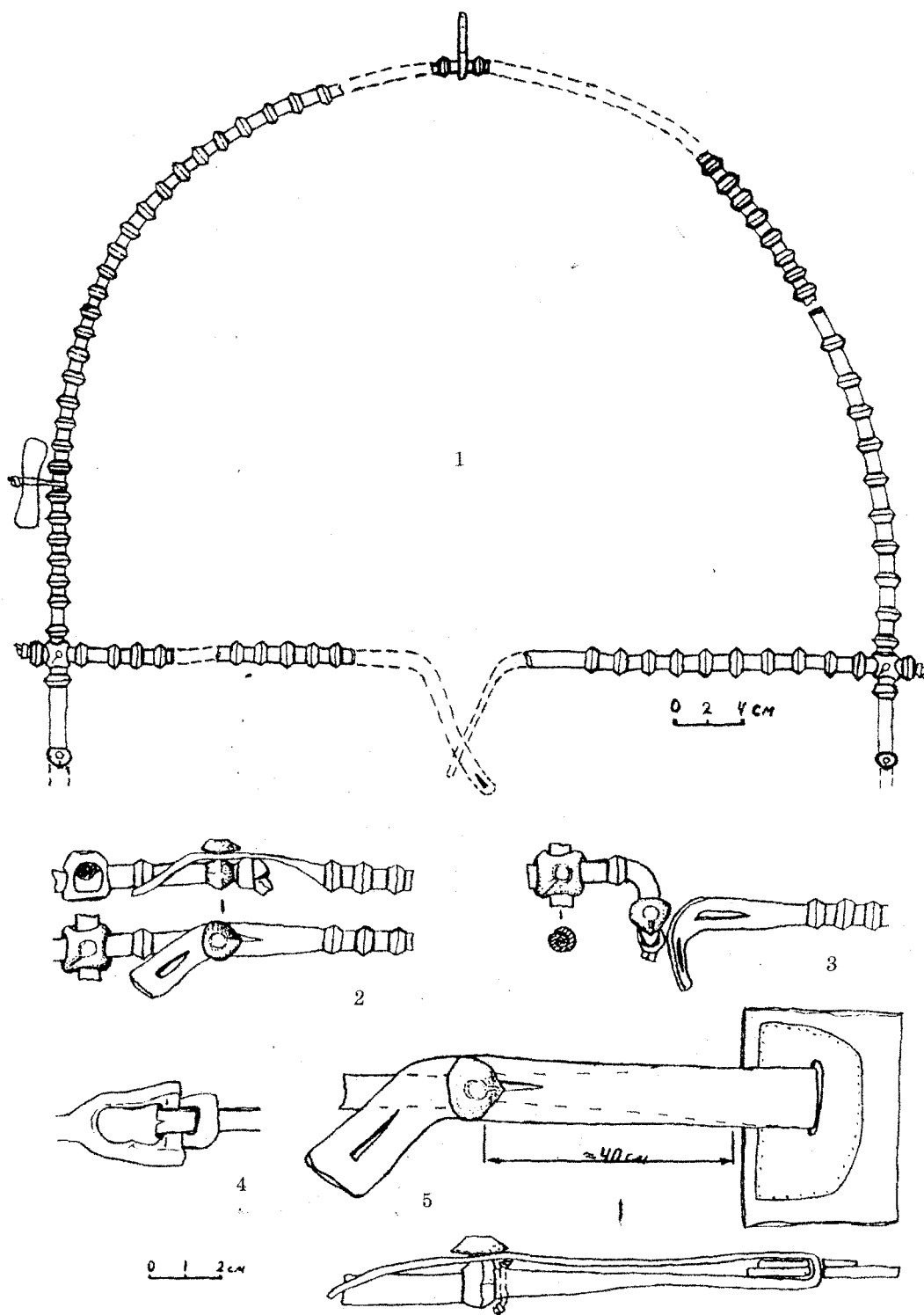

Рис. 9. Могильник Машенка-1. Курган 1. 1 – реконструкция нагрудного и надхолковых ремней; 2 – реконструкция способа соединения налобно-подбородного ремня; 3 – положение концов налобно-подбородного ремня при застегивании; 4 – крепление к удилам ремня повода (чумбура?); 5 – возможный способ крепления нагрудника к подпружным ремням.

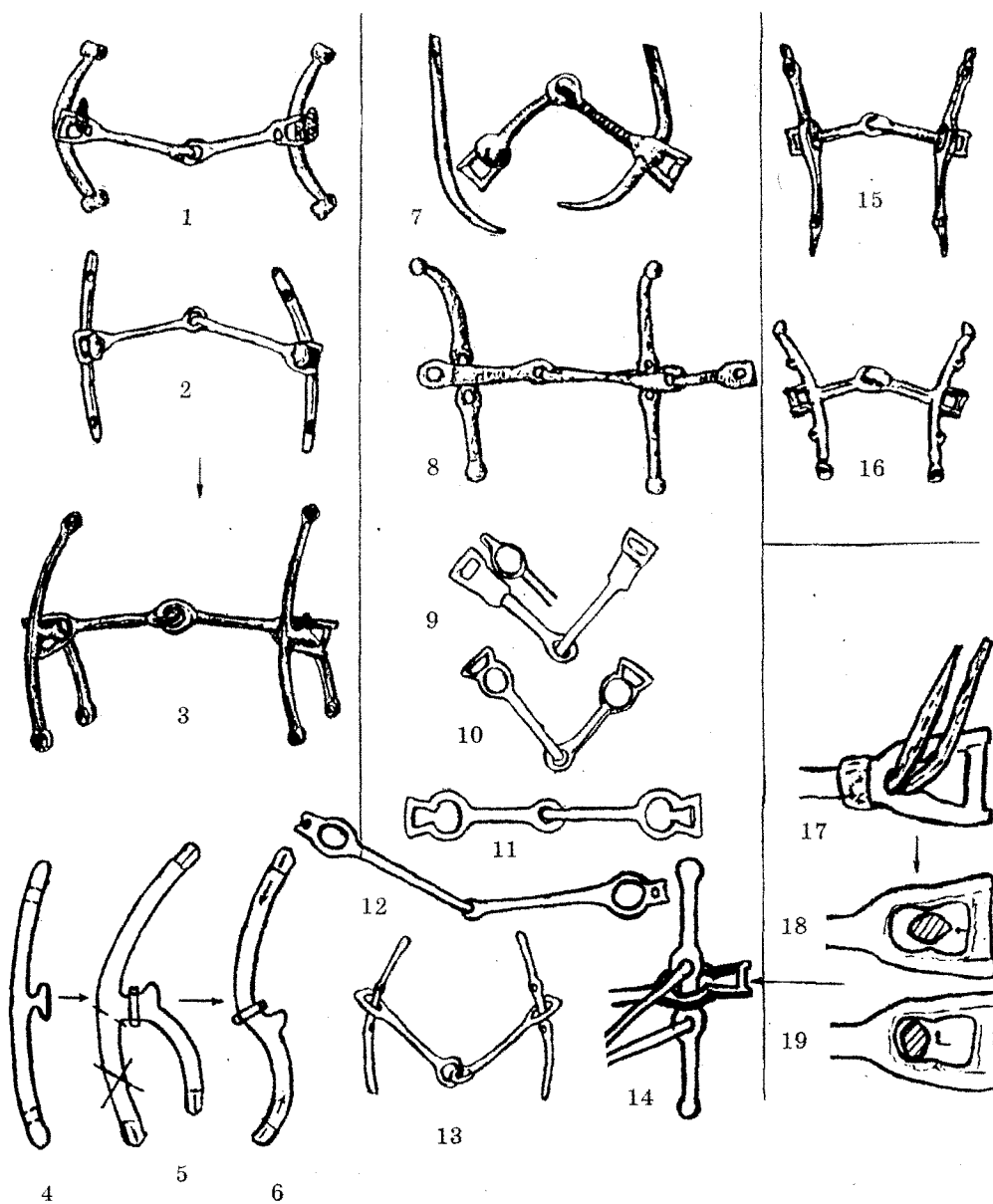

Рис. 10. Схема эволюции псалиев и удил переходных форм:

- 1 – Приаралье (Вишневская, 1973); 2 – Южный Алтай (Сорокин, 1974);
 3 – Северо-Западный Алтай, Машенка-1;
 4–6 – вероятная схема развития конструкторской мысли в VII – нач. VI вв. до н.э.;
 7 – Восточный Казахстан (Ермолаева, 1986); 8 – Южное Приуралье (Смирнов, 1961);
 9,10 – Минусинская котловина (Членова, 1967); 11 – Китай (Курьер Юнеско, 1988);
 12 – Северный Алтай (Киреев, 1992); 13 – Тува (Грач, 1980);
 14 – вероятный способ использования двудырчатых псалиев и удил с гипертрофированной головкой пещковидных окончаний; 15,16 – Приаралье (Вишневская, 1973);
 17–19 – варианты использования пещковидных окончаний удил.

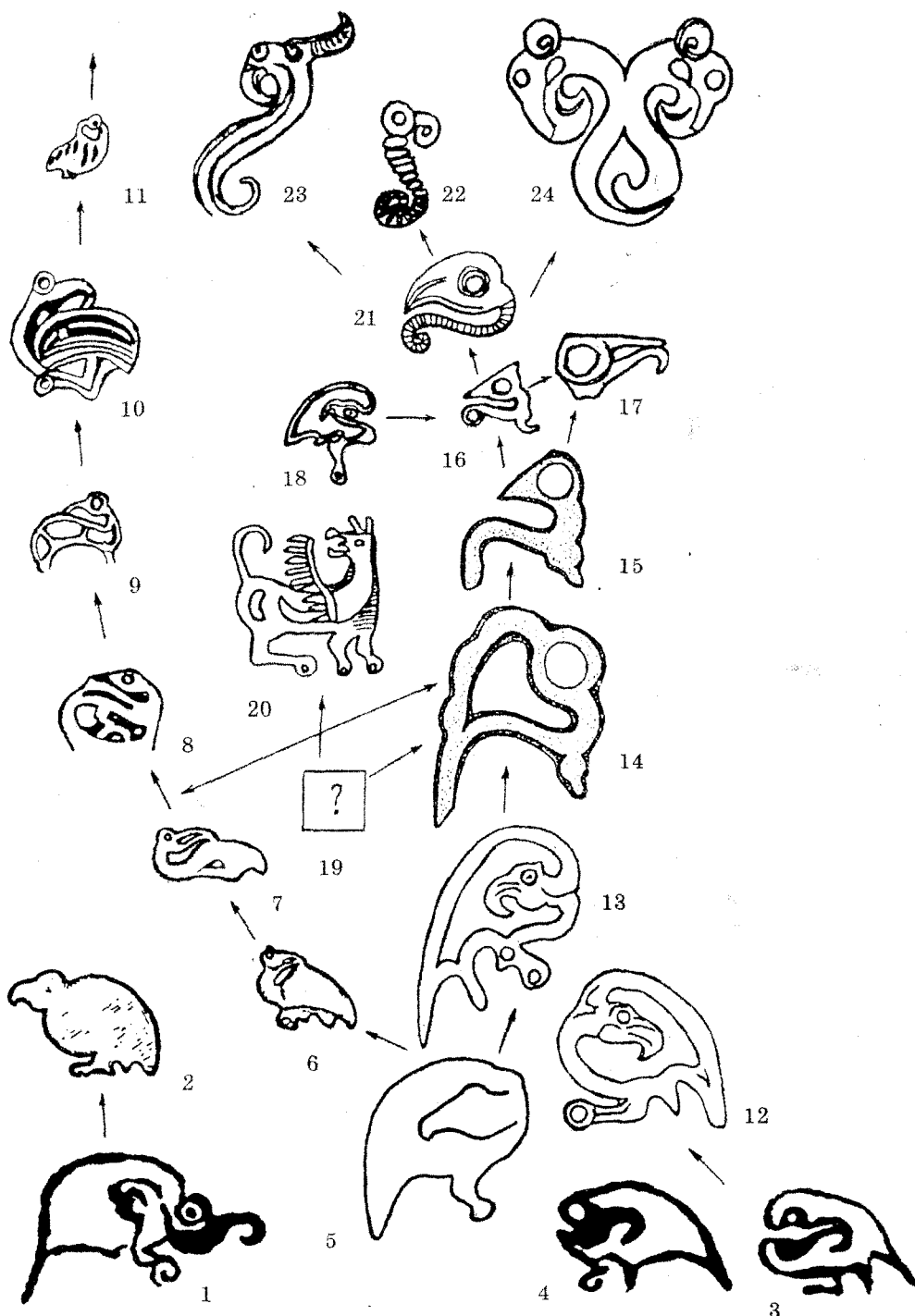

Табл. 1. 1,3,4 - наск. рис., Джунгарское Алатау (Марьяшев, Рогожинский, 1991); 2,6 - Приаралье, VII в. до н.э. (Вишневская, 1973); 5 - наск. рис., Тянь-Шань (Шер и др., 1987); 7 - Центральный Казахстан, VII в. до н.э. (Кадырбаев, 1966); 8 - Алтайский край, VII - VI вв. до н.э. (Членова, 1995); 9,10 - Минусинская котловина, V - III вв. до н.э. (Членова, 1967); 11 - Томск, II-I вв. до н.э. (Мартынов, 1979); 12 - Кама (Збруева, 1952); 13 - Восточный Казахстан, VII вв. до н.э. (Черников, 1965); 14,15 - Северо-Западный Алтай (Машенка-1), рубеж VII - VI вв. до н.э.; 16,17 - Тува, нач. VI в. до н.э. (Грач, 1980); 18 - наск. рис., Тянь-Шань (Шер, 1979); 20,24 - Горный Алтай, VI- V вв. до н.э. (Руденко, 1953; 1960); 21 - амударьинский клад; 22 - Кама (Беговатов, 1989); 23 - фрагмент, Иссык (Акишев, 1978).

стане и Горном Алтае уже в середине — второй половине VI в. до н.э. Внимания заслуживают антропологические определения С.С. Тур. Череп женщины из Машенки имеет монголоидные черты и может быть отнесен к антропологическому типу северных китайцев. Мужчина из Чесноково-1 протоевропеоидного типа, а женщины — метисного и монголоидного, известных в скифское время в Восточном Казахстане. На перемещение населения в VII в. до н.э. из области, включающей Приаралье и Семиречье, на Алтай и Туву указывает проникновение сюда зеркал с бортиком [Кузнецова, 1991, с. 94–95, карта № 1] и других предметов. Отмечались эти процессы и для более раннего времени [Кызласов, 1979, с. 39; Грач, 1980, с. 84; Боковенко, 1986, с. 21; и др.].

Вместе с тем необходимо отметить близость рассматриваемых погребений с Алтая более поздним захоронениям сюнну из могильника Даодуньцзы в Северном Китае [У Энь и др., 1990, с. 91–93, рис. 7; см.: Варенов, 1995]. Н.В. Полосьяк видит аналогии погребению из могильника Сибирка-1 в северо-западном Алтае, также в могильнике Даодуньцзы и тасмолинской культуре, считая последнюю отправной точкой формирования культуры сюнну [Полосьяк, 1990, с. 105]. Несмотря на различия во взглядах по вопросу взаимодействия в I тыс. до н.э. населения Средней Азии и Восточного Туркестана, существование здесь культур сакского круга или общности отмечают многие исследователи [Акишев К.А., 1973; Погребова, Раевский, 1988; Заднепровский, 1992; Варенов, 1996, с. 34]. Обнаружение в Машенке женщины близкого северо-китайскому антропологического типа, особенности погребального обряда в Чесноково-1, где в северной части заполнения могилы найдены также черепа мелкого рогатого скота и обломки черепов крупных копытных животных

[Шульга, Казаков и др., 1997] и другие материалы (например, Кушаев, 1968, с. 142–145), позволяют допустить присутствие в VII — нач. VI вв. до н.э. в примыкающей к Алтаю Джунгарской межгорной впадине культуры, близкой тасмолинской Центрального Казахстана. Косвенным подтверждением этому является отмечаемая С.И. Руденко, С.В. Киселевым и М.П. Грязновым, а затем и другими [Переводчикова, 1992; Переводчикова, 1994, с. 133–138; Полосьяк, 1992; 1993б; 1994, с. 90–97; Яценко, 1996], прямая (Пазырык, V в. до н.э.) или опосредованная (Туэкта, Башадар, середина VI в. до н.э.) связь пазырыкской культуры и Китая.

Предположение о существовании в VII–VI вв. до н.э. на северо-западном Алтае, в Восточном Казахстане и в Джунгарской впадине особой культурной общности могло бы объяснить уже отмеченный факт [Бородаев, 1993, с. 152] почти полного отсутствия в Горном Алтае (территория Республики Алтай) комплексов с У-образными псалиями. Там известно лишь одно погребение с северной ориентацией у с. Каракол Онгудайского района, с близким машенскому набором упряжи [Бородаев, 1993, с. 152; см.: статья В.Д. Кубарева в данном сборнике]. Очевидно, перемещение населения и изделий между этими областями почти не затрагивало Горный Алтай. Оно могло происходить южнее по р. Бухтарма через плоскогорье Укок, где до недавнего времени перегоняли скот из Монголии в г. Семипалатинск, или еще восточнее — через Монгольский Алтай (рис. 1).

На этом фоне в VII — нач. VI вв. до н.э. на Алтае происходило оседание групп пришлого населения из казахстанских степей и, вероятно, из Восточного Туркестана, заимствовавшего у местных скотоводческих племен «куртусцев» и «куюмцев» обычай подхоронивания в могилу полной туши лошади.

Примечание

¹ Судя по рисункам табл. XXXII.–2, XXXIV.–1, рис. 11.–1,2, В.Д. Кубарев ошибается, сравнивая обнаруженные им прорезные петли на бронзовых удилах из курганов №№ 14, 15 в могильнике Уландрык 1 и к. № 21 могильника Юстыд XII [Кубарев, 1987, с. 31; *Он же*, 1991, с. 44] с узлами из пазырыкских курганов в виде более прочной двойной прорезной петли [Руденко, 1953, с. 154, рис. 93,б].

² На возможность подобной эволюции У-образных псалий уже указывалось [Степная поло-

са..., 1992, с. 165]. Там же высказано предположение, что результат эволюции — «двудырчатые S-образные псалии, которые затем быстро распространились по всему «скифо-сибирскому миру»». Однако, этот вывод находится в противоречии с датировкой шестого типа узды с двудырчатыми псалиями V–III вв. до н.э., поскольку в Южном Приуралье и западной части степной Евразии этот тип утверждается не позже второй половины VI в. до н.э.

Один из вариантов конской узды скифской эпохи в Центральной Азии

Скифская эпоха Центральной Азии характеризуется прогрессивным развитием конского снаряжения в культуре кочевников, особенно после использования бронзы для производства основных деталей узды. Это в значительной степени стимулировало формообразование и поиск наиболее оптимальных и надежных вариантов уздечек, позволяющих в совершенстве управлять конем. Среди 37 различных вариантов уздечек VIII–VI вв. до н.э. Центральной Азии выделяются комплекты с У-образными (коленчатыми) псалиями, которые возникли только благодаря применению легкоплавкой бронзы [Боковенко, 1986, с. 16].

Большинство бронзовых удил и псалиев в азиатских степях обнаружено случайно, лишь отдельные образцы происходят из археологических комплексов, анализ которых показывает их своеобразное расположение в системе погребальной обрядности кочевников. Один из таких комплексов (Баданка-IV, курган 15) исследован автором в 1986 году, краткая информация о нем уже опубликована [Боковенко, 1987, с. 46–47], но требуется развернутая характеристика всех слагающих компонентов.

Могильник Баданка-IV расположен в Усинской межгорной котловине Западного Саяна (Ермаковский р-н Красноярского края), в 110 км северо-западнее г. Кызыл (Республика Тыва). Он состоит из 30 курганов скифской эпохи, интенсивная распахка которых и стимулировала скорейшее исследование некоторых из них.

Курган 15 — расположен в центре могильника и является северным в системе «слившихся» курганов (15 и 16). Высота распаханной насыпи достигала 0,6 м, диаметр около 10 м. Под насыпью находилась прямоугольная ограда (4×6 м), сложенная из больших валунов и глыб, ориентированная длинными сторонами по оси ЗЮЗ–ВСВ. Внутри ограды — засыпка из гальки и гравия. Наиболее хорошо сохранились северный и восточный углы ограды, сама восточная стенка ограды частично разрушена грабительским ладом. В 1 м к востоку от восточной стенки

ограды обнаружена врытая на глубину 13 см удлиненная крупная галька, которая возвышалась над уровнем древней погребенной почвы на высоту 20 см. На ней никаких изображений не обнаружено.

Могила ограблена. Камни покрытия нарушены, часть их выброшена за пределы ограды, а часть раскидана к западу и югу от могилы. Над центральной частью могилы, на глубине 0,45 м от современной поверхности кургана, обнаружена верхняя челюсть молодого жеребца и таз овцы. В 1,2 м к западу от челюсти жеребца найден небольшой фрагмент керамики красноватого цвета без орнамента. В восточном углу ограды, на уровне древнего горизонта, обнаружены бронзовые детали от практически полного комплекта конской сбруи: стремечковидные удила с дополнительным маленьким отверстием, коленчатые псалии, два дисковидных перекрестника ремня, нащечная бляха и оплавленная подпружная пряжка, побывавшая в сильном огне (рис. 1). Не вызывает сомнения, что была положена вся сбруя с ремнями, которые не сохранились.

Могила прямоугольной формы (1,8×2,5 м, глубина от погребенной поверхности — 1,2 м), ориентирована длинными сторонами по оси ЗЮЗ–ВСВ. Вдоль длинных сторон над могилой, видимо, было уложено деревянное перекрытие, от которого на восточном борту сохранились фрагменты от трех бревен (шириной до 20 см). На дне — разбросанные кости взрослого мужчины (?), которые лежали на деревянном полу плохой сохранности. Обнаружены в беспорядке череп, кости рук и ног, ребра и несколько позвонков. Ориентировку и позу погребенного по ним проследить не удалось. В районе черепа найдена рассыпанная низка бус, состоящая из белых пастовых цилиндрических, стеклянных бирюзового оттенка и из хризопраза. Бусы плохой сохранности и в некоторых случаях зафиксированы лишь следы от них.

Курган 16 вплотную примыкал к ограде кургана 15 с юга. Конструкция кургана аналогична, хотя южная и западная стороны

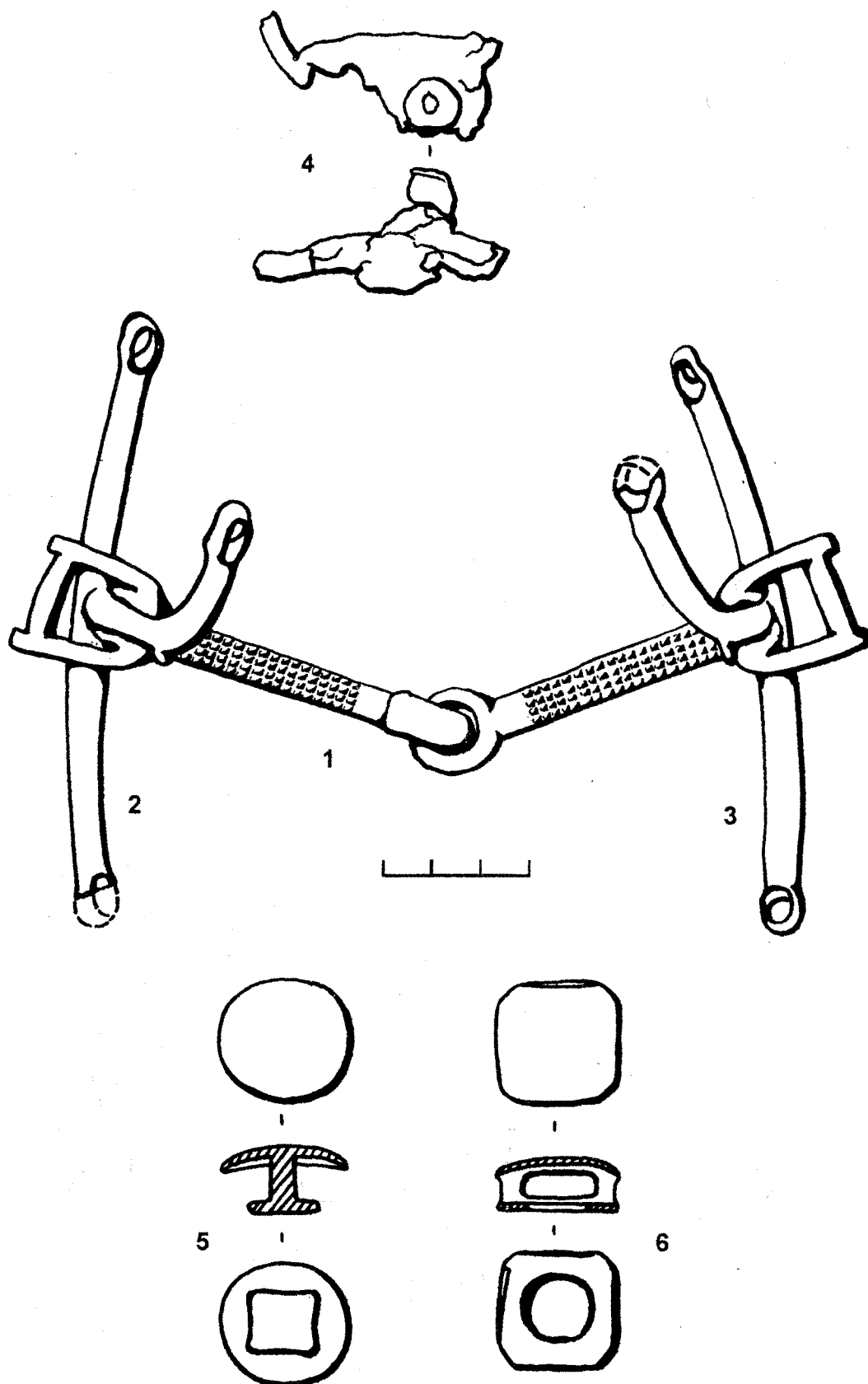

Рис. 1. Баданка-IV, курган 15. Уздечный комплект из ограды.

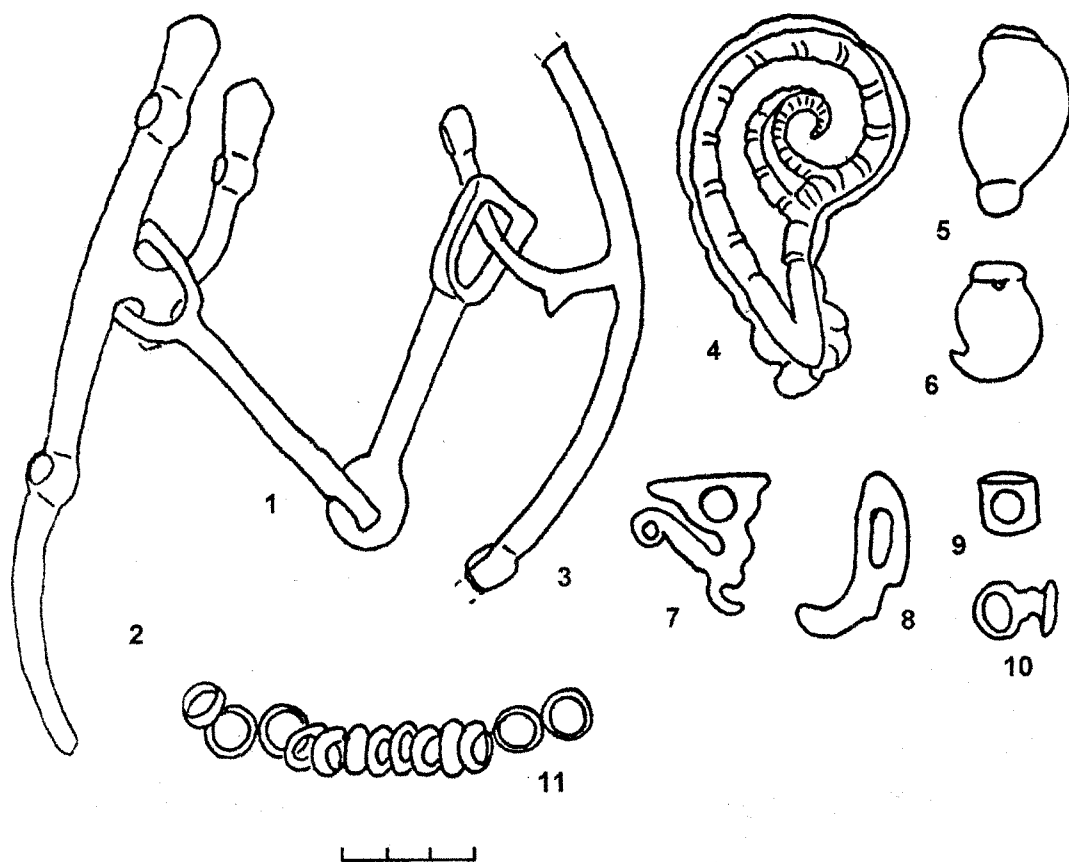

Рис. 2. Алды-Бель-І, курган 21, «клад» № 1.

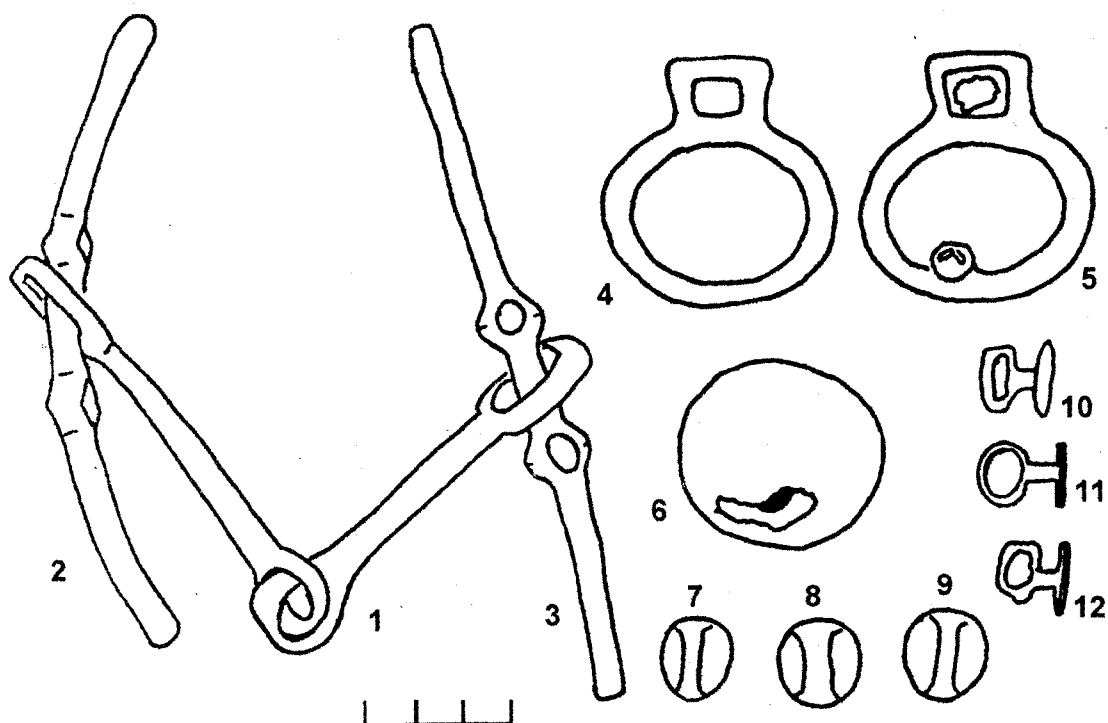

Рис. 3. Алды-Бель-І, курган 21, «клад» № 2.

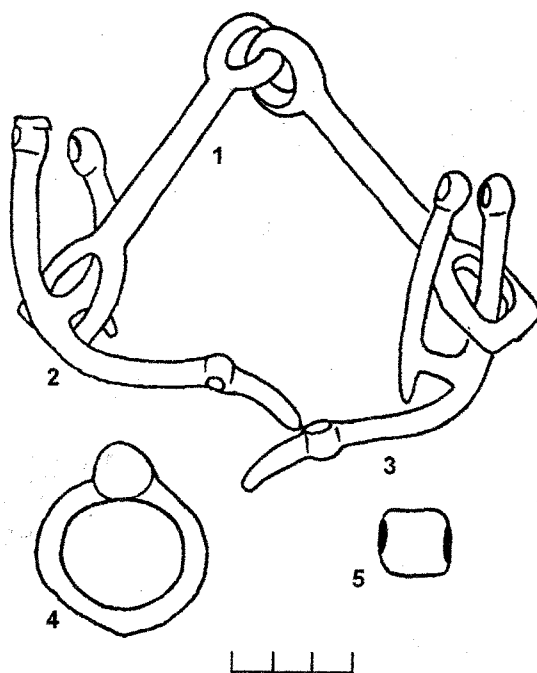

Рис. 4. Оргаа-Хем-III, курган 11, «клад» к западу от могилы 2.

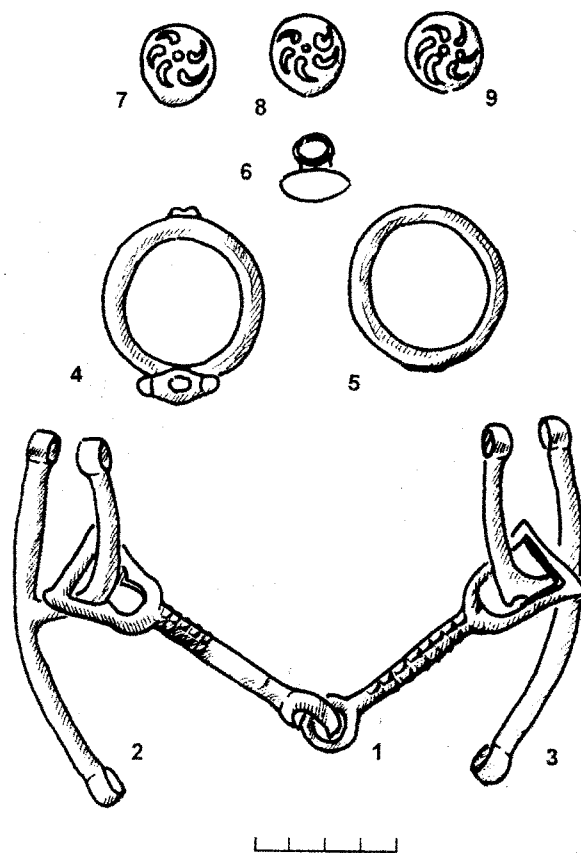

Рис. 5. Хемчик-Бом-III, курган 1-2, могила 1. Комплект сбруи из заполнения.

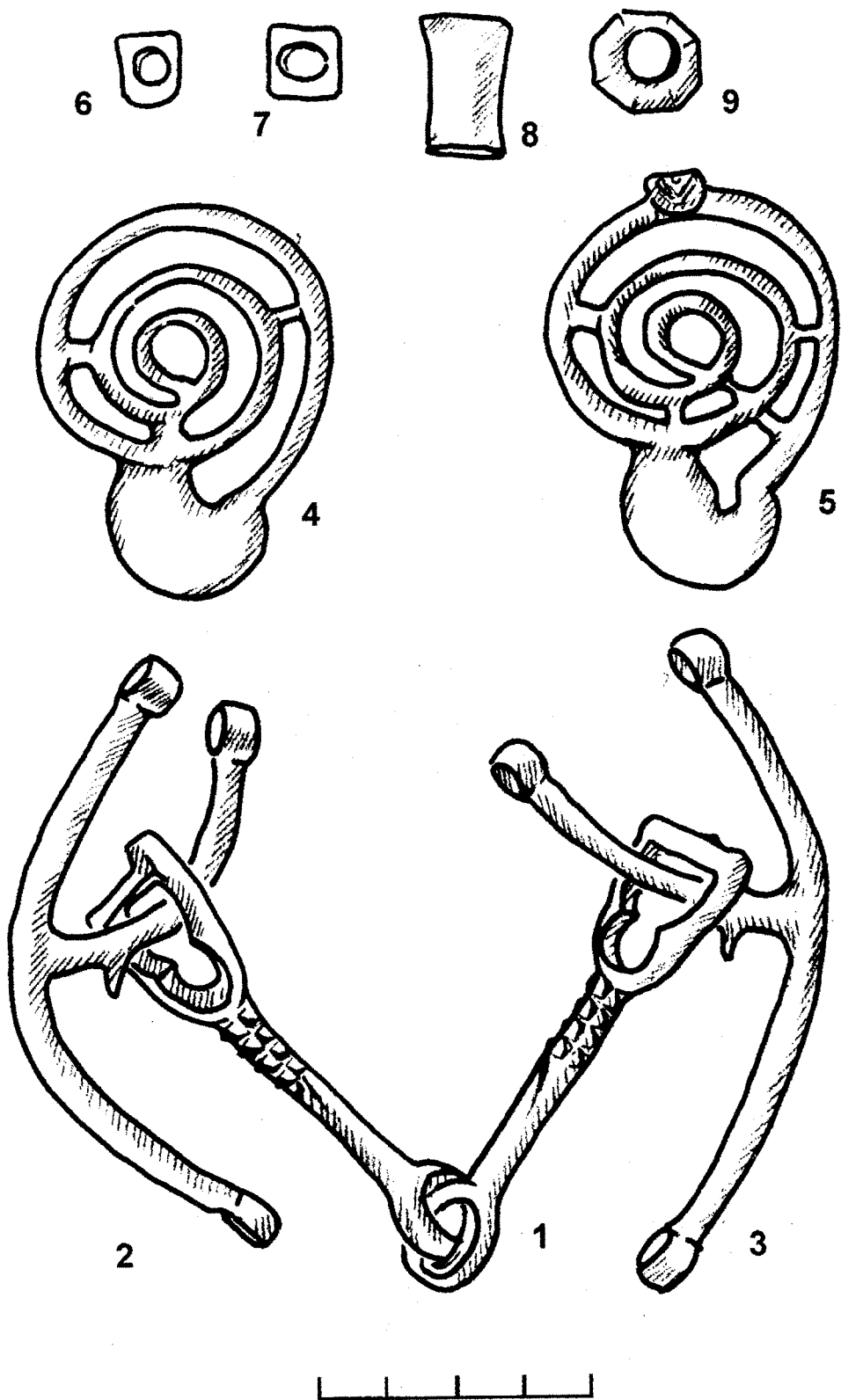

Рис. 6. Хемчик-Бом-III, курган 1-2, могила 1, ритуальный «клад».

значительно пострадали от распахши. Ориентировочные размеры ограды — 8,5×11 м. Внутри каменная засыпка из мелких обломков и гальки. Зафиксированы две могилы.

Могила 1 (южная) — прямоугольной формы (1,1×1,85 м — по дну), глубина от погребенной поверхности — 0,85 м. Ориентировка длинными сторонами по оси — ЮЗ-СВ. На дне — останки взрослой погребенной женщины. Расположение костей достаточно определено показывает, что она была уложена головой на запад, на левом боку с поджатыми ногами. В районе черепа обнаружено 7 круглых цилиндрических и боченковидных стеклянных бус, у локтя круглое бронзовое зеркало, бронзовые нож с кольцевидным навершием и четырехгранное шило с перетянутой головкой. Больше ничего не обнаружено.

Могила 2 (северная) — прямоугольной формы (1,25×1,9 м), глубина 0,75 м. Дно могилы облицовано плитками. На дне — останки погребенного мужчины. Сохранность костей, как и в могиле 1, очень плохая. Расположение сохранившихся костей позволяет проследить позу погребенного, который был уложен головой на юго-запад, на левом боку с поджатыми ногами. Череп покоился на камне-«подушке». При погребенном обнаружены следующие вещи: за черепом — цилиндрическая бусина из хризопраза, перед грудью лежал бронзовый чекан с остатками рукоятки (сохранилось около 30 см), у колен — 6 наконечников стрел (четыре — бронзовые ромбические, два — пулевидные костяные), на поясе — бронзовый пластинчатый нож с небольшим отверстием и рядом стеклянная бусина. Под каменным полом ничего не обнаружено.

В северо-восточной части ограды, с внешней стороны ограды зафиксирована пристройка (1×1,2 м), состоящая из плотно уложенных друг к другу камней. После снятия каменного покрытия в центре обнаружена вертикально вкопанная крупная галька (длина 50 см, вкопана на глубину 25 см), аналогичная той, которая была вкопана напротив ограды кургана 15. На ней никаких рисунков не обнаружено.

По конструкции погребальных сооружений, обряду и сопроводительному инвентарю сдвоенные курганы 15 и 16 относятся к усть-хемчикскому этапу алды-бельской культуры

Центральной Азии (VII–VI вв. до н.э.) и имеют достаточно убедительные аналогии в ряде памятников Тувы [Грач, 1980, с. 24 и сл.]. Отличительной особенностью усинских памятников являются прямоугольные ограды, грунтовые могилы и вертикальные крупные гальки с восточной стороны ограды (своеобразные имитации «оленных» камней), остальные признаки алды-бельской культуры (ориентировка и поза погребенных, характерные наборы вещей) представлены достаточно полно. Особенно похоже нахождение конских сбруйных комплектов не в могилах вместе с погребенными в таких комплексах, как Алды-Бель-I (курган 21), Хемчик-Бом-III (курган 1–2) и Ортаа-Хем-III (курган 11), а на уровне древнего горизонта к югу или западу от могилы [Грач, 1980, с. 125–128, 132, 218–239, 247; Самбу, 1970, с. 182–183]. Всего в Туве обнаружено четыре комплекта с У-образными псалиями (рис. 2–6). Наиболее близок уздечный набор из могильника Баданка-IV (курган 15) комплексу из Хемчик-Бом-III (курган 1–2): совпадает форма сложных стремечковидных удил и рельефность на грызлах, наличие кольцевидных подпружных пряжек (рис. 5–6). Все эти удила являются переходным вариантом от стремечковидных с дополнительным отверстием к простым стремечковидным, что может свидетельствовать об их относительной древности, тем более, что аналогичные удила встречаются в некоторых комплектах «царского» кургана Аржан [Грязнов, 1980, рис. 12]. В остальных комплектах похожи отдельные бронзовые детали уздечки.

По погребальному обряду эти захоронения относятся ко II типу всаднических погребений раннескифского времени Саяно-Алтая и Восточного Казахстана, когда воина хоронили в могильной яме, а сбрую клали в стороне от могилы, на уровне древнего горизонта [Боковенко, 1981, с. 55–57].

Появление столь оригинальной конструкции У-образных псалий, видимо, связано с попытками древних кочевников создать строгий мундштучный тип современной уздечки, которая позволяла более уверенно объезжать «горячих» коней [Урусов, 1911, с. 373 и сл.]. Но из-за хрупкости конструкции, У-образные псалии достаточно быстро вышли из употребления и в V в. до н.э. сменились другими вариантами.

Вакулихинский клад (Комплекс находок раннескифского времени с местонахождения Вакулиха-1)

В июне 1987 года во время рыбалки на Гилевском водохранилище рабочие Алтайской геофизической экспедиции обнаружили торчащие из обнажения берега бронзовые изделия — как выяснилось позже, части снаряжения верхового коня раннескифского времени. Вещи располагались в основании невысокого прибрежного обрывчика на глубине около 75 см от его верхнего края. Они залегали не в одном месте кучно, а на протяжении примерно полутора метров, приблизительно на одинаковом уровне. Выдернув торчащие изделия, рыбаки с помощью лопаты немного подкопали обрыв и пополнили число своих находок. Некоторые бронзы были собраны ими на узкой кромке пляжа под берегом и на отмели в воде.

Вскоре один из первооткрывателей сдал основную часть собранных вещей в Музей истории развития горного производства в г. Змеиногорске. Спустя два дня заведующей Змеиногорским музеем В.Х. Смирновой и автору этих строк удалось получить от рабочих еще несколько изделий, первоначально оставленных в качестве сувениров, и побывать на месте находки.

«Клад» был обнаружен на склоне размывающейся водохранилищем надпойменной террасы правого берега р. Алей, примерно в 4 км к северу от окраины пос. Староалейское Третьяковского района Алтайского края, неподалеку от затопленного села Вакулиха (рис. 1). По словам рыбаков, ничего кроме бронзовых изделий им при раскопках берега и сборах на пляже не попадалось. Однако осмотр отвала показал, что в нем имелись мелкие древесные угольки. Такие же угольки сохранились в отверстиях некоторых пронизок, поступивших в музей. Помимо бронзовых изделий и мелких угольков ничего встречено не было. Следов костра в виде пятен прокала или золы не зафиксировано.

Комплекс находок раннескифского времени, обнаруженных на местонахождении Вакулиха-1, привлекает внимание не только своим необычным характером, но прежде всего числом и разнообразием представленных

в нем изделий. При этом вряд ли мы ошибемся, считая, что в землю вещи попали одновременно.

Всего от рыбаков в Змеиногорский музей поступило 54 находки (оф 514/Археология, № 62–79). В этой части Вакулихинского клада наиболее выразительны четыре комплекта удил со вставленными в них бронзовыми псалиями. Каждый такой комплект содержит один псалий, который из-за корки рыхлых окислов невозможно вынуть из кольца удил. Это обстоятельство позволяет уверенно говорить о том, что мы имеем дело с подлинными древними комплектами, а не со случайными наборами, составленными находчиками. Ниже приводится перечень всех пятидесяти четырех бронзовых изделий и даются их рисунки, выполненные автором. Эти же рисунки были положены в основу графических иллюстраций при публикации находок из Вакулихи-1 в недавно изданной обобщающей монографии о культуре населения Русского Алтая в раннескифское время [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 7, 29, 41, рис. 43, 44, 55].

1–3. Первый комплект удил с псалиями (514/1–74; рис. 3.–1–3). Удила со стремевидными окончаниями, имеющими отверстие подпрямоугольной формы. Шарнирные кольца звеньев немного сработаны. Псалии двухдырчатые, дугообразно изогнутые, с Т-образным крючком в центре для вдевания в кольцо удил и парой овальных отверстий около концов. У вынимающегося псалия Т-образный крючок и основной стержень в месте соединения с удилами заметно стерты от употребления. Другой парный псалий оказался неподвижно соединен рыхлыми окислами с удилами. Его стержень образует со звеном удил угол около 25°.

4–6. Второй комплект удил с псалиями (514/1–79; рис. 3.–4,5). Удила со стремевидными окончаниями, имеющими отверстие подтреугольно-овальной формы. Шарнирные кольца в результате коррозии настолько заполнены окислами, что звенья потеряли подвижность и спеклись под углом примерно 45°. Псалии трехдырчато-коленчатые, в виде буквы У,

с дугообразно изогнутым стержнем. Их шип, основание коленчатого ответвления и основной стержень в месте соединения с удилами заметно стерты.

7–9. Третий комплект удил с псалиями (514/1–78; рис. 4.–1,2). Удила со стремевидными окончаниями, имеющими отверстие подтреугольной формы с небольшим сужением посередине. У звена, кольца которого расположены в разных плоскостях, на стержне около шарнирного кольца имеется рельефное изображение «веревочки». Представляется, что это не орнамент, а какой-то технический декор, связанный с технологией изготовления. Псалии У-образные, массивные, схожие с комплектом 2. Следов употребления на этом комплекте не заметно.

10–12. Четвертый комплект удил с псалиями (514/1–77; рис. 4.–3–5). Удила со стремевидными окончаниями, имеющими отверстие пешковидной формы. Судя по пятнам окислов около шарнирных колец, звенья удил лежали в земле сложенными под углом около 30° [Киришин, Тишкин, 1997, рис. 43.–2]. Псалии У-образные, по сравнению с комплектами 2 и 3 они меньших размеров, более лёгкие и грацильные. Их особенностью являются несколько необычные пропорции (прямой стержень между крайними отверстиями и резко изогнутый длинный нижний конец), плоский срез коротких прямых отростков и украшение выпуклых частей стержня по бокам от отверстий отлитым в низком рельефе орнаментом, напоминающим вихревую розетку [Сравн.: Вишневская, 1973, табл. XV–2,3,4; Грач, 1980, рис. 109.–1]. Типологически такие псалии можно считать производными от описанных выше прототипов. Как и на предыдущем комплекте, никаких следов износа на этих удилах и псалиях не имеется.

13. Удила со стремевидными окончаниями, имеющими отверстие подтреугольно-вытянутой формы (514/1–75; рис. 5.–2). Шарнирные кольца предельно изношены. Одно из них протерлось до полного разрыва (разлом патинирован и, видимо, древний). Использовать по назначению удила в таком состоянии вряд ли было возможно.

14. Удила со стремевидными окончаниями, имеющими отверстие подтреугольно-овальной формы (514/1–76; рис. 5.–1). У звена, кольца которого расположены в одной плоскости, на стержне около шарнирного кольца прослеживается какой-то рельефный декор (технический?), который из-за толстого слоя окислов трудно различим. То же зве-

но изогнуто, судя по состоянию патины — в древности, под углом примерно 145°. Это единственный случай «порчи» на предметах Вакулихинского клада. Изогнутые в одном звене удила встречены и в не потревоженной грабителями камере 26 кургана Аржан [Грязнов, 1980, с. 36–37, рис. 23.–3].

15–16. Две бляхи-обоймы для перекрестья ремней узды (514/1–69,70; рис. 6.–7,8). Кубической формы, с четырьмя отверстиями по бокам и одним на оборотной стороне. Лицевая сторона, сужаясь, заканчивается ямкой каплевидной формы глубиной 1,5–2,0 мм. Обоймы немного различаются формой основания, величиной нижнего отверстия и размерами каплевидной ямки на их лицевой стороне. Изделие с более крупным углублением в плане асимметрично, от острого конца ямки вниз к основанию спускается ребро (рис. 6.–7). У другой обоймы такое ребро заглажено, фактически его нет (рис. 6.–8). Возможно, бляхи принадлежали разным уздечным наборам.

17–45. Кольца-пронизки от ремней узды — 29 экземпляров (514/1–73; рис. 6.–12). Обычная находка среди остатков сбруи раннескифского времени. Кольца, собранные рыбаками, одинаковы и, по-видимому, принадлежат какому-то одному уздечному комплекту. Все пронизки имеют выраженное ребро по их наибольшему диаметру.

46. Застежка, имеющая в основании кольцо-пронизку (514/1–72; рис. 6.–9). Обойма аналогична по форме ребристым кольцам-пронизкам, но несколько превосходит их по размерам. От кольца отходит короткий круглый в сечении стержень-шпенек, завершающийся шляпкой-пуговкой каплевидной формы. Нижняя часть шляпки плоская, верхняя имеет каплевидное углубление, схожее с ямками на лицевой стороне упомянутых выше обоек для перекрестья ремней.

47. Уздечная подвеска-наносник, выполненная в сако-сибирском художественном стиле (514/1–68; рис. 7.–11). Принадлежит к серии изделий, известных из могильников Машенка-1 [Шульга, 1997, с.194, рис. 15], Каракол [Кубарев, 1997, рис. 2], Алды-Бель-1 [Грач, 1980, рис. 83.–1], Хемчик-Бом-III [Грач, 1980, рис. 110.–4].

48. Сбруйная подвеска (514/1–67; рис. 7.–13). В отличие от остальных находок, это изделие необычное и, вероятно, не серийного изготовления. Подвеска состоит из круглой выпуклой грибовидной бляшки на круглом в сечении стержне, конец которого приклепан (?) к отростку петли, живо напоминающей

стремевидное окончание удил. Об этом говорят форма и размеры петли, а также сохранившийся на прямом основании литник. Не исключено, что рассматриваемая часть сбруйной подвески была специально изготовлена в форме для отливки удил, но более вероятно, что петля является вторично использованным обломком (сравн. с изогнутым звеном удил № 14). На лицевой стороне грибовидной бляшки выгравирована фигура, повторяющая в основных чертах изобразительную схему подвески-наносника № 47: в центре крупная круглая точка глубиной около 1 мм, от которой отходит S-образный завиток.

Среди древностей раннежелезного века Средней Азии, Казахстана и Сибири подобные изделия мне не известны. Внешне находка несколько напоминает подвески в кольцах удил из некоторых восточноевропейских памятников раннескифского времени [Иессен, 1954, с. 123, рис. 12; Граков, 1977, с. 167, рис. 114.-1].

49. Подпружная пряжка-блок (514/I-62; рис. 6.-1). Крупная пряжка от седельного ремня с овальным приостренным кольцом и немного трапецевидной рамкой. Отлита в двусторонней форме. На рамке сохранился шестигранный в сечении литник, видны литейные швы. Кольцо и боковые стороны рамки имеют дугообразно-изогнутое сечение.

50. Подпружная пряжка-застежка, парная № 49 (514/I-63; рис. 6.-2). Аналогична пряжке-блоку (видимо, отлиты в одной форме), но имеет застежку: каплевидную шляпку-пуговку на коротком круглом в сечении шпильке. Нижняя часть шляпки плоская.

51. Трочная пряжка-блок (514/I-64; рис. 6.-4). Овальное кольцо, круглое в сечении. Сторона, которой пряжка крепилась к сбруе, имеет прямой срез и выемку для ремешка.

52. Подвеска-ворворка (514/I-65; рис. 6.-5). Кольцо в виде усеченного конуса с плоским основанием. Могло использоваться и как пряжка [Членова, 1967, с. 79].

53. Желобчатая застежка (514/I-66; рис. 6.-6). Прямой стерженек с узкой перемычкой в центре и отходящими от нее двумя коническими концами. Нижняя часть уплощена.

54. Обойма (514/I-71; рис. 6.-3). Прямой круглый в сечении стерженек с продолговатым отверстием вдоль длинной оси.

В августе-сентябре 1987 г. Вакулихинское местонахождение было обследовано мною с небольшим отрядом барнаульских школь-

ников. Целью работ был поиск изделий, выпавших из берега и замывших на прибрежной отмели, а также зачистка по материку и выявление пятен от ям на участке пляжа, примыкавшем с севера к месту обнаружения клада (рис. 2).

Как и предполагалось, все находки были сделаны в песке пляжа или на границе песка с подстилающим его слоем плотного серо-черного суглинка. В самом суглинке находок не было за исключением небольшого фрагмента керамики (513/I-57) и сильно окатанной ножевидной пластины леваллуазского типа (513/I-58; определение А.Л. Кунгурова). Мощность слоя песка не превышала 10-12 см, что позволило разобрать его очень тщательно, включая промывку отвала через сито с ячейей сечением 3 мм.

В результате было обнаружено еще более четырех десятков мелких бронзовых изделий из Вакулихинского клада, в том числе замечательная бронзовая подвеска-наносник в виде головы лося [Бородаев, 1993, с. 154, рис. 2; Тишкин и др., 1996, с. 197-198, рис. 49, 50]. Некоторые находки случайно оказались на изучавшемся участке пляжа и не были связаны с рассматриваемым комплексом. К этой группе находок, по большей части сильно окатанных водой, относятся пара мелких фрагментов керамики, три отщепы и ножевидная пластинка. Кроме того встречено три мелких бесформенных обломка от бронзовых предметов (513/I-54) и сплавившийся кусочек бронзы (513/I-53). Последние находки могут быть связаны с кладом, но для полной уверенности в этом слишком мало оснований.

В сентябре 1988 г. заложенный на пляже раскоп был доведен в южном направлении до места находки и немного врезан в берег (рис. 2). Зачисткой по материку никаких следов перекопа не выявлено.

В ходе работ на пляже был обнаружен еще один бронзовый псалий с Т-образным крючком в средней части, а в стенке берега, на глубине 0,9 м, на границе черного суглинка и желтой материковой глины, встречено каменное орудие, вероятно, позднепалеолитического возраста. Изделие не окатано, что позволяет предполагать наличие здесь слоя [Бородаев, 1993, с. 151, рис. 2; Тишкин и др., 1996, с. 198-199, рис. 50].

Все находки, полученные при раскопках 1987-88 гг., переданы в Змеиногорский музей (оф 513/Археология, № 46-61). Комплекс бронзовых изделий Вакулихинского клада пополнился следующими предметами:

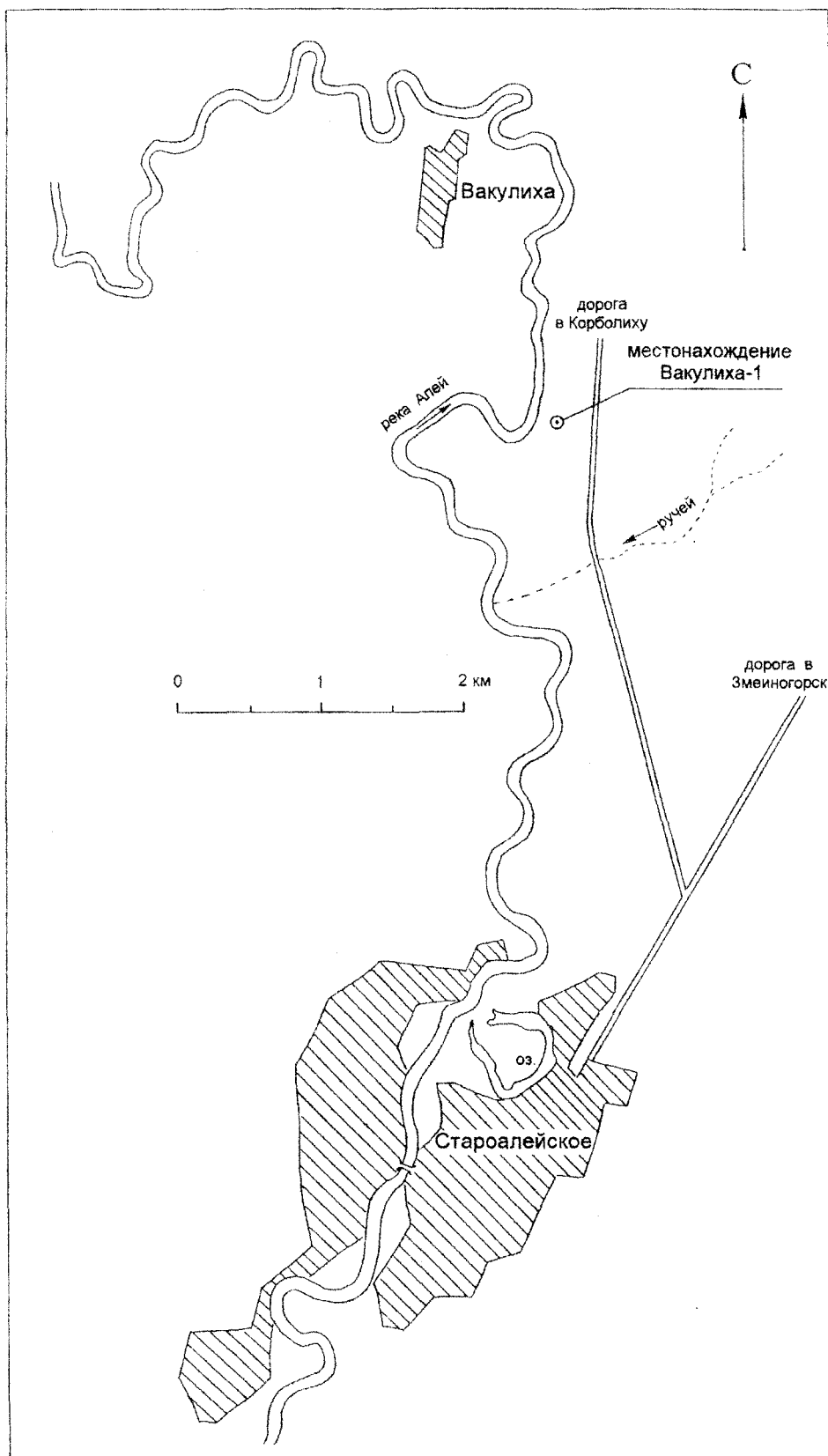

Рис. 1. Карта-схема расположения памятника. Река Алей ниже пос. Староалейского показана по топоъемке, проводившейся до заполнения Гилевского водохранилища.

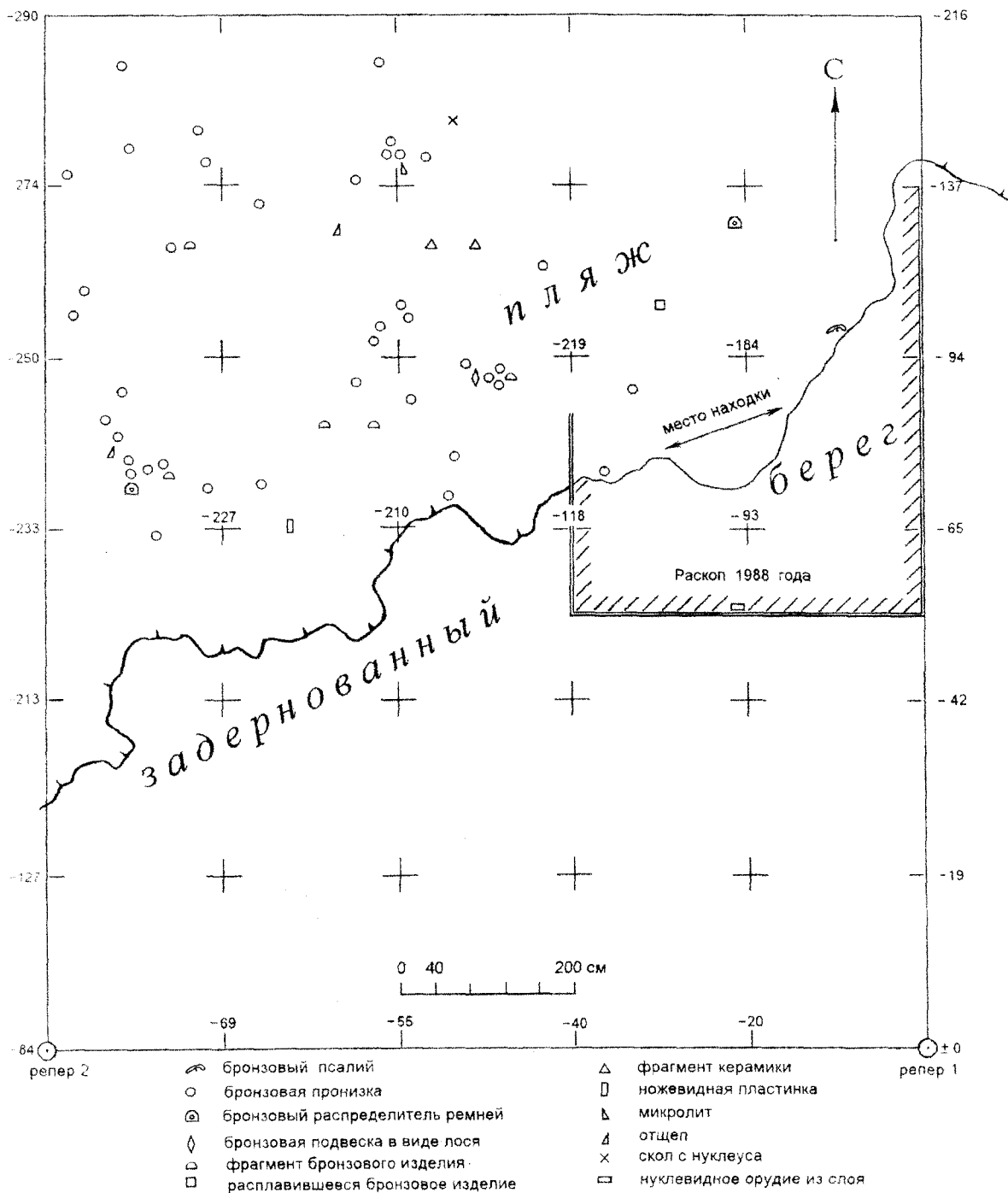

Рис. 2. Местонахождение Вакулиха-1. План раскопа на пляже и береговой врезки в месте находки «клада».

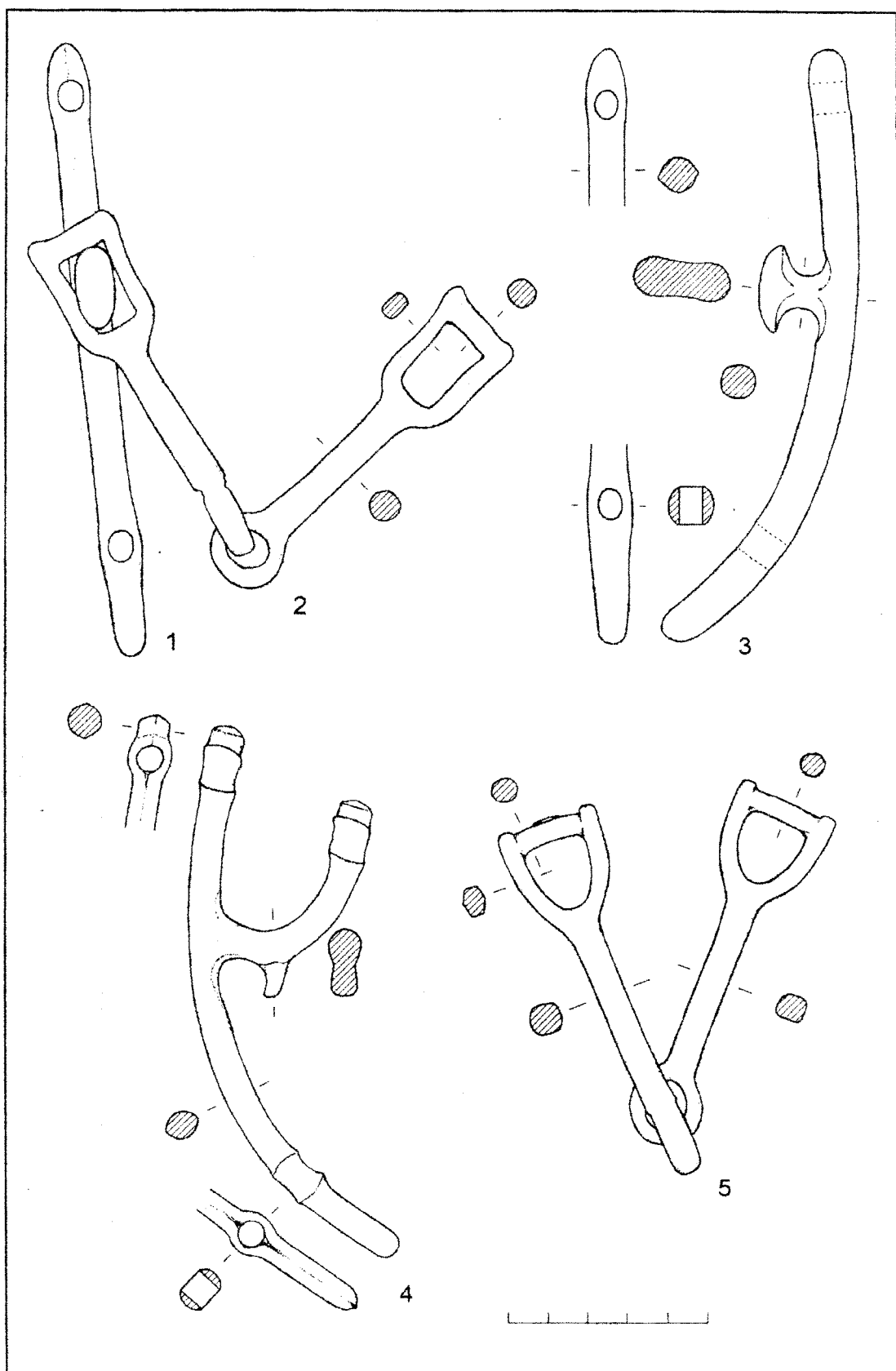

Рис. 3. Вакулиха-1. Комплекты удил с псалями:
1-3 — первый комплект; 4,5 — второй комплект.

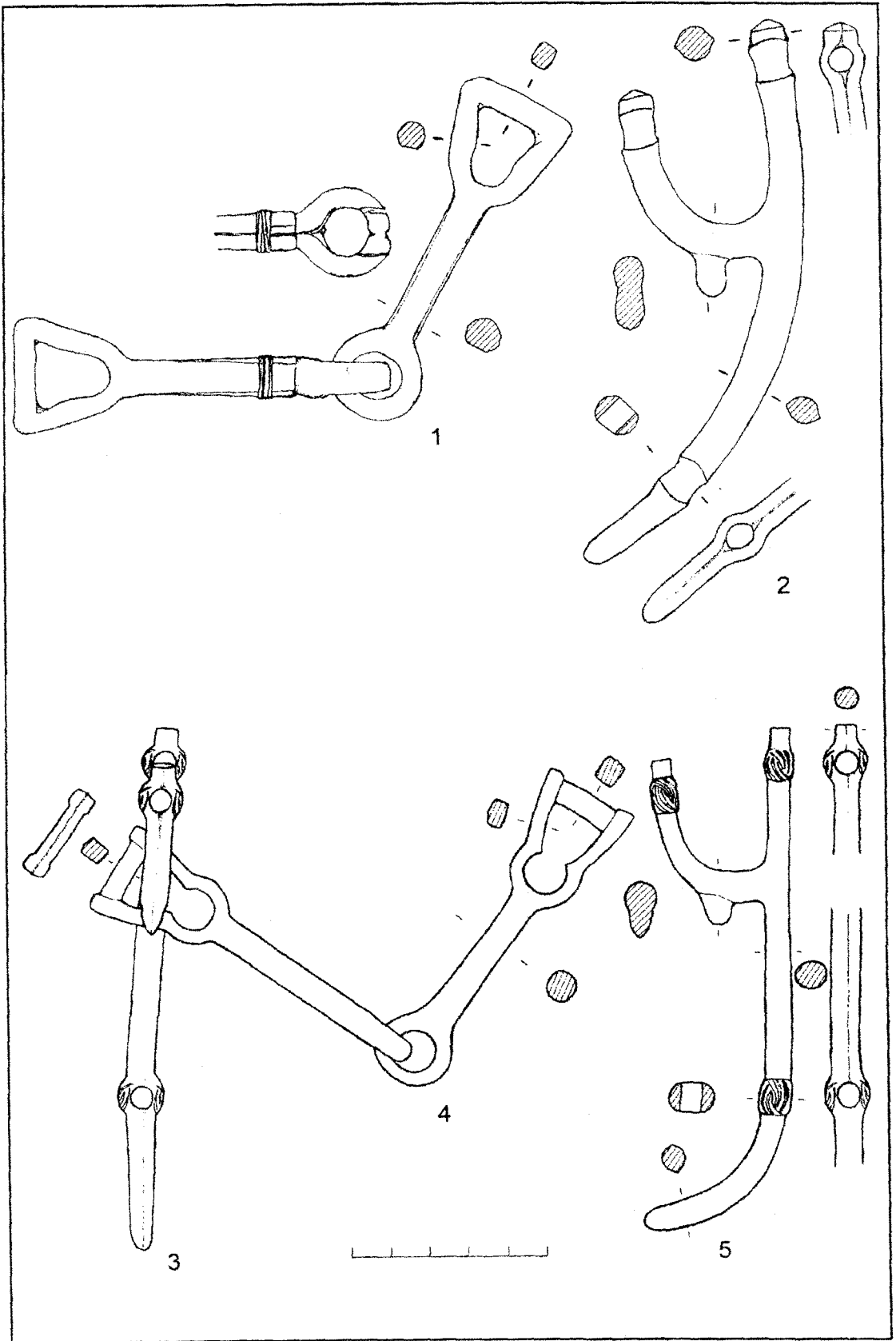

Рис. 4. Вакулиха-1. Комплекты удил с псалями:
1,2 — третий комплект; 3-5 — четвертый комплект.

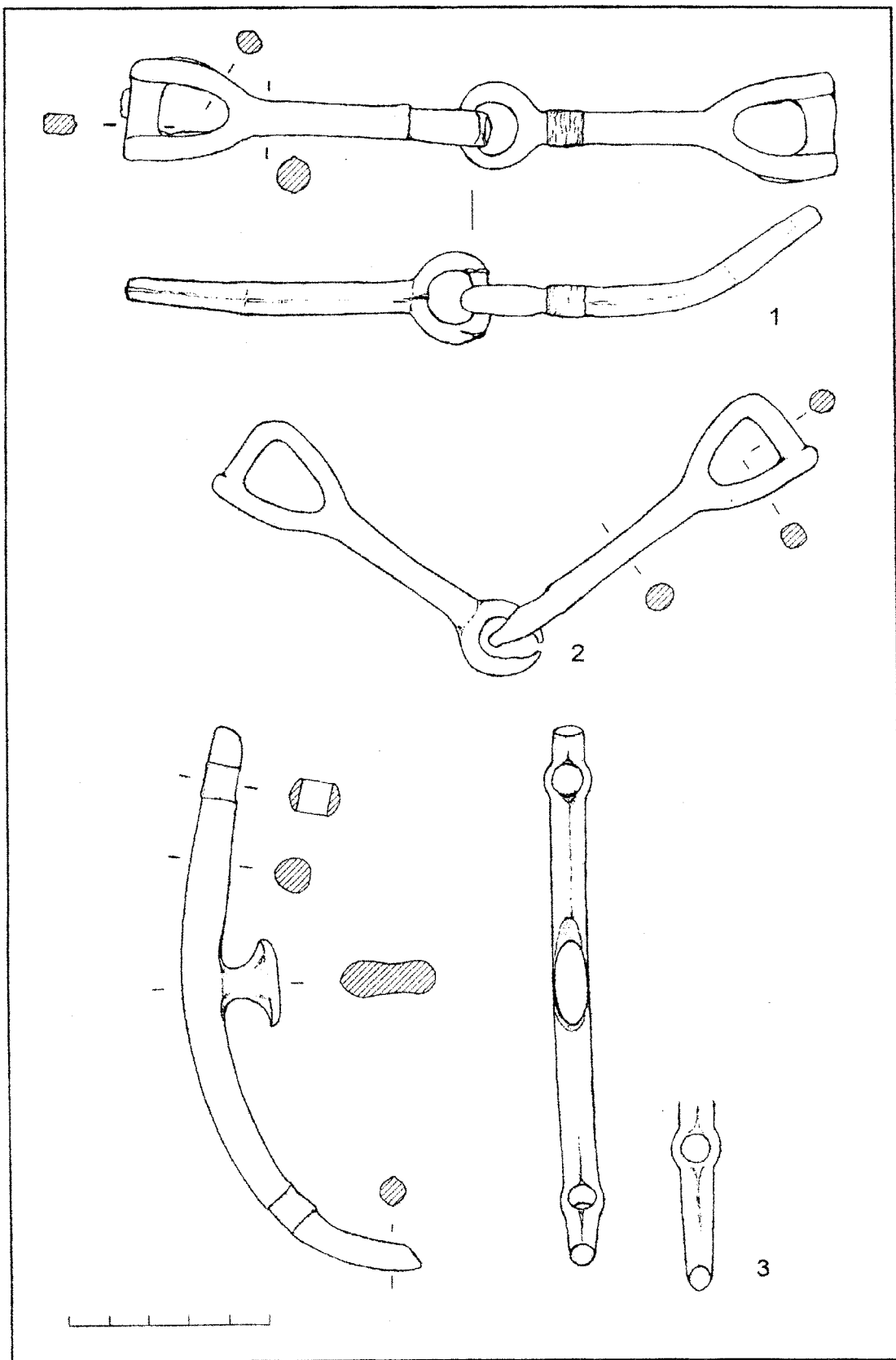

Рис. 5. Вакулиха-1. Бронзовые удила и псалий, найденные отдельно.

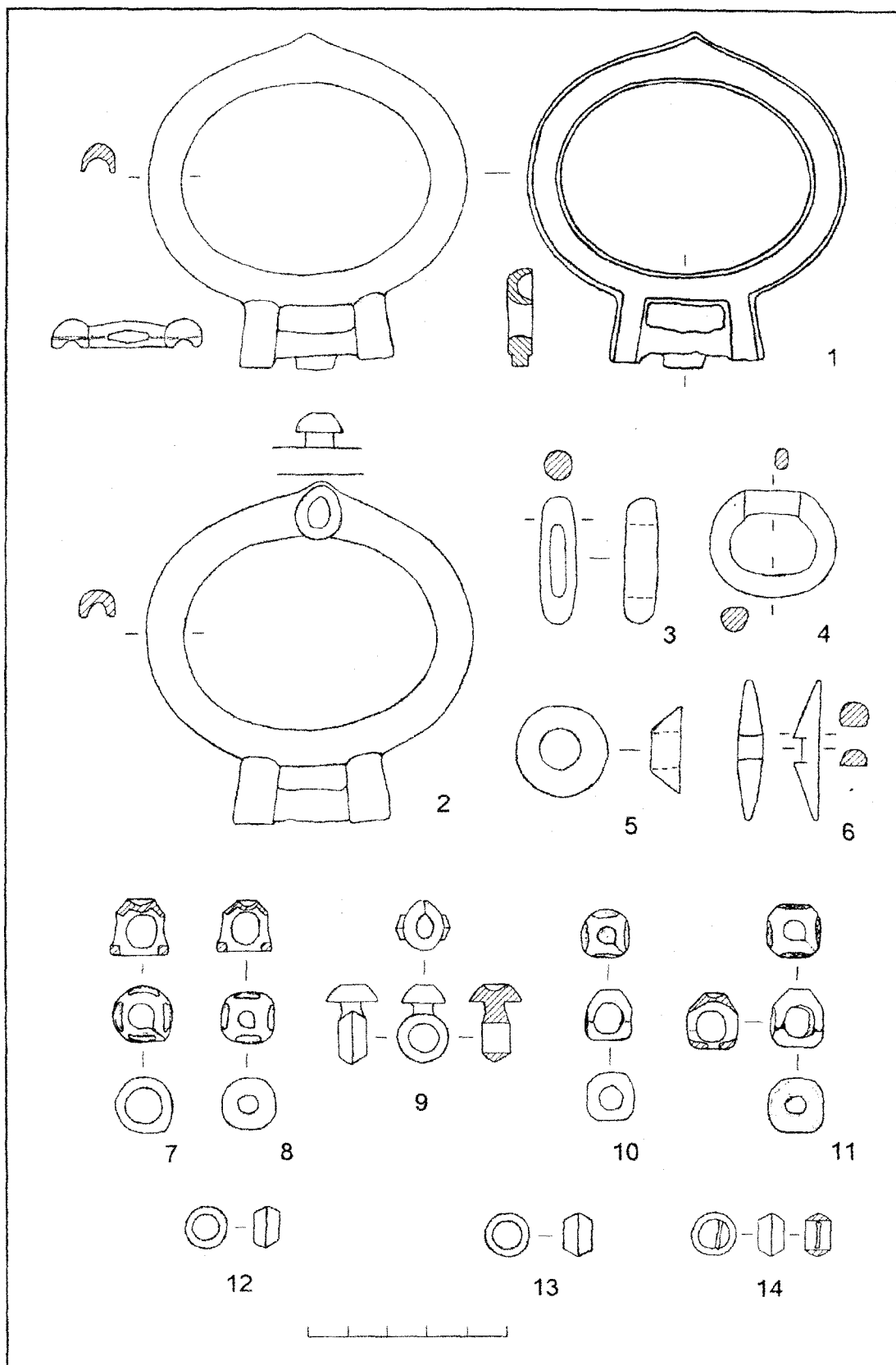

Рис. 6. Вакулиха-1. Бронзовые принадлежности срури.

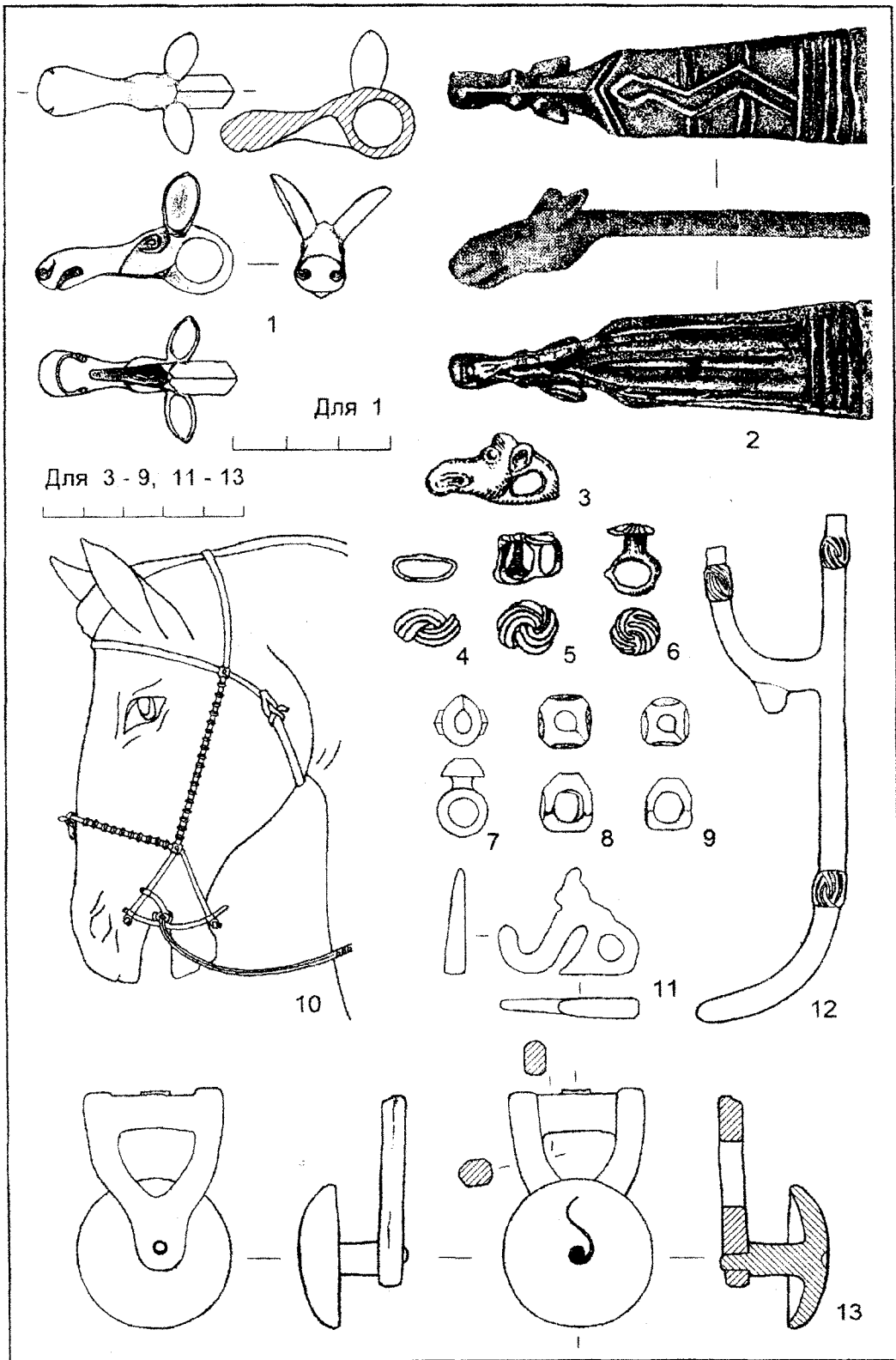

Рис. 7. Изделия из Вакулихинского клада, выполненные в сако-сибирском художественном стиле, и некоторые аналогии им: 1, 7-9, 11-13 — Вакулиха-1; 2 — Сейминский могильник (Киселев, 1949; Бадер, 1970); 3-6 — Уйгарак, к.47 (Вишневская, 1973); 10 — реконструкция автора.

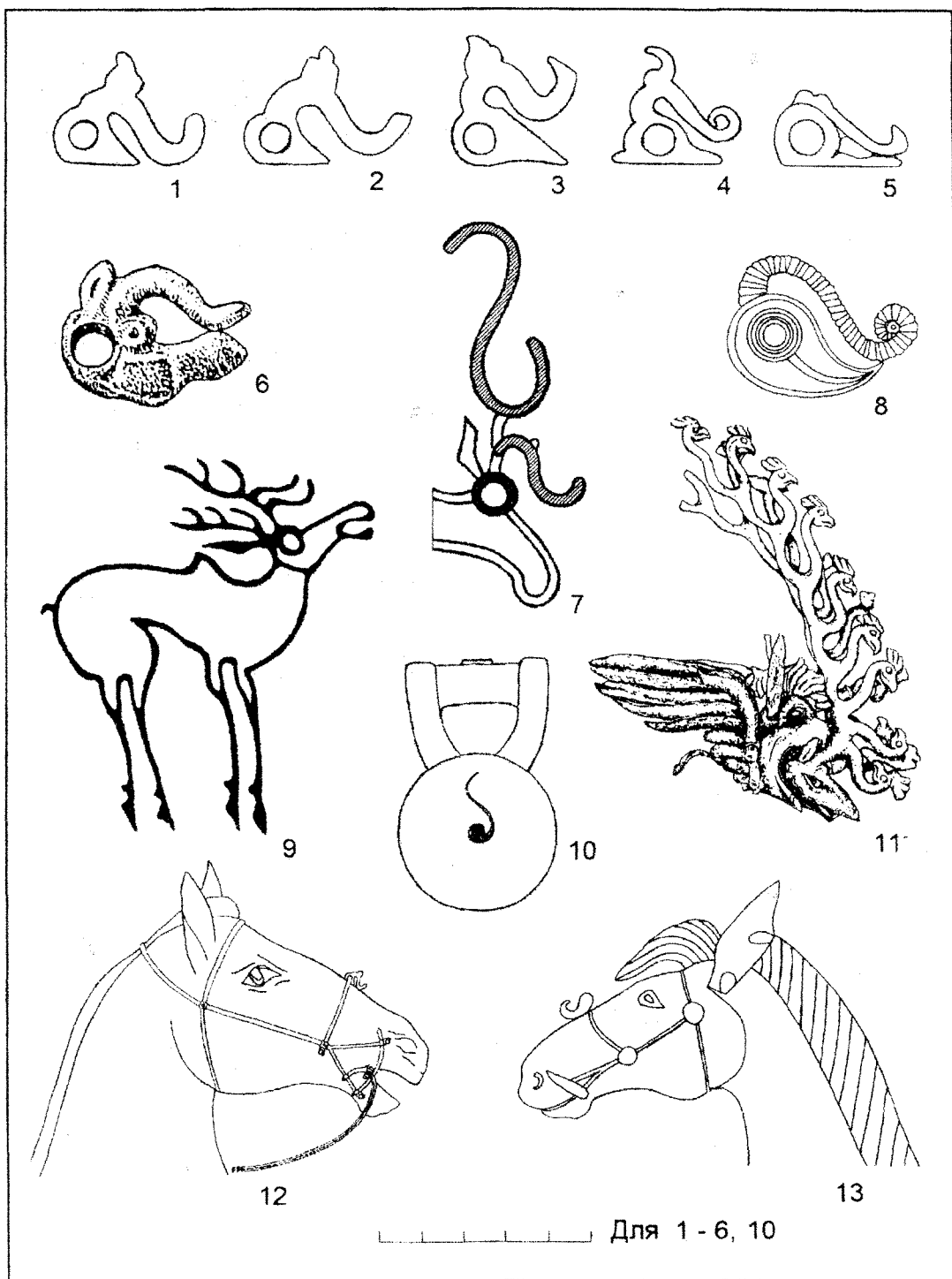

Рис. 8. Бронзовые уздечные подвески-наносники в виде переднего отростка рога оленя, их семантика и употребление: 1-5 — подвески-наносники из уздечных комплектов с U-образными псалмиями (1 — Вакулиха-1, 2 — Машенка-1, 3 — Каракол, 4 — Алды-Бель-I, 5 — Хемчик-Бом-III); 6 — Тасмола-I, к. 19 (Кадырбаев, 1966); 7 — фрагмент рисунка на бронзовом зеркале из Усть-Бухтармы, штриховкой показана последовательность нанесения изображения (Марсадолов, 1982); 8 — Амударьинский клад (Кузьмина, 1977); 9 — фрагмент изображения на оленьем камне из кургана Аржан (Грязнов, 1980); 10 — Вакулиха-1; 11 — Второй Пазырыкский курган (Мартынов, 1984); 12 — реконструкция автора; 13 — фрагмент изображения на войлочном ковре из Пятого Пазырыкского кургана (Артамонов, 1973).

Фото 1. Бронзовая подвеска в виде головы лося до реставрации.

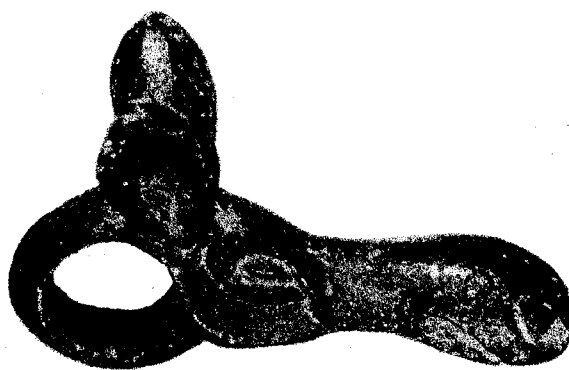

Фото 2. Бронзовая подвеска в виде головы лося после реставрации.

55. Псалий двудырчатый с Т-образным крючком в центре для вдевания в кольцо удила (513/I-55; рис. 5.-3). Аналогичен псалиям первого комплекта. Различия состоят в ином оформлении круглых отверстий и завершений стержня, в большем изгибе длинного конца. Стержень и крючок псалия заметно изношены от трения об удила.

56-57. Две бляхи-обоймы для перекрестья ремней узды (513/I-47,48; рис. 6.-10,11). Аналогичны бляхам № 15-16. При общем сходстве все четыре обоймы имеют незначительные индивидуальные отличия.

58. Обломок от ножки и основания подобной же бляхи-обоймы для перекрестья ремней узды (513/без №).

59-96. Кольца-пронизки от ремней узды — 38 целых экземпляров (513/I-51; рис. 6.-13). Все ребристые, немного разных форм и размеров, с отверстиями диаметром 7-8 мм. Аналогичны кольцам № 17-45. Как и среди находок рыбаков, в одной из пронизок встречен древесный уголек.

97-98. Обломки от двух таких же колец-пронизок (513/I-52).

99. Кольцо-пронизка с внутренней перемычкой (513/I-50; рис. 6.-14). Отличается от остальных тем, что внутри имеет приваренную бронзовую проволочку сечением менее 1 мм, которая делит отверстие на две неравные части.

100. Уздечная подвеска-наносник в виде головы лося (513/I-46; рис. 7.-1). Изделие было покрыто толстым слоем рыхлых окислов (фото 1). Детали изображения стали видны лишь после реставрации (фото 2), проведенной в 1988 г. сотрудниками ИИФиФ СО АН СССР Э.А. Скорыниной и Г.К. Ревуцкой, за что приношу им глубокую благодарность.

Петля подвески выполнена в виде ребристого кольца-пронизки. Изгиб окружности плавно превращен в загривок лося. От кольца отходит гипертрофированно-узкая, продолговатая морда животного с перехватом в средней части и расширением к ноздрям и рту. Похоже, нет ни одной детали изображения, чьи пропорции не были бы искажены по сравнению с реальным животным. Вместе с тем, художнику удалось создать цельный, выразительный и легко узнаваемый образ. Подлинное мастерство автора миниатюры проявилось в характерном для скифо-сако-сибирского звериного стиля подчинении изображения заданной форме предмета. В этой связи можно упомянуть о некотором сходстве рассматриваемого изделия с несколько

более поздними подвесками-«костыльками», которые Н.Л. Членова считает принадлежностью конского убора [Членова, 1967, с. 78, табл. 17.-35,36 «костыльки», табл. 17.-38 — наносник; Членова, 1995, с. 94-96, рис. 2.-5. Сравн.: Смирнов, 1961, с. 96, рис. 55.-8, рис. 44.-5; Вишневская, 1973, табл. XV.-5; Абдулганеев, 1994, рис. 1.-5].

О технологии производства вакулихинской подвески отчасти можно судить по литейному шву, который сохранился и хорошо виден только внутри кольца пронизки: кольцевой чуть выступающий прилив проходит по середине плоскости отверстия. По-видимому, подвеска-«костылек» отливалась в двусторончатой форме, а уши лося, возможно, были предварительно изготовлены отдельно.

Особенностью наносника является наличие глубокой продолговатой выемки правильной формы, сделанной в нижней части морды при отливке. Имело ли это углубление какое-то практическое значение, связано ли оно с методами изготовления, либо его появление вызвано какими-то другими причинами — не ясно.

В этой связи обращают на себя внимание стилистические параллели с объемной скульптурой Урала и Карелии эпохи бронзы, где глубокая впадина между ветвями нижней челюсти считается характерной чертой художественной трактовки головы лося. Этот признак наблюдается не только на изделиях из дерева, рога и камня [Эдинг, 1940, с. 45, 54, 76-77, рис. 45, 52], но и на навершии одного из знаменитых бронзовых кинжалов Сейминского могильника, рукоять которого была увенчана головой лося [Эдинг, 1940, с. 76-77, рис. 74-75; Киселев, 1949, с. 69, табл. XI.-3,4; Бадер, 1970, с. 111-112, 116, рис. 50].

Глубокий желобок между ветвями нижней челюсти является устойчивой художественной чертой, одним из тех стилистических признаков, которые даже позволяли говорить об особой «школе», возникшей в эпоху бронзы в Олонецком крае [Эдинг, 1940, с. 54]. Глубокую продолговатую выемку в нижней части изображения лося из Вакулихи-1 можно рассматривать как далёкий отголосок иконографической традиции предшествующего периода.

Возможно, появление такой художественной традиции было определено своеобразием морфологии животного. В отличие от других оленей у самцов и самок лосей под горлом находится мягкий кожаный вырост — «серьга», имеющая в профиль форму треугольника или вытянутого колбасовидного образования.

Длина «серьги» составляет 20–25, реже 35–40 см, иногда достигает полуметра и более. У трёх-четырёхлетних животных она достигает максимального развития, а затем отпадает на некотором расстоянии от основания, так что остаётся своеобразная «борода» [Филонов, 1983, с. 5–6, рис. 2]. Не исключено, что разделка пространства между ветвями нижней челюсти лося первоначально производилась художниками эпохи камня и бронзы для прикрепления «серьги», изготавливавшейся отдельно.

Стилистически подвеска из Вакулихинского клада тяготеет к зооморфной пластике эпохи бронзы. Изображение лося находит близкие аналогии в художественном литье из Сейминского могильника [Эдинг, 1940, с. 76–77, рис. 74–75; Киселёв, 1949, с. 69, табл. XI.–3,4; Бадер, 1970, с. 111–112, 116, рис. 50]. Схожи гипертрофированные пропорции головы: сужение продолговатой морды в средней части и расширение к ноздрям (рис. 7.–1,2). Художник как бы заостряет внимание зрителя на чертах образа, действительно присущих животному, но в природе выраженных не столь выпукло. Применительно к вакулихинской подвеске это замечание относится и к оформлению ноздрей в виде запятых, так как ноздри лося имеют именно такую форму.

Сопоставление с зооморфной пластикой эпохи бронзы позволяет выделить на вакулихинской подвеске те изобразительные приёмы, которые отличают её от художественных изделий предшествующего периода и вводят в круг образцов сако-сибирского искусства. К таким особенностям, имеющим, по-видимому, хронологический характер, наверное, можно отнести моделирование части объёма (в районе верхних ветвей нижней челюсти и вокруг глаз) с помощью расположенных под разными углами прямых плоскостей, что позволило в плавном контуре изображения контрастно показать рельеф отдельных участков (фото 2).

В первой краткой публикации, посвящённой находкам из Вакулихи-1, я назвал изображённое на подвеске животное лосихой [Бородаев, 1993, с.151]. Затем это определение стало повторяться в литературе [Тишкин и др., 1996, с. 197; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 4, 29]. Однако после консультаций с зоологами требуются некоторые коррективы.

Лось — самый крупный представитель семейства современных оленей. Рога у лосей имеют только самцы. У взрослых особей рога ежегодно начинают расти весной (обычно в апреле-мае), в августе они достигают полного

развития и окостеневают. К концу сентября быки очищают рога от кожи, а с ноября по февраль (в основном в декабре-январе) сбрасывают их [Филонов, 1983, с. 8–15]. По мнению специалистов, в период, когда самцы сбрасывают рога, определить пол по общему облику животного трудно [Филонов, 1983, с. 7], а только по морде, видимо, вообще невозможно. Вполне вероятно, что на вакулихинской подвеске изображён самец лося в пограничный период между ежегодными циклами зарождения, развития и исчезновения рогов.

Оленьи рога у первобытного населения Сибири традиционно ассоциировались с идеей цикличной смены жизни и смерти; круговоротом развития, гибели и нового возрождения; с идеей воскресения через уничтожение. Не случайно в скифо-сибирском искусстве главной деталью при изображении оленя обычно являются рога. В этой связи необходимо вернуться к подвеске-наноснику № 47 из Вакулихинского клада.

Подвески, аналогичные находке из Вакулихи-1, найдены на Алтае и в Туве. Они неизменно встречаются только с уздечными комплектами, в которых присутствуют У-образные псалии [Машенка-1: Шульга, 1997, с. 194, рис. 15; Дёмин, Шульга, 1995, с. 101, рис. 2; Каракол: Кубарев, 1997, рис. 2; Алды-Бель-1: Грач, 1980, рис. 83.–1,2; Хемчик-Бом-III: Грач, 1980, рис. 110.–4, рис. 109.–1]. Очевидно, население употреблявшее сбрую этого типа, понимало семантику изображений на таких подвесках, занимавших среди украшений узды центральное место.

Археологи подобные изделия либо публикуют без комментариев, либо видят в них изображение хищной птицы [Кузьмина, 1977, с. 136, табл. XIV.–49], уже получившее название «сакского орла» [Шульга, 1997, с. 196, рис.–15–17, 21]. Мне представляется, что более продуктивна иная линия сопоставлений (рис. 8). Для сравнения можно указать на более реалистичные изображения, встречающиеся в Казахстане [Кадырбаев, 1966, с. 314, 316, рис. 7.–1; Артамонов, 1973, с. 32, № 31; Марсадалов, 1982, с. 31, 32, рис. 1, 2], в Средней Азии [Кузьмина, 1977, с.136, табл. XIV.–49 (бляха опубликована в перевёрнутом виде, рогом вниз, под названием «головка хищной птицы»)] и в Южной Сибири [Грязнов, 1980, рис. 29.–2; Руденко, 1953, табл. LXXXIV.–4; Мартынов, 1984, с. 22, рис. 5].

На основании изучения оленных камней М.П. Грязнов пришел к выводу, что древний художник начинал рисовать оленя на каменном столбе с глаза, к которому добавлял за-

тем остальные детали фигуры [Грязнов, 1978, с. 227–230]. Показательны в этой связи изображения оленей на зеркале из Усть-Бухтарминского могильника. Исследование этого изделия Л.С. Марсадоловым подтвердило правильность заключения М.П. Грязнова: первоначально мастер вырезал на литейной форме круглый глаз животного, а затем «пририсовывал» к нему туловище, нос, рога и ухо. Из перечисленных частей изображения наиболее значимой, безусловно, являлись рога. По наблюдению Л.С. Марсадолова «S-образное окончание рога и его передний отросток исполнены по отдельности, а затем прямой линией и перпендикуляром к ней соединены с глазом» [Марсадолов, 1982, с. 31, рис. 1, 2].

Голова оленя на зеркале из Усть-Бухтармы (рис. 8.–7), как мне кажется, даёт ключ к пониманию символики рассматриваемой серии уздечных подвесок. При всем смещении зооморфных и растительных мотивов, подвеска из Вакулихи-1 и ей подобные, вероятно, изображают рог, а семантика их связана с этим символом [Мартынов, 1984, с. 21–23]. Обращает на себя внимание устойчивость художественной схемы раннесакского искусства: показанный в виде кружка глаз и отходящий от него S-образно изогнутый передний отросток рога, на котором характерным бугорком-запятой обычно намечено зарождение следующего отростка.

Круглый глаз, сразу от которого начинается рог, — довольно характерный изобразительный приём раннесакского искусства. Правильность предложенной трактовки рассматриваемой серии уздечных подвесок подтверждает золотая бляха с аналогичным сюжетом из Амударьинского клада. Рог на ней показан весьма натуралистично, поперечными желобками отмечены его годовые кольца (рис. 8.–8).

Таким образом, семантика подвесок из Вакулихинского клада, возможно, во многом тождественна: изображение головы лося (оленя) в художественной традиции предшествующей эпохи (рис. 7.–1); изображение основных сакральных элементов образа оленя — глаза и переднего (первого) рога с зарождающимся следующим отростком (рис. 7.–11; рис. 8.–1), по принципу парциальной магии «pars pro toto» («часть как целое»); наконец, изображение условного знака в виде круглой точки и отходящего от неё S-образного завитка (рис. 7.–13; рис. 8.–10) — магического символа, который мог нести ту же смысловую нагрузку.

Выше уже говорилось о предположительной связи подвески в виде головы лося из Вакулихи-1 с подвесками-«костыльками» несколько более позднего времени. Вероятно, «костыльки» являлись предельно схематичными по изобразительной форме оберегами, восходящими смысловой основой к зооморфным космическим персонажам.

Завершая описание находок, необходимо отметить, что многие из них требуют реставрации (удаления слоя рыхлых окислов с последующей консервацией), однако для проведения таких работ Змеиногорский музей не имеет средств. Между тем, реставрация не только предотвратила бы дальнейшее разрушение бронз, но и позволила бы уточнить некоторые детали технологии изготовления, особенности употребления обнаруженных изделий. Например, о способе использования U-образных псалиев, наверное, могут что-то рассказать следы их сработанности и характер затертостей.

В 1930 году рисунки узды из кургана под Солонечным белком были опубликованы в работах С.И. Руденко и М.П. Грязнова. Первый изобразил псалии разветвлениями вниз [Руденко, 1930, рис. 4.–2], второй показал рогулькой вверх [Грязнов, 1930, с. 10–11, рис. 87], что в дальнейшем закрепилось в названии — «U-образные псалии». Долгие годы узда этого типа не встречалась археологам в рабочем положении, надетой на оставленного в могиле коня. Такая находка была сделана П.И. Шульгой в 1993 году при раскопках могильника Машенка-1. В комплекте бронзовых удил с U-образными псалиями, обнаруженном *in situ*, псалии были вставлены в удила развилкой вниз, а не вверх [Демин, Шульга, 1995, с. 101, рис. 2]. Анализ затертостей у основания среднего отростка псалиев из Вакулихи-1, наверное, мог бы дать ответ на вопрос: насколько распространен был такой способ крепления. Пока же представляется верным замечание В.Д. Кубарева, допускающего употребление U-образных псалиев в обоих положениях [Кубарев, 1997, с. 9].

Подведем итоги. Какая-то часть Вакулихинского клада, безусловно, лежит на дне Гилевского водохранилища. Однако компактное расположение бронз в береговом обрыве (на отрезке около полутора метров) и почти полное отсутствие крупных вещей среди находок на пляже позволяет считать, что собранные в 1987–88 гг. на местонахождении Вакулиха-1 бронзовые изделия составляют преобладающую часть Вакулихинского клада. К числу явных потерь относится двудыр-

чато-крюковидный псалий, парный с № 55, и, возможно, удила этого уздечного комплекта. Остальные утраты, вполне вероятно, ограничены мелкими принадлежностями верховой сбруи.

Алдыбельские сбруйные «клады» Тувы всегда связаны с погребением человека и расположены на площади, занятой надмогильным сооружением, вблизи от южного борта могильной ямы [Грач, 1980, с. 127; Боковенко и др., 1988, с. 220]. В могильнике Кок-Су-1 на Южном Алтае остатки узды с бронзовыми удилами и двудырчато-крюковидными псалиями также лежали под камнем в юго-восточном секторе кургана неподалёку от края могильной ямы [Сорокин, 1969, с. 249–250, рис. 1]. Близкие по типу «приклады» снаряжения верхового коня из Горного Алтая [Каракол: Кубарев, 1997, с. 6–7, рис. 1] и северо-восточного Прибалхашья [Котанэмель: Кадырбаев, 1975, с. 127–128, рис. 1], хотя и располагались вне погребальной камеры, но находились уже внутри могильной ямы — за южной стенкой каменного ящика (Каракол) или на восточной плите его перекрытия (Котанэмель), в обоих случаях в радиусе ног погребённого.

Работы 1987–88 гг. на местонахождении Вакулиха-1 не проявили характер памятника, но дают основание утверждать, что в радиусе пяти метров к северу и западу от «клада» никаких следов перекопа по материке не прослеживалось. Это ещё не означает, что на исследованной площади пляжа не было погребения — оно могло находиться выше уровня материка и к моменту находки бронзы оказаться полностью размытым.

Однако весьма вероятно, что в отличие от подобных сбруйных «прикладов» Тувы, Горного Алтая и Прибалхашья, Вакулихинский клад не был непосредственно связан с расположенным рядом захоронением. Такая особенность сближает рассматриваемый комплекс с Камышинским кладом, происходящим из соседнего Шемонаихинского района Восточно-Казахстанской области [Арсланова, 1974, с. 77–81, рис. на с. 79; нельзя, впрочем, исключать, что это остатки разрушенного погребения], и особенно с кладом, найденным в окрестностях с. Алгабас на левом берегу р. Биже в Талды-Курганской области Казахстана [Акишев, 1978, с. 38–41, рис. 1–5]. Алгабасский клад (комплекс Биже) залегал на глубине 0,7 м. Подобно Вакулихинскому кладу, он состоял из четырёх-пяти уздечных наборов раннесакского времени, дополненных парой зооморфных наверхий, кото-

рые, вероятно, также входили в состав конской упряжи. Никаких погребений рядом с местом находки обнаружено не было, ближайший курган располагался на расстоянии 90 м.

Вероятное отсутствие непосредственной связи Вакулихинского клада с захоронением позволяет провести параллель с восточно-европейскими всадническими кладами конца VIII–VII вв. до н.э. Последние в основном содержат наборы уздечных принадлежностей новочеркасского типа [Махортых, 1992, с. 25–27], то есть в общих чертах по составу аналогичны публикуемому комплексу. Удила и псалии из Вакулихи-1 отличны от двукольчатых удил и трёхпетельчатых псалиев рассматриваемых европейских памятников. Однако любопытно, что одна из подвесок (№ 48), не имея аналогов в Сибири и Казахстане, внешне схожа с привесками в удилах новочеркасского типа и близка подвеске-застежке, встреченной в одном из новочеркасских комплексов [Лермонтовский разъезд: Иессен, 1954, с. 122–123, рис. 12].

В литературе сформулировано предположение о том, что восточноевропейские клады конской упряжи VIII–VII вв. до н.э. — это клады готовых изделий и металлического сырья, принадлежавшие торговцам-посредникам, а зарытие кладов именно в VIII–VII вв. до н.э. свидетельствует о дестабилизации в этот период политической обстановки [Махортых, 1992, с. 26–27]. В такую схему Вакулихинский клад явно не вписывается: наличие в пронизках древесных угольков как будто определённо свидетельствует о ритуальном характере оставления вещей с какой-то обрядовой целью. Отметим в этой связи, что Алгабасский клад (комплекс Биже) также связывается с сакским ритуалом жертвоприношения по принципу магического сопричастия («часть вместо целого»). По мнению исследователей, найденные там комплекты конской сбруи могли заменять в обрядовом ритуале жертву реальных коней и колесницы [Акишев, 1978, с. 57, 63].

Впрочем, возможна и другая линия сопоставлений с восточноевропейскими древностями новочеркасского типа: учитывая находку мелких древесных угольков, нельзя полностью исключать, что в Вакулихе-1 было совершено погребение по обряду трупосожжения [Сравн.: Граков, 1977, с. 166–167, рис. 114].

У-образные или трехдырчато-коленчатые псалии являются довольно редкой находкой. Кроме трех пар из Вакулихи-1, мне известно еще лишь шестнадцать подобных уздечек из

пятнадцати пунктов. Находки локализируются на Алтае и в Туве. География распространения алтайских комплектов верховой сбруи с У-образными псалямию такова: могильник Мельничная сопка на окраине Змеиногорска [Aspelin, 1877, p. 65, fig. 287; Бородаев, 1986, с. 96–97; Демин, 1989, с. 36], могильник Карамышево в 7 км западнее Змеиногорска [Алехин, Кирюшин, 1996, с. 12–13], «окрестности Змеиногорска» [Грязнов, 1947, с. 13, рис. 3.–3], местонахождение (могильник?) Гилёвский мост, неподалеку от плотины Гилёвского водохранилища, примерно в 25–30 км западнее Змеиногорска [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 29, 41, рис. 45], находка с Западного Алтая [Грязнов, 1947, с. 13, рис. 3.–10], местонахождение (могильник?) Маяк-1 близ с. Харлово на р. Чарыш, примерно в 70 км от Змеиногорска [случайная находка 1996 г.: Шульга и др., 1997, с. 128], одиночный курган Кондратьевка-XXI из близлежащего к Змеиногорску Новошувльбинского района Казахстана [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 29], курган 1 могильника Машенка-1 в верховьях Чарыша [Демин, Шульга, 1995, с. 101, рис. 2], курган 2 под Солонечным белком [Адрианов, 1916; Руденко, 1930, с. 143–144, рис. 4.–2; Грязнов, 1947, с. 12–13, рис. 3.–9; Руденко, 1960, табл. XVIII.–2], курган в с. Каракол в Горном Алтае [Кубарев, 1997, с. 7–9, рис. 2.–12, 14] и находка «на стройке Чуйского тракта между сел Быстрянское и Суртайское», переданная в начале 1932 г. в Бийский музей десятником М.Е. Богаевым [«Суртайка» по Н.Л. Членовой: Членова, 1973, с. 114–116, рис. 44; Бородаев В.Б., 1986, с. 96–98; Членова, 1994, с. 20–21, рис. 3.–1,3; Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 42.–3,4]. В Туве подобные уздечные комплекты встречены в могильниках Алды-Бель-I, курган 21, клад 1 [Грач, 1980, с. 125, рис. 83–1], Хемчик-Бом-III, курган 1,2, погребение 1 [Грач, 1980, с. 128] и «клад» вблизи погребения 2 [Грач, 1980, с. 127, рис. 109.–1], Ортаа-Хем-III, курган 10 [Самбу, 1970, с. 182–183], а также по соседству с этими памятниками в могильнике Баданка-IV на р. Ус [Боковенко, 1987, с. 46–47; Боковенко и др., 1988, с. 220].

Территория распространения У-образных псалий узка и необычна. Семь комплектов происходят из пяти пунктов Змеиногорского микрорайона с радиусом 15–20 км. Возможно, близко к этому кругу памятников местонахождение «утраченной находки с Алтая», хранившейся в Семипалатинском музее [Грязнов, 1947, с. 13, рис. 3.–10]. Территориально к Змеиногорскому микрорайону при-

мыкают и находки, сделанные близ с. Харлово на Чарыше и в Новошувльбинском районе Казахстана. Еще пять комплектов происходят из четырех могильников Улуг-Хемского микрорайона с радиусом 40–50 км. Четыре остальные уздечки найдены в Горном Алтае (Солонечный белок, Каракол) и его северных предгорьях (Машенка-1, Чуйский тракт между сел Быстрянское и Суртайское). Расстояние между Змеиногорским и Улуг-Хемским микрорайонами превышает по прямой 700 км. Наличие двух небольших по площади и значительно отдаленных друг от друга ареалов распространения трехдырчато-коленчатых псалий, по-видимому, является следствием и отражением каких-то демографических процессов, происходивших на юге Западной Сибири в раннескифское время. Одним из возможных и наиболее вероятных объяснений следует признать предположение о миграции какой-то родовой группы древних кочевников. Учитывая, что среди раннетагарских бронз У-образных псалий нет, а в Змеиногорском микрорайоне, несмотря на слабую археологическую изученность территории, этот тип численно преобладает, представляется, что подвижка населения происходила в восточном направлении: из алейско-чарышского междуречья на северо-западной кромке Алтайских гор — в верховья Енисея, на Улуг-Хем.

Такой вывод как будто подтверждается и типологическим анализом форм У-образных псалий. Являясь хронологически более поздними по сравнению с двудырчато-крюковидными [Марсадоллов, 1985, с. 13; сравн.: Вишневская, 1973, табл. XXVI.–1], коленчатые псалии, по-видимому, возникли на их основе: Т-образный выступ посередине стержня был заменен изогнутым отростком, но часть крючка сохранилась, превратившись в шип. Коленчатые псалии, у которых форма шипа и расстояние от него до основного стержня соответствуют двудырчато-крюковидным, представляются типологически более ранними (Вакулиха-1, Гилёвский мост, Карамышево, комплект из окрестностей Змеиногорска, Машенка-1, более крупный псалий из Суртайки и, может быть, комплект из Ортаа-Хем III, опубликованный рисунок которого не совсем ясен в деталях).

Однако при пропускании ремня узды через два верхних отверстия коленчатого псаля необходимость в шипе как фиксаторе исчезла, он начинает превращаться в рудиментарный декоративный элемент, располагается на отростке все дальше от основного

стержня (Мельничная, меньший псалий «Суртайки», Каракол, Алды-Бель-1, Хемчик-Бом-III), становится короче (меньший псалий «Суртайки»), превращается иногда в чуть заметный бугорок (Солонечный белок) или исчезает вовсе (утраченный комплект из Семипалатинского музея).

Если намеченная линия эволюции форм У-образных псалиев верна, то в Змеиногорском микрорайоне мы наблюдаем в основном более ранние типы, а в Улуг-Хемском микрорайоне преобладают позднейшие производные. Таким образом, здесь тоже фиксируется движение в восточном направлении.

На наш взгляд, об этом же говорит и тот факт, что двудырчато-крюковидные псалии — вероятные прототипы коленчатых — имеют западный ареал распространения, ограниченный на востоке находкой из кургана 42 могильника Кок-Су-1 в Горном Алтае [Сорокин, 1969, с. 250–251] и двумя случайно обнаруженными изделиями из Минусинской котловины (по сведениям Н.А. Боковенко: ГИМ, 85/366–3474, 3476).

Большая степень сходства уздечных комплектов с У-образными псалиями, их малочисленность и узкая территория распространения как будто говорят о том, что они бытовали в течение относительно короткого отрезка времени (может быть, около полувека или немногим более), где-то в пределах от рубежа VIII–VII вв. до н.э. до начала VI в. до н.э. Время оставления вакулихинского «клада», по видимому, можно ограничить VII в. до н.э.

В недавно изданной монографии о культуре населения Горного Алтая в раннескифское время Ю.Ф. Кирюшиным и А.А. Тишкиным обобщён значительный массив археологических источников этого периода с территории Горного и отчасти Рудного Алтая. Подводя итоги своему научному труду, авторы приходят к выводу, что, вероятнее всего, корни изучаемой культуры «следует искать к юго-юго-востоку от Центрального Алтая», в Северо-Западной Монголии и близлежащих к Алтаю районах Китая. Они считают, что «первые проникновения носителей раннескифской культуры происходят, возможно, уже в конце IX в. до н.э., в начале же VIII в. до н.э. это явление приобрело массовый характер». Вторую миграционную

волну, и вновь с юго-востока на северо-запад, авторы связывают с событиями середины VI в. до н.э., когда, по их мнению, часть носителей культуры раннескифского времени под давлением пазырыкцев переместилась «в другие районы Алтая (в основном в северо-западном направлении)» [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 111–112].

Такие выводы представляются интересными, но пока недостаточно обоснованными. В частности, в книге нет перечня надёжно датированных памятников VIII в. до н.э., которые отражали бы предполагаемый для этого периода массовый приход нового населения с юго-юго-востока, из районов Монголии и Китая. То же замечание относится к источникам, по которым восстанавливаются события середины VI в. до н.э. «Что касается же конкретных датировок, то ограничимся рамками IX–VI вв. до н.э. (Марсадалов, Зайцева и др; 1996), в которых наметим хронологические отрезки, отражающие изложенные этапы формирования традиций конской узды: конец IX — начало или середина VIII в. до н.э.; с начала или середины VIII–VII вв. до н.э.; VII — начало или середина VI вв. до н.э.» [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 75].

Материалы из Вакулихи-1 рассказывают о событиях, происходивших в VII в. до н.э. (после сооружения кургана Аржан), и, как было показано выше, намечают противоположный вектор движения населения: с запада на восток, из степей Казахстана и северо-западных предгорий Алтая — в Туву, на Саяны. Весьма вероятно, что эта миграция стала одним из тех факторов, которые привели к появлению памятников алдыбельского типа. С другой стороны, отдельные особенности Вакулихинского клада (характер памятника, сбруйная подвеска № 48) позволяют проводить осторожные аналогии с синхронными или немного более ранними всадническими комплексами Юго-Восточной Европы, содержащими уздечные наборы новочеркасского типа.

Автор надеется, что данная публикация повлечёт за собой более глубокий анализ материалов клада, и исследователи ещё не раз будут обращаться к этому историческому источнику.

Погребение раннескифского времени на р. Каракол

Летом 1985 г. при возведении мемориала в с. Каракол земляными работами были частично разрушены насыпи двух каменных курганов. Оба памятника доследованы Восточноалтайским отрядом Североазиатской экспедиции ИАиЭ СО РАН. Материалы афанасьевского кургана № 2 с впускными погребениями каракольской культуры уже опубликованы, тогда как результаты раскопок кургана № 1 длительное время оставались неизвестными археологам.

Исследованный курган находился в нескольких метрах от Чуйского тракта (624 км) и в 30–40 м на север от кургана № 2 [Кубарев, 1988, с. 9, рис. 3]. Насыпь, высотой не более 20–30 см над дневной поверхностью, была почти полностью разрушена. Но в северной части сохранилось несколько плит и крупных камней от кольцевидной ограды, которые позволили восстановить конструкцию и размеры насыпи (диаметр 13 м). При зачистке древней поверхности, в юго-западном секторе найдено несколько костей какого-то парнокопытного животного. Рядом с ними обнаружено пятно могильной ямы, несколько смещенное к западу от центра насыпи кургана. Яма, подпрямоугольной в плане формы имела размеры 310×230×190 см, и ориентирована длинной осью по линии С–Ю. В заполнении из сильно гумусированного песка, часто встречались камни, крупные плиты, обломки дерева, угля, на глубине 80 см — обломки челюсти человека.

На глубине 110–130 см обнаружен каменный ящик, сооруженный из поставленных на ребро плит (рис. 1). Он первоначально был перекрыт 5–6 плитами в поперечном направлении (т.е. с В на З). Пространство между стенками могильной ямы и плитами каменного ящика оказалось забутовано валунами и глыбами рваного камня. Погребальное сооружение (270×140×80 см) было полностью заполнено могильным грунтом. На его дне разрозненные кости одного человека, по расположению которых можно предположить северную ориентацию погребенного. находки: каменный оселок (рис. 2.–1), бронзовые пронызи-пуговицы (рис. 2.–5,6); в центре ящика

две костяные обоймы (рис. 2.–7,8) и рядом с ними кабаньих клык (рис. 2.–4). Обломок железного ножа (рис. 2.–3) обнаружен у основания восточной плиты. Вдоль этих же плит восточной стенки ящика железная поясная обойма (рис. 2.–2) и костяной стержень (рис. 2.–9). Точно такой же по форме предмет неизвестного назначения (рис. 2.–10) лежал и среди костей человека. В центральной части ящика зольное пятно (мощностью 4–5 см) с углями и мелкими кальцинированными костями животных. В юго-западном углу ямы, на глубине 135–170 см найдены бронзовые детали уздечного комплекта (рис. 2.–11–21). Общее число их более 50.

Погребальный инвентарь представлен малым числом находок, однако, несколько неожиданных для курганов майэмирского круга. Прежде всего это относится к железным предметам (поясная обойма и обломок ножа), впервые найденным в раннескифских погребениях Алтая. Они уже характерны для следующего пазырыкского этапа древних кочевников, и являются хронологическим индикатором, позволяющим датировать погребение из Каракола VI в. до н.э. Именно в это время первые железные изделия появляются на Алтае [Марсадалов, 1985, с. 12]. Другая необычная находка — два костяных стержня неизвестного назначения. Они, очевидно, склеивались. Одна сторона их плоская, с насечками, — другая полукруглая и гладкая. Предметы напоминают накладки сложно-составного лука, но это лишь предположение. Обломанный плоский оселок из черного камня имеет в верхней части отверстие для подвешивания. Подобные оселки или, как их еще называют, точильные камня вполне обычны для раннескифских погребений Евразии. Погребение в Караколе сближает с одновременными памятниками Майэмира, Курту, Чиликты, Бешпатыра, Аржана и отсутствие в нем керамической посуды.

Оригинальной находкой в погребении из Каракола можно назвать комплект узды. На всем протяжении начального этапа периода древних кочевников конструкция узды постоянно видоизменялась. Вырабатывались

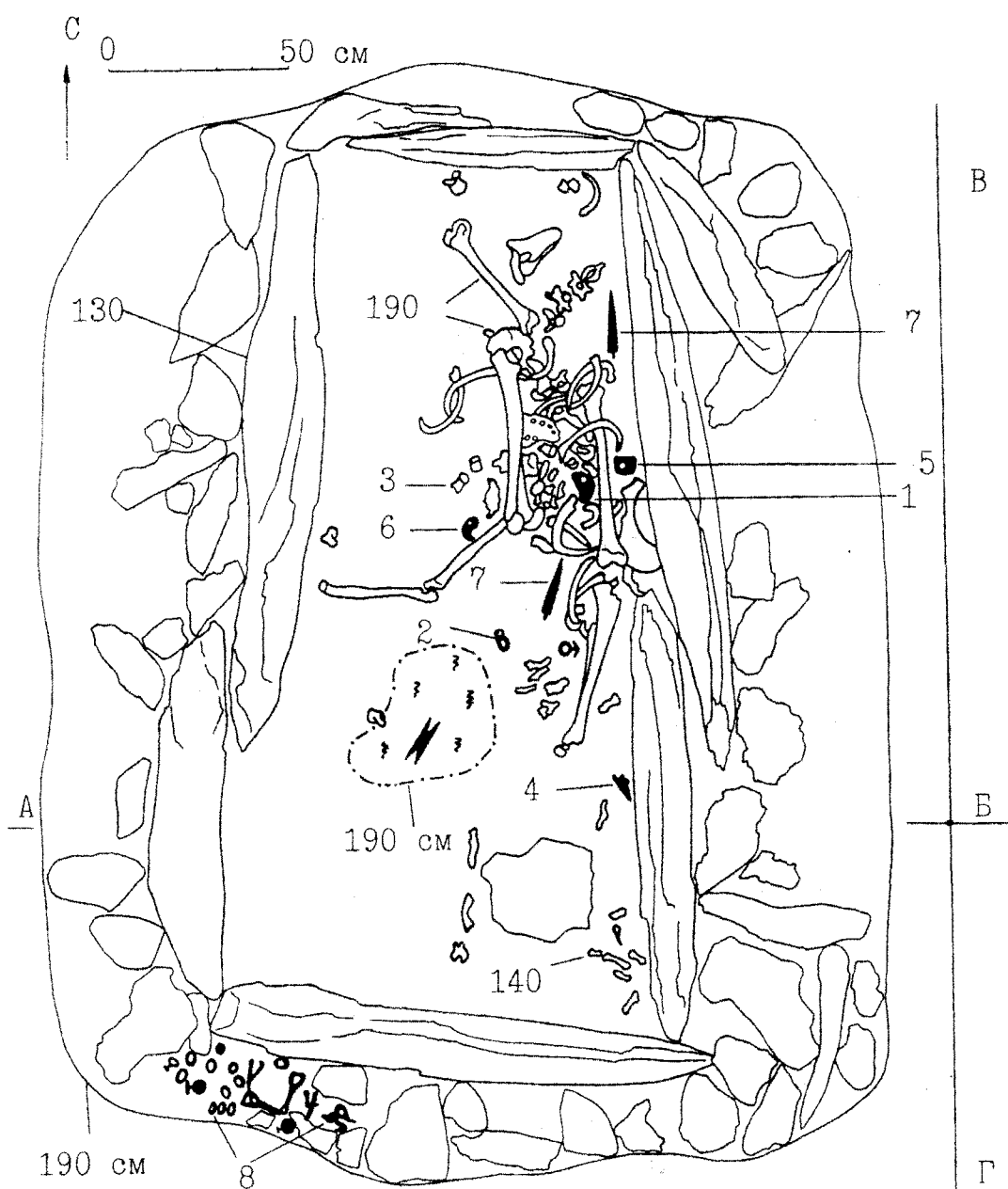

Рис. 1. Каракол. Курган № 1. План погребения:
 1 — каменный оселок; 2 — бронзовые пронизи-пуговицы;
 3 — костяные обоймы; 4 — обломок железного ножа;
 5 — железная поясная обойма; 6 — кабаный клык;
 7 — костяные предметы неизвестного назначения;
 8 — бронзовые детали уздечного комплекта.

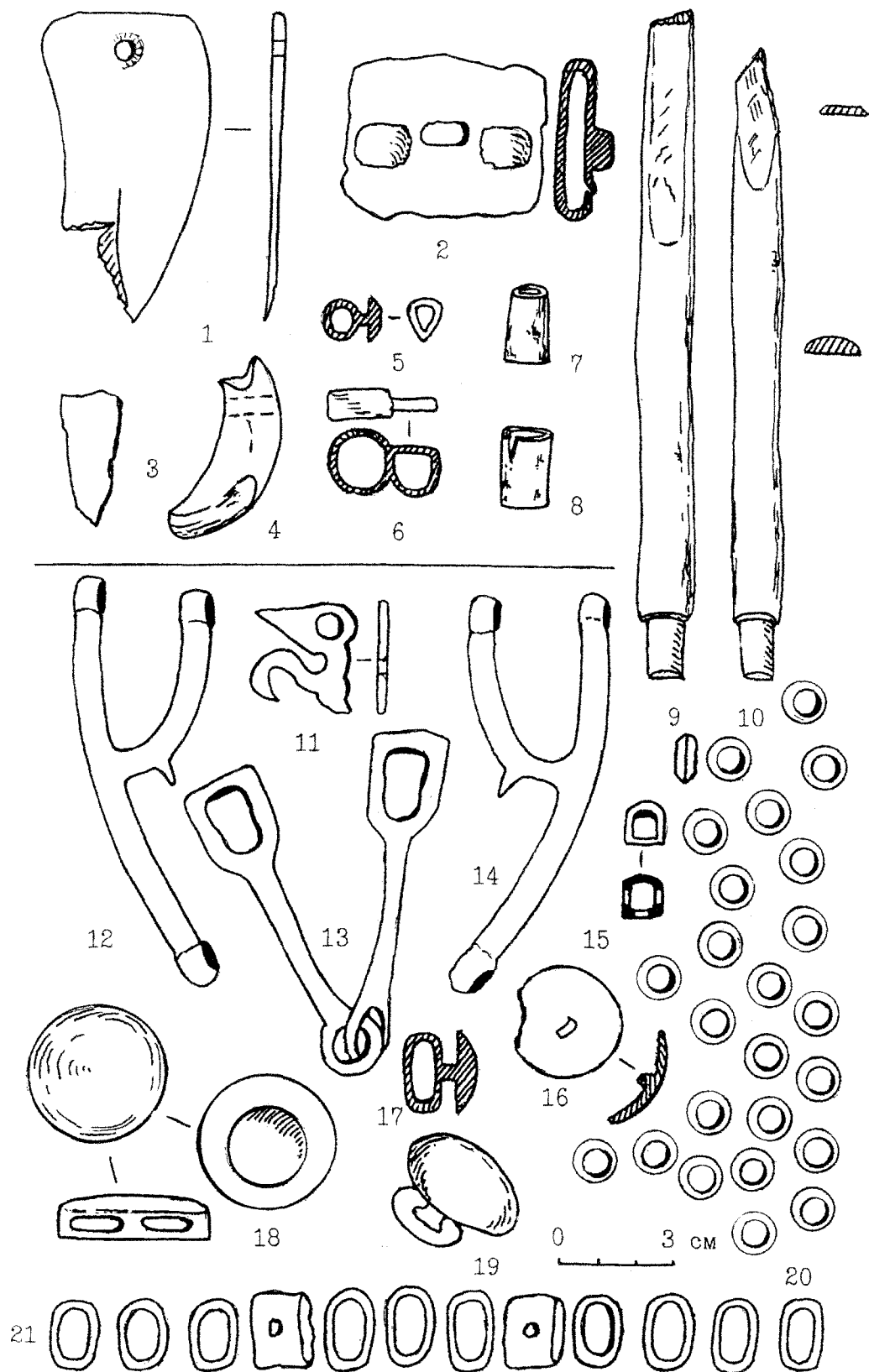

Рис. 2. Каракол. Курган № 1. Погребальный инвентарь.

оптимальные формы удил и псалиев, позволяющих легче укрощать коня и управлять им. Эволюция раннескифской узды Саяно-Алтая представлена 7 типами удил и 11 типами псалиев [Боковенко, 1986, с. 11–12]. Один из таких этапов развития узды демонстрируют и каракольские находки. У-образные псалии считаются раритетами¹, применявшимися не более полувека [Бородаев, 1993, с. 151–155]. Вероятно, уже в VI в. до н.э. они исчезают, как неудачное изобретение, затем забытое и мало повлиявшее на эволюцию скифской узды. Может быть поэтому схема крепления стремячковидных удил и У-образных псалий в узде предполагает два варианта [Бородаев, 1993, с. 153–154, рис. 1, рис. 2; Демин, Шульга, 1995, с. 100–101, рис. 2.—2,3; Шульга, 1996, с. 262, рис. 1.–4].

Удила из Каракола и Вакулихи имеют большое сходство с алдыбельскими в Туве [Грач, 1980, с. 25]. Стремячковидные окончания у тех и других более удлиненные, чем у алтайских и казахстанских экземпляров. Наверное они занимают промежуточное положение между удилами с дополнительными отверстиями и типичными (короткими) стремячковидными. Сходство с тувинскими комплектами узды наблюдается и в одинаковом с каракольскими украшением головы стилизованной птицы. Точно такое же украшение есть и в одном из комплектов узды из Вакулихи. Высказанное В.Б. Бородаевым предположение о миграции древних кочевников в восточном направлении из северо-западных предгорий Алтая в верховья Енисея нужно поддерживать. Тем более, что более ранние «клады», включавшие принадлежности конского снаряжения известны в Восточном Семиречье [Акишев К., Акишев А., 1978, с. 38–63], северо-восточном Прибалхашье [Кадырбаев, 1975, с. 128, рис. 1], в Майэмирской степи [Адрианов, 1916, с. 56–61, рис. 29] и у с. Камышинки [Арсланова, 1974, с. 77]. Они также как алтайские и тувинские связаны с погребально-ритуальными памятниками, конструктивные особенности которых мало раз-

личаются между собой. В основном это каменные ящики или «цисты», устроенные на поверхности земли и в неглубоких ямах. Конь, его «шкура» или комплект узды на раннем этапе находились либо в отдельных выкладках, на покрытии каменных ящиков (обычно в ногах погребенного), либо на краю могильных ям. Несомненно важную роль в погребальной обрядности майэмирцев играл огонь. Остатки костра с костями животных в погребении Каракола, — характерная деталь обряда, отмеченная также в Коксу, Сентелеке, Солонечном Белке, в «кладах» Вакулихи и Котанэмеля. Позднее на Алтае появляются захоронения коня в одной яме с человеком, помещенном в подбое [Адрианов, 1916, с. 24–26; Демин, Гельмель, 1992, с. 172, рис. 2; Демин, Шульга, 1995, с. 99]. Но даже в этот период, когда уже почти сложился пазырыкский погребальный канон, ориентация людей и лошадей настолько вариабельны, что не дают возможности отнести их к какой-либо одной культуре. Например, погребения под Солонечным Белком и в Сентелеке близки отдельными чертами обряда (подбой в могильной яме для человека, вытянутое положение, на спине, ориентация на С, подхоронение лошади и овцы) погребениям в курганах тасмолинской культуры соседнего Казахстана. В ритуале тасмолинцев существовал также обычай помещать в ногах погребенного голову коня с уздой [Вишневская, 1992, с. 132–133]. Этот характерный элемент обряда весьма созвучен каракольскому, когда узда была размещена за южной стенкой каменного ящика, т.е. практически в ногах покойного. Другие компоненты погребальной обрядности древних кочевников Алтая в VIII–VI вв. до н.э. также неустойчивы и разнообразны. Поэтому выделение майэмирских погребений в отдельную культуру [Могильников, 1986] вряд ли сейчас целесообразно. В заключение следует сказать, что все доводы и аналогии, приведенные автором для обоснования даты сооружения кургана в Караколе, в настоящее время подтверждены радиоуглеродной датой — ГИН 2400±50 или 570 г. до н.э.

Примечание

¹ В сводке, приведенной В.Б. Бородаевым, указано 13 комплектов узды с У-образными псалиями, найденных в 12 пунктах. Почти половина их приходится на микрорайон у г. Змеиногогорска, вторая половина происходит из Тувы (Улуг-Хем, Алды-Бель). Два комплекта найде-

ны на Алтае (Солонечный Белок и Каракол) и один в предгорьях (между селами Быстрянка и Суртайское). К ним следует добавить еще один уздечный комплект из могильника Машенка-1 (Чарышский р-он), исследованного М.А. Деминим и П.И. Шульгой в 1992 г.

Находки некоторых элементов конского снаряжения скифской эпохи в предгорной зоне Алтая

Конским снаряжением в армии принято обобщено называть амуницию для верховой лошади, которая состоит из узды (оголовья), седла и попоны [Гуревич, Рогалев, 1991, с. 92]. Совокупность же принадлежностей для соединения животного с повозкой и другими тягловыми средствами обозначается **упряжью** или **сбруей** [Ожегов, 1990, с. 834; Гуревич, Рогалев, 1991, с. 216]. Узда, используемая для управления лошадей, входит в состав и конского снаряжения, и упряжи. Поэтому исследователи, занимающиеся археологией, иногда применяют названные два последних понятия, нечетко представляя их отличия, которые, главным образом, заключаются в комплектации и предназначении (конское снаряжение — для верховой лошади; упряжь (сбруя) — для тягловой), а также в деталях и приспособлениях.

Свод этнографических понятий и терминов, раскрывая содержание материальной культуры, дает определение, где все рассматриваемые выше особенности сведены в одно обозначение: **конская сбруя** (англ. harness; нем. das Pferdegeschirr), т.е. различные приспособления, надеваемые на лошадь при использовании ее для верховой езды, перевозки вьюков, волокуш, в повозке, с санями, с сельскохозяйственными орудиями [Вайнштейн, 1989, с. 69–72]. При этом конская сбруя подразделяется на верховую (вьючно-верховую) и тягловую (упряжную), первая из которых включает уздечку, седло со стременами, одну или несколько (до трех) подпруг, нагрудник, подхвостник и другие дополнительные приспособления, а вторая — целый арсенал специальных предметов [Там же]. В таком случае, принципиальное различие набора предметов **конской амуниции** для их конкретного и целенаправленного использования, по сравнению с информацией первого абзаца нашей статьи, отсутствует. Своеобразен лишь подход изложения сути рассматриваемых понятий, где, опираясь на современный «Словарь-справочник по коневодству и конскому спорту» [Гуревич, Рогалев, 1991], конская сбруя — это конская амуниция, вер-

ховая (вьючно-верховая) конская сбруя — это конское снаряжение, а тягловая (упряжная) конская сбруя — это упряжь, сбруя.

Таким образом, когда найденный комплект предметов для эксплуатации лошади не вызывает сомнений, предлагаю, в целях упорядочения используемых в ходе археологических исследований терминов и понятий, руководствоваться указанным словарем-справочником.

Что же касается отдельных находок или неполных наборов комплектующих вещей той или иной части конской амуниции, то при применении имеющихся обозначений в ходе интерпретации полученных данных нужно опираться на здравый смысл и опыт предыдущих работ. Например, в Горном Алтае, где много узких речных долин и существуют труднопроходимые перевалы, верховой конь в скифскую эпоху был самым надежным средством передвижения [Руденко, 1960, с. 231]. Поэтому наиболее часто там при раскопках археологических памятников обнаруживаются остатки конского снаряжения. Однако все же имеются и единичные свидетельства использования волокуш, телег, «колесниц» [Там же, с. 231–236], для чего была необходима своеобразная упряжь.

В состав любой узды входит надеваемое на голову лошади суголовье (недоуздук), удила и поводья [Гуревич, Рогалев, 1991, с. 127–128, 214]. Для комплекта оголовья раннескифского времени еще характерны псалии [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 64–67]. Уздечку можно использовать для верховой езды на лошади без седла и попоны. Тогда такое приспособление — единственное конское снаряжение. В большинстве случаев кожаные, войлочные, деревянные, матерчатые части конской амуниции не сохраняются и до исследователей доходят лишь отдельные предметы необходимого набора, которые мы называем **элементами конского снаряжения**. Они включают в себя единичные вещи (приспособления и украшения) узды, седла, попоны: удила, псалии, бляхи, пронизки, пряжки, ремни и т.д.

Полные комплекты какой-нибудь части конской амуниции — довольно редкая удача для археологов. Чаще всего приходится иметь дело с элементами конского снаряжения. Вот как раз о некоторых из них и пойдет речь в данной статье.

Летом 1991 года во время проведения аварийных археологических раскопок на памятнике Щепчиха-I [Тишкин, 1993] автору данной публикации управляющий Локотокского отделения совхоза «25 лет Октября» Змеиногорского района А.В. Шейкин передал предметы конского снаряжения раннескифского времени [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 29, 41, рис. 45]¹, которые были случайно найдены жителем г. Рубцовска М.В. Носковым на берегу Гилевского водохранилища.

Для выяснения обстоятельств и более точного места находок необходимо было бы сразу же встретиться с первооткрывателем памятника, но этого не удалось сделать, т.к. он находился в командировке. Лишь осенью в телефонном разговоре М.В. Носков поведал, что во время очередного рейса, переехав мост и плотину Гилевского водохранилища со стороны с. Вторая Каменка (в Локтевском районе Алтайского края), он сразу же свернул вправо и остановился для отдыха (рис. 1.-4). Древние вещи были обнаружены на берегу водоема рядом с небольшой осыпью. На вопрос: «Были ли там кости?», находчик ответил, что какие-то кости он видел, но связаны ли они с предметами конского снаряжения сказать затруднился. По мнению М.В. Носкова, поднятые им изделия были вымыты водой из берега. Убедившись, что обнаруженные вещи сделаны не из золота, он их отдал своему родственнику для передачи в Змеиногорский музей.

После консультации с информатором автор статьи выехал на указанное место находок бронзовых элементов конского снаряжения раннескифского времени. В результате тщательным образом была осмотрена территория береговой кромки водохранилища от моста на протяжении около 1 км. При этом каких-либо изделий найдено не было, однако обнаружались фрагменты черепа человека, которые лежали в значительном удалении от места находок бронзовых вещей. Кроме этого, выяснилось, что уровень Гилевского водохранилища существенным образом колеблется в течение года, и ситуация может меняться на протяжении определенного времени по разным причинам (половодье, засуха, запланированный сброс воды и т.д.). Возможно, осенние дожди не позволили обнару-

жить дополнительные свидетельства для требуемого местонахождения. Поэтому в подобных случаях необходимо проведение нескольких обследований (весной, летом и осенью), что нам сделать так и не удалось. Кроме всего, следует отметить, что рядом с плотиной водохранилища находится карьер для добычи гравия. Не исключено, что при разработке данного производственного участка бульдозером был сдвинут курган раннескифского времени в сторону водоема. Характерные следы работы такой техники отражены по склонам имеющейся там возвышенности (рис. 1.-4).

На основе всех наблюдений обнаруженный древний памятник был обозначен как местонахождение (могильник?) Гилевский мост, хотя возможно и то, что это был клад, аналогичный найденному неподалеку от обследуемой нами территории [Бородаев, 1993]². Автору А.В. Шейкин передал следующие бронзовые элементы конского снаряжения: удила, одну подпружную пряжку, налобную бляху (рис. 1.-1-3)³ и псалий (рис. 2.-1). В данном комплекте явно не хватает еще одной подпружной пряжки со шпеньком и второго псалия. Что касается других элементов конского снаряжения, характерных для раннескифского времени (пронизи, наносник, распределители ремней и др.), то их могло и не быть. Хотя не исключено и обратное. Последнее предположение, возможно, прояснится при дальнейших обследованиях или раскопках на участке, где были обнаружены имеющиеся теперь в нашем распоряжении вещи.

Все найденные изделия были хорошей сохранности⁴, несильно окислившиеся. В настоящее время они практически полностью очищены при помощи раствора лимонной кислоты. Это необходимо было сделать для более детального изучения способов изготовления на Алтае таких элементов конского снаряжения раннескифского времени. Так как сильные окислы на найденных предметах отсутствовали и особых трудностей при их очистке не испытано, то стоит предполагать, что они всё это долгое время лежали в сухом или даже в специально изолированном от попадания влаги месте.

Перейдем к характеристике и анализу отдельных изделий вещевого комплекса:

1. Удила (рис. 1.-1) — бронзовые, двусоставные, соединеннокольчатые, с относительно гладкими, округлыми в поперечном сечении, стержнями звеньев; имеют стремевидные внешние окончания с отверстиями пешко-

видной формы⁵. Удила представляют элемент узды в конском снаряжении, они применялись для взнуздывания лошади и для управления животным в движении при помощи прикрепленного к ним повода. Важным моментом при подгонке этой части оголовья всегда было то, чтобы удила лежали на языке и беззубых краях нижней челюсти, лишь слегка касаясь углов рта, на которые затем приходится основное давление при подачи сигналов во время езды на коне. Удила состоят из двух звеньев (не всегда идентичных). Каждое из них имеет два окончания: одно в виде кольца для соединения друг с другом, а вид другого (ладьевидный, подпрямоугольный, колокольчиковидный, овальный и т.д.) зависит от способа крепления удил с псалиями и ремнями узды. Соединенные кольцами стержневые участки звеньев следует считать грызлом, потому что именно эта часть удил находится во рту лошади и осуществляет болевые давления. Общая длина рассматриваемых удил в развернутом состоянии составляет 27,4 см. Одно (условно назовем его первым) звено этого изделия, цельнолитое, немного согнуто и в таком виде имеет длину 9,0 см (внутреннее кольцо — 1,7 см, внешнее стремевидное оформление — 2,8 см, стержневой участок — 4,5 см). Второе звено — прямое, окончания его находятся в разных плоскостях (перпендикулярно друг другу), а размеры следующие: наибольшая длина — 9,5 см, из них внутреннее кольцо — 2,3 см, внешнее стремевидное оформление — 2,8 см, стержневой участок — 4,4 см. Толщина стержней этих двух звеньев — около 0,8 см в центре.

Приведенные выше размеры указывают на то, что отдельные части удил практически идентичны, учитывая при этом имеющийся изгиб одного из звеньев. Исключение составляют внутренние кольца: одно меньше, а другое больше. Данное обстоятельство косвенно указывает на способ соединения этих двух звеньев. Одно, цельное звено, отливалось в двусторонней разъемной форме. Об этом свидетельствует литейный шов по периметру продольного сечения почти всего изделия, а также внутри стремевидного оформления пешковидного очертания. Лишь в некоторых местах следы такого литейного шва сохранились и внутри меньшего кольца. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что эти выступы стерлись в ходе эксплуатации изделия или были устранены механически. Таким образом, и отверстие для внутреннего кольца было сделано без применения

в литейной форме специального стержня. На внешнем, стремевидном, окончании этого же звена имеются следы действий поводом, ширина которого не превышала 1,2 см. Рассматриваемая часть удил выглядит более качественной, чем вторая. Четко определить здесь место литника затруднительно. Более вероятным, на наш взгляд, представляется то, что металл заливался через отверстие близ одного из угловых окончаний стремевидного оформления, на что косвенно указывает выделяющаяся асимметрично удлиненная выпуклость. Но расплавленная бронза могла заполнять форму и через другое место: на кольце или в центре внешнего оформления, где имеется небольшой слом. В заключении описания первого звена необходимо отметить наличие хорошо фиксируемой линии в месте соединения внутреннего кольца со стержнем, которая образовалась, вероятнее всего, при создании образца из воска, дерева, рога или другого материала. Стоит заметить, что эта модель могла быть не монолитной, а составлена из нескольких частей. Поэтому, вероятно, мы и наблюдаем следы такого рода соединения. Что касается изогнутости звена, то данное обстоятельство может отражать результат подгонки удил к конкретной лошади, либо искривление получено в ходе эксплуатации изделия. Не исключена специальная «порча» предмета. В принципе, можно вообще рассматривать и вотивный характер всего найденного комплекта.

Второе звено отличается от выше описанного многочисленными дефектами, появившимися в ходе его изготовления и соединения с предыдущим звеном. Пористая поверхность, просечки указывают на то, что использованная форма имела трещины и другие разрушения. Возможно, это произошло из-за неоднократного использования ее. Кроме этого, на стержне отчетливо видны следы механического воздействия.

В свое время нами была предложена схема соединения двух звеньев найденных на берегу Гилевского водохранилища удил [Киришин, Тишкин, 1997, с. 68]. Однако после очистки от окислов, а также при внимательном визуальном осмотре с помощью микроскопа и после консультации со специалистами⁶, пришлось несколько по-другому представить процесс изготовления цепи звеньев. Таким образом установлено, что внутреннее кольцо второго звена, вероятнее всего, не было сомкнуто механически, как нам это представлялось ранее по пористому участку и многочисленным вмятинам, а отливалось,

причем отдельно от остальной части изделия. Скорее всего этот процесс выглядел следующим образом. Сделанная и вставленная во внутреннее кольцо первого звена восковая модель другого кольца забутовывалась глиняно-песчаной формовочной массой, после засыхания которой заливался металл. Имеющийся пористый участок в этом случае образовался в процессе неплотной обкладки формовочной массой или из-за неважного качества используемых материалов. Вмятины, принятые нами за механические вдавления, возможно, являются следами ручного вылепливания восковой модели кольца. Следующей задачей изготовителя являлось завершение остальной части звена. Что касается определения конкретного способа данной операции, то можно высказать два суждения:

1. Остальная наибольшая часть звена отливалась отдельно, возможно даже в той же форме, что и цельная (первая) часть удила, а затем соединялась с кольцом с помощью кузнечной сварки.

2. К уже имеющейся цепи остальная часть подливалась через двустороннюю разъемную форму.

Не претендуя на окончательное решение данной задачи, необходимо все же указать на то, что между кольцом и стержнем звена четко видны места разъема, т.е. явные следы одновременного изготовления. Кроме этого, литейный шов имеется лишь по периметру продольного сечения указанной наибольшей части звена и внутри стремевидного внешнего оформления. Аморфные заплывы этого литейного шва видны с двух сторон и на поверхности кольца, но они явно вторичного образования и к тому же при механической обработке сплющились, образовав трещины в месте соединения их с уже готовым изделием. И последнее, стержень рассматриваемого звена, в месте соединения его с кольцом, существенным образом шире по сравнению с центральной частью.

Таким образом, наши наблюдения, наряду с общими тенденциями в производстве бронзовых изделий раннескифского времени, несколько отличаются от тех способов литья удила на территории Евразии, которые представил в свое время Р.С. Минасян [1992, с. 119–120; 1994, с. 157–160]. Данная проблема требует дальнейшего исследования и, конечно же, экспериментального моделирования. Перспективно в этом плане рассмотрение серии подобных изделий с указанием сравнительных характеристик по одной составленной программе. Обязательным усло-

вием для начала подобной работы является очистка бронзовых предметов от окислов и использование микроскопа. Комплексный подход в изучении технологии производства элементов конского снаряжения, как одной из наиболее массовой категории находок, позволит выйти на более высокий уровень интерпретации всего получаемого при раскопках материала, решать поставленные вопросы происхождения культуры раннескифского времени на Алтае, пути миграции населения, контакты с представителями других регионов и многие другие проблемы. Уже отмеченные Р.С. Минасяном [Там же] предположения (о доминировании у кочевников и в Китае разъемных форм при литье, о приходе в Европу населения из Азии и другие) указывают на перспективы более внимательного изучения имеющихся в настоящее время на Алтае необходимых данных.

II. Псалий дырчато-шпеньковый (рис. 2.–1), бронзовый, изогнутой У-образной формы, имеет смещенный от центра всего изделия (и от центра между двумя крайними отверстиями на стержне) шпенец в виде ответвления с шипом. Кроме этого, предмет обладает тремя отверстиями, два из которых расположены на окончаниях основного стержня, а третье — на конце ответвления. Псалий полностью отлит в двусторонней разъемной форме, о чем свидетельствуют остатки литейного шва по всему периметру продольного сечения изделия. Их отсутствие внутри отверстий позволяет говорить об использовании в такой форме стержней, т.е. отверстия не высверливались, а получались уже готовыми при отливке. Поэтому, вероятно, вокруг отверстий обозначены утолщения. В поперечном сечении основной стержень имеет овальноромбовидную (если так можно выразиться) форму. Длина изогнутого изделия 13,7 см, в выпрямленном виде этот размер увеличится до 16 см. Толщина стержня по центру — около 0,8 см. Диаметр отверстий — около 0,7 см. Имеются следы использования изделия по назначению. Наибольшая стёртость отмечается на основном стержне под развилкой. Что касается шипа, то его первоначальная форма практически не претерпела изменений. В этом месте лишь подтёрся литейный шов и отполировался небольшой участок окончания выступа. Незначительные следы изношенности визуально просматриваются с двух сторон ответвления в местах соприкосновения псалия с удилами. Судя по всем этим показателям, изделие эксплуатировалось совсем недолго.

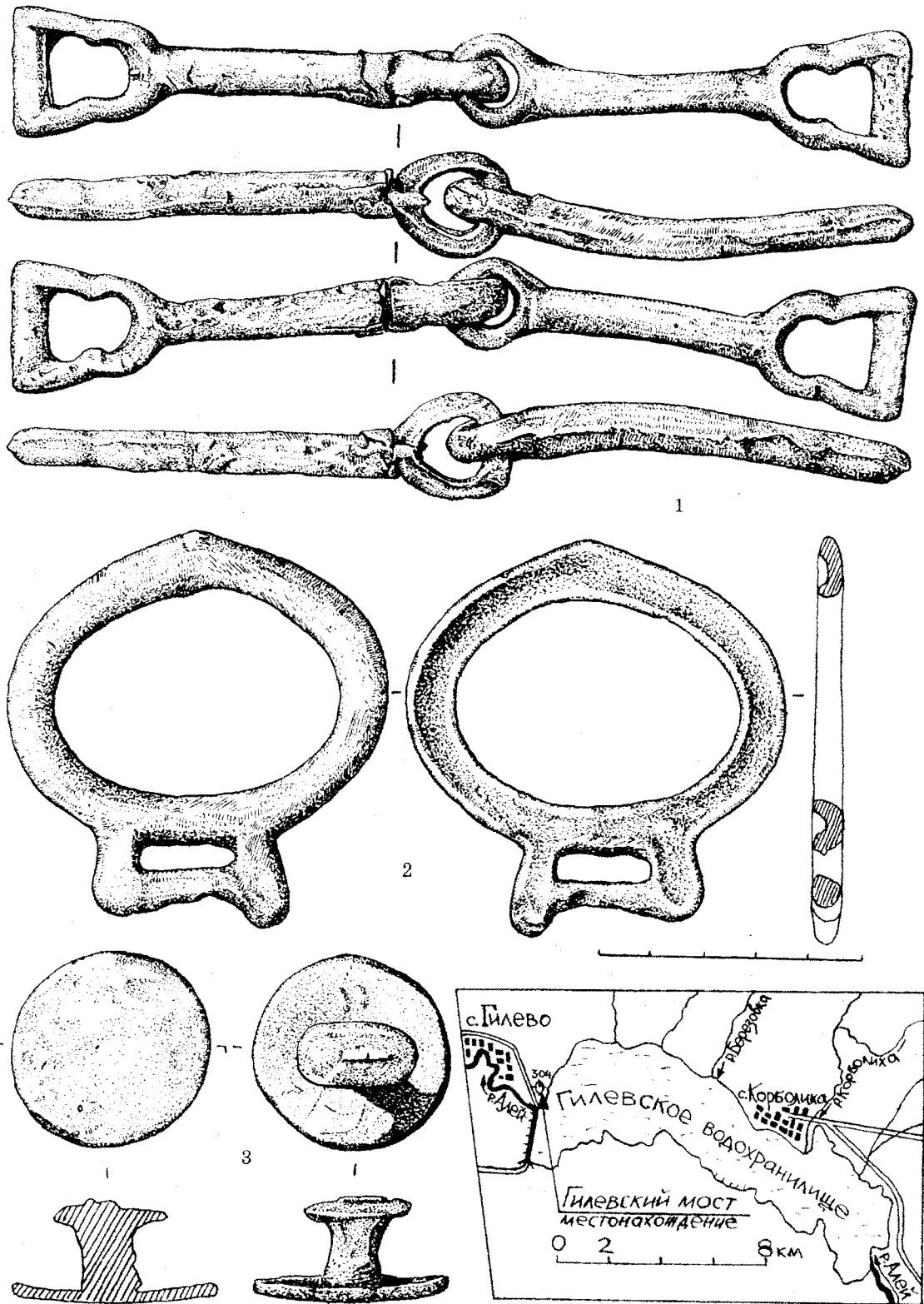

Рис. 1. Местонахождение Гилевский мост: 1 — удила, 2 — подпружная пряжка, 3 — налобная бляха (все изделия — из бронзы), 4 — ситуационный план места находок.

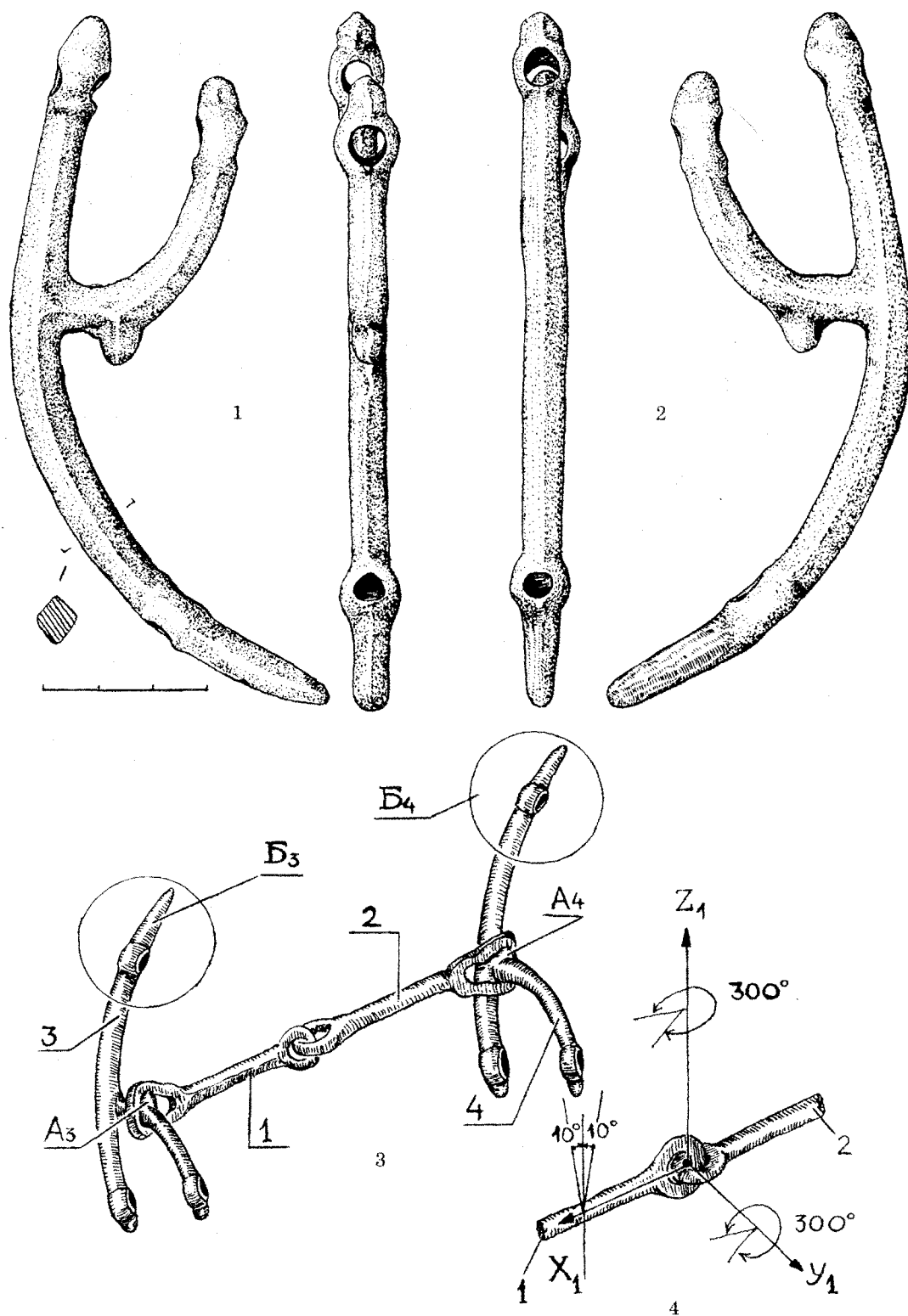

Рис. 2. 1 — бронзовое изделие (У-образный псалий) из местонахождения Гилевский мост; 2 — его копия; 3 — кинематическая цепь из бронзовых удил и псалиев, 4 — схема возможных перемещений в месте соединения звеньев удил.

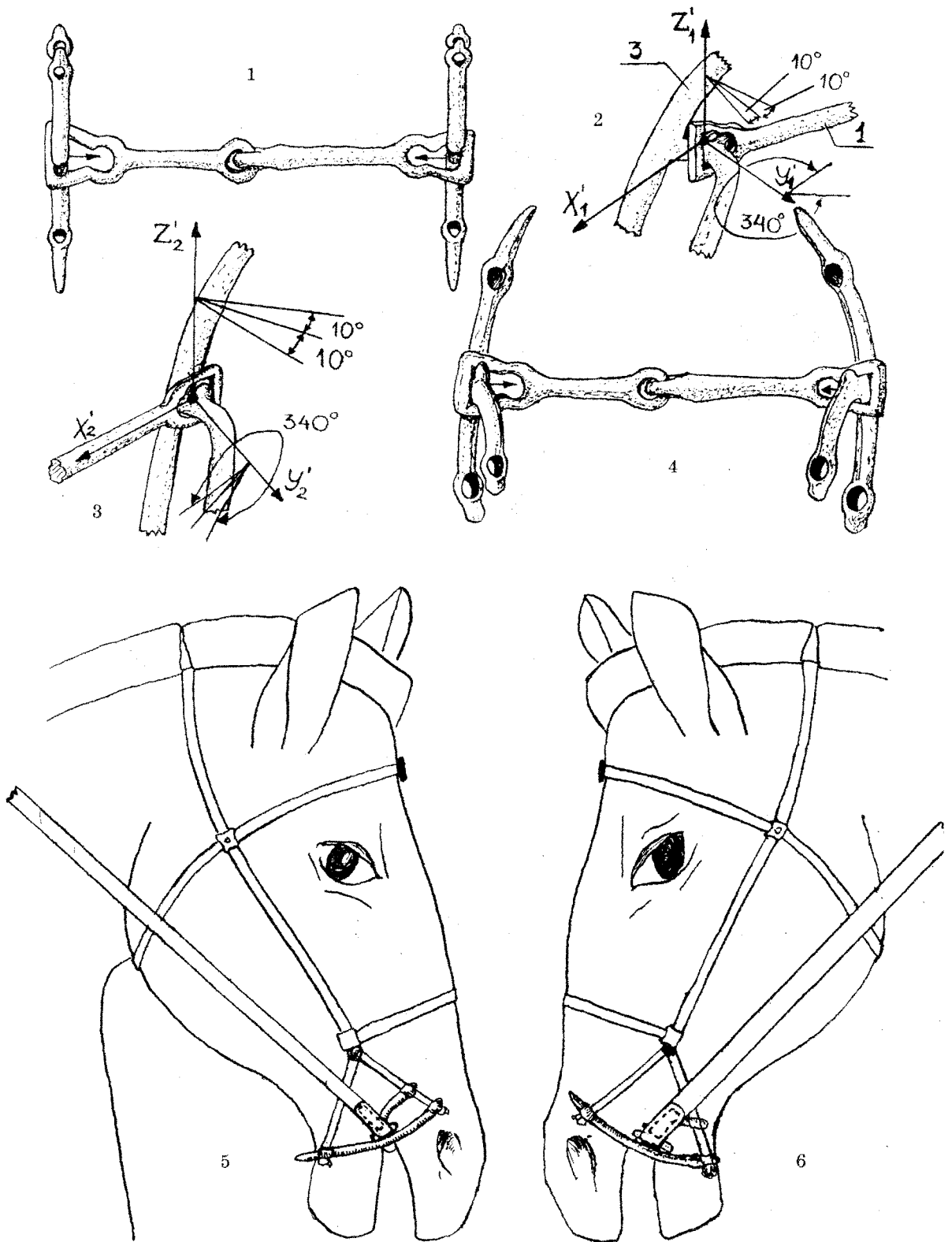

Рис. 3. 1, 4 — возможные способы соединения У-образных псалиев с удилами;
 2, 4 — возможные перемещения звеньев кинематической цепи;
 5, 6 — варианты реконструкции использования найденного комплекта в системе оголовья.

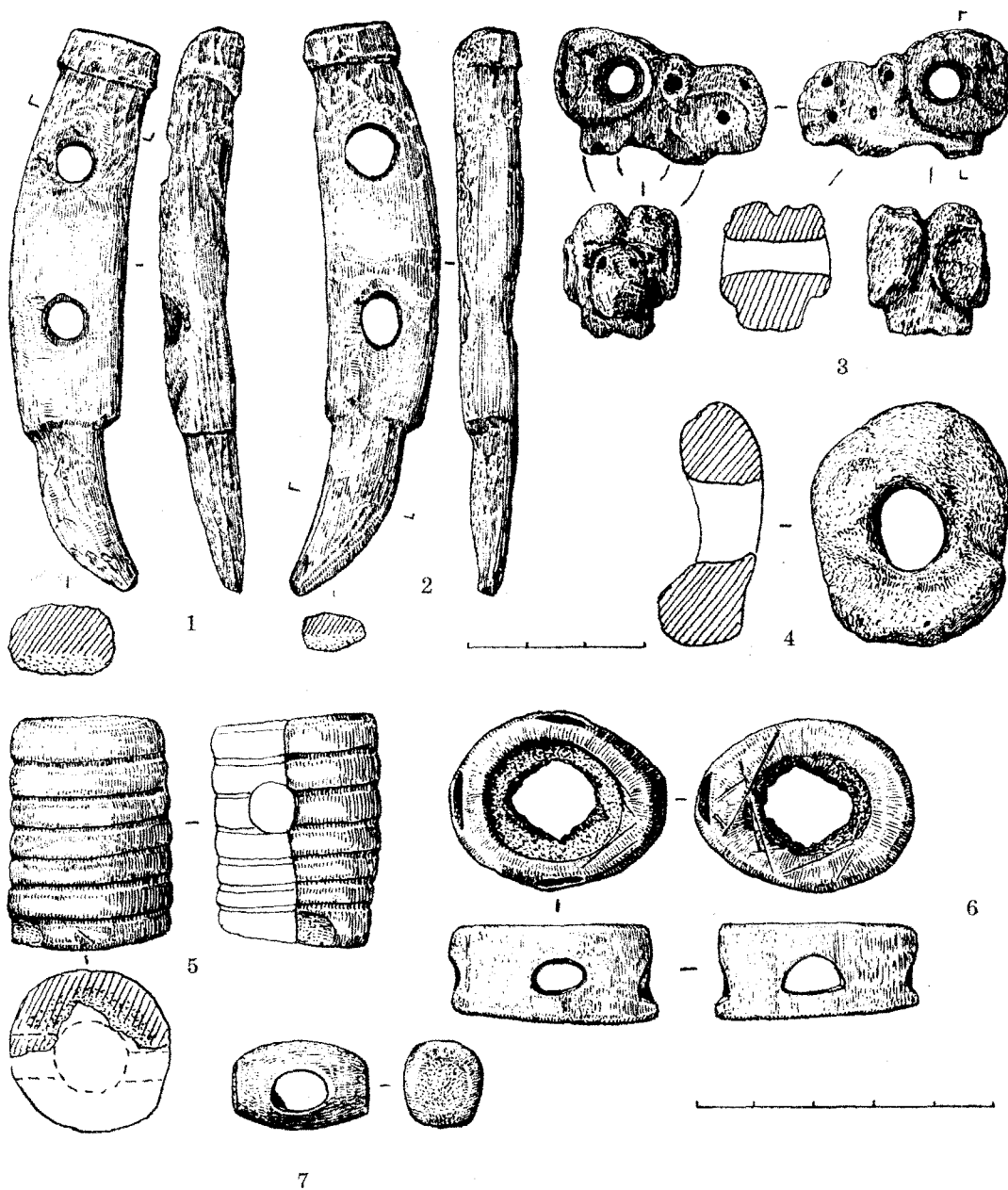

Рис. 4. Изделия из кости и рога, хранящиеся в Бийском краеведческом музее.

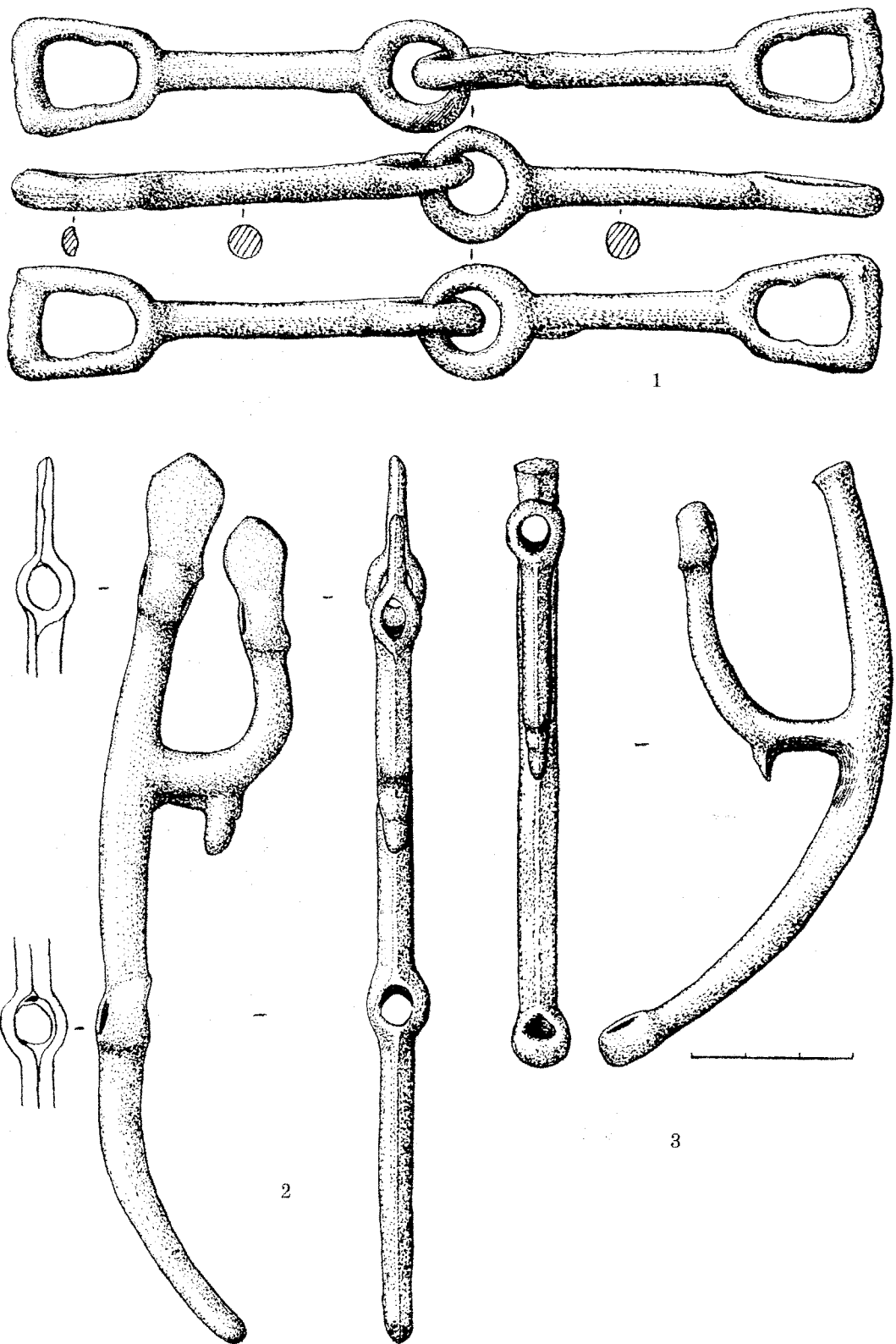

Рис. 5. Бронзовые удила и псалии из кургана 21 могильника Алды-Бель-1.

В связи с тем, что у нас имелся один псалий из необходимого комплекта, то для дальнейшего экспериментального моделирования была изготовлена его копия⁷ (рис. 2.-2). Это позволило решать проблему использования пары таких изделий в сочетании с удилами и ремнями узды. Для получения ответов на многочисленные вопросы, возникшие у нас при реконструкции оголовья, пришлось обратиться за консультациями в Алтайский технический университет⁸.

В результате выяснилось, что удила в комплекте с псалиями — это своеобразный механизм в виде кинематической цепи, состоящей из четырех звеньев (рис. 2.-3). Соединение 1 и 2 звена представляет собой подобие шарнира и является на данный момент неразборным. Соединения звеньев 1 и 3, а также 2 и 4, позволяют выводить эти части из соприкосновения друг с другом, частично разбирая кинематическую цепь. Совмещать их же можно двумя способами (рис. 3). Фиксация указанных звеньев в таких операциях осуществляется выступами-шипами A_3 и A_4 (рис. 2.-1-3). Имеющиеся соединения звеньев позволяют делать в кинематической цепи следующие возможные перемещения:

1. В соединении 1 и 2 звена — поворот вокруг оси X_1 (система координат построена на звене № 1) $\approx \pm 10^\circ$ за счет зазоров; поворот вокруг оси $Z_1 \approx 300^\circ$; поворот вокруг оси $Y_1 \approx 300^\circ$ (рис. 2.-4).

2. В соединении 1 и 3 звена (аналогично для 2 и 4) — поворот вокруг оси X'_1 (система координат также построена на первом звене) практически отсутствует ($=0$); поворот на очень небольшой угол возможен только благодаря зазорам в соединении; поступательное движение вдоль оси X'_1 выводит звенья из зацепления, но в рабочем состоянии определенным образом ограничивается ремнем повода (рис. 3.-2); поворот вокруг оси $Y'_1 \approx 300^\circ$; полный оборот звена № 3 ограничивается наличием на нем изогнутого рычага B_3 (рис. 2.-3), накладывающегося на звено № 1 при повороте; поворот вокруг оси $Z'_1 \approx 20^\circ (\pm 10^\circ)$ (рис. 3.-2). Для звеньев 2 и 4 система координат построена на втором звене (рис. 3.-3) и повороты вокруг осей таковы: $X'_2=0$; $Y'_2 \approx 340^\circ$; $Z'_2 \approx \pm 10^\circ$.

Таким образом, соединения бронзовых удили с псалиями, закрепляющиеся с помощью ремней на голове лошади, представляют собой определенно действующий механизм для управления животным, в котором рассмотренные выше показатели позволяют заключить следующее:

1. Пешковидная форма отверстия внешнего оформления обоих окончаний звеньев сделана специально для более жесткого сцепления У-образных псалиев с удилами. Это хорошо видно, например, при рассмотрении возможностей поворота изделия вокруг оси $X'_2 (=0)$ и вокруг оси Z'_2 (рис. 3.-3), где перемещения в свободном соединении незначительны ($\pm 10^\circ$). Затем в рабочем состоянии они становятся ещё намного меньше при использовании повода и практически ликвидируются значительным ограничением за счет увеличения толщины такого ремня (например, в 2 слоя), которому достаются существенные нагрузки как раз в указанном месте. Данное обстоятельство весьма важно для улучшения возможности управлять лошадью, быстрее совершая маневры. Это особенно требуется при проведении военных операций. Не исключено, что такая узда потребовалась для военных походов или в случае противостояния противнику.

2. Псалии могли размещаться при соединении с удилами двояко: вилкой вверх или вниз, потому что вторая функция соединения рассмотренной кинематической цепи с ремнями суголовья не столь активна как первая, а лишь позволяет своеобразно закреплять этот механизм на голове лошади. К тому же направления соединяющихся друг с другом ремней практически совпадают (рис. 3.-4,5), а незначительное смещение точки их соприкосновения существенным образом не могло повлиять на дальнейшую конструкцию ремней оголовья.

3. Если исходить из логики хорошо зафиксированной исследователями тенденции того, что многие бронзовые изделия являются усовершенствованием таких же предметов, но из менее прочных материалов (например, кожаные плетеные удила; деревянные, костяные, роговые псалии, наконечники стрел и т.д.), то форма У-образных бронзовых псалиев, возможно, создана на основе деревянных или роговых образцов и при дальнейших исследованиях не исключены находки подобных изделий. Если это так, то имеющееся ответвление — своеобразный атавизм первоначальной природной модели. Отражение целого ряда таких особенностей на более прочных бронзовых вещах отмечается очень часто [см. например, Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 64-71] и, вероятно, нашло отражение в рассматриваемых нами сейчас вещах. Особо значимого функционального назначения данное ответвление не давало, поэтому более совершенные и универсаль-

ные, на наш взгляд, вещи имеют шпенек различной формы, но без указанного атавизма. Эксплуатация изделия могло осуществляться без него и без того отверстия, которое имеется на нем. Таким образом, в ходе развития форм, следующим шагом было исчезновение ответвления с усовершенствованием шпенька, что хорошо демонстрируют изделия из памятников Кок-су-1 и Вакулиха-1 [Там же, рис. 40; рис. 44].

4. Стоит отметить в рассматриваемой конструкции существенную роль шипа, при износе которого эффективность связки существенным образом уменьшается, а при отсутствии его, — использование комплекта становится весьма проблематичным. Появление шипа связано непосредственно с изготовлением и применением металлических удил.

Ш. Бляха налобная (рис. 1.-3; рис. 3.-5,6) — бронзовая, округлая (в диаметре около 3,8 см), слегка выпуклая, толщиной до 0,3 см, имеет шпенек в виде Т-образного (или грибовидного) выступа. Изделие отливалось по утрачиваемой восковой модели в закрытой форме. Поэтому литейные швы отсутствуют, а обнаруживаются характерные для пластичного материала контуры, вматины от пальцев, стыки элементов конструкции [Минасян, 1994, с. 158]. Литник четко фиксируется на овальной поверхности шпенька (рис. 1.-3). Наличие подобного Т-образного выступа дает возможность предполагать знание такого рода крепления раньше, чем подобный способ был перенесен на псалии, либо внедрение данной детали в элементы конского снаряжения произошло почти одновременно. Выяснить представленное обстоятельство, на наш взгляд, является реальным. А то, что между ними существует непосредственная связь в процессе создания элементов конского снаряжения, особых сомнений у нас не вызывает. Длина ножки рассматриваемого выступа — 1,3 см, толщина в центре — 0,9 см. Шляпка-фиксатор, как уже было сказано овальная (2,2×1,5 см), толщина — до 0,3 см. Имеющееся расстояние между круглой бляхой и фиксатором предполагает использование толстого налобника или соединение двух коротких ремней в предполагаемом месте расположения узды. Аналогичные налобные бляхи имеются в достаточном количестве среди элементов конского снаряжения раннескифского времени [Кирюшин, Тишкин, 1997].

IV. Последней из рассматриваемых предметов, найденных на берегу Гилевского водохранилища, является одна из двух парных подпружных пряжек (рис. 1.-2). Стоит пов-

торить, что пряжка именно подпружная, т.к. имеющаяся приемная прорезь свидетельствует о ширине и толщине пропускаемого через нее кожаного ремня, который выполнял роль подпруги. Что касается, так называемых трочных пряжек, то их размеры должны быть меньшими, а использование несколько иное (см. трок — широкая тесьма на пряжках, свех седла, вальтрапа или попоны; верхняя подпруга [Даль, 1995, т. 4, с. 434]).

Изделие отлито в закрытой форме по утрачиваемой модели, о чем свидетельствуют признаки, характерные для такого способа изготовления бронзовых вещей. Следы литника хорошо заметны на выделяющемся выступе щитка (рис. 1.-2). Наличие выпуклости и ребра жесткости, на наш взгляд, является свидетельством экономии металла при увеличении прочности изделия. Размеры овальной приемной прорези таковы: 5,4×4,0 см. Отверстие на щитке для ремня, на котором висела эта пряжка имеет длину 1,7 см и ширину 0,4 см. Недостающая в рассматриваемом комплекте вторая пряжка могла быть подобна имеющейся, но со шпеньком для фиксации регулируемого подпружного ремня [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 72-74].

Аналогий выше описанным элементам конского снаряжения на сегодняшний день можно найти достаточное количество. Большинство их представлено в настоящем сборнике. Кроме того, в нашу статью включен рисунок изделий из кургана 21 могильника Алды-Бель-1 [Грач, 1980]⁹. Это сделано не только для сравнительной демонстрации, но и для более точного воспроизведения этих вещей, т.к. опубликованные иллюстрации не дают возможности детального восприятия этих важнейших элементов конского снаряжения, найденных на сопредельной с Алтаем территории.

При значительном увеличении за последние десятилетия материалов скифской эпохи Алтая широко используемый в археологии метод аналогий меньше всего эффективен, поэтому нет смысла перечислять неоднократно указанные памятники, где в находили У-образные псалии в комплекте с другими находками, тем более, что таких вещей на Алтае сравнительно больше, чем любой другой категории предметов материальной культуры раннескифского времени. Что касается вопросов датировки, происхождения и распространения указанного вида бронзовых изделий узды, то предполагаемое решение их не претерпело у нас особых изменений [Кирюшин, Тишкин, 1997].

Следующие публикуемые в статье элементы конского снаряжения сделаны из кости и рога (рис. 4). Они представлены различными находками, хранящимися в Бийском краеведческом музее (БКМ). Выяснить точное происхождение всех изделий пока не удалось. Тем не менее мы вводим в научный оборот данный материал, для того чтобы привлечь внимание исследователей к изучению археологических объектов скифской эпохи на территории северных предгорий Алтая.

В книге поступлений БКМа [ОФ, № 1, 1954 год, август] имеются свидетельства, что некоторые из представляемых предметов были собраны в 1921 году М.Д. Копытовым из раскопанных курганов в окрестностях г. Бийска. Каждое изделие имеет по несколько инвентарных номеров, опираясь на которые в Коллекционной описи 1954 года обнаружили следующие записи, характеризующие собрание вещей под № 35:

«Коллекция глиняных сосудов, найденных в курганах в окрестностях г. Бийска, при раскопках сотрудником музея Копытовым М.Д. (Хакасский могильник?) в 1921 году.

Всего 3 предмета:

1. Высокий кувшинообразный горшок с плоским дном, по шейке грубый ямочный орнамент, с оттянутой шейкой, высота 24 см.

2. То же, у шейки пояска и ряд выпуклостей, соответствующих изнутри ряду крупных углублений. Высота 24 см.

3. Шарообразный горшок с плоским дном и оттянутой шейкой с 2-мя сквозными отверстиями, без орнамента. Высота 14 см.

Итого: 3 предмета

4. Псалии¹⁰ костяные с 2-мя круглыми отверстиями в каждой и заостренным концом, 2 шт.

5. Костылек от конской сбруи с отверстием для ремня.

6. Обойма из трубчатой кости с 3-мя отверстиями для ремня.

7. Округлая костяная пластина с круглым отверстием в середине — от конской сбруи.

8. Часть обоймы из кости, расколота на 2 части, орнаментированная поперечными поясками.

всего 9 предметов»

Информация о происхождении скульптурного изображения барана, имеющем инвентарный № 52 (рис. 4.-3), не найдена. Что касается последнего предмета (рис. 4.-7), то выяснилось следующее. По Коллекционной описи 1954 года это изделие («обоймочка бочкообразной формы с отверстием») числится под № 4 в коллекции № 22 и там от-

мечено: «1930 год, сборы, Грязнов М.П. из курганов в окрестностях г. Бийска».

Псалии (рис. 4.-1,2) — костяные, двудырчатые. Внешний вид их практически идентичен, однако некоторые параметры немного разнятся: так один имеет длину — 9,5 см, ширину в центре изделия — 1,9 см, толщину — 1,1 см, диаметр отверстий — около 0,8 см; второй соответственно такие показатели: 9,1 см, 1,9 см, 1,2 см, 0,7 см. Между отверстиями на тулове псалиев хорошо видны окислы использовавшихся железных удил. Обе вещи сделаны вручную, возможно ножом из трубчатой кости животного, поэтому одна сторона у них гладкая, а другая — пористая. Рассматриваемые предметы, на наш взгляд, происходят из погребального объекта скифской эпохи, которые в большом количестве обнаружены и раскопаны на территории г. Бийска, а также в близлежащих предгорьях Алтая [Завитухина, 1961, 1962, 1966; Сергеев, 1946; Кунгуров, Кунгурова, 1982; Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992; Абдулганеев, Кунгуров, 1996 и др.].

Судя по всем имеющимся инвентарным номерам, из одной коллекции с псалиями происходят еще три вещи (рис. 4.-4,5,6). Однако не исключено, что они найдены в других местах.

Так, расколотое изделие бочковидной формы, орнаментированное шестью вырезанными по диаметру канавками, опубликовано с некоторыми издержками в рисунке М.Т. Абдулганеевым и А.Л. Кунгуровым [1996, рис. 2.-5]. По их мнению, эта вещь найдена в кургане № 1 (14) могильника Бийск-I и является пронизкой [Там же, с. 144]. Распределитель ремней (рис. 4.-6) и маленькая бочковидная подвеска (рис. 4.-7) также, наверное, были обнаружены в окрестностях г. Бийска.

Добавочные фаланги лошади или лося с отверстиями посередине (рис. 4.-3) в достаточном количестве найдены при исследованиях курганов раннескифского времени на территории Горного Алтая [Тишкин, 1996, рис. 12.-4; Демин, Гельмель, 1992, с. 174; и другие]. Причину присутствия такого предмета среди вещей несколько позднего времени еще предстоит выяснить.

Интересная скульптурная находка (рис. 4.-3) имеет длину 3,7 см, ширину носовой части — 1,0 см, рогов — 1,9 см. Это изделие, возможно, являлась подвеской или наносником, о чем свидетельствуют следы на обломанной части изделия, где должно быть отверстие диаметром 0,8–0,9 см. К скифской эпохе данную находку мы отнесли предположительно.

Заканчивая описание предметов из Бийского краеведческого музея необходимо отметить, что изучение быстрянской культуры скифской эпохи в предгорьях Алтая только начинается и для этого необходимы любые свидетельства. Что касается решения вопросов генезиса указанной культуры, то к уже высказанным идеям [Тишкин, 1996, с. 26–28] можно добавить положение о миграции с территории Горного Алтая населения раннескиф-

ского времени, начиная с VII вв. до н.э. [Жирюшин, Тишкин, 1997]. Эти племена и послужили основой для сложения новой своеобразной (контактной) культуры.

Таким образом, тщательное и многостороннее изучение элементов конского снаряжения позволяет исследователям получать дополнительные сведения для реконструкции истории народов, не имевших письменности.

Примечания

- ¹ В данной монографии, в соответствии с целями издания, публикация многих изделий раннескифского времени носит преимущественно демонстрационный характер и, естественно, требуется их дальнейшее более тщательное изучение.
- ² Смотрите более подробную статью В.Б. Бородаева в настоящем сборнике.
- ³ Рисунки всех изделий для данной статьи выполнены А.Л. Кунгуровым, за что выражаю ему особую благодарность.
- ⁴ Подпружная пряжка была сломана находчиком при определении металла, из которого она была сделана. Этим же объясняются следы точила на отдельных небольших участках налобной бляхи.
- ⁵ Данная форма обозначена по хорошо знакомому очертанию шахматной фигуры — пешки.
- ⁶ Консультации проведены со специалистами лаборатории кафедры «Машины и технология литейного производства» Алтайского технического университета (г. Барнаул). Автор выражает благодарность заведующему указанной лаборатории А.Ф. Бухтоярову за ценные замечания в ходе дискуссии.
- ⁷ Автор благодарен А.Ф. Бухтоярову за содействие в организации изготовления копии У-образного псаляя.
- ⁸ Автор благодарен Е.А. Дубову, преподавателю кафедры «Теория механизмов и машин», за возможность использовать в статье предоставленное им описание кинематической цепи, а также Н.В. Галушкину, преподавателю кафедры «Сопротивление материалов» за всесторонние консультации в процессе обсуждения имеющихся проблем.
- ⁹ Данный комплект по нашей просьбе был доставлен в г. Барнаул на конференцию сотрудником Тувинского музея В.Т. Могушом в 1994 года, за что выражаем ему особую признательность. С остальными же элементами конского снаряжения раннескифского времени, хранящимися в г. Кызыле, нам поработать не удалось. Надеемся на то, что эти материалы ещё привлекут внимание исследователей и будут введены в научный оборот достойным образом.
- ¹⁰ Здесь же в описи дальше следует по порядку перечисление других изделий, однако не ясно, были ли они найдены вместе с сосудами или происходят из других объектов.

Основная библиография печатных работ археологов за последние 50 лет (1947–1997 гг.) по конскому снаряжению I тыс. до н.э. в степной полосе Евразии

*«Все даты в скифо-сибирской археологии «висят»
на конской узде. В одном месте археологи берут узду
и вешают, как на гвоздь, в другом регионе»*

Из устного выступления С.С. Сорокина 20.04.1977 г.
на расширенном заседании по киммерийской проблеме).

Вопрос об «эволюции» конского снаряжения в I тыс. до н.э. — один из наиболее разработанных в отечественной археологии. С.С. Сорокин почти не преувеличил значение конского снаряжения при хронологическом определении памятников Евразии. Долгое время узда была одним из трех главных компонентов (снаряжение коня + оружие + звериный стиль) при датировании и передатировании археологических объектов скифской эпохи. Исследования по саяно-алтайскому конскому убору, несомненно, оказали большое влияние на решение многих трудных вопросов по поводу происхождения, использования и времени существования предметов экипировки лошади на территории Евразии. Описания и реконструкции алтайского снаряжения верхового коня скифской эпохи, наиболее полно представленные в работах М.П. Грязнова и С.И. Руденко в 1930–1950-е годы, до сих пор остаются непревзойденными.

М.П. Грязнов одним из первых восстановил конструкцию узды VII–VI вв. до н.э. с Алтая (1947)¹, Казахстана (1956б), а затем и Тувы (1980). Классические работы А.А. Иессена (1953), Б.Б. Пиотровского (1959), М.К. Кадырбаева (1966), О.А. Вишневской (1973), А.И. Тереножкина (1976), М.П. Грязнова (1980) вызвали у археологов большой интерес и оживленные дискуссии. Исследование кургана Аржан в Туве в начале 1970-х годов, открытие при этом большого числа разнообразных элементов конского снаряжения позволило не только реконструировать узду VIII в. до н.э., но и привело к массовому передатированию археологических памятников почти во всех регионах Евразии, стимулировало появление множества работ, посвященных хронологии и развитию узды, а также позволило по-новому поставить вопрос о происхождении скифо-сибирских культур.

Конское снаряжение I тыс. до н.э. уже более 150 лет привлекает внимание археологов. Особенно большое число работ по этой проблематике опубликовано за последние 50 лет. Итоги изучения археологических памятников кочевников Евразии (в том числе и экипировки коня) подведены в двух томах книжной серии «Археология СССР» [Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время, 1989, Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время, 1992].

Ввиду труднодоступности некоторых книг и статей в последние 5–10 лет, возможно, ряд работ в нашей краткой библиографии не учтены. Публикации новых и старых материалов из объектов археологических раскопок, детальный анализ отдельных категорий предметов и проблемы происхождения конского снаряжения рассматривались во многих исследованиях археологов:

для **Горного Алтая** — М.П. Грязнов (1947, 1950, 1992); С.В. Киселев (1949, 1951); С.И. Руденко (1953, 1960, 1962); С.С. Сорокин (1966, 1969, 1974); Д.Г. Савинов (1975, 1978); Л.Л. Баркова (1979, 1983); Л.С. Марсадолов (1981, 1985, 1987, 1996); А.С. Суразаков (1980, 1988); Н.А. Боковенко (1981, 1986); В.А. Могильников (1983, 1988, 1991, 1994); В.А. Могильников, А.С. Суразаков (1980); В.И. Молодин, В.Т. Петрин (1985); А.И. Мартынов, А.М. Кулемзин, Г.С. Мартынова (1985); В.Д. Кубарев (1987, 1991, 1992, 1997); С.В. Неверов, Н.Ф. Степанова (1990); Н.Ф. Степанова (1987, 1996); Ю.С. Худяков, С.Г. Скобелев, М.В. Мороз (1990); Н.Л. Членова, В.Д. Кубарев (1990); М.А. Демин, Ю.И. Гельмель (1992); В.А. Кочеев (1992, 1996); В.Б. Бородаев (1993); Г.А. Ключкин (1993); Н.В. Полосьмак (1993, 1994); Р.С. Минасян (1992, 1994); М.Т. Абдулганеев (1994); Древние культуры... (1994); М.А. Демин, П.И. Шульга (1995); Ю.Т. Мама-

даков (1995); А.А. Тишкин (1996); А.А. Тишкин, А.А. Казаков, В.Б. Бородаев (1996); П.И. Шульга (1996, 1997); Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин (1997); П.И. Шульга, А.А. Казаков и др. (1997); Н.Л. Членова (1997); и т.д.

для **Верхней Оби** (включая близлежащие лесостепные и степные районы) — М.П. Грязнов (1947, 1956а); М.П. Завитухина (1961, 1966); А.П. Уманский (1970); Н.Л. Членова (1973, 1994, 1996, 1997); А.Л. Кунгуров, Н.Ю. Кунгурова (1982); Г.Е. Иванов, Э.М. Медникова (1982); Ю.Ф. Кирюшин, А.Л. Кунгуров, А.А. Казаков (1992); С.М. Киреев (1992); А.А. Тишкин, Э.М. Медникова (1993); А.А. Тишкин, Т.В. Тишкина (1995); Т.Н. Троицкая, А.П. Бородовский (1994); М.Т. Абдулганеев, А.Л. Кунгуров (1996); А.П. Бородовский (1997); В.А. Могильников (1997); и т.д.

для **Минусинской котловины** — Ю.С. Гришин (1960, 1971); Н.Л. Членова (1967, 1972); М.П. Завитухина (1983); Н.А. Боковенко (1986); М.Н. Пшеницина (1980); и т.д.

для **Тувы** — Л.Р. Кызласов (1958, 1979); Н.Л. Членова (1961, 1973); М.Х. Маннай-оол (1970); М.П. Грязнов (1975, 1979, 1980; 1983); А.Д. Грач (1980); Н.А. Боковенко (1986, 1994, 1995); Л.С. Марсадоллов (1989); Р.С. Минасян (1994); и т.д.

для **Монголии** — С.В. Киселев (1947); В.В. Волков (1967, 1978, 1981); Э.А. Новгородова (1989); и т.д.

для **Казахстана** — М.П. Грязнов (1956б); А.Х. Маргулан, К.А. Акишев, М.К. Кадырбаев, А.М. Оразбаев (1966) М.К. Кадырбаев (1959, 1966, 1968, 1975, 1980); К.А. Акишев (1973, 1978); К.А. Акишев, А.К. Акишев (1978); К.А. Акишев, Г.А. Кушаев (1963); Ф.Х. Арсланова (1974, 1981); А.С. Ермолаева (1983; 1987); и т.д.

для **Средней Азии** — А.Г. Максимова (1960); М.А. Сабурова, В.Н. Ягодин (1963); С.П. Толстов, М.А. Итина (1966); О.А. Вишневская, М.А. Итина (1971); О.А. Вишневская (1973); Ю.А. Заднепровский (1962, 1978); Б.А. Литвинский (1972); Л.Т. Яблонский (1996); и т.д.

для **Приуралья и Поволжья** — А.П. Смирнов (1961); К.Ф. Смирнов (1964, 1975); К.Ф. Смирнов, В.Г. Петренко (1963); А.Х. Халиков (1977); А.В. Лукашов (1984); С.В. Кузь-

миных (1983); А.Х. Пшеничнюк (1983); В.Е. Максименко (1984); Е.Ф. Чежина (1991); Е.П. Казаков (1994); Б.Ф. Железчиков (1994); С.Б. Вальчак, В.И. Мамонтов, А.А. Сазонов (1996); А.Д. Таиров, С.Г. Боталов (1988); и т.д.

для **Кавказа — Закавказья (и частично Передней Азии)** — А.А. Иессен (1953, 1954); Б.Б. Пиотровский (1959); Г.М. Асланов, Р.М. Ваидов и Г.И. Ионе (1959); Е.И. Крупнов (1960); В.Б. Виноградов (1972); В.Б. Виноградов, С.Л. Дударев, А.П. Рунич (1980); С.Л. Дударев (1991); Б.В. Техов (1971, 1980); Н.В. Анфимов (1971); И.Н. Анфимов (1989); А.И. Тереножкин (1971); В.И. Козенкова (1977, 1982, 1995); В.Г. Петренко (1982); В.Г. Котович (1982); И.Н. Медведская (1983); М.Н. Погребова (1984); С.А. Есяян, М.Н. Погребова (1985); Н.Л. Членова (1984); В.М. Батчаев (1985); О.В. Muscarella (1988); О.Р. Дубовская (1987, 1989, 1997); С.В. Махортых (1991); Р.С. Минасян (1994); В.Р. Эрлих (1991, 1997); А.В. Пьянков, В.А. Тарабанов (1997); и т.д.

для **Северного Причерноморья и Скифии** — П.Д. Либеров (1954, 1965); А.И. Тереножкин (1961, 1965, 1971, 1976); В.А. Ильинская (1961, 1968, 1973, 1975); Г.Т. Ковпаненко (1967, 1981); Б.Н. Граков (1971, 1977); А.М. Лесков (1971, 1975, 1981); М.И. Артамонов (1966); А.И. Мелюкова (1972, 1979, 1989); Г.И. Смирнова (1977, 1982); В.И. Бидзиля, Э.В. Яковенко (1974); Б.М. Мозолевский (1979); Л.К. Галанина (1977, 1983); В.Ю. Мурзин, Е.В. Черненко (1980); С.И. Татаринцов (1982); В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин (1983); В.Ю. Мурзин (1984); Т. Кеменцеи (1986); Э.С. Шарафутдинова, О.Р. Дубовская (1987); Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессонова, С.А. Скорый (1989); А.П. Манцевич (1987); А.Ю. Алексеев (1991); А.Ю. Алексеев, В.Ю. Мурзин, Р. Ролле (1991); В.А. Косиков (1992); А.В. Каряка (1994); С.В. Махортных (1994); В.Р. Эрлих (1991, 1994, 1997); С.Б. Вальчак (1993, 1994, 1997); С.Б. Вальчак, В.И. Мамонтов, А.А. Сазонов (1996); С.Б. Вальчак, В.Р. Эрлих (1993, 1997); и т.д.

Надеемся, что приведенный обзор литературы поможет в работе начинающим археологам, а также послужит опорой для серьезных исследований по изучению конского снаряжения I тыс. до н.э.

Примечания

Все подобные сноски на год выхода публикаций в данной статье соответствуют полному библиографическому описанию печатных работ указанных авторов, которое помещено в

конце настоящего сборника. Там же можно найти сведения о некоторых публикациях, не вошедших, по разным причинам, в наш перечень.

Удила и псалии гунно-сарматского времени Горного Алтая

Убранство верхового коня гунно-сарматской эпохи Горного Алтая, несомненно, заслуживает специального рассмотрения, поскольку конь играл важную роль в жизни населения того времени, выполняя функции самого главного транспортного животного. Детали конского снаряжения гунно-сарматского времени известны нам, преимущественно, по погребальным памятникам, благодаря обычаю погребения человека с конем, широко распространенному в Горном Алтае с I тыс. до н.э. Однако, несмотря на наличие сравнительно большого количества предметов убранства верхового коня в коллекциях, полученных из раскопок последних лет, практически нет опубликованных материалов за исключением нескольких десятков предметов. Отсутствие публикаций не позволяет осуществить анализ всех известных категорий предметов конского снаряжения даже в предварительной форме. Поэтому в данной работе мы ограничимся рассмотрением удил и псалиев.

На сегодняшний день опубликованы: железные удила с большекрючными окончаниями и крюковым соединением звеньев (рис. 1.-1,2) из к. 33 могильника Булан-Кобы-IV и из разрушенного погребения из Усть-Пустынки [Мамадаков, 1985, рис. 5.-7; Алехин, Гельмель, 1991, рис. 1.-1]; звено железных удил с петельчатым окончанием и крюком для соединения с другим звеном (рис. 1.-3), а также костяной стержневой двудырчатый псалий (рис. 1.-4) из к. 14 пп. 3,4 могильника Белый Бом-II [Глоба, 1983, табл. IV, рис. 5,6]; железные удила с петельчатыми окончаниями и крюковым соединением звеньев (рис. 1.-7), железные удила с равнокрючными окончаниями и кольчатыми железными псалиями, где имеются железные обоймы (рис. 1.-8), звено железных удил с петельчатым окончанием и крюком для соединения с другим звеном, с костяным стержневым двудырчатым псалием и с восьмерковидной железной петлей для ремня (рис. 1.-9) из кк. 9,11,13 могильника Верх-Уймон [Соенов, Эбель, 1992, рис. 33.-5, рис.36.-3, рис.43.-12]. Кроме то-

го, в нашем распоряжении имеются трое железных удил с равнокрючными окончаниями и с железными кольчатыми псалиями (рис. 2.-1,2,3) из кк. 14,15,20 могильника Верх-Уймон и железные удила с петельчатыми окончаниями и петельчатым соединением звеньев (рис. 2.-4) из к. 250 могильника Сары-Бел.

Удила и псалии гунно-сарматского времени Горного Алтая уже классифицировались в разные годы А.А. Гавриловой, Ю.Т. Мамадаковым, В.И. Соеновым и А.В. Эбелем. На основании различия в форме псалиев А.А. Гаврилова выделила два типа удил Горного Алтая «ранее VI в.»: кошибеэвский — с кольчатыми псалиями и кудыргинский — со стержневыми псалиями [Гаврилова, 1965, с. 80-84]. Ю.Т. Мамадаков предложил два типа удил для Центрального Алтая: «тип 1 — однокольчатые, тип 2 — равнокрючные» [Мамадаков, 1990, с. 14]. При классификации инвентаря из могильника Верх-Уймон мы предложили три типа: тип 1 — железные удила с крюковым соединением звеньев и петлевидным окончанием звеньев, в которые вставлялись костяные двудырчатые дуговидные псалии и восьмеркообразная железная петля; тип 2 — аналогичные типу 1, но с «утраченными псалиями»; тип 3 — железные удила с крюковым соединением звеньев и кольцами-псалиями, у которых имелись железные обоймы» [Соенов, Эбель, 1992, с. 34].

По мнению исследователей, наиболее удачным подходом к систематизации удил, как показывает практика, является вариант, предложенный И.Л. Кызласовым для материалов аскизской культуры, где удила и псалии исследуются по отдельности [Кызласов, 1983, табл. I,II]. Он «...позволяет более конкретно проследить происхождение и видоизменяемость различных типов, установить более узкие хронологические рамки их существования» [Неверов, 1992, с. 141]. Поэтому мы в настоящей заметке тоже использовали схему классификации, где имеются единицы «категория», «группа», «разряд», «раздел», «отдел», «тип». Тем более, что данный подход уже успешно использовался для

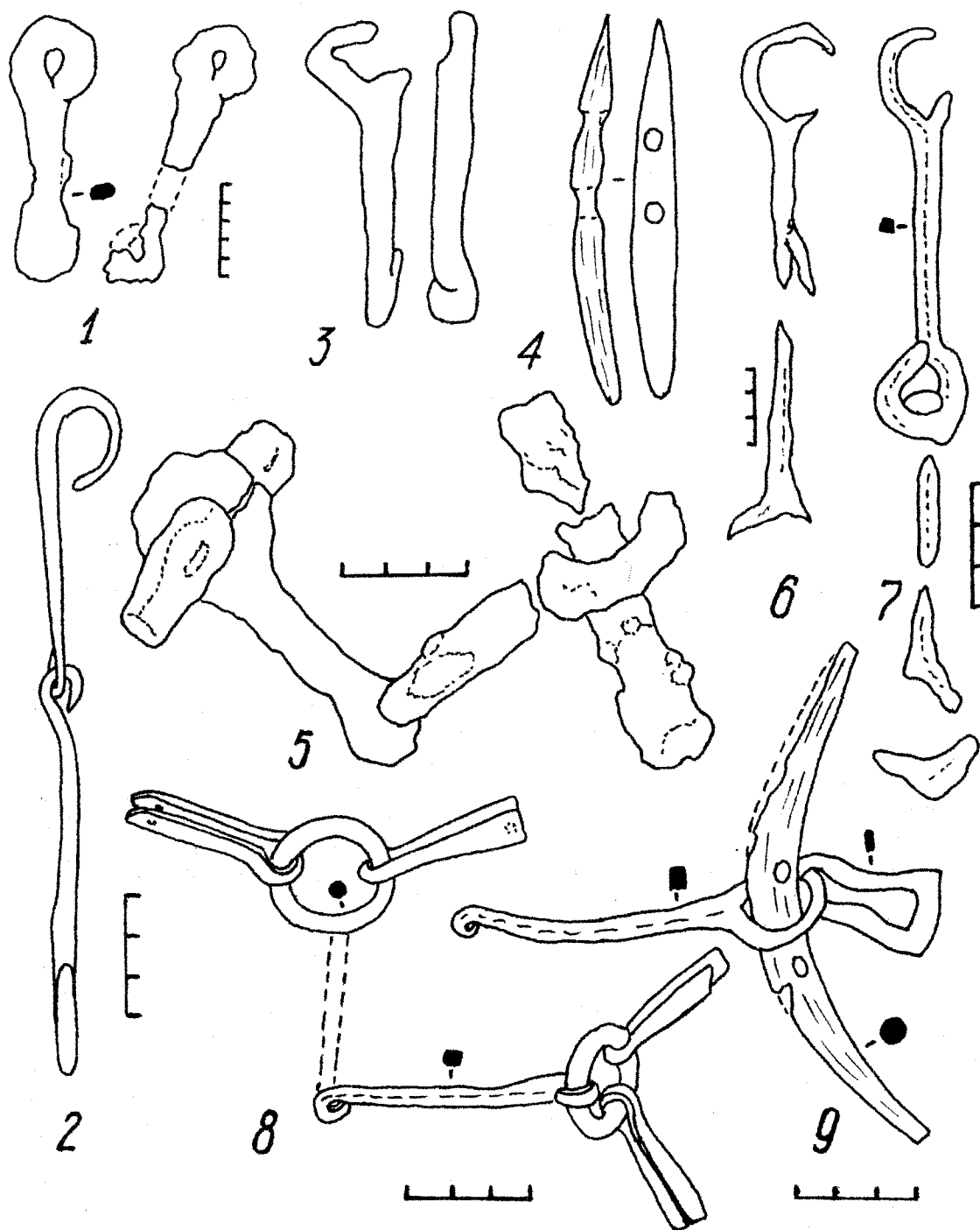

Рис. 1. Удила и псаали гунно-сарматской эпохи Горного Алтая.

1 — Булан-Кобы -IV, к. 33; 2 — Усть-Пустынка; 3 — Белый-Бом-II, к. 14, п. 3 (масштаб неизвестен); 4 — Белый-Бом-II, к. 14, п. 4 (масштаб неизвестен); 5 — Усть-Эдиган, к. 15; 6 — Усть-Эдиган, к. 60; 7 — Верх-Уймон, к. 13; 8 — Верх-Уймон, к. 11; 9 — Верх-Уймон, к. 9 (1-3, 5-8 — железо. 4 — кость; 9 — железо и кость).

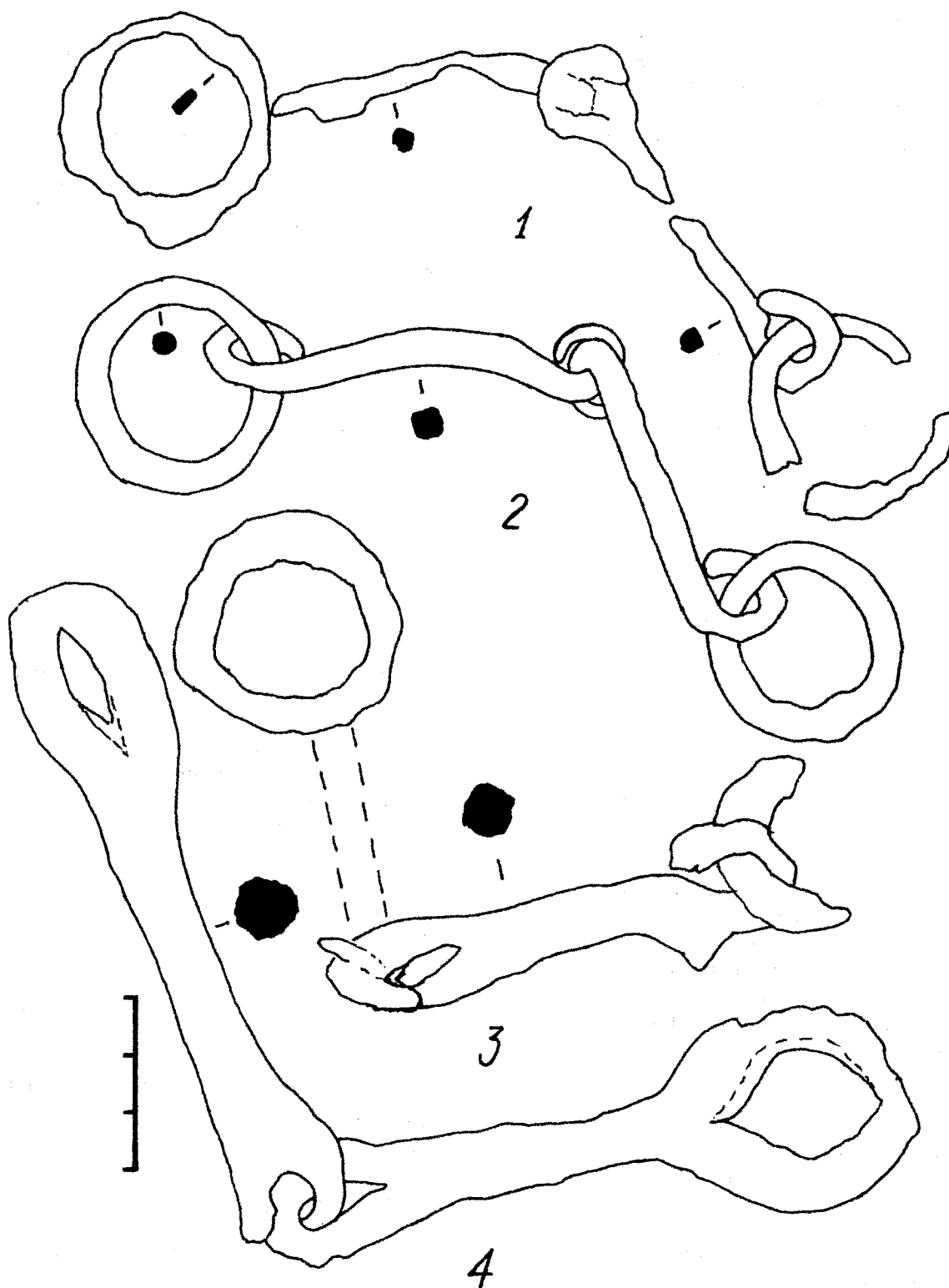

Рис. 2. Удила и псалии гунно-сарматской эпохи Горного Алтая.
1 — Верх-Уймон, к. 15; 2 — Верх-Уймон, к. 14; 3 — Верх-Уймон, к. 20;
4 — Сары-Бел, к. 250 (1-4 — железо).

систематизации материалов Горного Алтая и его северо-западных предгорий С.В. Неверовым и А.А. Тишкиным: при классификации удила и псалий первой половины I тыс. до н.э. Центрального и Северо-Западного Алтая [Тишкин, 1996, с. 15–17] и удила второй половины I тыс. н.э. Верхнего Приобья [Неверов, 1992, с. 141–154].

В нашей классификации удила и псалии образуют две категории. По характеру использованного материала изделия делятся на группы. Разряд отражает технику изготовления изделий. Раздел фиксирует наличие или отсутствие псалий у удила и общую форму у псалий. Отдел отражает характер соединения звеньев удила между собой, а также количество отверстий для крепления ремней у стержневых псалий и количество колец у кольчатых псалий. Тип фиксирует конкретные формы изделий, а дополнительная единица классификации — подтип определяет наличие или отсутствие особых элементов.

Классификация удила. Всего учтено 12 экземпляров удила, из которых 10 — парные, 2 — половины. Не все парные удила сохранились полностью, но, тем не менее, их можно уверенно идентифицировать.

Категория. Удила. Включает одну группу — железные удила. Группа 1. Железные удила. Включает один разряд — кованые удила.

Разряд 1. Кованные удила. Включает два раздела: удила с псалиями и удила без псалий.

Раздел 1. Удила с псалиями. Включает один отдел — соединенно-крюковые.

Отдел 1. Соединеннокрюковые удила. Включает три типа: удила с равнокрючными окончаниями; с петельчатыми окончаниями, где имеются дополнительные восьмерковидные петли; с петельчатыми окончаниями без дополнительных восьмерковидных петель.

Тип 1. Железные кованые удила с псалиями, равнокрючными окончаниями и крюковым соединением звеньев (рис. 1.–8; 2.–1,2,3). Включает 4 экземпляра (Верх-Уймон, кк. 11,14,15,20).

Тип 2. Железные кованые удила с псалиями, с петельчатыми окончаниями, где имеются дополнительные восьмерковидные петли, с крюковым соединением звеньев (рис. 1.–9). Включает 1 экземпляр (Верх-Уймон, к. 9).

Тип 3. Железные кованые удила с псалиями, с петельчатыми окончаниями без дополнительных восьмерковидных петель, с крюковым соединением звеньев (рис. 1.–5). Включает 1 экземпляр (Усть-Эдиган, к. 15).

Раздел 2. Удила без псалий. Включает два отдела: соединеннокрюковые и соединеннопетельчатые.

Отдел 1. Соединеннокрюковые удила. Включает два типа: удила с большекрючными окончаниями и с петельчатыми окончаниями без дополнительных восьмерковидных петель.

Тип 1. Железные кованые удила без псалий, с большекрючными окончаниями и крюковым соединением звеньев (рис. 1.–1,2). Включает 2 экземпляра (Булан-Кобы-IV, к. 33; Усть-Пустынка).

Тип 2. Железные кованые удила без псалий, с петельчатыми окончаниями без дополнительных восьмерковидных петель, с крюковым соединением звеньев (рис. 1.–3,6,7). Включает 3 экземпляра (Верх-Уймон, к. 13; Усть-Эдиган, к. 60; Белый Бом-II, к. 14, п. 3).

Отдел 2. Соединеннопетельчатые удила. Включает один тип — удила с петельчатыми окончаниями без дополнительных восьмерковидных петель.

Тип 1. Железные кованые удила без псалий, с петельчатыми окончаниями без дополнительных восьмерковидных петель, с петельчатым соединением звеньев (рис. 2.–4). Включает 1 экземпляр (Сары-Бел, к. 250).

В результате произведенной классификации мы получили шесть типов удила гунно-сарматского времени Горного Алтая.

Классификация псалий. Всего учтено 7 экземпляров псалий, из которых 5 — парные, а 2 — одиночные.

Категория. Псалии. Включает две группы: железные и костяные.

Группа 1. Железные псалии. Включает один разряд — кованые.

Разряд 1. Кованные псалии. Включает два раздела: стержневые и кольчатые.

Раздел 1. Стержневые псалии. Включает один отдел — двудырчатые.

Отдел 1. Двудырчатые псалии. Включает один тип — прямые, с утолщениями вокруг отверстий.

Тип 1. Железные кованые стержневые двудырчатые псалии с утолщением вокруг отверстий (рис. 1.–5). Включает 1 экземпляр (Усть-Эдиган, к. 15).

Раздел 2. Кольчатые псалии. Включает один отдел — однокольчатые.

Отдел 1. Однокольчатые псалии. Включает один тип — круглые.

Тип 1. Железные кованые однокольчатые псалии круглой формы. Включает два подтипа.

Подтип 1. С железными обоймами для крепления ремней (рис. 1.-8). Включает 1 экземпляр (Верх-Уймон, к. 11).

Подтип 2. Без железных обойм для крепления ремней (рис. 2.-1,2,3). Включает 3 экземпляра (Верх-Уймон, кк. 14,15,20).

Группа 2. Костяные псалии. Включает один раздел — резные.

Разряд 1. Резные псалии. Включает один раздел — стержневые.

Раздел 1. Стержневые псалии. Включает один отдел — двудырчатые.

Отдел 1. Двудырчатые. Включает один тип — слабоизогнутые.

Тип 1. Костяные резные стержневые двудырчатые псалии слабоизогнутой формы. Включает два подтипа.

Подтип 1. С симметричными затупленными концами (рис. 1.-9). Включает 1 экземпляр (Верх-Уймон, к. 9).

Подтип 2. С ассиметричными концами: один конец затуплен, другой — заострен (рис. 1.-4). Включает 1 экземпляр (Белый Бом-II, к. 14, п. 4).

В результате произведенной классификации мы получили три типа псалиев гунно-сарматской эпохи Горного Алтая.

Небольшое количество полученных типов дает малую размерность пространства признаков. Это лишает нас возможности применения элементов статистики для построения формализованных эволюционных рядов. Малочисленность опубликованных материалов не позволяет сегодня рассматривать и встречаемость типов удил и псалиев. Исходя из этого, мы не будем делать в настоящей заметке далеко идущие выводы, а лишь отметим некоторые моменты, касающиеся вопросов хронологии и эволюции удил и псалиев гунно-сарматской эпохи Горного Алтая.

Удила с большекрючными и равнокрючными окончаниями звеньев (рис. 1.-1,2,8; рис.2.-1,2,3) известны в памятниках Евразии I тыс. до н.э. — II тыс. н.э. очень широко. Однако на территории Горного Алтая в памятниках скифской эпохи такие удила до настоящего времени не обнаружены [Суразаков, 1988, с. 23-25]. Они появились здесь только в гунно-сарматскую эпоху. Их появление на Саяно-Алтае, видимо, связано с западным влиянием [Кызласов, 1983, с. 57].

По всей видимости, удила с равнокрюковыми и большекрючными окончаниями звеньев представляют разные линии эволюции одного из вариантов удил. Близость их происхождения сомнений не вызывает, но они не являются тождественными. Определенное

внешнее сходство этих типов удил не подтверждается сочетанием удил с псалиями. Большекрючные удила, в соответствии с их конструктивными особенностями, могут иметь любые псалии, но пока в Горном Алтае они обнаружены без псалиев. Равнокрючные удила представлены только в сочетании с кольчатыми псалиями круглого или прямоугольного сечения диаметром около 4 см с обоймами для крепления ремней или без них.

В свое время удила, аналогичные нашим уймонским: с равнокрючными окончаниями и кольчатыми псалиями, найденные в Берели были отнесены А.А. Гавриловой к кошибеевскому типу и датированы III-IV вв. н.э. [Гаврилова, 1965, с. 57]. Имеющиеся у нас материалы, в принципе, не противоречат предложенной датировке данного варианта удил [Соенов, Эбель, 1992, рис. 36.-36]. В дальнейшем, удила с равнокрючными окончаниями и кольчатыми псалиями продолжают существовать в Горном Алтае и во второй половине I-II тыс. н.э. [Гаврилова, 1965, рис. 12.-4, рис.15.-7; Могильников, 1990, рис. 5.-1]. Что касается удил с большекрючными окончаниями, то они появляются в Горном Алтае хотя и в гунно-сарматское время, но раньше удил с равнокрючными окончаниями звеньев. Могильник Булан-Кобы-IV, где обнаружены удила данного типа, датируется не позже III в. н.э. [Мамадаков, 1990, с. 15]. Данных относительно верхней хронологической границы бытования удил с большекрючными окончаниями в Горном Алтае у нас нет, но в памятниках второй половины I тыс. н.э. они еще продолжают встречаться [Кубарев, 1984, табл. XXXIV.-3].

Удила с петельчатыми окончаниями и петельчатым соединением звеньев (рис. 2.-4) известны еще в памятниках скифского времени, например, Курая [Суразаков, 1988, рис. 7.-6], Юстыда [Кубарев, 1991, табл. XIV.-1, табл. XVII.-1 и т.д.] и других местностей. Данный тип удил находится в эволюционном ряду после удил с кольчатыми окончаниями и кольчатым соединением, но представляет отдельный вариант развития удил, сосуществовавшей с другими вариантами во второй половине I тыс. н.э. [Гаврилова, 1965, рис. 6.-2, табл. V.-4; Могильников, 1981, рис. 19.-100].

Процесс замены соединеннокольчатых (и соединеннопетельчатых) форм соединеннокрюковыми в гунно-сарматскую эпоху [Кызласов, 1983, с. 57; Неверов, 1992, с. 143] отражают удила с петельчатыми окончаниями и крюковым соединением звеньев (рис. 1.-3, 5, 6, 7, 9). Данные удила можно отнести к одно-

му варианту, вне зависимости от наличия или отсутствия дополнительных элементов, поскольку последние демонстрируют типологическое разнообразие, не влияя на конструктивные особенности самих удил. Что касается верхней хронологической границы бытования соединеннокрюковых удил с петельчатыми окончаниями, то они продолжают существовать в сочетании со стержневыми псалиями или с «утраченными псалиями» на протяжении второй половины I тыс. н.э. [Гаврилова, 1965, табл. IV.-7, табл. VII.-1, табл. VIII.-8 и т.д.].

Эволюцию форм псалиев гунно-сарматского времени Горного Алтая проследить невозможно из-за их малочисленности. Но в данный момент можно сказать, что типы стержневых псалиев, имеющие исходные корни в скифском времени Горного Алтая, продолжают развиваться дальше на протяжении I тыс. н.э. В первых веках нашей эры в Горном Алтае появляются кольчатые псалии круглой формы. Их появление, видимо, связано с западным влиянием. В дальнейшем, стержневые и кольчатые псалии составили две основные линии развития псалиев I-II тыс. н.э.

Таким образом, удила гунно-сарматского времени со стержневыми и «утраченными» псалиями, имеющие непосредственную связь с формами удил и псалиев предыдущего скифского времени, продолжают местную традицию. Основным их эволюционным из-

менением можно считать замену кольчатых и петельчатых соединений звеньев на крючковые. Новыми вариантами удил, появившимися в Горном Алтае в гунно-сарматскую эпоху являются большекрючные удила с «утраченными псалиями» и равнокрючные удила с кольчатыми псалиями. Причем большекрючные появились раньше равнокрючных. Продолжение развития всех вариантов удил с псалиями и с «утраченными псалиями» гунно-сарматского времени Горного Алтая дало то разнообразие типов, которое наблюдается в материалах тюркского времени Горного Алтая дало то разнообразие типов, которое наблюдается в материалах тюркского времени.

В целом, наша классификация, а также выводы по хронологии и эволюции удил и псалиев, изложенные в настоящей заметке, носят очень схематичный и предварительный характер. Это предполагает в дальнейшем более расширенное рассмотрение данной проблемы, с привлечением имеющихся материалов не только гунно-сарматского времени, но и скифского и тюркского времени Горного Алтая, для обоснования схемы эволюции удил и псалиев, которые, в конечном счете, привели к этнографическим формам. Надеемся, что расширенное рассмотрение позволит учесть большее количество находок, а также избежать тезисности при изложении материала.

Стремя раннего типа из Алейской степи

Во время проведения картографии археологических памятников летом 1994 года, к востоку от с. Локоть Локтевского района Алтайского края, на равнинной части правобережья р. Алей (рис. 1.-1) обнаружен курган диаметром около 20 м, высотой 0,2–0,4 м. Насыпь земляная, с незначительным содержанием рваного камня, сильно разрушена распашкой и какими-то земляными работами (возможно на этом месте находился полевой стан). При ее осмотре у южной полы найдено железное стремя (рис. 1.-2).

Данное изделие относится к числу так называемых «пластинчатых» стремян с «Т-образной» подножкой, являющихся самым ранним типом железных стремян [Грач, 1982, с. 160; Вайнштейн, 1991, с. 223; Савинов, 1996, с. 18]. Общие размеры нашего стремени: высота — 18 см, наибольшая ширина — 14,5 см. Ушко стремени пластинчатое, довольно длинное: высота — 6,1 см, ширина шейки — 2,1 см. Оно имеет выделенную головку подтрапециевидной формы, размерами 3,1×2,7 см. В основании головки пробито отверстие для стремянного ремня, его размеры 1,3×0,6 см, форма несколько «бабочковидная». Поперечное сечение ушка прямоугольное (плоское) со слегка скругленными углами, толщиной 0,33–0,34 см. Дужки стремени овальной формы, плавно переходящей в прямую подножку. Их сечение аналогично ушку, с толщиной от 0,33 до 0,4 см (ближе к подножке). Ширина дужек 1,3 см. Подножка прямая, плоская, шириной 1,75 см, толщиной 0,2 см. Под ней идет нервюры, высота до 1 см, толщина 0,2–0,25 см, являющаяся продолжением дужек. Форма стремени представляется вырубленной из листа металла определенной толщины с дальнейшей небольшой проковкой. Более тщательно была раскована внутренняя сторона прямого основания дужек, превращенная в узкую подножку. Стремя повреждено, его подножка погнута, а дужка в одном месте частично лопнула (следы в месте разлома старые). Степень коррозированности стремени средняя. На одной из сторон («лицевой») сохранились орнаментированные участки. Орнамент нанесен (выбит) металлическим инструментом в виде линий шириной и глу-

биной порядка 0,01 см. Линии образуют зигзаги из взаимопроникающих треугольников, идущих по всему периметру дужек и нервюры, а также украшающих ушко. По краям зигзаги окаймляют сплошные линии, расположенные по внешнему и внутреннему периметру дужек и только внешнему периметру ушка и нервюры.

Локтевское стремя пополняет собой серию плоских стремян раннего типа известных к настоящему времени на территории Горного Алтая, Тувы, Минусы, Новосибирского Приобья, Средней Азии, Среднего Поволжья [Гаврилова, 1965, табл. XIV.-7; Могильников, 1994, рис. 13.-2,3, рис.14.-2; Васютин, 1994, рис. 1.-8,9,10; Грач, 1982, рис. 2.-6,7, рис.7.-7; Новиков, 1988, рис. 2.-6; Троицкая, Новиков, 1992, рис. 25; Савинов, 1996, с. 18; Измайллов, 1990, рис. 1]. Наша находка расширяет географию этих стремян, включая в нее лесостепной Алтай, точнее его юго-западные районы и образует определенную связь между экземплярами Горного Алтая и Новосибирского Приобья. Идентичных аналогов локтевскому стремени нет. По наличию декора оно сближается с тувинскими, минусинским, новосибирскими и поволжским стремениами. Но по технике орнамента ему ближе экземпляры из Крохалевки-23 [Новиков, 1988, с. 51; Троицкая, Новиков, 1992, с. 117]. Форма дужек локтевского стремени аналогична горноалтайским изделиям из Кара-Кобы-1 [Могильников, 1994, рис. 13.-2,3], а наличие выделенной головки и наметившейся шейки сближает его со стремениами из Усть-Карасу-1 [Васютин, 1994, рис. 1.-9,10]. Обращает на себя внимание одинаковый характер повреждений плоских стремян — это лопнувшая в верхнем секторе дужка (рис. 1.-2; Грач, 1982, рис. 2.-6; Троицкая, Новиков, 1992, рис. 25). Общее число плоских стремян раннего типа, включая и локтевскую находку, насчитывает 16 экземпляров. Из них 13 найдено в закрытых комплексах. Интересно отметить, что лишь в двух случаях такие стремени составляют пары: Кудыргэ, к. 7, Улуг-Хорум, вп. 1. Все остальные найдены по одному.

Вопрос происхождения плоских стремян с пластинчатым ушком решается исследователями достаточно единодушно. Их прототипами

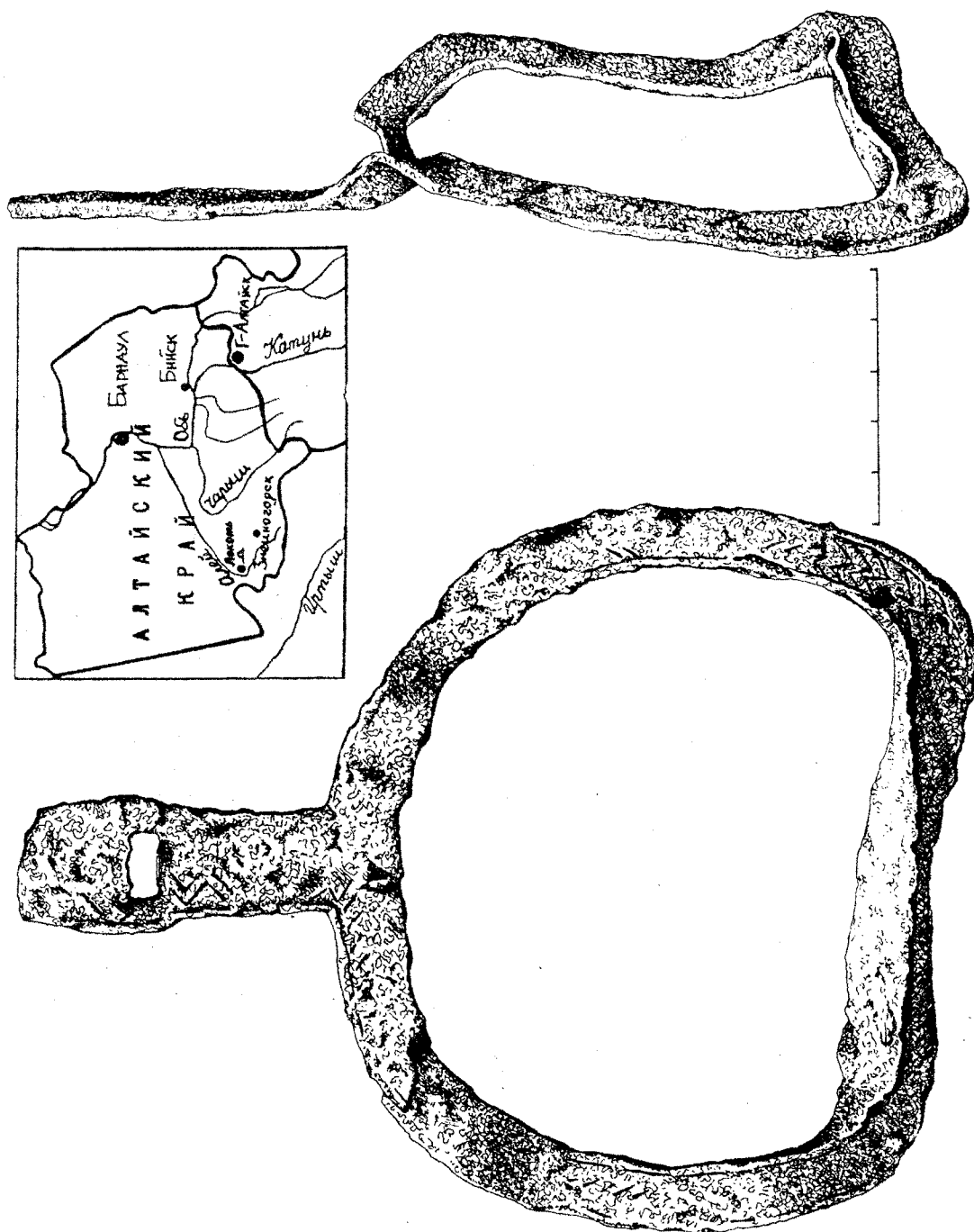

Рис. 1. 1 — план местонахождения стремени; 2 — железное стремя из кургана у с. Локоть.

справедливо считаются дальневосточные стремена, в свою очередь восходящие к стременам-подножкам [Вайнштейн, 1991, с. 221–224, рис. 97–99; Грач, 1982, с. 160–162, рис. 7; Измайлов, 1990, с. 61, 63; Савинов, 1996, с. 18–20, рис. 1; и др.]. Датировка железных стремян раннего типа определяется по-разному, в целом она варьирует от V до VII вв. н.э. В большинстве случаев их датируют V (кон. V) — пер. пол. VI вв. н.э. [Грач, 1982, с. 163; Новиков, 1988, с. 51; Троицкая, Новиков, 1992, с. 117–118; Измайлов, 1990, с. 63; Могильников, 1994, с. 111]. Слишком, до рубежа VII–VIII вв. н.э. завышается дата таких стремян А.С. Васютиным [Васютин, 1994, с. 58]. По нашему мнению, железные плоские стремена с пластинчатым ушком появляются на территории Южной Сибири в середине V в. н.э. Первоначальной территорией их изготовления был Горный Алтай, на который приходится половина (8 экз.) всех известных находок. Горноалтайские плоские стремена происходят из самых ранних памятников древнетюркской культуры представленных поминально-ритуальными кольцевыми и прямоугольными оградками с захоронениями коней или без. Вещевой комплекс этих оградок по наличию «булан-кобинских» и «таштыкских» предметов, старше кудыргинского этапа и может быть датирован второй половиной V — первой половиной VI вв. н.э., что соответствует переселению на Алтай в 460 г. племени Ашина и формированию здесь тюркского этноса до создания в 552 г. государства. Именно Ашина знакомые с дальневосточными традициями могли принести технологию изготовления ранних стремян [Савинов, 1996, с. 20]. Самыми поздними

из горноалтайских плоских стремян следует признать кудыргинскую пару из кургана-7, которая очерчивает нижнюю границу Кудыргинского могильника серединой VI в. н.э. Стремена из Локтя и Крохалевки-23, видимо, датируются рубежом V/VI — 1 пол. VI вв. н.э. и появляются на северных территориях в результате торговых и культурных контактов с горноалтайским населением. Причем локтевское стремя найдено на границе (Алейская степь, северо-западные предгорья) с Горным Алтаем и вопрос его этнокультурной принадлежности, возможно, могут решить раскопки кургана. Появление плоских стремян в Туве, Минусе, Средней Азии и Поволжье тоже связано с тюркским влиянием. В двух случаях это тюркские могилы (Улуг-Хорум, Самарканд). Все эти земли стали объектом экспансии I Тюркского каганата и ранние типы стремян здесь могли оказаться в начале второй половины VI в. н.э. Для Тувы и Минусинской котловины теоретически возможны и более ранние даты учитывая их близость к Горному Алтаю и возможность торгового обмена и культурного влияния. Однако памятники самих тюрков ранее середины VI в. н.э. тут не известны, они могли появиться после 553 г. В Поволжье это могло случиться после 558 г., а в Согдиане, видимо, после 563 г. В целом, бытование железных плоских стремян с пластинчатым ушком укладывается во вторую половину V — первую половину VI вв. н.э. Далее, в третьей четверти VI в. н.э., их следует считать запаздывающими и в четвертой четверти VI в. н.э. они, скорее всего, уже не встречаются, окончательно вытесняясь более совершенными типами стремян из округлого или граненого дрота.

В.В. Горбунов

Тяжеловооруженная конница древних тюрков (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая)

К настоящему времени, среди изобразительных памятников Горного Алтая выделяется представительная серия наскальных рисунков, выполненных в технике граффити, по военной тематике. Это многофигурные композиции и одиночные рисунки со сценами сражений, построений и походов. Хронологически данная серия относится к эпохе «великого переселения народов» (III–V вв. н.э.) и раннему средневековью (VI–XI вв. н.э.).

Иконографические материалы по военному делу и вооружению населения Горного Алтая фактически не подвергались системному анализу со стороны специалистов. Между тем изобразительные источники позволяют составить цельное представление о наборах и комплексах вооружения, что далеко не всегда удается сделать по вещественным и письменным данным. Наскальным рисункам присуща определенная стилизация образа, обусловленная материалом и техникой исполнения. Наименее информативны выбитые фигуры, у которых различим лишь внешний контур. Граффити в этом плане более подробны и дают возможность рассматривать не только предметы в целом, но и детали их внутреннего устройства. Конечно обоснованная трактовка таких изображений требует широкого привлечения аналогий из вещественных, письменных и более натуралистичных иконографических источников. Эту работу облегчает наличие опубликованного материала по вооружению (особенно изобразительного) с территорий Кореи, Северного Китая, Восточного Туркестана, Согдианы I тыс. н.э. [Горелик, 1993а, 1995; Распопова, 1980; Дьяконова, 1984]. Из сопредельных с Горным Алтаем земель, наилучшее освещение получили изображения таштыкских воинов Минусинской котловины [Кызласов И.Л., 1990]. Из областей, составлявших с Горным Алтаем историческое целое: Монгольский и Гобийский Алтай, изучен только один памятник с изображением воинов — Хар-Хад, датируемый VI–VII вв. н.э. или даже V–VI вв. н.э. [Новгородова, Горелик, 1980; Горелик, 1993а]. Большие воз-

можности открывает сравнение горноалтайских рисунков с изображениями древнехакасских и курыканских воинов [Евтюхова, 1948; Кызласов Л.Р., 1969; Окладников, Запорожская, 1959].

Для системного анализа паноплии горноалтайских воинов отбирались четко опубликованные рисунки с военными сценами. Последнее обстоятельство хочется подчеркнуть, т.к. охотничьи сцены автор сознательно исключил из своей подборки, поскольку в них люди (и кони) изображены не в боевой экипировке и следовательно они не иллюстрируют реально существовавшей военной практики. Конечно на охоте применялось боевое оружие — луки, стрелы, копьа, кинжалы, иногда мечи; использовалось то же снаряжение — налучья, колчаны, ножны; сохранялись способы их ношения и размещения; могли надеваться даже отдельные детали доспеха (особенно в опасных видах охоты на крупных хищников). И эти предметы необходимо использовать при анализе вооружения. Но, в целом, полное боевое облачение на охоте не применялось и было излишним. Поэтому, когда многие исследователи реконструируют легковооруженную конницу на основании изображений всадников-охотников (тоже бывает и с пешими), то они допускают ошибку. Знаменитые «кудыргинские» и «копенские» лучники (и этот список можно продолжить) не являются воинами в данных иллюстрациях и предметы вооружения показанные у них далеко не все, что они могли иметь выйдя на поле боя.

Определенное исключение при отборе материала составила поминальная сцена с кудыргинского валуна-изваяния. Она также не иллюстрирует военную ситуацию, но изображение на ней воина в доспехе (правая нижняя фигура) и коня (верхняя фигура), а возможно и всех трех коней в боевом убранстве [Гаврилова, 1965, табл. VI.–2], делает этот памятник важным военным источником. Если принять во внимание, что поминальная сцена связана с мужской личиной на изваянии, а аналогии такому сочетанию имеются

[Кубарев В.Д., 1995, с. 160–162, табл. I], то можно прийти к выводу о связи изображенных поминок с умершим воином, а следовательно с военной тематикой¹.

Всего учтено 34 фигуры воинов и 22 фигуры коней. Самый крупный памятник по числу военных изображений — Кара-Оюк. С него опубликовано 6 многофигурных композиций и 3 одиночных рисунка [Окладникова, 1988, рис. 2.–3, рис. 3.–1,4, рис. 4.–1,4,5,6]. Второй памятник Жалгыс-Тобе. Здесь зафиксировано: 1 многофигурная композиция и 3 одиночных рисунка [Окладникова, 1986, рис. 4.–2; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 46]. Часть рисунков (рис. 2.–1,4) с этого памятника была скопирована автором во время маршрутных работ по Горному Алтаю 1994 года в составе Хакасской экспедиции, руководитель И.Л. Кызласов [Кызласов, 1995]. Тогда же были скопированы 4 фигуры с Бичекту-Бома, две (рис. 1.–4, рис. 2.–2) с плит, хранящихся в Горно-Алтайском Республиканском Краеведческом Музее им. Анохина и две (рис. 1.–5, рис. 3.–7) на месте у села, выше рунической надписи. Два последних рисунка публиковались Е.А. Окладниковой [Окладникова, 1987, рис. 2.–17,18] и, если в общем плане наши прорисовки совпадают, то в деталях имеются существенные расхождения. Одиночное изображение воина опубликовано с Бош-Туу [Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 6], боевого коня с Шалкобы [Окладникова, 1989, рис. 10.–4] и двух фигурная композиция с Юстыда [Кубарев В.Д., 1984, табл. XLVII.–2].

Предметы вооружения, изображенные на перечисленных рисунках, можно разделить на три категории: защитный доспех, наступательное оружие, военное снаряжение.

ЗАЩИТНЫЙ ДОСПЕХ. По назначению делится на два надвида: I. Доспех воина. II. Доспех верхового коня.

I. Воинский доспех по своему размещению представлен двумя видами: 1. Панцирь (защита корпуса). 2. Шлем с бармицей (защита головы и шеи).

1. Панцири на изображениях переданы общим контуром, который либо совпадает с человеческим телом, либо, гораздо чаще, имеет самостоятельные очертания и штриховкой, которая заполняет контур панциря или человека. Штриховка нанесена горизонтальными, вертикальными или пересекающимися линиями. Последние составляют «сетку» наклонную или прямую, передающую структуру бронирования из отдельных пластин. Еще встречается штриховка в виде

черточек (рис. 2.–2, рис. 3.–7), видимо, также передающая пластины. Горизонтальную штриховку можно рассматривать как бронирование отдельными длинными полосами — ламинарная структура [Горелик, 1993а, с. 151]. «Сетка», короткие штрихи и вертикальные линии передают ламеллярную структуру [Горелик, 1993а, с. 151] бронирования. Именно ламеллярные железные пластины встречаются в памятниках Горного Алтая III–XI вв. н.э. [Горбунов, 1993а, с. 43; Горбунов, 1994, с. 110]. Для классификации панцирей в основном использованы признаки, выделенные М.В. Гореликом [Горелик, 1993б, с. 92]. Большая часть наших панцирей относится к группе — из твердых материалов (железо, возможно толстая твердая кожа). На это указывает, как археологический материал, так и более натуралистичные аналогии [Горбунов, 1994, с. 110; Горелик, 1993а, с. 151]. Из 34 фигур горноалтайских воинов, «твердые» панцири показаны на 24 [рис. 1.–1а,2,3,5; рис. 2.–1,2,3,4; рис. 3.–1, 2, 3а,б, 4,6а,7; Гаврилова, 1965, табл. VI.–2; Окладников, 1988, рис. 3.–1; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 6]. У двух фигур [рис. 3.–6б; Кубарев В.Д., 1984, табл. XLVII.–2] панцири заштрихованы не полностью, не доделаны. Еще две фигуры (рис. 1.–1б; рис. 3.–3г) имеют отдельные бронированные детали: ламинарное короткое нарукавье у пешего лучника (рис. 3.–3г) и ламинарный подол или пояс с ламеллярными ляжками (?) у спешенного лучника (рис. 1.–1б). Видимо, эти детали усиливают панцири из мягких материалов (вторая группа), которые и надо предполагать на 8 незаштрихованных фигурах (рис. 1.–1б, в, г, 4; рис. 3.–3,в,г; Кубарев В.Д., 1984, табл. XLVII.–2; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 46). Их покрой мог быть в виде «куртки» или «комбинезона» перехваченных в талии поясом. В широком применении мягких доспехов сомневаться не приходится [Горелик, 1993а, с. 151, 172; Горелик, 1993б, с. 83, 90, 91; Кызласов И.Л., , 1990, с. 188], но для подробного анализа на нашем материале, данных явно недостаточно. Панцири из твердых материалов относятся к одному разряду — без мягкой основы (детали панциря соединяются непосредственно между собой) и одному разделу — гетерогенные (панцирь состоит из относительно небольших частей, непосредственно не связанных с формой человеческого тела). По структуре бронирования делятся на отделы: I — ламеллярные (панцирь набирается из отдельных пластин, которые соединяются в горизонтальные, реže

вертикальные, ряды-полосы, а затем такие полосы связываются между собой. Пластины соединяются через систему сквозных отверстий при помощи ремешков, тесемок или шнуров); II — ламинарные (панцирь набирается из сплошных горизонтальных, реже вертикальных пластин-полос, которые связываются между собой по выше указанному принципу); III — комбинированные, ламеллярно-ламинарные (при наборе панциря используется две структуры, как правило более важные части состоят из отдельных пластин, а менее важные из пластин-полос). По покрою, внутри каждого отдела, выделяются типы панцирей, у последних — варианты, отмечающие наличие дополнительных деталей и их структуру.

Отдел I. Тип 1 — «кираса», состоит из двух частей: нагрудника и наспинника, соединенных оплечными и боковыми ремнями (рис. 6.—11). Защищала корпус воина до талии или до бедер включительно. Четко читается на 5 фигурах (рис. 2.—1, а, в; рис. 3.—2, 4б, в). И одна под вопросом, поскольку изображение перекрыто выбивкой (рис. 2.—4). На одной «кирасе» показаны треугольные оплечья окантовывающие проймы для рук (рис. 2.—1в). Они должны были иметь разрезы по плечам, которые после надевания шнуровались и заменяли или дополняли ремни. Вариант а) — с полными ламинарными нарукавьями (рис. 3.—4в). К оплечным ремням крепились лопастевидные, чаще в виде прямоугольника, дополнительные детали, которые закрывали руки до локтя — короткие, или до кистей — полные. С внутренней стороны руки подобные лопасти-нарукавья могли стягиваться ремнями. Они непосредственно не влияют на покрой защиты корпуса, не составляя с ним единое целое и их наличие или отсутствие не служит типобразующим признаком.

Тип 2 — «длиннополая катафракта» с двухчастным подолом, состоит из нагрудника, наспинника и подола из двух прямоугольных лопастей, которые являются продолжением нагрудника и закрывают ноги спереди и боков до голени включительно (рис. 6.—15). Изображена на четырех фигурах (рис. 2.—2, 3; рис. 3.—7; Гаврилова, 1965, табл. VI.—2). Вариант а) — с полными ламинарными нарукавьями (рис. 2.—3). Вариант б) — с полными ламеллярными нарукавьями (рис. 3.—7).

Тип 3 — «длиннополюй халат» скроен из одной части со сплошным вертикальным разрезом впереди и разрезом от крестца до края подола сзади. Длина подола до голени включительно. Имел оплечные ремни и шну-

ровался спереди. Для свободного движения рук предусматривались вырезы (рис. 6.—10). Подразумевается на трех фигурах (рис. 1.—3; Окладникова, 1988, рис. 3.—1). Вариант а) — с высоким стоячим воротником из пластин (рис. 1.—3). Такие воротники набирались из ламеллярных пластин крепившихся к кожаной или металлической основе, заменяющей оплечные ремни с разрезом по горлу (рис. 6.—10).

Отдел II. Тип 4 — «кираса» (рис. 6.—8). Изображена на трех фигурах (рис. 1.—1а, 2а; рис. 3.—1).

Тип 5 — «длиннополая катафракта» с двухчастным подолом (рис. 6.—12). Читается на двух фигурах (рис. 3.—3а, 4а). Вариант а) — с короткими ламинарными нарукавьями (рис. 3.—4а).

Тип 6 — «короткополюй халат», по покрою во всем аналогичен типу 3, но с более коротким до колен подолом (рис. 6.—9). Подразумевается на трех фигурах (рис. 1.—2б, 5; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 6).

Отдел III. Тип 7 — «длиннополая катафракта» с двухчастным подолом (рис. 6.—14). Изображена на одной фигуре (рис. 3.—6а). Вариант а) — с полными ламинарными нарукавьями.

Тип 8 — «длиннополая катафракта» с четырехчастным подолом. Помимо двух лопастей подола продолжающих нагрудник, еще две лопасти продолжали наспинник, закрывая ноги сзади. После надевания боковые разрезы подола могли связываться (рис. 6.—13). Изображена на одной фигуре (рис. 2.—16). Вариант а) — с короткими ламинарными нарукавьями.

«Кираса» является древнейшим покроем панциря, глубоко традиционным для восточноазиатского региона [Горелик, 1993а, с. 161; Горелик, 1993б, с. 125]. Аналогичные горноалтайским (тип 1,4) изображения «кирас» известны с территории Китая IV—VI вв. н.э., Кореи сер. IV в. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 1.—16, рис. 3.—9, 10, 11, 13, рис. 4.—2], Минусинской котловины III—V вв. н.э. [Кызласов И.Л., 1990, рис. 2.—5, рис. 4.—1]. Из реальных панцирей такого покроя следует назвать экземпляр из Лаохэшень II—III вв. н.э. и экземпляр из Релки VII—VIII вв. н.э. [Лаохэшень, 1987, с. 138, 139; Чиндина, 1991, рис. 31.—А; Горелик, 1993а, рис. 13.—4]. На территориях с развитыми традициями бронничества «кираса», как отдельный тип доспеха, использовалась редко. В Китае пик ее применения приходится на VI в. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 3.—9, 10, 11, рис. 4.—2; Могила с фресками..., 1995, с. 29, рис. 2]. В Ки-

тае IV–VI вв. н.э., а еще чаще в Корее IV–V вв. н.э. «кираса» усиливалась наноженками и нарукавьями [Горелик, 1993а, рис. 1.–14,15; рис. 3.–8,12,15,16; рис. 4.–6,7,8,9; рис. 6.–1,4,7; Могила с фресками..., 1995, с. 29, рис. 4]. С середины I тыс. н.э. «кираса» начинает вытесняться более полными типами панцирей и в VIII в. н.э. практически исчезает. Что касается структуры бронирования «кирас», то наиболее древними и наиболее массовыми являются ламеллярные, ламинарные «кирасы» появляются, видимо, в IV в. н.э. в Китае и дольше всего применялись центральноазиатскими кочевниками [Горелик, 1993а, с. 171; Горелик, 1993б, с. 129; Горелик, 1987, с. 175].

«Длиннополая катафракт» самый популярный покрой панциря в эпоху средневековья. Он широко применялся в Восточном Туркестане в VII–X вв. н.э., Согдиане в VI–VIII вв. н.э., Северном Китае в VI–VIII вв. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 5.–11, рис. 6.–2, 5,8; Горелик, 1995, табл. 52.–14,15,19; Дьяконова, 1984, рис. 12; Гумилев, 1949, рис. 1.–4,6; Распопова, 1980, рис. 56, 60]. Встречаются такие панцири у таштыкских воинов III–V вв. н.э., можно предполагать их применение воинами единцовской культуры лесостепного Алтая в сер. IV–V вв. н.э. и кенкольской культуры Семиречья в III–V вв. н.э. [Кызласов И.Л., 1990, рис. 4.–3; Горбунов, 1993б, рис. 4.–6; Кожомбердиев, Худяков, 1987, рис. 8–10]. Изображены они у всадников на горе Хар-Хад, VI–VII вв. н.э. [Новгородова, Горелик, 1980, рис. 6, рис. 9.–1]. Данный покрой использовался и во II тыс. н.э. в киданьском и монгольском доспехе [Горелик, 1987, рис. 2.–1,2,4]. Структура набора «длиннополых катафракт» весьма разнообразна — это целиком ламеллярные (тип 2), ламинарные (тип 5) и комбинированные (тип 7, 8) панцири. В последнем случае защита корпуса (наспинник и нагрудник) чаще всего набиралась из ламеллярной структуры, а защита ног (подол) делалась ламинарной. Дополнительные защитные детали — нарукавья, судя по изображениям горноалтайских панцирей, чаще были ламинарными, несколько реже — ламеллярными.

Панцири покроя «халат» (тип 3,6) появляются в Северном Китае со II в. до н.э. и к середине I тыс. н.э. широко распространяются у кочевников Центральной и Средней Азии [Горелик, 1987, с. 180]. «Короткополый халат» (тип 6) применялся в Японии IV–V вв. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 1.–21, рис. 3.–17], там он делался ламеллярным и мог допол-

няться наноженками и короткими нарукавьями той же структуры и невысоким стоячим воротником. Ближе всего горноалтайским «короткополые халаты» таштыкских воинов III–V вв. н.э., которые отличаются только структурой брони, ламеллярная вместо ламинарной [Кызласов И.Л., 1990, рис. 3.–1,2]. Панцири типа 6 наиболее широко применялись в эпоху «великого переселения народов» и очень редко в раннем средневековье, хотя сама идея короткого подола получила в последней четверти I тыс. н.э. широкое развитие. «Длиннополые халаты» (тип 3) известны в Восточном Туркестане в IV–X вв. н.э., Согдиане в IV–VIII вв. н.э., Северном Китае в IX в. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 2.–6–10; Горелик, 1995, табл. 52.–1,3,7,17,18; Дьяконова, 1984, рис. 8; рис. 9; Распопова, 1980, рис. 55, 57]. Они имеют разную структуру набора, чаще ламеллярную, реже ламинарную и более сложные варианты, снабжаются нарукавьями, а часть из них высокими стоячими воротниками. Аналогичные панцири использовались воинами таштыкской культуры в III–V вв. н.э. [Кызласов И.Л., 1990, рис. 1–4; рис. 3.–3,4,5]. Есть «длиннополый халат» и на одном из воинов с Хар-Хада, VI–VII вв. н.э. [Новгородова, Горелик, 1980, рис. 7, рис. 9.–2]. Такая деталь, как стоячие воротники, выходит из употребления к рубежу V–VI вв. н.э., сохраняясь некоторое время в Восточном Туркестане и гораздо дольше в Китае [Горелик, 1995, с. 409, 410].

Анализ изображений горноалтайских панцирей и рассмотренные аналогии позволяют прийти к следующим выводам. Панцири типа 1,4 датируются в рамках III–VIII вв. н.э. (тип 4, вероятнее, с IV в. н.э.). Местом их происхождения является Северный Китай и, возможно, Корея, откуда через Центральную Азию они попали в Южную Сибирь и Горный Алтай, в частности. В передаче этих типов доспеха решающая роль вероятнее всего принадлежала хуннам и сяньбийцам. Панцири типа 2, 5, 7, 8 появляются в Южной Сибири не ранее III в. н.э. и являются продуктом развития центральноазиатского доспеха на основе заимствованной «кирасы». Можно предположить, что не последнюю роль здесь сыграли территории периферийные по отношению к самой Центральной Азии: Семиречье, юг Западной Сибири, Горный Алтай, Минусинская котловина. Значительная типологическая вариабельность «длиннополой катафракт» и длительное существование во времени на названных землях говорят об автохтонности этого покроя по отношению к

центральноазиатскому региону. Этносами наиболее активно использовавшими «катафракты» в своей паноплии были тюрки, кидани, монголы. Панцири типа 3,6 имели в Южной Сибири не столь широкое и длительное применение. Тип 6 бытовал в III–V в. н.э. и для Горного Алтая и Минусы мог быть автохтонным доспехом, хотя не исключено влияние Дальнего Востока (возможно, Японии через Корею). Тип 3 фиксируется по южносибирским изображениям тоже в рамках III–V вв. н.э., о чем дополнительно свидетельствуют стоячие воротники на ряде панцирей этого типа, но без них, мог применяться и в более позднее время, судя по рисунку с Монгольского Алтая. Появление «длиннополого халата» надо связывать либо с территорией Средней Азии, либо с Северным Китаем через Центральную Азию.

2. Шлемы на горноалтайских петроглифах изображены общим контуром и, как правило, сливаются с головой человека. Часть шлема имеет внутреннюю штриховку в виде «сетки» — ламеллярная структура (рис. 3.–2) или в виде линий, разбивающих шлем на сектора (рис. 1.–3; рис. 2.–1а,3; рис. 3.–6а). У некоторых фигур «сеткой», горизонтальными линиями или вертикальными штрихами показана бармица — ламеллярная и ламинарная (рис. 1.–5; рис. 2.–1б,в, 2; рис.3.–2,6а). В тех случаях, когда контур шлема сферический и без штриховки, не всегда можно с полной уверенностью сказать, что это шлем, но наличие плюмажей на ряде таких изображений безусловно указывает на боевое наголовье. Видимо и там, где плюмажей нет также подразумеваются шлемы, даже несмотря на косы имеющиеся на голове (рис. 1.–2а; рис. 2.–1в; рис. 3.–7). В пользу этого говорят рисунки конических и сфероконических шлемов, у которых показаны развевающие косы (рис. 1.–3; рис. 2.–2; рис. 3.–1). Вероятно, это один из художественных приемов для передачи боевого наголовья и прически одновременно, хотя можно предположить, что заплетенные в косы волосы выглядывали из под бармицы. Находки подлинных шлемов редки, в памятниках Горного Алтая VI–IX вв. н.э. встречены железные пластины от ламеллярных бармиц и обломки от ламеллярного и клепанного шлемов [Горбунов, 1994, с. 111; Соенов, Эбель, 1997, рис. 3.–2; Кубарев Г.В., 1991, с. 61]. Классификация шлемов во многом совпадает с признаками, выделенными для панцирей. Горноалтайские шлемы можно отнести к одной группе — из твердых материалов, к од-

ному разряду — без мягкой основы (имеется ввиду, что купол шлема не нашивался на подшлемник). По принципу крепления составляющих шлема выделяются разделы: I — на ремennom креплении (части формирующие купол, навершие, обруч шлема крепятся между собой ремешками, шнурами, тесьмой, т.е. достаточно мягким и эластичным материалом), II — клепанные (части шлема соединяются металлическими заклепками, образующими жесткое неподвижное крепление). По структуре набора главной части шлема — купола-тульи выделяются отделы: I — ламеллярные (купол набирается из 2–3 горизонтальных рядов состоящих из отдельных пластин, форма и система отверстий которых похожи на панцирные); II — из узких пластин-полос (купол составляется из вертикальнорасположенных пластин, образующих один горизонтальный ряд, ширина таких пластин небольшая, а количество от 8–10 и выше); III — из широких пластин-секторов (купол формируют крупные пластины числом от 2 до 6); IV — цельнокованные (купол шлема выкован из одного листа железа необходимой формы). Установить точное соотношение между разделами и отделами на образительном материале сложно. Учитывая подлинные шлемы можно сказать, что I раздел мог включать отделы I и II, причем в I отделе применялось только ременное крепление. Ко II разделу относятся отделы II, III, IV, из которых последние два собирались только с помощью заклепок. Можно было говорить о том, что цельнокованные шлемы вообще относятся к самостоятельному разделу, но это верно лишь по отношению к конструкции купола, тогда как другие детали этих шлемов — обруч, навершие, соединялись с тульей теми же заклепками и, следовательно, должны считаться клепанными. Типологически важной конструктивной деталью шлема является каркас, соединяющий обруч с навершием и скрепляющий сектора купола. Однако, по наскальным рисункам выделить такую деталь практически невозможно. Рассматривая подлинные шлемы, надо заметить, что каркас не характерен для ламеллярных и узкопластинчатых шлемов и не нужен цельнокованным [Горелик, 1993а, рис. 7.–21, 23; рис. 9.–9,11,22,23,24,32,35]. Многие более частные конструктивные признаки шлемов, например, отсутствие обруча, навершия, наличие лобовой пластины с наносником и т.д., также не различимы на наскальных изображениях. У ламеллярных и узкопластинчатых шлемов металлический

обруч мог заменяться окантовкой из кожи и материи или отсутствовать [Горелик, 1993а, рис. 9.-9,23,32; Обзор..., 1993, рис. 20; Леохэшень, 1987, с. 140]. Цельнокованные шлемы иногда обходились без отдельных обруча и навершия [Горелик, 1987, рис. 11.-15,16]. Пока не изучены подлинные горноалтайские шлемы, суждения о их конструктивных особенностях носят лишь самый предварительный характер. Гораздо лучше обстоит дело с формой боевых наголовий, изображенных на горноалтайских рисунках. Она традиционна и легко узнаваема даже в стилизованном виде. По форме купола-тульи и навершия наши шлемы делятся на типы, а по покрою и структуре бармицы дополняются вариантами.

Тип 1 — сферический, с уплощенным навершием, имеющим втулку для плюмажа или без нее (рис. 6.-2). Вариант а) — с закрытой ламеллярной бармицей (рис. 2.-1в; рис. 3.-2). Бармица защищает шею целиком, оставляя открытым лицо, завязываясь ремешками по вертикальному разрезу на горле. Предполагается на 17 фигурах (рис. 1.-1б,г, 2; рис. 2.-1в; рис. 3.-2,3,4,6б,7; Окладникова, 1988, рис. 3.-1). О конструктивных особенностях позволяет судить один рисунок (рис. 3.-2). На нем шлем заштрихован «сеткой», следовательно, относится к отделу ламеллярных и разделу на ременном креплении. Еще на одном рисунке, возможно, показана полоса каркаса (рис. 3.-6б) и логично предположить клепаный (раздел III) шлем с секторным куполом (отдел III). Остальные изображения не имеют внутренних деталей. Единственное предположение в этом случае — цельнокованные шлемы, но большая редкость находок таких шлемов, да и их подробных изображений в I тыс. н.э. [Горелик, 1993а, с. 165, 166] не позволяет относить наши шлемы к IV отделу. Скорее всего, перед нами стилизованное изображение шлемов I, II, возможно, III отделов.

Тип 2 — сфероконический, с полушаровидным навершием (рис. 6.-1). Вариант а) — с ламеллярной бармицей (рис. 1.-3). Вариант б) — с открытой ламинарной бармицей (рис. 1.-5). Бармица защищала шею сзади и боков, оставляя открытым лицо и горло. Изображены на трех фигурах (рис. 1.-1а, 3,5). Судя по аналогиям тульи таких шлемов собирались из специально изогнутых узких пластин-полос (отдел II), крепившихся ремешками (раздел I) или заклепками (раздел II). Полосы купола изгибались таким образом, что придавали шлему ярусность. Нижний ярус имел сферическую форму,

верхний — коническую [Горелик, 1993а, рис. 7.-21, рис. 9.-9,22].

Тип 3 — сфekonический, со сферическим куполом и коническим навершием, глухим или в виде втулки для плюмажа (рис. 6.-5). У некоторых экземпляров втулка переходит в высокий шпиль, к которому крепится флажок (рис. 2.-3; рис.6.-6). Вариант а) — с ламеллярной бармицей (рис. 2.-3). Вариант б) — с ламинарной бармицей (рис. 3.-6а). Читается на четырех фигурах (рис. 1.-1в,4; рис. 2.-3; рис. 3.-6а). Два изображения заштрихованы вертикальными линиями (рис. 2.-3; рис. 3.-6а), передающими узкопластинчатую структуру (отдел II). Два других либо секторные (отдел III) или, скорее всего, тоже узкопластинчатые.

Тип 4 — конический, форма купола и навершия совпадают, последнее может иметь втулку для плюмажа или нет (рис. 6.-4). Вариант а) — с ламеллярной бармицей (рис. 2.-2). Изображены на четырех фигурах (рис. 2.-2; рис.3.-1; Гаврилова, 1965, табл. VI.-2; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 6). Все рисунки не имеют штриховки, вероятнее предполагать у данных шлемов узкопластинчатую или секторную структуру.

Тип 5 — вогнутоконический, лобовая часть тульи и навершия имеют характерный изгиб, придающий шлему указанную форму (рис. 6.-7). Читается на одной фигуре (рис. 2.-4). Конструкция шлема не ясна, менее всего вероятно его принадлежность к отделу IV, более всего вероятно изображение секторного купола (отдел III) без прорисовки деталей.

Тип 6 — яйцевидноприостренный, с яйцевидным куполом и коническим глухим навершием (рис. 6.-3). Зафиксирован на одной фигуре (рис. 2.-1а). Внутри рисунок шлема имеет штриховку в виде знака «/\», передающего четырехсекторную структуру купола. Данный тип, соответственно, относится к III отделу и II разделу.

Всего из 34 рассмотренных фигур воинов, шлемы подразумеваются у 30. На одном рисунке воин, видимо, показан без шлема [Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 46]. У трех изображений головы воинов испорчены (рис. 2.-1б; Кубарев В.Д., 1984, табл. XLVII.-2). Правда, у двоих из этих воинов читаются ламеллярные бармицы (рис. 2.-1б; Кубарев В.Д., 1984, табл. XLVII.-2), что безусловно говорит о наличии шлемов.

Сферические шлемы (тип 1) — одни из самых распространенных и древних форм боевых наголовий. В ламеллярном (отдел I)

исполнении они впервые появляются в Китае в III в. до н.э. [Горелик, 1993а; с. 166], позднее известны у кушан Северной Индии в III–IV вв. н.э., в Китае — в VI и XI вв. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 3.–10, рис. 4.–1; рис. 7.–6; рис. 9.–32]. Более широко распространены сферические шлемы узкопластинчатой конструкции (отдел II); в Согдиане — в IV в. н.э., Восточном Туркестане — в IV–VII вв. н.э., Китае — в III–VIII вв. н.э., Корее — в IV–V вв. н.э., Японии — в IV–VI вв. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 2.–6,9; рис. 3.–4, 7,16; рис. 5.–11; рис. 9.–14,19,20; Горелик, 1995, табл. 54.–16; Дьяконова, 1984, рис. 8, 9]. Шлемы первого типа с куполом, сделанным из секторов (отдел III), использовались в Восточном Туркестане в VII–X вв. н.э., Китае — в VI в. н.э., Корее — в VIII–IX вв. н.э., у киданей — в X–XII вв. н.э. и монголов — в XIII–XIV вв. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 3.–9; рис. 6.–7,8; рис. 7.–25,26; Горелик, 1995, табл. 54.–9, 10, 12, 15, 19, 28, 31, 32; Дьяконова, 1984, рис. 12; Горелик, 1987, рис. 2.–1,4; рис. 6.–1,13; рис. 11.–8]. Наконец, цельнокованные сферические шлемы (отдел IV) изредка фиксируются на изобразительном материале Согдианы в IV в. н.э. и Китая в VI в. н.э. и гораздо чаще у монгольских воинов XIII–XIV вв. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 2.–8, рис. 3.–11, рис. 6.–6; Могила с фресками..., 1995, с. 29.–4; Горелик, 1987, рис. 6.–7,8,11,12; рис. 11.–10,11,12]. В одном случае сферический шлем изображен на таштыкском воине III–V вв. н.э. [Кызласов, 1990, рис. 4.–5], но как и на многих горноалтайских структура его не понятна.

Сферокопические шлемы второго типа с массивным полушаровидным навершием являются оригинальным боевым навершием, характерным для территории Кореи и Японии IV–V вв. н.э., с одной стороны, и для Северного Кавказа III–V вв. н.э. и Центральной Европы VI–VII вв. н.э., с другой [Горелик, 1993а, рис. 4.–6,8; рис. 7.–21; рис. 9.–9,10,22]. Они всегда узкопластинчатой структуры (отдел III). В Южной Сибири, помимо Горного Алтая, такие шлемы изображены у воинов таштыкской культуры Минусы III–V вв. н.э. Там, в одном случае, структура шлема не показана, а на другом рисунке изображен ламеллярный купол с налобной пластиной-наносником и назатыльником-бармицей [Кызласов И.Л., 1990, рис. 2.–3; рис. 4.–2], сильно напоминающий аварский образец [Горелик, 1993а, рис. 7.–21].

Сферокопические шлемы третьего типа — самые популярные боевые наголовья, начиная

с эпохи средневековья. Они известны в Согдиане в VI–VIII вв. н.э., Восточном Туркестане — в VII–IX вв. н.э., Китае — в III–VI вв. н.э., Корее — в IV в. н.э., у киданей в X–XII вв. н.э. и монголов в XIII–XIV вв. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 3.–5,6; рис.4.–7; рис. 6.–2,3; Горелик, 1995, табл. 54.–7, 17, 22,29; Распопова, 1980, рис. 50.–1, 51, 56, 57,59; Горелик, 1987, рис. 2.–3,10,11–17,9, 14–16]. Для них присуща любая структура купола, за исключением, пожалуй, ламеллярной. В сопредельных с Горным Алтаем территориях шлемы третьего типа использовались таштыкскими воинами в III–V вв. н.э., тюрками Монгольского Алтая в VI–VII вв. н.э., воинами релкинской культуры в VI–IX вв. н.э. [Кызласов, И.Л. 1990, рис. 1.–2; рис. 2.–4; рис. 3.–5, рис. 4.–1,3; Новгородова, Горелик, 1980, рис. 10.–1; Чиндина, 1991, рис. 31.–10].

Шлемы конической формы (тип 4) применялись достаточно широко еще с эпохи поздней древности. В IV–V вв. н.э. в Восточном Туркестане, в Китае — в III–IV вв. н.э., Корее — в IV–V вв. н.э., Японии — в V–VI вв. н.э., у воинов Минусинской котловины — с III по X вв. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 2.–3–5; рис. 3.–4, 12,15; рис.4.–9; рис. 9.–6,8,11, 15–17; Кызласов И.Л., 1990, рис. 1.–4, рис. 3.–1; Евтюхова, 1948, рис. 187; Кызласов Л.Р., 1969, рис. 41]. Чаще они имели узкопластинчатую конструкцию (отдел II), реже — ламеллярную, секторную и, возможно, цельнокованную конструкцию.

Боевые наголовья вогнутоконической формы (тип 5) очень редки. В Восточном Туркестане есть изображение шлема точно такой же формы, ламеллярной структуры на статуэтке тюркского всадника VII–VIII вв. н.э. [Гумилев, 1949, рис. 6]. Шлемы подобной формы, несколько меньшей высоты, применялись европейскими рыцарями в XI–XII вв. н.э.

Яйцевидные шлемы известны в Китае во II–VI вв. н.э., Японии — в V–VI вв. н.э., с одной стороны, в Восточной и Центральной Европе — в IV–VI вв. н.э., с другой [Горелик, 1993а, рис. 3.–17; рис. 6.–5; рис. 9.–5, 13, 23, 27, 28; Лаохэшень, 1987, с. 140]. Конструкция их купола узкопластинчатая или секторная. Более точные аналогии горноалтайскому изображению шлема шестого типа встречаются в Минусе и Восточном Туркестане — это яйцевидноприостренные наголовья ламеллярной структуры у таштыкских воинов III–V вв. н.э. и на статуэтках тюркских воинов VII–VIII вв. н.э. [Кызласов И.Л., 1990, рис. 3.–4; Гумилев, 1949, рис. 1.–4; Лубо-Лесниченко, 1984, рис. 48а, 49; Горелик, 1995, табл. 54.–35,37, с. 425].

Рассмотрев материал, касающийся изображений горноалтайских шлемов, можно наметить хронологические рамки существования отдельных типов, а также коснуться возможных путей их происхождения. Шлемы первого типа бытовали очень длительное время — с конца I тыс. до н.э. по середину II тыс. н.э. Их появление в Горном Алтае связано с эпохой «великого переселения народов», видимо, не ранее III в. н.э. из Китая и Дальнего Востока, через Центральную Азию посредством хуннов и сяньбийцев. Нельзя также исключать влияния через Среднюю Азию. Различные сочетания формы этих шлемов с конструкцией тульи имеют более конкретные периоды применения: I отдела — III в. до н.э.—IX в. н.э., II отдела — III—VIII вв. н.э., III отдела — VI—XIV вв. н.э., IV отдела — IV—XIV вв. н.э. Шлемы второго типа использовались в Восточной Азии лишь в III—V вв. н.э. и именно в это время они известны в Южной Сибири. Скорее всего, их появление следует связывать с влиянием из Кореи и Японии, но нельзя исключать и самостоятельного возникновения данных шлемов в Горном Алтае и Минусе. В дальнейшем шлемы второго типа с волнами «великого переселения» попадают в Европу. Шлемы третьего типа формируются в центральноазиатском регионе и уже в III—V вв. н.э. известны в Южной Сибири. Здесь вероятнее центральноазиатское влияние на Китай и Дальний Восток и продвижение на Запад. Подавляющее преобладание шлемы данной формы получают в монгольское время. Четвертый тип формируется на территории Китая в III в. н.э., откуда распространяется на Центральную Азию и Южную Сибирь, где используется дольше всего до конца I тыс. н.э. Шлемы пятого типа возникают на основе конических и в Восточной Азии применялись тюрками недолгое время, возможно, только в третьей четверти I тыс. н.э. Наконец, яйцевидные шлемы своим происхождением связаны с Северным Китаем, где появляются около II в. н.э. и откуда попадают в Южную Сибирь. Здесь они несколько модифицируются, получая приостренное навершие (тип 6) и в дальнейшем активно используются тюрками до VIII в. н.э. включительно. Нетрудно заметить, что почти все типы горноалтайских шлемов появляются в эпоху «великого переселения народов» (тип 1, 2, 3, 4, 6) и большая часть из них продолжает применяться в раннем средневековье (тип 1, 3, 4, 6). В последней четверти I тыс. н.э. происходит постепенное сокраще-

ние используемых типов и конструкций шлемов. Со II тыс. н.э. ведущей формой становится сфероконическая (тип 3), сохраняется сферическая (тип 1), преобладающей структурой является цельнокованный купол, хотя еще долго используются тульи, собранные из секторов.

II. Конский доспех по своему размещению делится на два вида: 1. Попона (защита корпуса и шеи коня). 2. Наголовье (защита головы коня).

1. Попона на петроглифах передается либо самостоятельным контуром, надетым на корпус коня и заштрихованным, либо показана только штриховкой внутри контура коня. Броня изображена теми же приемами, что и на людях. Это горизонтальные (ламинарная), вертикальные и пересекающиеся (ламеллярная) линии. Отсутствуют только короткие штрихи. Из 22 учтенных фигур коней попона изображена у 19 (рис. 1.—1а, б, 2б; рис. 2.—1а, б, 2, 3; рис. 3.—1, 2, 3а, 4, 5, 6а; Гаврилова, 1965, табл. VI.—2; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 46). На двух конях из этой серии она не доделана (рис. 2.—2; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 46). Небронированны всего три фигуры (рис. 1.—2а; рис. 3.—6б; Кубарев В.Д., 1984, табл. XLVII.—2), причем одна из них не закончена, а точнее дорисована в спешном порядке (рис. 3.—6б). Еще у двух всадников кони испорчены (рис. 2.—4; Кубарев В.Д., 1984, табл. XLVII.—2). Классификация попон совпадает с панцирями. Все попоны относятся к одной группе — из твердых материалов, одному разряду — без мягкой основы и одному разделу — гетерогенные. По структуре бронирования выделяются отделы: I — ламеллярные, II — ламинарные, III — комбинированные. По покрою попоны делятся на типы. За основу покроя здесь принимаются отдельные части попоны, набранные из пластин и полос, которые прикрывают определенный участок корпуса коня и соединяются с другими частями посредством ремней, сохраняя необходимую гибкость конструкции.

Отдел I. Тип 1 — одночастная, попона состоит из одного листа, закрывающего шею коня — нашейника (рис. 4.—1). Эта часть обрачивалась вокруг шеи коня и крепилась ремнями на гриве, для чего последняя прокладывалась мягким материалом. Фиксируется на трех фигурах (рис. 1.—2б; рис. 3.—1, 5). Еще у трех коней с кудыргинского валуна-изваяния можно предполагать такие нашейники [Гаврилова, 1965, табл. VI.—2]. Там они показаны несколько иным способом. Если

на конях с Кара-Оюка и Шалкобы нашейники изображены вертикальными линиями, закрывающими всю шею, то у кудыргинских коней это короткие горизонтальные линии, идущие по горлу и гриве. Штриховка по гриве, как и на многих других рисунках, обозначает ремни, крепящие нашейник через подкладку-нагривник. Сам nagrивник, видимо, мог иметь специальные отверстия, из которых выпускалась подстриженная тремя зубцами грива (рис. 1.-1а,б; рис. 2.-2; рис. 3.-5). А вот линии по горлу могут трактоваться как нашейник ламеллярной структуры.

Тип 2 — четырехчастная, попона состоит из нашейника, двух боковин-нагрудников и накрутника (рис. 4.-4). Корпус коня закрывается двумя крупными листами, крепящимися между собой на груди и сзади. Нагрудная часть крепится также через гриву коня, а задняя — к отдельному листу, закрывающему круп. Не исключено дополнительное крепление ремнями крест на крест в центре боковин через спину коня. Подразумевается на двух фигурах (рис. 3.-2,4б).

Тип 3 — пятичастная, попона состоит из нашейника, нагрудника, двух боковин и накрутника (рис. 5.-3). Нашейник крепится между своими сторонами через гриву, нагрудник — через гриву и с боковинами, которые пристегнуты между собой сзади и с накрутником. Подразумевается на четырех фигурах (рис. 1.-1б; рис. 2.-1б,2,3).

Отдел II. Тип 4 — шестичастная, попона из двухстворчатого нашейника-полумаски, нагрудника, двух боковин и накрутника-назадника (рис. 5.-4). Нашейник представляет сложную конструкцию из двух самостоятельно набранных листов, связанных с ламинарной полумаской. Между собой листы крепятся ремнями через гриву и горло коня. Крепление на горле могло быть глухим, тогда нашейник напоминал две створки с одной отстегивающейся стороной. Нагрудник обычный, а вот боковины набраны из вертикальнорасположенных, связанных наглухо полос. Круп и задняя часть корпуса коня прикрыта одним листом, имеющим разрез от крестца до нижнего края, после надевания застегивающийся. Боковины пристегиваются к нагруднику и накрутнику-назаднику. Фиксируется на одной фигуре (рис. 2.-1а).

Отдел III. Тип 5 — четырехчастная, попона из нагрудника, двух боковин и накрутника (рис. 4.-2). Структура нагрудника ламеллярная, боковин и накрутника — ламинарная. Изображена на одной фигуре (рис. 3.-4а).

Тип 6 — четырехчастная, попона из ламеллярного нагрудника, двух ламинарных боковин и ламеллярного накрутника-назадника (рис. 4.-3). Показана на одной фигуре (рис. 3.-4в).

Тип 7 — четырехчастная, попона из ламеллярного нашейника-нагрудника, двух ламинарных боковин и ламеллярного накрутника (рис. 5.-1). Нагрудная часть и нашейник набраны одним листом, обернутым вокруг груди и шеи, скрепленным ремнями через гриву. Нагрудная часть крепится также к боковинам, которые скреплены между собой сзади и с накрутником. Фиксируется на одной фигуре (рис. 3.-6а).

Тип 8 — шестичастная, попона из двухстворчатого ламинарного нашейника, ламеллярного нагрудника, двух ламинарных боковин и ламинарного накрутника (рис. 5.-2). Изображена на двух фигурах (рис. 1.-1а; рис. 33,а; рис.3.-3а).

В Восточной Азии конский доспех появляется в Китае в V в. до н.э., откуда он был заимствован центральноазиатскими кочевниками — хуннами и сяньби [Горелик, 1993а, с. 170; Горелик, 1995, с. 428, 429]. Более широкое применение защиты верхового коня приходится на эпоху «великого переселения народов». Конские попоны, аналогичные горноалтайским, начинают применяться с этого времени. Их покрой весьма разнообразен, особенно вариабельны комбинации отдельных частей попоны. Не для всех выделенных типов можно найти точные подобию. Зато встречаются практически все конструктивные элементы, отмеченные у горноалтайских попон.

Покрой, идентичный типу 3, известен в Корее в IV в. н.э., в Китае — в IV-VII вв. н.э., на Монгольском Алтае — в VI-VII вв. н.э., у монголов — в XIII-XIV вв. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 4.-6,8; рис. 5.-4; рис. 6.-1,2,8; Новгородова, Горелик, 1980, рис. 7; Горелик, 1987, рис. 13.-2,4].

Аналогии типу 5 можно найти в Корее в III-IV вв. н.э., правда не ясно, имел ли там такой покрой накрутник [Горелик, 1993а, рис. 4.-5, рис. 11.-9].

Наиболее многочисленен покрой типа 7. Он применялся в Корее в IV-V вв. н.э., Китае — в VI-IX вв. н.э., на Монгольском Алтае — в VI-VII вв. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 4.-7,9; рис. 5.-8,11; рис. 6.-3,7,9,14-26; Новгородова, Горелик, 1980, рис. 6].

Остальные типы горноалтайских попон не имеют точных аналогов. Типу 2 наиболее близок покрой попоны, используемый кита-

ниями и монголами. Отличие киданьского варианта в применении накрупника-назадника, у монголов нашейник двухстворчатый [Горелик, 1987, рис. 2.-6-8; рис. 13.-3,8]. Такая деталь горноалтайских попон, как накрупник-назадник (тип 4,6), известна в Корее в IV-V вв. н.э., Китае — в V-VI вв. н.э., у киданей — в X-XII вв. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 5.-9,12,14; рис. 6.-4; Могила с фресками..., 1995, с. 29.-4; Горелик, 1987, рис. 2.-6,7,8]. Двухстворчатый нашейник (тип 4,8) зафиксирован у монголов в XIII-XIV вв. н.э. и, вероятно, у тюрков в VI-VII вв. н.э. [Горелик, 1987, рис. 13.-1,3,8; Новгородова, Горелик, 1980, рис. 7].

Что касается структуры попон, то ламеллярная использовалась везде, где был конский доспех. Ламинарное бронирование характерно для Китая в V-VII вв. н.э., встречено в Корее в IV-V вв. н.э. и Восточном Туркестане середины VIII в. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 5.-4; рис. 6.-12,13; Могила с фресками..., 1995, с. 29.-4; Горелик, 1995, с. 429, табл. 54.-5а]. Комбинированная, ламеллярно-ламинарная структура, кроме Горного Алтая, есть только на конях тюркских воинов с Хар-Хада [Новгородова, Горелик, 1980, рис. 6,7].

Из сопредельных с Горным Алтаем территорий конский доспех, помимо Монгольского Алтая, известен на изображениях III-V вв. н.э. таштыкской культуры, на единичных рисунках у древних хакасов VI-XII вв. н.э. и курыкан VI-X вв. н.э. [Кызласов И.Л., 1990, рис. 3.-2,3; Евтюхова, 1948, рис. 174; Николаев, 1991, рис. 1.-1,3]. Таштыкские попоны ламеллярной структуры, но фрагментарность материала не позволяет судить о их покрое, курыканские также ламеллярные типа 3 и, возможно, типа 5, у древних хакасов — это ламинарный нашейник.

Находки деталей конской попоны редки. Они представлены железными пластинами из Кореи IV в. н.э. и Японии IV-V вв. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 11.-7,8]. Ламеллярный накрупник из железных пластин был найден в тюркском погребении VIII-IX вв. н.э. в Туве [Овчинникова, 1990, с. 84, рис. 39.-5].

Говоря о развитии горноалтайской защитной попоны, надо отметить, что ее возникновение связано с территорией Северного Китая, где носителями данного доспеха являлись, прежде всего, сяньбийцы, чьи государства господствовали там в IV-VI вв. н.э. В Центральной Азии конский доспех использовался жужанями [Горелик, 1993а, с. 171], а затем тюрками, которые наладили его собственное

широкое производство. Горный Алтай, как один из металлургических центров тюркских земель [Зиняков, 1988], играл в этом отношении важную роль. Не случайно серия рисунков с изображением конского доспеха отсюда столь представительна и типологически разнообразна. Определенная роль в сложении горноалтайской попоны принадлежит корейскому доспеху. Типы 5 и 6 сформировались под воздействием ранних образцов корейской попоны III-IV вв. н.э. Типы 3 и 7 также повторяют более полный корейский покрой, известный там с IV в. н.э. Скорее всего, корейское влияние было опосредованным и шло через Китай. Остальные горноалтайские типы оригинальны и не имеют южных истоков. Видимо, они являются продуктом местного развития конского доспеха, который уже на раннем этапе приобрел самостоятельные черты. К таким особенностям относится широкое применение ламинарной и комбинированной структуры брони, которое давало возможность более массового ее производства. Не исключено, что ламинарная попоны появляется в Китае и Корее от центральноазиатских кочевников. Еще одной особенностью является использование максимально облегченного конского доспеха из одного нашейника (тип 1). Этот покрой наименее трудоемок и наиболее пригоден для массового вооружения. Именно попоны первого типа были заимствованы аварами, персами и византийцами в VI в. н.э. при продвижении тюркских войск на запад. Правда, помимо нашейника применялся также нагрудник [Горелик, 1993а, с. 171, рис. 14.-27], но сама идея восходит к типу 1. Многие горноалтайские типы попоны и ее отдельные элементы унаследовали кидани и сменившие их в Центральной Азии монголы. Кидани использовали накрупник-назадник, модифицировав его, сплошные боковины-нагрудники в сочетании с нашейником (тип 2), монголы — пятичастную (тип 3) и шестичастную попоны с двухстворчатым нашейником (тип 4, 8). Хронологические рамки существования горноалтайской попоны в целом охватывают III-X/XI вв. н.э. Конкретная датировка отдельных типов пока затруднительна. Предварительно можно сказать, что часть из них и отдельные элементы попоны бытовали и позднее в X-XIV вв. н.э. — это типы 2, 3, 4, 8, а типы 1, 5, 6, 7 видимо закончили свое развитие на рубеже I/II тыс. н.э.

2. Защитное наголовье коня на петроглифах нашей серии зафиксировано у 9 фигур (рис. 2.-1а,б,2,3; рис. 3.-5,6а; Гаврилова, 1965,

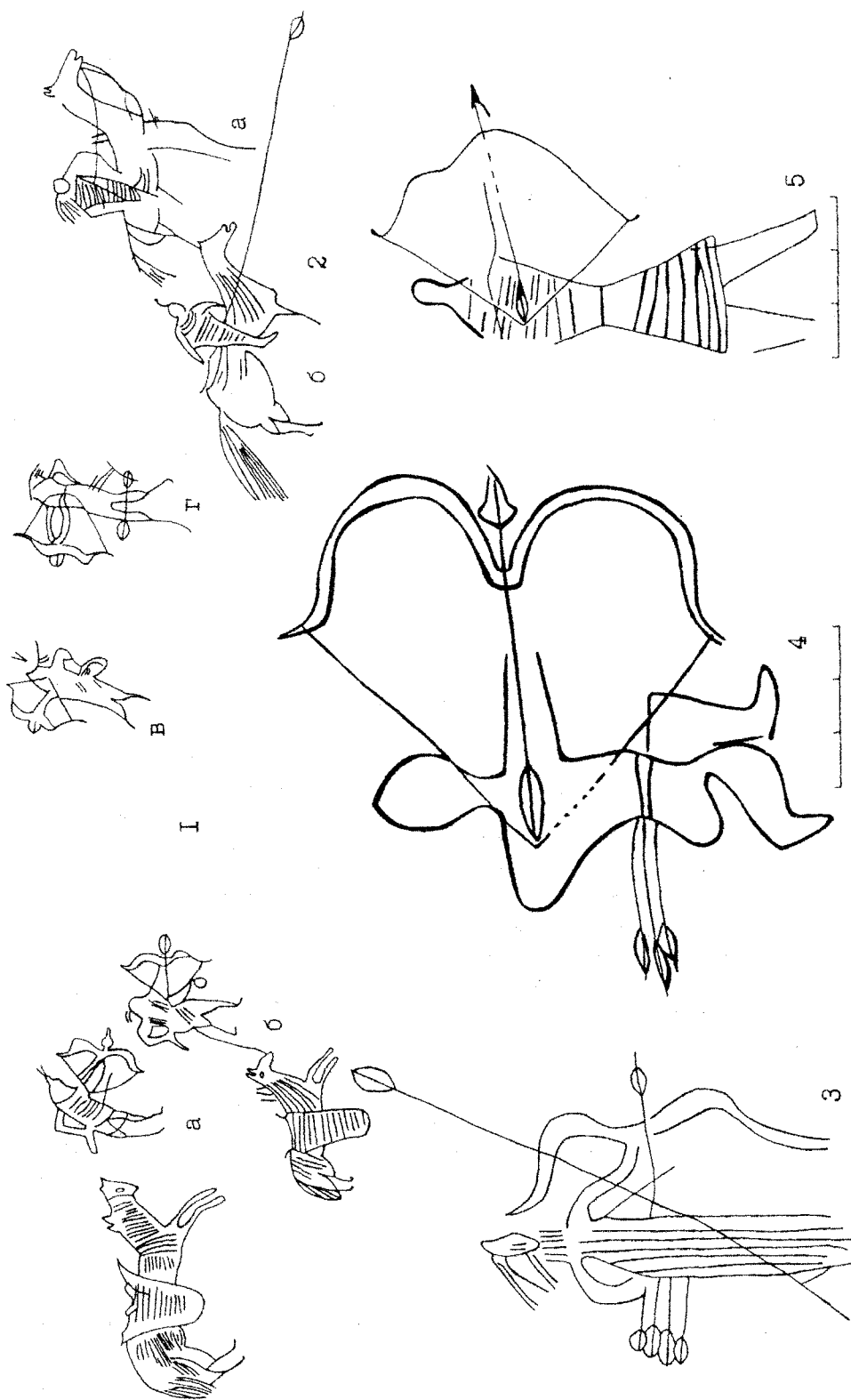

Рис. 1. 1, 2, 3 — Кара-Оюк (по Е.А. Окладниковой); 4, 5 — Бичегту-Бом (прорисовка автора).

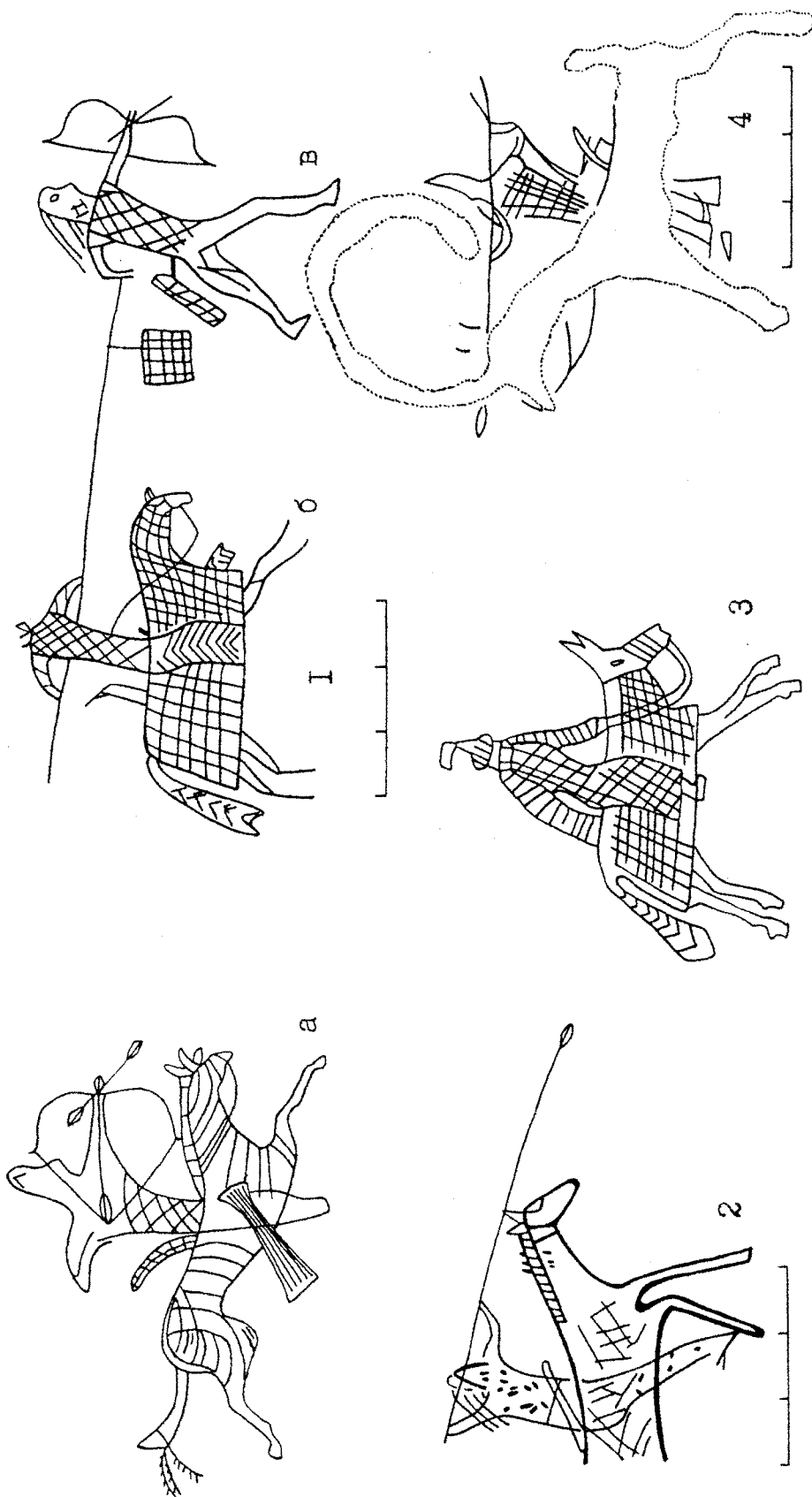

Рис. 2. 1 — Жалгыс-Тобе (прорисовка автора); 2 — Бичекту-Бом (прорисовка автора);
3 — Жалгыс-Тобе (по Е.А. Окладниковой); 4 — Жалгыс-Тобе (прорисовка И.Л. Кызласова).

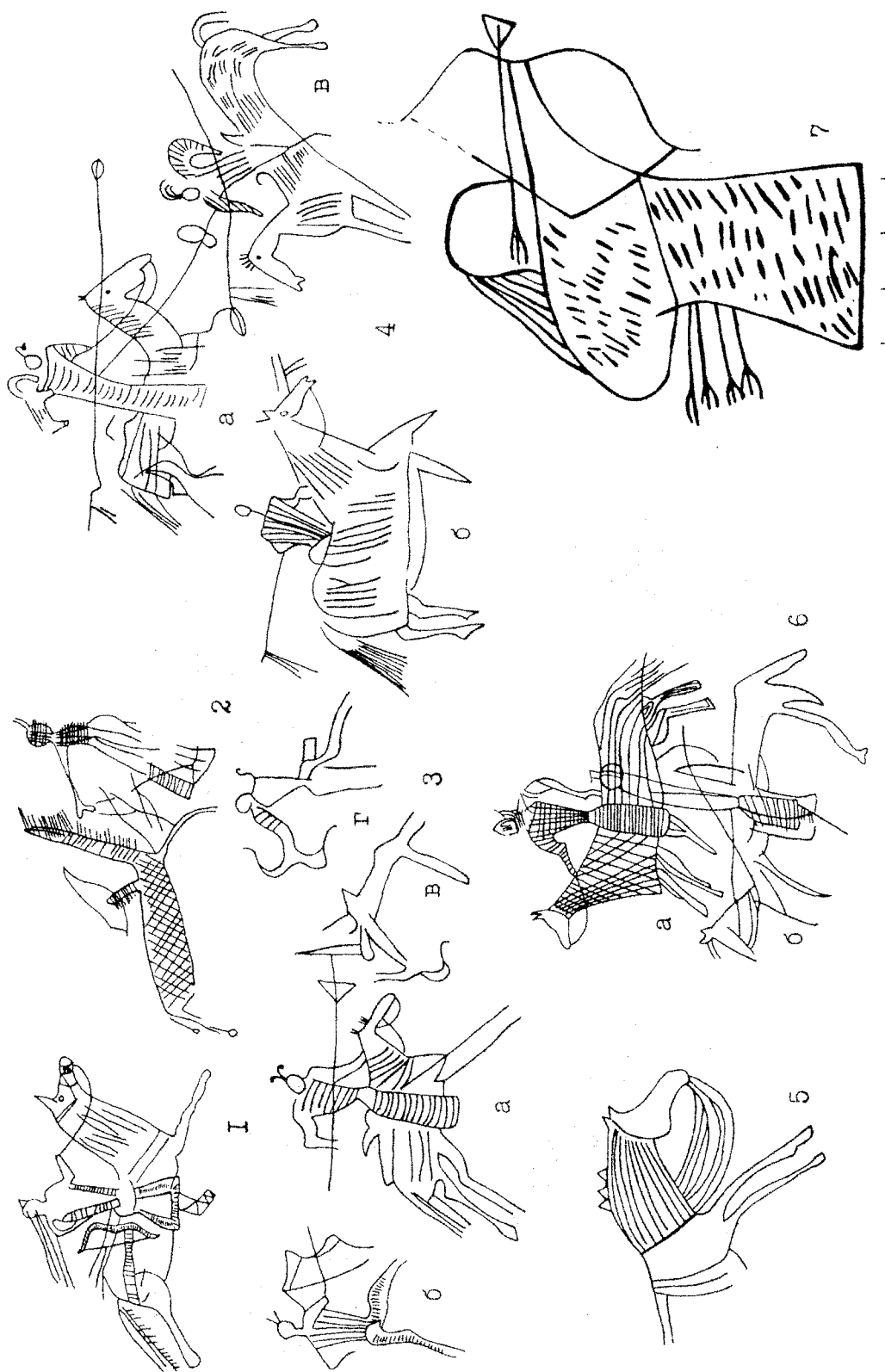

Рис. 3. 1, 2, 3, 4, 6 — Кара-Оюк (по Е.А. Окладниковой);
5 — Шалкобы (по Е.А. Окладниковой); 7 — Вичекту-Бом (прорисовка автора).

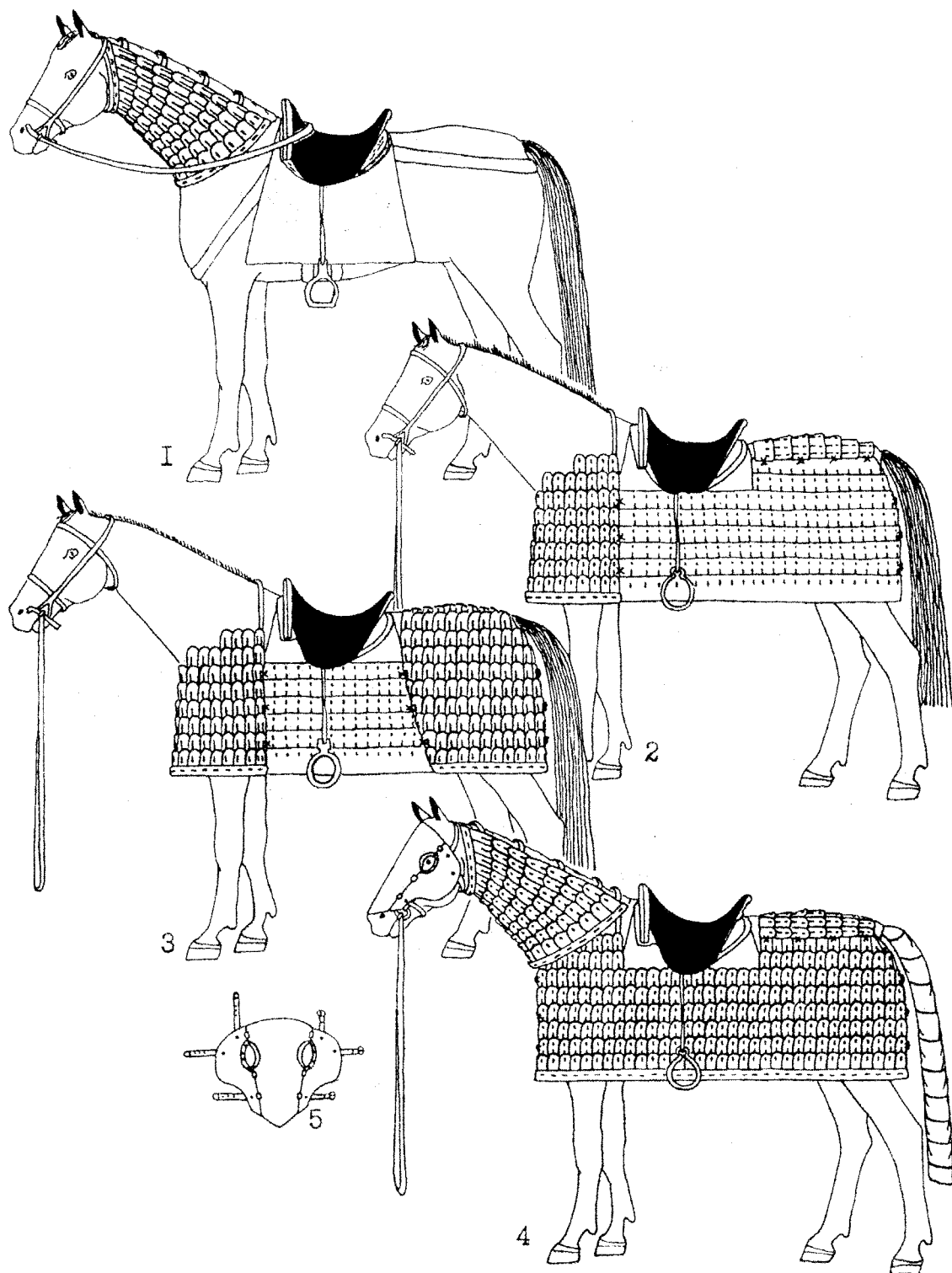

Рис. 4. Типы защитной попоны и наголовья (реконструкция).

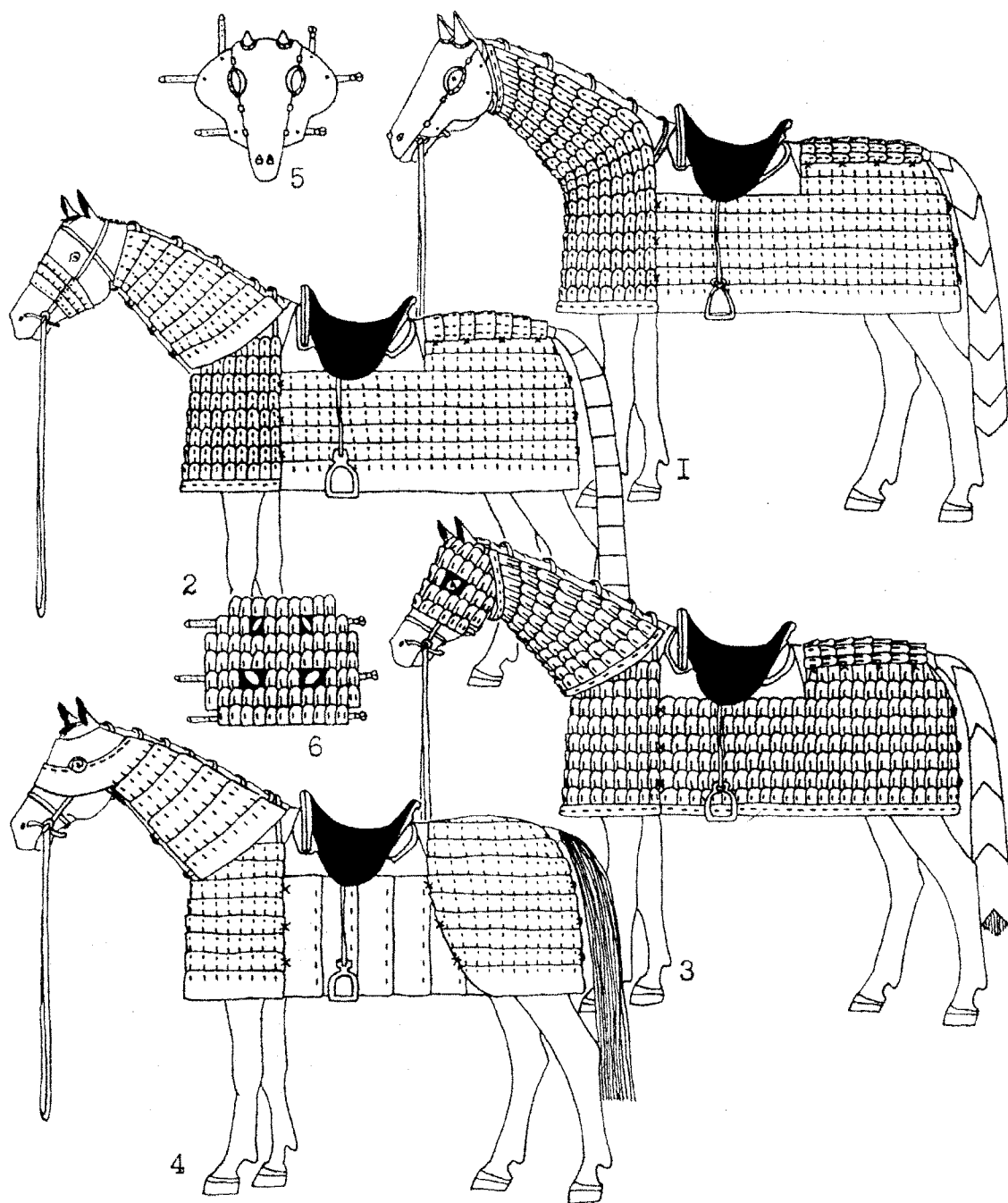

Рис. 5. Типы защитной попоны и наголовья (реконструкция).

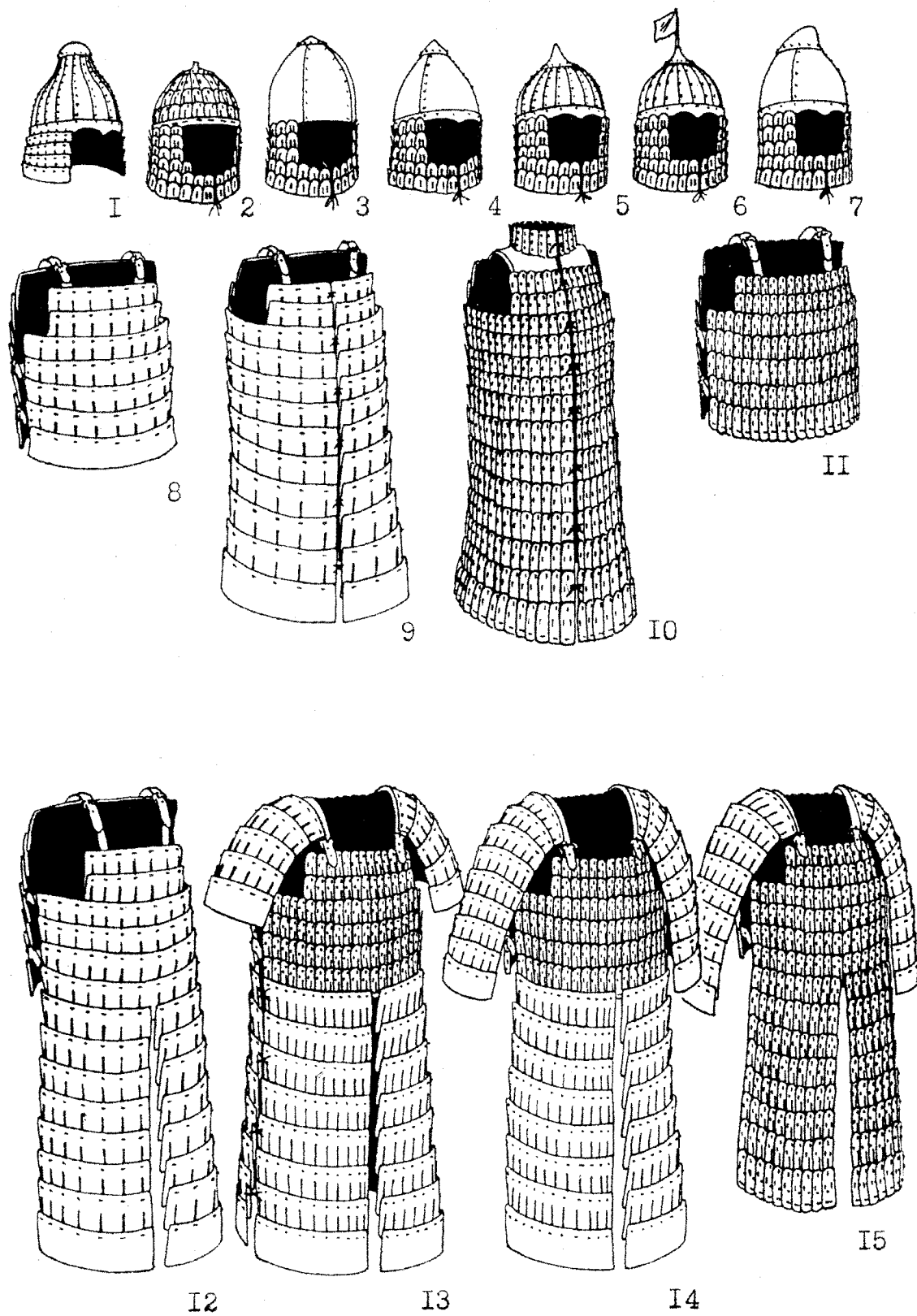

Рис. 6. Типы шлемов и панцирей (реконструкция).

табл. VI.-2). Оно передается самостоятельным контуром, отделяющим голову коня от шеи (рис. 2.-2; рис. 3.-5,6а; Гаврилова, 1965, табл. VI.-2) или является продолжением нашейника (рис. 2.-1а,б), в одном случае — это полосы, закрывающие среднюю часть головы коня (рис. 2.-3). Часть наголовий имеет внутреннюю штриховку в виде «сетки» — ламеллярная броня, в виде полос — ламинарная, встречаются точки, видимо, просто оттеняющие наголове. Более половины наголовий — без штриховки и выделяются в основном контуром. Особенностью при изображении головы коня, когда она защищена наголовьем, является расположение и форма глаза. Он не круглый, как обычно, а в виде каплевидного или подтреугольного выреза, совмещенного с линией лба (рис. 2.-1б,2; Гаврилова, 1965, табл. VI.-2: верхняя и нижняя фигуры коней). Только у одного коня с кудыргинского валуна-изваяния: средняя фигура, показан обычный глаз при наличии разделительного контура между головой и шеей. На трех фигурах с наголовьем глаза не нарисованы (рис. 2.-1а; рис. 3.-5,6а). Эту же черту можно отметить для одного из коней в наголовье с Хар-Хада [Новгородова, Горелик, 1980, рис. 6: центральная фигура], но есть там конь в наголовье с обычным глазом, правда слившимся с разделительным контуром [Новгородова, Горелик, 1980, рис. 7]. Горноалтайские наголовья относятся к одной группе — из твердого материала и одному разряду без мягкой основы (здесь имеется ввиду, что твердое покрытие головы коня не нашивалось на мягкий подклад, хотя последний мог применяться, особенно при железном материале и пришиваться к наголовью по краям). По общей структуре брони выделяются разделы: I — гетерогенные, II — гомогенные (броня выполнена из крупных монокристаллических частей, учитывающих особенности анатомии). По структуре набора бронирующего материала выделяются отделы: I — ламеллярные, II — ламинарные, III — цельносоставные (наголове составляется из нескольких цельнокованных частей, крепящихся между собой на ремешках, кольцах или шарнирах). Учитывая натуралистичный изобразительный материал с других территорий, можно предполагать наличие еще одного отдела — цельнокованного, когда наголове в полном объеме сделано из одной части [Горелик, 1993а, рис. 5.-8,10,12; рис. 6.-4,9]. Однако такие наголовья, как правило, являются лишь несколько расширенным вариантом налобника, который целиком охватывает глаза, но не закрывает

полностью щек. Горноалтайские же наголовья, судя по контуру, защищают боковые стороны головы коня максимально и должны состоять хотя бы из трех частей. Подтверждают это и аналогии подлинных наголовий такого покроя [Горелик, 1993а, рис. 11.-4,5]. I и II отделы относятся к разделу I, а III отдел — к разделу II. Внутри отделов выделяются типы, учитывающие постройку наголовья.

Отдел I. Тип 1 — полумаска (рис. 5.-3,6), состоит из одного листа, набранного из отдельных небольших пластин. Закрывает голову коня наполовину или чуть больше. Изображена на одной фигуре (рис. 2.-1б). На рисунке данное наголове является продолжением нашейника, что подразумевает охватывание головы коня, включая затылок, для чего необходимы не только отверстия для глаз, но и ушей. Должна была иметь ремни, при помощи которых застегивалась на голове: один затылочный и два подбородочных (рис. 5.-6).

Отдел II. Тип 2 — короткая полумаска (рис. 5.-2), состоит из шести полос, закрывающих среднюю часть головы коня. Показана на одной фигуре (рис. 2.-3). На рисунке полосы всего три, но для удержания на голове такая конструкция не пригодна. Необходимо предположить, что полосы делились. Деление по подбородку и лбу тоже не способствовало удержанию, требовались бы дополнительные ремни. Вероятнее всего, наличие трех верхних и трех нижних полос, которые сходились на щеках и крепились между собой и с нащечными ремнями уздечки. Внутреннее соединение верхних и нижних полос могло быть ламинарным.

Тип 3 — полумаска-нашейник (рис. 5.-4), состоит из двух широких, наглухо скрепленных полос, между которыми должны иметься отверстия для глаз. Изображена на одной фигуре (рис. 2.-1а), где является продолжением нашейника. Вероятно, данное наголове крепилось ремешками к нашейнику, подвижным способом, составляя с ним единый конструктивный элемент (попона 4 типа). Помимо этого, полумаска держалась на голове затылочными и подбородочными ремнями.

Отдел III. Тип 4 — укороченная трехчастная маска (рис. 4.-4,5), состоит из налобника и двух нащечников, крепящихся к нему шарнирами или другим способом. В месте их соединения у глаз предусмотрены вырезы. Налобник оставляет открытыми уши и, в некоторых вариантах, ноздри с верхней губой. На голове держится затылочным, подбородочным и подгубным ремнями (рис. 4.-5). Подразу-

меваются на четырех фигурах (рис. 2.-2; Гаврилова, 1965, табл. VI.-2).

Тип 5 — полная трехчастная маска (рис. 5.-1,5), состав и конструкция аналогичны типу 4. Отличается более длинным налобником, снабженным пластинами для защиты ушей и отверстиями под ноздри. Подразумевается на двух фигурах (рис. 3.-5,6а).

Наиболее ранние аналоги горноалтайским наголовьям происходят с территории Кореи и Китая. Ламеллярная полумаска (тип 1) встречается в Китае VI в. н.э., но китайские экземпляры длиннее и больше соответствуют маскам укороченной формы [Горелик, 1993а, рис. 5.-9, рис. 6.-5]. Тип 2 точных аналогов не имеет, но можно отметить близкую ему деталь в виде ламеллярной полосы, закрывающей среднюю часть головы коня на одной из китайских статуэток IV-V вв. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 6.-1]. Полумаска-нашейник (тип 3) тоже не находит похожего аналога, но наголовья, представляющие единую конструкцию с нашейником, применялись в Китае в VI-VII вв. н.э. и делались из мягких материалов [Горелик, 1993а, рис. 6.-6, рис. 11.-10]. Трехчастные маски с укороченным налобником (тип 4) использовали в Китае в VI-IX вв. н.э., Восточном Туркестане — в VIII в. н.э., Иране — в VII в. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 6.-7, 14-26, 27, 30]. Позднекитайские и иранские аналоги отличаются структурой бронирования, они ламинарные, а восточнотуркестанский экземпляр с мягкими нащечниками. Вообще же конструкция в виде укороченного налобника характерна для Китая в V-VII вв. н.э., где она использовалась как самостоятельно [Горелик, 1993а, рис. 5.-11], так и гораздо чаще, в форме цельнокованной маски [Горелик, 1993а, рис. 5.-8, 10, 12; рис. 6.-8, 9; Могилы с фресками..., 1995, с. 29.-4]. Такие короткие маски, не закрывающие ушей, носа и половину щек, позднее стали популярны у монголов, в XIII-XIV вв. н.э. [Горелик, 1987, рис. 13.-1, 2, 3, 4, 7]. Полные трехчастные маски (тип 5) абсолютно преобладали в корейском конском доспехе IV-V вв. н.э. и были знакомы в Японии в IV-V вв. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 4.-3, 6-9; рис. 5.-6, 13, 14; рис. 11.-4, 5]. От горноалтайских их отличает защита ушей, выполненная в форме трехчастного, реже — одночастного, гребня из металлических пластин. Применялся данный тип и киданями в X-XII вв. н.э. [Горелик, 1987, рис. 2-6, 7, 8]. Его особенность — ламеллярные нащечники и пятичастный гребень.

Из соседних с Горным Алтаем земель конские налобники есть только на изображе-

ниях тюркских всадников VI-VII вв. н.э. с Монгольского Алтая. Они относятся к типу 4 [Новгородова, Горелик, 1980, рис. 7] и типу 5 [Новгородова, Горелик, 1980, рис. 6].

Появление защитного наголовья в Горном Алтае следует связывать с эпохой «великого переселения», но видимо не ранее IV в. н.э. Наголовье распространилось несколько позднее попоны, первые экземпляры которой, как и раннекорейские, использовались без защиты головы. Пятый тип горноалтайского наголовья происходит от корейских образцов, несколько модифицированных в местной среде. Тип 4 сформировался под влиянием Китая не ранее V в. н.э. При этом свою классическую трехчастную, цельносоставную конструкцию, он мог приобрести уже в центральноазиатском регионе, где «китайский» короткий налобник получил «корейские» нащечники. За это говорит то, что в самом Китае трехчастные маски применялись довольно редко, уступая первенство одночастным. Что касается типов 1, 2, 3, то их происхождение до конца не ясно. Скорее всего имело место определенное влияние со стороны Китая в плане конструкции, а конкретная форма и структура приобрели самостоятельные черты. Хронология горноалтайских наголовий может быть очерчена в рамках IV-X/XI вв. н.э., причем их активное применение началось, видимо, не ранее VI в. н.э. Наголовья 4 типа были заимствованы у тюрков персами и аварами в VI-VII вв. н.э. Они же восприняли структуру бронирования типов 1, 3, применив ее в более совершенной форме. Пятый тип оказал определенное влияние на формирование данного вида защиты у киданей Центральной Азии в X в. н.э.

Если посмотреть на сочетание наголовья с попоной в горноалтайских изображениях, то получится, что более половины коней, защищенных попоной, наголовья не имеют (10 из 19). Использование одной попоны встречается в Корее в III-IV вв. н.э. и Китае в VI в. н.э. [Горелик, 1993а, рис. 4.-5; рис. 6.-2, 3, 11-9]. Однако, там полный конский доспех абсолютно преобладает. Из четырех бронированных коней с Хар-Хада двое наголовий не имеют [Новгородова, Горелик, 1980, рис. 6]. Не изображена защита головы у коней курыканских и древнехакасских воинов [Евтюхова, 1948, рис. 174; Николаев, 1991, рис. 1.-1, 3]. Вероятнее всего центральноазиатские кочевники эпохи раннего средневековья далеко не всегда применяли полный конский доспех, зачастую ограничиваясь только попоной.

НАСТУПАТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ. По функциональному назначению делится на три вида: I. Оружие дальнего боя. II. Оружие таранного удара. III. Оружие ближнего боя.

I. Оружие дальнего боя представлено двумя видами: 1. Луки. 2. Стрелы. В отличие от доспеха, оружие на петроглифах изображено не столь подробно и здесь применим лишь более общий описательный метод.

1. Луки показаны у 21 воина (рис. 1.-1, 3,4,5; рис. 2.-1,4; рис. 3.-1,2,3б,в,г,6,7; Кубарев, Маточкин, 1982, рис.6,46). И еще два лука есть на кудыргинском валуне-изваянии [Гаврилова, 1965, табл. VI.-2]. В 10 случаях луки находятся в налучьях, а из 12 луков стреляют. На одном рисунке можно предполагать наличие сразу двух луков (рис. 2.-1а), из одного воин стреляет, а другой зачехлен в налучье. Исходя из формы и пропорций луков, можно выделить несколько типов: Тип 1 — М-образные большие (длина кибити превышает 2/3 человеческого роста) луки с покатыми плечами и не сильно изогнутыми концами. Фиксируются у семи фигур (рис. 1.-1,3,4; Кубарев, Маточкин, 1982, рис. 6). Соответствуют сложносоставным лукам «хуннского типа» длиной 1,5 м. Остатки таких луков встречаются в курганах Горного Алтая I в. до н.э. — V в. н.э. [Худяков, 1993, рис. 5.-9]. Тип 2 — М-образной формы с изгибом, смещенным к верхнему плечу и сильно загнутыми концами (длина около 2/3 человеческого роста). Показан у 1 фигуры (рис. 1.-5). Данному типу аналогично изображение таштыкского лука III-V вв. н.э., правда имеющего меньшие пропорции [Кыласов И.Л., 1990, рис. 3.-1]. Тип 3 — М-образные с покатыми плечами и изогнутыми концами, длиной около 2/3 человеческого роста. Изображены у пяти фигур (рис. 2.-1а,в; рис. 3.-3б,в,г). Соответствуют сложносоставным лукам «раннетюркского типа» длиной 1,2-1,3 м. Остатки таких луков и их изображения в Горном Алтае встречены на могильнике Кудыргэ сер. VI — сер. VII вв. н.э. [Гаврилова, 1965, табл. VIII, XV, XVI, XVII, XXII, XXIV; Савин, Семенов, 1992, с. 79]. Тип 4 — М-образной формы с покатыми плечами и слабо изогнутыми концами, длиной менее половины человеческого роста. Фиксируются у трех фигур (рис. 3.-1,2,7). Исходя из пропорции плечей можно предположить ассиметричность. Соответствуют сложносоставным лукам «классического тюркского типа» длиной 0,8 м. Их остатки встречаются в памятниках Горного Алтая сер. VII-X/XI вв. н.э. [Худяков, 1993, с. 125; Кубарев Г.В., 1992,

с. 91]. На нескольких рисунках хорошо показан способ натяжения тетивы — до левой части груди (рис. 1.-4,5; рис. 2.-1а), что говорит о прицельной стрельбе профессиональным (неоптическим) способом [Горелик, 1993б, с.77].

2. Стрелы изображены у 12 воинов (рис. 1.-1,3,4,5; рис. 2.-1а,в; рис. 3.-3б,7). Они имеют листовидное и ромбовидное оперение, в одном случае оперение вильчатое (рис. 3.-7). Датируемая часть стрел — наконечники. Из них типы листовидной, ромбовидной, треугольной формы применялись длительное время. Более узко использовались ярусные наконечники стрел, хорошо показанные у трех фигур (рис. 1.-1а, 4; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 6) и, возможно, у еще одной (рис. 1.-3). В Горном Алтае ярусные наконечники применялись с I в. до н.э. по V в. н.э. [Неверов, Мамадаков, 1991, рис. 2, с. 132]. Твердую нижнюю дату имеет наконечник в форме треугольного срезня (рис. 3.-7). Такие наконечники появляются не ранее середины IX в. н.э. и существуют до этнографического времени [Овчинникова, 1990, с. 74; Соловьев, 1987, с. 43]. Видимо, все наконечники, изображенные на нашей серии трехлопастные, кроме срезня, который вероятно плоский. Обращает на себя внимание, что не все стрелы на рисунках у воинов хранятся в колчанах. Часть из них «заткнута» за пояс (рис. 1.-3,4; рис. 3.-7; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 6), причем только у пеших стрелков. На одной композиции показан интересный прием — при стрельбе воин держит вторую стрелу наготове в левой руке (рис. 2.-1а,в).

II. Оружие таранного удара включает один вид: копьё. Изображение копий встречено у 12 воинов (рис. 1.-2б,3; рис. 2.-1б, 2,4; рис. 3.-3а,4; Окладникова, 1988, рис. 3.-1; Кубарев, 1984, табл. XLVII.-2). Длина древков копий судя по соотношению с человеческими фигурами от 2 до 4 м. Наконечники копий листовидной формы. Их силуэт стилизован и не позволяет говорить о конкретных типах. Такой же признак, как листовидность встречается во времени и пространстве очень широко. Часть копий (рис. 2.-1б; рис. 3.-3а,4б; Кубарев В.Д., 1984, табл. XLVII.-2) не имеет выраженного наконечника, три из них показаны вонзенными, а одно, видимо, сломано. Некоторые копьё украшены бунчуками из конского (?) волоса подвязанными не только под наконечником, но и на конце древка (рис. 2.-4; рис. 3.-4; Кубарев В.Д., 1984, табл. XLVII.-2). Одно копьё снабжено двумя

треугольными флажками (рис. 3.-3а), другое квадратным заштрихованным в «сетку» предметом, подвешенным на ремне или прибитым на планке (рис. 2.-1б). Этот предмет может трактоваться, как своеобразный штандарт или обозначать снятый с врага панцирь (всадник явно напал на идущего впереди лучника). Заштрихованные в «сетку», как доспехи флаги встречаются на рисунках курькан [Окладников, Запорожская, 1959, табл. XL.-808]. Выделяется несколько способов боевого положения копий: 1 — в одной руке на уровне живота — нижней части груди, когда вторая рука держит поводья (рис. 3.-3а,4; Кубарев В.Д., 1984, табл. XLVII.-2); 2 — двумя руками в нижней позиции (рис. 1.-2б; рис. 2.-1б); 3 — двумя руками в верхней позиции (рис. 2.-2,4).

III. Оружие ближнего боя представлено одним видом: мечи. Изображение меча есть на одном рисунке у конного воина (рис. 2.-2). Его силуэт стилизован. Можно отметить легкий наклон рукояти, отсутствие перекрестия и судя по пропорции к человеческой фигуре, короткий клинок. Необычно положение меча, он заткнут за пояс с правой стороны. Короткие мечи показаны на рисунках таштыкских воинов III-V вв. н.э. [Кызласов И.Л., 1990, рис. 1.-6; рис. 4.-4]. Мечи без перекрестий с короткими клинками встречаются в памятниках Горного Алтая в III-V вв. н.э. [Васютин, Илюшин и др., 1985, рис. 3.-24; рис. 6.-1]. Такой признак, как наклонная рукоять, появляется на мечах не ранее середины VIII в. н.э.

ВОЕННОЕ СНАРЯЖЕНИЕ. По назначению к родам оружия представлено двумя видами: 1. Налучья; 2. Колчаны.

1. Изображение налучий имеется у четырех всадников (рис. 2.-1а,б,4; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 4б) и два экземпляра показаны на кудыргинском изваянии [Гаврилова, 1965, табл. VI.-2]. Еще у четырех воинов луки «как бы» находятся в налучьях, хотя последние не нарисованы (рис. 3.-1, 2,6). Общая форма налучий близка — это изогнутые, С-видные чехлы, которые повторяют форму лука со спущенной тетивой. Окончания чехлов более разнообразны: в виде «сапожка» [Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 4б], простые закругленные (рис. 2.-1а, 4), скошенные (рис. 2.-1б; Гаврилова, 1965, табл. VI.-2, правая фигура), с приостренным низом и фигурно-скошенным верхом [Гаврилова, 1965, табл. VI.-2, левая фигура]. Часть налучий имеет внутреннюю штриховку из «сетки» и горизонтальных линий. Исходя из конструк-

ции налучья, можно выделить два типа: 1 — закрытый, с растегивающимся верхом (рис. 2.-1а,4; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 4б; Гаврилова, 1965, табл. VI.-2), 2 — открытый, оставляющий свободным верхний рог лука (рис. 2.-1б). Первый тип налучий изображен, с вынутыми луками, у кудыргинских всадников с седельных обкладок [Савин, Семенов, 1992, с. 79]. Закрытые налучья с «сапожковым» окончанием известны у древнехакасских воинов IX-X вв. н.э., в Восточном Туркестане VII-VIII вв. н.э., закругленные — в Северном Китае VI в. н.э. и Восточном Туркестане VIII-IX вв. н.э., скошенные — в Восточном Туркестане VII-IX вв. н.э., у курькан в VI-VIII вв. н.э., приостренно-скошенные — у тюрков Монголии в VI-VII вв. н.э. [Кызласов Л.Р., 1969, рис. 41; Горелик, 1995, табл. 4б.-12,14-16; Горелик, 1993а, рис. 6.-5; Дьяконова, 1984, рис. 12; Окладников, Запорожская, 1959, табл. I.-19; Кубарев В.Д., 1995, табл. 1.-1,3]. Налучья второго типа широко применялись в Согдиане VI-VIII вв. н.э. [Распопова, 1980, рис. 43, 57, 60,72]. Логично предположить также существование у горноалтайских воинов налучий третьего типа, предназначенных для луков с натянутой тетивой. Покрой их чехлов повторял половину натянутого лука и именно они подразумеваются у трех всадников с Кара-Оюка (рис. 3.-1,2,6б). Зафиксировано такое налучье в Горном Алтае и археологически, в древнетюркском погребении X-XI вв. н.э. [Кубарев Г.В., 1992, с. 91; Горбунов, 1994, с. 113]. Данные налучья появляются с III-IV вв. н.э., но только с IX в. н.э. их употребление становится массовым [Горелик, 1995, с. 380]. Горноалтайские рисунки показывают, что налучья носились, как с левой стороны (рис. 2.-1а,б), так и с правой, рядом с колчаном (рис. 2.-4; рис. 3.-1,6; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 4б). Подвешивались они почти вертикально, с легким наклоном назад, выгнутой частью вперед или, гораздо реже, назад (рис. 3.-6).

2. Колчаны изображены у девяти воинов и два экземпляра на кудыргинском изваянии (рис. 1.-1а,б,в; рис. 2.-1а,в,4; рис. 3.-2,3г; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 4б; Гаврилова, 1965, табл. VI.-2). Часть из них имеет внутреннюю штриховку в виде вертикальных, горизонтальных и пересекающихся («сетка») линий. Кудыргинские колчаны покрыты более сложным узором, видимо, передающим аппликацию или орнамент футляра. На фигурах все колчаны подвешены на поясе справа, вертикально или наклонно, устьем вперед. По форме футляра можно вы-

делить два основных типа: 1 — прямоугольные или слегка подтрапециевидные (рис. 2.—1в,4; рис. 3.—2,3г; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 46); 2 — трапециевидные с карманом, тоже трапециевидной формы (рис. 2—1а; Гаврилова, 1965, табл. VI.—2). Подобные колчаны хорошо известны из археологических памятников Горного Алтая III—XI вв. н.э. [Горбунов, 1993а, с. 43; Горбунов, 1994, с. 114]. Колчаны с карманом появились, видимо, несколько позднее футляров с ровным устьем, ближе к середине I тыс. н.э. С VI в. н.э. их изображения фиксируются в Китае и Согдиане, с VII в. н.э. в Восточном Туркестане [Горелик, 1993а, рис. 6.—5; Горелик, 1995, табл. 46; Распопова, 1980, рис. 57], но происходят они, скорее всего, с территории Алтая. Несколько необычны колчаны изображенные у лучников на одной из композиций Кара-Оюка (рис. 1.—1а,б,в). Они напоминают мягкие футляры (кожаные?) скифского времени [Кубарев В.Д., 1981, с. 67].

Проанализировав предметы вооружения с горноалтайских петроглифов нашей серии, рассмотрим хронологию рисунков и композиций в целом. Взаимовстречаемость типов вооружения, показанных на фигурах воинов и коней, позволяет выделить две хронологические группы изображений.

I группа датируется III—V вв. н.э. и соответствует эпохе «великого переселения народов». В нее входят 12 фигур воинов и 4 коней, с Кара-Оюка, Бичекту-Бома и Бош-Туу (рис. 1; Окладникова, 1988, рис. 3.—1; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 6). Нижняя граница определяется панцирями — типы 3а,б, шлемами — типы 2,3,4, попонами — тип 8, луками 2 типа и архаичными колчанами. Верхняя граница очерчивается панцирями — типы 3а,б, шлемами — тип 2, попонами — тип 1, луками 1 типа и ярусными наконечниками стрел. Внутри этой группы можно выделить две композиции, нижняя дата которых устанавливается по IV в. н.э. (рис. 1.—1,2), о чем свидетельствуют панцири — тип 4 и попоны — тип 3. Помимо вооружения, датирующими являются детали конского снаряжения: высокие седельные луки и длинные крылья-лопасти (рис. 1.—1а,б), изобретенные в конце III—IV вв. н.э. [Вайнштейн, 1991, с. 223, рис. 98; Горелик, 1993а, рис. 5.—5]. Для прорисовки людей характерен ряд приемов: разворот головы и нижней части тела в профиль, передача торса с развернутыми плечами в фас (как со стороны груди, так и спины). Ноги людей и коней, наряду с объемным контуром, часто ниже колен прочерчены од-

ной линией (иногда также нарисованы руки). Эта техника сближает горноалтайские петроглифы с таштышкскими рисунками Енисея [Кызласов И.Л., 1990, с. 182, рис. 1.—6] и свидетельствует в пользу приведенных датировок.

II группа датируется V/VI—X/XI вв. н.э. и относится к древнетюркской эпохе. В нее включены 22 фигуры воинов и 18 коней с Кара-Оюка, Жалгыс-Тобе, Бичекту-Бома, Шалкобы, Юстыда и кудыргинского изваяния [рис. 2,3; Гаврилова, 1965, табл. VI.—2; Кубарев В.Д., 1984, табл. XLVII.—2; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 46]. Нижняя граница определяется попонами — тип 1, наголовьями — типы 1—4, луками 3 типа, налучьями 1,2 типов, колчанами 2 типа. Верхнюю границу очерчивают шлемы — тип 4, попоны — типы 1,5,6,7, наголовья, луки 4 типа, налучья 1 типа. Внутри группы выделяются три более дробных периода, по которым могут быть распределены рисунки и композиции.

1 период (V/VI — сер. VII вв. н.э.), его верхнюю границу ограничивает существование «раннетюркских» луков (тип 3). В первую очередь сюда относятся: трехфигурная композиция с Жалгыс-Тобе (рис. 2.—1) и четырехфигурная композиция с Кара-Оюка (рис. 3.—3), к последней стилистически примыкает композиция с тремя всадниками того же памятника (рис. 3.—4) и, наконец, поминальная сцена с кудыргинского изваяния. Датировка последней может быть конкретизирована до 2 пол. V—1 пол. VI вв. н.э., времени существования кудыргинских поминальных оградок. Техника изображения людей и коней в этот период еще та же, что у рисунков I группы, но фигуры выполнены более тщательно и подробно. При копировании композиции с Жалгыс-Тобе (рис. 2.—1) удалось проследить последовательность нанесения рисунков. Первыми здесь были изображены тонкими неглубокими линиями фигуры конного и пешего лучников (рис. 2.—1а,в), потом, более глубокими и широкими линиями, нарисован конный копейщик и этими же линиями обведена фигура пешего лучника, кроме головы, с нарушением контура ноги (рис. 2.—1б,в).

2 период (сер. VII — VIII вв. н.э.), нижняя граница очерчена луками 4 типа, верхняя — панцирями 1,4 типов, шлемами 5 типа. Это фигуры всадников с Кара-Оюка, Жалгыс-Тобе и коня с Шалкобы (рис. 2.—3,4; рис. 3.—1,2,5,6). Они стилистически близки рисункам первого периода, но в фигурах людей наблюдается переход к полупрофильному изображению торса.

3 период (VIII/IX — X/XI вв. н.э.), его нижняя граница растянута, от середины VIII в. н.э. (меч с наклонной рукоятью), до середины IX в. н.э. (наконечник стрелы — срезень). Видимо, в дальнейшем этот период можно будет разделить еще на два, пока же узкодатирующие фигуры единичны. К данному периоду отнесены: всадник и пеший лучник с Бичекту-Бома (рис. 2.-2; рис. 3.-7), а также двухфигурная композиция с Юстыда [Кубарев В.Д., 1984, табл. XLVII.-2] и всадник с Жалгыс-Тобе [Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 46]. Передача структуры панцирей у первых двух фигур короткими черточками характерна для штриховки доспеха древнехакасских воинов IX-X вв. н.э. [Евтюхова, 1948, рис. 187; Кызласов Л.Р., 1969, рис. 41]. В технике линейного штрихования доспеха наблюдается небрежность и неполнота. Линии, чаще «сетка», как бы намечают доспех не заполняя его контура целиком (рис. 2.-2; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 46).

Важно определить и этнокультурную принадлежность петроглифов нашей серии. Хорошая изученность и разработанность горноалтайской археологии позволяет решить эту задачу с достаточной степенью достоверности. Время бытования рисунков I группы соотносится с последним этапом булан-кобинской культуры (III—1 пол. V вв. н.э.). Предметы вооружения из памятников этой культуры находят соответствия изображаемым на петроглифах [Горбунов, 1993а, с. 42-44]. Сложнее обстоит дело с этнической принадлежностью булан-кобинского населения. Несомненным представляется его решающая роль в сложении древнетюркского этноса. Рисунки II группы непосредственно связаны с памятниками древнетюркской культуры Горного Алтая (2 пол. V — X/XI вв. н.э.). Это подтверждается не только их датировкой, но и присутствием части таких изображений на поминальных памятниках тюрков (плиты оградок, каменные изваяния). Не противоречит этому и вооружение из древнетюркских погребений [Горбунов, 1994, с. 110-114]. Этносом, оставившим горноалтайские граффити с военными сценами V-XI вв. н.э., безусловно, являются древние тюрки.

Весьма информативна содержательная часть рассматриваемых петроглифов. Композиционно рисунки разбиваются на два блока: I — одиночные фигуры, II — многофигурные композиции. Внутри каждого блока можно выделить различные сюжеты изображения.

I. Одиночные фигуры:

1 сюжет — сражающийся пеший лучник (рис. 1.-4,5; рис.3.-7; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 6).

2 сюжет — пеший воин с копьем и луком (рис. 1.-3).

3 сюжет — конный воин в походе, скачущий всадник (рис. 2.-3; рис.3.-1; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 46).

4 сюжет — спешенный всадник с конем (рис. 3.-2).

II. Многофигурные композиции:

1 сюжет — бой между спешенными и пешими лучниками (рис. 1.-1).

2 сюжет — строй пеших копейщиков [Окладникова, 1988, рис. 3.-1].

3 сюжет — строй конных воинов (рис. 1.-2; рис.3.-6).

4 сюжет — бой между всадниками (рис. 3.-4; Кубарев В.Д., 1984, табл. XLVII.-2).

5 сюжет — бой всадника с пешими лучниками (рис. 2.-1,2,4; рис. 3.-3).

Поминальная сцена с кудыргинского изваяния составляет отдельный сюжет, не повествующий о военных действиях. Затруднительна трактовка боевого коня с Шалкобы, поскольку рисунок не доделан или испорчен (рис. 3.-5). Трехфигурная композиция с Жалгыс-Тобе (рис. 2.-1), видимо, первоначально представляла сражающихся конного и пешего (или спешенного?) лучников, а затем была переделана в сюжет повествующий о победе конного копейщика над пешим лучником. Здесь следует отметить, что напротив каждого из всадников-копейщиков с Бичекту-Бома и Жалгыс-Тобе (рис. 2.-2,4) нарисовано по два пеших лучника. В первом случае эти изображения перекрыты множеством других, видны очень слабо и только при определенном освещении, что не позволило их скопировать. Во втором случае рисунки лучников слишком схематичны, что вызывает сомнение в синхронности всаднику. Поэтому они не приведены в иллюстрациях, но сами всадники, условно, отнесены к соответствующему блоку и сюжету. За такое решение говорит и их поза — с поднятыми вверх копыями, типичная для сцен сражения конных копейщиков именно с пешими лучниками.

Одиночные фигуры, скорее всего, изображают индивидуальных воинов (героев) и высечены в их честь. Они могли наноситься после удачного похода (сражения) или наоборот перед началом такового и иметь своей целью не просто «портретное олицетворение», но и молитву (с просьбой или посвящением), облеченную в изобразительную форму. Приобретали такие рисунки и эпиче-

ское содержание. Многофигурные композиции отражают военные события своего времени. На них запечатлены сражения и боевые порядки. Мотивы, вызвавшие их появление видимо те же — религиозные и эпические. Можно предположить, что эти рисунки олицетворяют войско в целом, но, возможно, и повествование о подвигах отдельных героев. В любом случае они иллюстрируют реально существовавшую боевую практику.

На горноалтайских петроглифах изображены, как пешие, так и конные воины, что говорит минимум о двух родах войска. Наборы вооружения, показанные на войнах и конях позволяют подойти к составу войск более дифференцированно. Пехота представлена: легковооруженными лучниками, где воины имеют неполный или мягкий доспех, а в качестве главного наступательного оружия — лук (рис. 1.-1б, в, г, 4; рис. 3.-3в, г); тяжеловооруженными лучниками, где воины защищены полным доспехом из твердых материалов (рис. 1.-1а, 5; рис. 2.-1в; рис. 3.-3б, 7; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 6); тяжеловооруженными копейщиками, с главным наступательным оружием в виде длинного копья (рис. 1.-3; Окладникова, 1988, рис. 3.-1). Конница подразделяется: на средневооруженную, где воин имеет полный доспех, а конь не защищен (рис. 1.-2а; рис. 3.-6б; Кубарев В.Д., 1984, табл. XLVII.-2); и тяжеловооруженную, где воин и конь защищены доспехом (рис. 1.-2б; рис. 2.-1а, б, 2, 3; рис. 3.-1, 2, 3а, 4, 5, 6а; Гаврилова, 1965, табл. VI.-2). Главным наступательным оружием конницы являются длинные копья-пики, хотя у многих всадников есть и луки.

Если сравнить состав войска, показанный на рисунках и их хронологию и этнокультурную принадлежность, то можно проследить определенные изменения военного дела у горноалтайского населения на стыке поздней древности и раннего средневековья.

При этнокультурной характеристике родов войска в сюжетах сражений, надо учитывать, кем из противоборствующих сторон оставлен рисунок, «где свои, а где чужие?». Когда повествуется о внешних войнах этот вопрос решается легко. Так в сюжете боя между лучниками (рис. 1.-1). относящемся к булан-кобинской культуре, булан-кобинские воины изображены слева. Они лучше защищены, в доспехе даже кони. Их противники явно справа, в незаштрихованных панцирях и один вражеский воин уже поражен, его ноги пробиты стрелой. В древнетюркском сюжете боя конного копейщика с лучниками

(рис. 3.-3), тюрк — конечно всадник. Он лучше и подробнее прорисован и поражает одного из противников. Окружающие его пешие воины — враги. Они переданы более схематично, не у всех заштрихованы панцири. Возможно, что лучник за спиной всадника, тоже тюрк, хотя по стилю он ближе к остальным пехотинцам. Сложнее определить кто есть кто в сюжете боя двух всадников с третьим (рис. 3.-4) и в композиции с Жалгыс-Тобе (рис. 2.-1). Скорее всего, все воины тюрки, а сюжеты связаны с междуусобными войнами. В первом случае это, может быть, сражение между войсками восточных и западных тюрков. Во втором — сначала была изображена тюркская армия, а впоследствии сюжет переделан в междуусобное столкновение.

Изображения воинов булан-кобинской культуры: свидетельствуют о наличии трех родов пехоты (легкие лучники, тяжелые лучники и копейщики) и двух родов конницы (тяжелой и средней). На раннем этапе булан-кобинской культуры (I в. до н.э. — II в. н.э.), судя по данным археологии, войско состояло из легкой пехоты и конницы [Мамадаков, 1985, с. 180-186; 1996, с. 75-78; Худяков, 1997, с. 31]. С III в. н.э. в Горном Алтае начинается распространение воинского доспеха из твердых материалов, что фиксируют, как иконографические источники, приведенные в данной работе, так и археологические находки [Гаврилова, 1965, рис. 4.-13; Васютин, Илюшин и др., 1985, рис. 5, 7, 8; Соенов, Эбель, 1992, рис. 3]. Именно с этого времени состав горноалтайского войска усложняется, появляется тяжелая пехота из лучников и копейщиков и, возможно, средняя конница. О тактике булан-кобинских легковооруженных воинов в иконографическом материале данных нет. Судя по изображению их противников (рис. 1.-1в, г) — это рассыпной строй. Такой способ ведения боя традиционен и наиболее приемлем, как для легкой пехоты, так и конницы. А вот боевые порядки хорошо защищенных воинов совершенно иные. У тяжелых лучников и копейщиков — это шереножное построение (рис. 1.-1а, б; Окладникова, 1988, рис. 3.-1) типа «фаланги», характерное для регулярной пехоты.

Появление тяжелой конницы в Горном Алтае происходит на рубеже III-IV вв. н.э. и ведет к дальнейшему изменению тактики. Наглядно это демонстрируют две композиции с Кара-Оюка. Одна из них (рис. 1.-1), видимо, более ранняя (конец III — сер. IV вв. н.э.), показывает применение коней, защи-

ценных доспехом, не по назначению. Они находятся позади воинов на поводу, а воины ведут дистанционный бой спешившись. Скорее всего, на изображении запечатлен момент, когда у горноалтайского населения только появился конский доспех (вместе с деталями другой экипировки — седла), заимствованный с южных территорий от жузжаней или сяньбийцев (первые экземпляры могли быть подарками или трофеями). Его применение первоначально ограничивалось небольшим числом знатных воинов, которые не составляли самостоятельных подразделений и какое-то время новое вооружение использовалось при прежней тактике. Иную ситуацию мы видим на второй, возможно, более поздней (сер. IV — сер. V вв. н.э.), композиции (рис. 1.–2). Здесь изображен строй конных воинов (шеренга), один из которых держит длинное копье для таранного удара, а его конь защищен ламеллярным нашейником. У другого воина доспех на коне не показан и не ясно каким оружием он снабжен. Тем не менее, перед нами строй, иллюстрирующий «классическое» применение такой конницы. Исходя из анализа двух рассмотренных выше композиций, можно сделать вывод, что на заключительном этапе существования булан-кобинской культуры складывается новый род войск из тяжелой (и средней?) конницы и появляется новая тактика конного боя, основанная на массивном таранном ударе копыями, который наносится плотно сомкнутым строем в виде конной «фаланги».

Вероятнее всего, в булан-кобинском войске новые подразделения и тактика не успели вытеснить прежние способы ведения боя и произошло это уже в раннетюркский период. Возможно, что ситуация окончательно изменилась благодаря переселению на Алтай племени Ашина в 460 г. и созданию собственной широкой металлургической базы, сделавшей производство тяжелого вооружения более массовым и завершившей военную реформу. Ашина могли быть лучше знакомы и с правилами применения тяжелой конницы, учитывая их связь с позднеунгусскими государствами Северного Китая и Восточного Туркестана [Восточный Туркестан..., 1992, с. 123–124]. В целом, позднебулан-кобинский комплекс вооружения во многом аналогичен одновременному таштыкскому [Кызласов И.Л., 1990, с. 190]. Появление таких комплексов в обществах Южной Сибири следует связывать с влиянием военного дела государств Северного Китая, Кореи, Восточно-

го Туркестана эпохи «великого переселения народов». Военное искусство этих стран в указанный период, соединило в себе достижения кочевников (массовое применение конницы) с возможностями оседлых культур (массовое производство вооружения) и создало предпосылки для дальнейшего развития уже северных территорий.

Группа древнетюркских рисунков позволяет говорить о трех родах войска: тяжелой пехоте (лучники), тяжелой и средней коннице. Изображения тюркских пехотинцев единичны (рис. 2.–1в; рис. 3.–7). Есть пеший лучник в шлеме на Хар-Хадской скале, следующий за тюркским всадником [Новгородова, Горелик, 1980, с. 102, рис. 6]. Археологические памятники Горного Алтая не подтверждают существования пехоты, как самостоятельного рода войск, т.к. почти все воинские погребения тюрков сопровождаются верховыми конями и лишь единицы их не имеют [Гаврилова, 1965, с. 22, табл. VIII]. В китайских письменных источниках тюркское войско всегда характеризуется как конница [Бичурин, 1950, с. 232–291, 302, 341: 23 случая]. В рунических текстах самих тюрков пехота упоминается четыре раза. Один раз речь идет о китайской армии [Малов, 1959, с. 22], в остальных — о тюркском войске. И.Л. Кызласов видит в этих примерах доказательство существования пехоты у тюрков [Кызласов И.Л., 1996, с. 80, 82]. Не оспаривая того факта, что тюрки умели сражаться в пеших порядках, хочется обратить внимание на нестандартность подобных ситуаций, которые каждый раз оговорены особо. Это, когда отряд Ильтерес-кагана ютился в «Черных песках», среди деревьев и камней, добывая провиант охотой [Малов, 1951, с. 65]. Когда случился падеж скота перед походом Бильге-кагана на уч-огузов [Малов, 1959, с. 21]. И, наконец, когда сражению с китайцами предшествовал поход в Джунгарию [Малов, 1951, с. 40]. В первых двух случаях налицо явная нехватка коней, в последнем случае могли иметь место большие потери в конном составе в результате предыдущего похода или применение пехоты было вызвано чисто военными обстоятельствами (условия местности, военный расчет и т.д.). В оценке тюркской пехоты интересно мнение противника. Уч-огузы, планируя сражение с Бильге-каганом, думали, что тюрки «пешие (без лошадей) слабы к бою» [Малов, 1959, с. 21]. На мой взгляд, здесь прямое свидетельство того, что тюркское войско воспринималось и ценилось как конное, но, будучи профессиона-

лами, тюрки с успехом могли применять и пеший строй, обманывая надежды неприятеля.

Подавляющее большинство древнетюркских граффити нашей серии изображают тяжеловооруженных конников. На двух композициях конница показана в шереножном строю (рис. 3.-4,6). Такой же сюжет есть на Хар-Хадской скале [Новгородова, Горелик, 1980, рис. 7]. Это не что иное, как передача плотно сомкнутого строя, которым только и могла действовать тяжелая конница. В китайских письменных источниках такая конница называется «отборной», «лучшей», «На кит. Тху-ки, врубающаяся конница» [Бичурин, 1950, с. 272, 341]. Главным тактическим приемом тяжелой конницы был таранный удар копыями. Именно копыями вооружены горноалтайские тюрки в сюжетах сражений (рис. 2.-1,2,4; рис. 3.-3,4) и всего один раз всадник стреляет из лука (рис. 2.-1а). Атаки тяжелой конницы ярко описаны в орхонских текстах [Малов, 1951, с. 40-42, 67; 1959, с. 28, 29]. По ним можно восстановить последовательность фаз боя. Первая фаза — это обстрел из луков при сближении с противником: «одного мужа он поразил стрелю» (Ктб, 36). Судя по текстам и рисункам стрельба была прицельной и, видимо, ее вели лишь первые шеренги боевого порядка. Велась она недолго, т.к. войны за время сближения должны были успеть положить луки и взяться за копыя. Вторая фаза (главная) — таранный удар: «двух мужей заколол (копьем) одного после другого» (Ктб, 36), «... проложили (путь) копыями» (Т. 28), «пронзил трех мужей...» (КЧ, 15) и пр. Такой удар наносили тоже только передние шеренги — две, три, которым позволяла длина копий. От них зависела точность удара, а его сила зависела от всей массы плотно сомкнутых конников, от набранного разбега и инерции движения после удара, когда задние ряды подпирали передние вбивая их в рядки противника. В момент соприкосновения этот строй уже ничто не могло остановить, ни частокол выставленных копий, ни щиты или иные легкие заграждения, пожалуй только равная по силе другая стена конницы. Третья фаза заключалась в рукопашной схватке верхом: «в свалке он порубил мечом седьмого» (Ктб, 45). Чаще всего она являлась добиванием врага, боевые порядки которого уже расстроены и необходимо подавить отдельные очаги сопротивления. На этой же фазе рубили бегущих: «девять человек он убил при преследовании» (Ктб, 46).

Письменные источники редко упоминают конский доспех [Бичурин, 1950, с. 200]. Между тем, именно он является главным преимуществом тяжелой конницы. Рунические тексты тюрков отдельно не говорят о защите коня и воина. Обычно сообщается о вооружении (защитном) в целом [Малов, 1951, с. 39, 40, 69]. Здесь интересно обратить внимание на характер повреждений тюркских коней при атаках. Нигде не сказано, что они погибли от копий и стрел, зато в одном месте указана травма ясно полученная при столкновении: «При этой атаке он погубил белого жеребца из Байырку, сломал ему бедро» (Ктб, 36). Эти косвенные факты подтверждают хорошую защищенность тюркских коней, дополняя данные иконографии. Надежная защита коня была необходима для сохранения плотно сомкнутого строя во время сближения и в момент удара по противнику. Видимо, наиболее полный доспех имели кони первых шеренг (рис. 4.-4; рис. 5), а задние ряды использовали облегченную попону (рис. 4.-1,2,3) или комплектовались средневооруженной конницей. Впрочем, последняя у тюрков, судя по изобразительным материалам, уступала численно тяжелой, которая благодаря типологическому разнообразию конского доспеха (полный и облегченный) могла действовать самостоятельно. Все сказанное не означает, что в тюркском войске не было легковооруженной конницы. Она формировалась из зависимых и покоренных племен в виде самостоятельных подразделений конных лучников, в задачу которых входила завязка сражения (до подхода тяжелой конницы на нужную позицию и дистанцию), обеспечение флангов, прикрытие перестроения, действие в тылу, дальнейшее преследование [Бичурин, 1950, с. 215, 250, 301].

Среди горноалтайских батальных сюжетов ведущее место занимает бой всадника-копейщика с пешими лучниками. Причем только против пехоты используется прием держания копья обеими руками (особенно в верхней позиции). Противопоставление конных копейщиков пешим лучникам, очевидно, отражает основные военные традиции характерные для тюрков и их противников. Тюркская традиция заключалась в применении тяжелой конницы, плотно сомкнутого строя («фаланги»), таранного удара. Их противники — это легкие и тяжелые лучники, действующие в пешем (рассыпном или сомкнутом) строю, обстрелом на дистанции. Ближайшим, наиболее опасным врагом тюрков, основную часть войск которого составляла пехота, были китайцы.

Но враги на горноалтайских петроглифах скорее похожи на жителей Центральной Азии. Из рассмотренного выше материала мы знаем, что пехота существовала у народов центральноазиатского региона и в первой половине I тыс. н.э., а согласно анализу лексики древних тюрков, проведенному И.Л. Кызласовым — пехота была первоначальной формой войска тюркоязычного населения [Кызласов И.Л., 1996, с. 88]. Более широкое, с III в. н.э., распространение доспеха привело к изменению тактики центральноазиатской пехоты — появился сомкнутый строй. Необходимость подобной меры была обусловлена тем, что, начиная со II в. до н.э. наиболее развитые в военном деле кочевые объединения (сначала хунны, затем сяньби) уже использовали (хотя и не в массовом порядке) конные «фаланги» средневооруженных копейщиков. Поэтому, когда развитие других обществ (периферийных и зависимых от ведущих этносов) позволило обеспечить более надежную защиту своим воинам, они заимствовали китайский пеший строй, противопоставив его конной тактике. Преобладание в пешей «фаланге» получили лучники. Их главной задачей являлся массированный прицельный обстрел приближающихся плотных шеренг конницы. Эффективность такого «огня» повышалась благодаря устойчивости стрелка. Сколь не искусен всадник в стрельбе из лука, он по скорострельности и точности проигрывает равному по способностям пешему бойцу. Для пеших лучников конная «фаланга» была прекрасной мишенью. Основной целью служили не всадники (к тому же хорошо защищенные), а их кони. При больших потерях последних боевой порядок конной «фаланги» смешивался, сбивался и она не успевала набрать нужного для удара разбега, ей приходилось останавливаться (отходить на безопасное расстояние) и перестраиваться для повторной атаки. Использование пехоты в центральноазиатских обществах со скотоводческим укладом хозяйства имело свои особенности, войны сражались в пешем строю, а передвигались на конях — это можно назвать ездящей пехотой, которая легко превращалась в конницу. Яркий пример такой пехоты — войско Сйеяньто: «сйеяньто-цы в войне ... одерживали победы пехотой:

... спешив конников, поставили по пяти человек, из которых пятый держал четырех лошадей, а четверо впереди дрались...», «Сйеяньто-цы начали стрелять в лошадей, и оне погибали...» [Бичурин, 1950, с. 341]. Именно такая тактика изображена на буланкобинском рисунке с Кара-Оюка (рис. 1.-1). Пешая «фаланга» была устойчивее рассыпного строя легких воинов, ее меньшая маневренность компенсировалась лучшей защитой. Однако, конная «фаланга», как средняя, так и тяжелая в маневренности превосходила пешую, что оставляло коннице реальные шансы одерживать победу: «Тукюеский предводитель... с отборною конницею прежде устремился на держащих коней; почему сйеяньто-цы не могли уйти» [Бичурин, 1950, с. 341]. Появление в конце III–IV вв. н.э. конского доспеха у центральноазиатских кочевников и было связано с желанием обезопасить конные «фаланги» от лучников, в первую очередь, действующих в составе пеших порядков. Массовое использование нового доспеха могли себе позволить лишь наиболее сильные в экономическом и политическом отношении этносы. В Центральной Азии и Южной Сибири таким народом в раннем средневековье являлись тюрки.

Древнетюркский комплекс вооружения сформировался на местной (алтайской) основе, вобравшей в себя наследие эпохи «великого переселения народов». Военное дело тюрков оказало огромное влияние на народы, попавшие в орбиту их военных предприятий. Тюрки первыми сделали тяжеловооруженную конницу массовым родом войска и довели ее тактическое применение до оптимального уровня. Прямыми наследниками их военного искусства можно считать киданей и монголов.

В заключении хочется отметить, что иконографические источники Горного Алтая по военной тематике позволяют заполнить большой пробел в наших знаниях о военном деле древних тюрков. То, что не сохранилось или редко помещалось в погребения и в силу обыденности своего применения не попало на страницы хроник, есть возможность увидеть на рисунках высеченных в камне. Надо только внимательно смотреть.

Примечания

То, что кудыргинское изваяние было найдено в могиле, указывает на факт его вторичного переиспользования. Сама могила не имеет ничего общего с тюркскими погребениями этого памятника. Изваяние же изначально стояло у поминальной оградки (которые находятся поблизости от могилы 16) и первое предположение А.А. Гавриловой конечно ближе к истине [Гаврилова, 1965, с. 18–19].

Все каменные изваяния у поминальных оградок древних тюрок изображают мужчин-воинов, на что указывает наличие оружия, когда изваяние более подробно, и определенной символики — наборные пояса, кубки и т.д. О воинской принадлежности таких памятников свидетельствует и инвентарь самих оградок, состоя-

щий в основном из предметов вооружения и снаряжения верхового коня. Наконец об этом же говорят ряды балбалов за изваяниями, символизирующие убитых врагов, о чем сообщают письменные источники самих тюрок [Малов, 1951, с. 38–39; Малов, 1959, с. 10, 23].

Каменные изваяния тоже не следует воспринимать, как изображения воинов в полной боевой экипировке. Они показаны в бытовой одежде со знаками воинского отличия (наборные пояса) и оружием постоянного ношения (меч, кинжал). А вот часть людей принимавших участие в поминках, видимо являлась в боевом облачении. Этого могли требовать условия обряда или цели безопасности во время его проведения.

Стремена Верхнего Приобья в VII–XII вв. (классификация и типология)

Анализу средневековых стремян посвящена обширная литература, но в большинстве случаев в ней рассматриваются типы, распространенные в Восточной Европе [Кирпичников, 1973; Плетнева, 1967; Федоров-Давыдов, 1966; Ляпушкин, 1958]. Что же касается Южной Сибири, то в настоящее время нет ни одной специальной работы, в которой бы поднимались вопросы классификации и типологии стремян этого региона [Савинов, 1984, с. 133]. В статьях и монографиях в основном решаются общие проблемы их происхождения и тенденции развития [Амброз, 1973; Кызласов И.Л., 1983; Грач, 1982; Могильников, 1981; Савинов, 1984, Вайнштейн, 1966]. Это привело к тому, что среди большого количества южносибирских экземпляров VI–X вв. выделяется всего три типа стремян: 1. восьмерковидные; 2. с пластинчатой петлей на шейке; 3. с прямоугольным выступом на дужке [Амброз, 1973; Могильников, 1981, с. 32; Савинов, 1984, с. 132–134; Кызласов Л.Р., 1969, с. 20; Грязнов, 1956, с. 99; Вайнштейн, 1966, с. 326; Киселев, 1949, с. 290–291]. Такая обобщенная система деления стремян, на наш взгляд, не позволяет конкретно проследить происхождение и видоизменяемость различных типов, установить более узкие хронологические рамки их бытования. Трудно это сделать и на сравнительно небольшой серии, имеющейся у нас. В настоящее время известно всего 86 пар и 22 непарных стремени из археологически изученных комплексов конца VII–XII вв. н.э. Верхнего Приобья. Поэтому для решения поставленных задач в качестве аналогий, а также для подтверждения намеченной нами линии развития стремян мы считаем необходимым привлечь имеющиеся у нас материалы по средневековым культурам Южной и Западной Сибири, Восточного Казахстана, Приуралья и отчасти Восточной Европы и на их фоне попытаться сделать некоторые обобщения и выводы¹.

Развитие разнородных типологических признаков предметов снаряжения верхового коня, как было показано А.Н. Кирпичниковым на материалах средневековой Руси, в

основном обуславливалось тактикой конного боя и посадкой всадника [Кирпичников, 1973, с. 45–46]. Эти два обстоятельства, видимо, и лежали в основе всех изменений седла и опосредованно через него влияли на формы связанных с ними стремян. Существование специализированных отрядов легковооруженных всадников-лучников, тяжелобронированных всадников-копейщиков, особые военно-тактические приемы конного боя, совершенствование седел, возможное бытование их различных степных и горных вариантов и т.д. — все это, безусловно, прямо или косвенно влияло на величину стремени нагрузки, которая, как показывают исследования, сказывалась на конструкции ушка, подножия и дужек². Поэтому одной из главных причин эволюции средневековых стремян необходимо признать силу упора ноги, приходящейся на них. Исходя из этого, выделенные нами особенности тех или иных элементов стремян в определенной степени могут служить и в сочетании, и по отдельности показателями типологического развития. Намеченная А.Н. Кирпичниковым линия развития и изменчивости седел Восточной Европы (важная для нас как индикатор совершенствования стремян) и собственно стремян не противоречат известным материалам в Южной Сибири [Кызласов Л.Р., 1979, табл. 96, с. 136–138]. Это еще раз указывает на правильность выбранного нами направления (табл. I). Однако, данный вывод будет справедлив лишь относительно общей тенденции эволюции, так как время происхождения и хронологические рамки бытования аналогичных южносибирских типов должны быть отнесены к более раннему времени; главным образом это вытекает из датировки археологических комплексов.

При классификации стремян раннего и позднего средневековья Евразийских степей обычно учитываются лишь форма верхней части дужки (так называемое ушко), служащей для крепления путлица, и формы подножки [Кирпичников, 1973, с. 138; Мерперт, 1951; Мажитов, 1981, с. 160; Амброз, 1973, с. 81–98; Савинов, 1984, с. 174; Боровка,

1927, т. 1, 2]. Контуры дужек и формы их поперечного сечения, по мнению большинства исследователей, изменчивы, варианты их условны, а различия между ними не четки. Однако, уже некоторые наблюдения над этими разнородными типологическими признаками стремян Южной Сибири вообще, и имеющейся у нас серии в частности, показывают, что их выделение в самостоятельные классификационные единицы позволяют более конкретно проследить происхождение и видоизменяемость различных типов стремян. Кроме этого, предлагаемая система — система с более дробной схемой деления данной категории наиболее оправдана при работе с небольшими сериями. Исходя из этого, для классификации имеющихся у нас стремян, мы используем следующие единицы: группа определяется материалом, из которого изготовлены стремяна, подразряд определяется формой поперечного сечения проведенного по середине дужек; разряд и подразряд уточняют общую форму стремени — первый определяется контуром дужек, второй — формой продольного плоскостного сечения подножки; раздел определяется формой подножки, если смотреть на стремя сверху, а подраздел выделяется по форме поперечного сечения подножки; отделы и типы последовательно уточняют форму верхней части дужки, служащей для крепления стремени к путлицу (рис. 1, 2). В нашем собрании имеется 106 экземпляров стремян. Все они железные и поэтому относятся к одной группе.

Надразряд I. Стержневые. Дужка стремени изготовлялась из железного прута, форма поперечного сечения которого представляет собой фигуру с высотой равной или немного большей ее ширины.

Разряд I. Треугольновидные. Общий контур дужки стремени по форме напоминает равнобедренный треугольник. Вершина его оформлена ушком для крепления путлица, а основание является подножкой.

Подразряд А. С прямой подножкой.

Раздел I. Прямоугольные. Подножка представляет собой простую прямоугольную в плане пластину, получаемую расклепкой прутьев дужки.

Подраздел А. Т-образные брусковидные. В основе поперечного сечения подножки лежит фигура напоминающая букву Т, верхняя перекладина которой соответствует ширине подножия, а вертикальная соответствует брусковидной (подквадратной в сечении) nervure, проходящей под подножием как продолжение боковых стержней дужки.

Отдел I. Петельчатые. Ушко стремени изготавливалось путем простого выгибания верхней части дужки в результате сжатия плотную (иногда нет) боковых прутьев дужки.

Тип 1. Вертикальнопетельчатые (2 экз.) (рис. 1.-2; рис. 3.-2). Высота петли (ушка) в два раза и более превышает ее ширину. Дужка и петля в месте соединения чаще всего образуют разомкнутую восьмерку.

Подраздел Б. Уплощеннопрямые. В основе поперечного сечения подножки лежит прямоугольная фигура, высота которой во много раз меньше ее ширины.

Отдел II. Невыделеннопластинчатые. Верхняя часть дужки оформлена цельной расплющенной прямоугольной или подквадратной пластиной, в которой имеется прямоугольный вырез для крепления стремени к путлицу. Пластина располагается непосредственно на дужке.

Тип 2. Квадратновидные (2 экз.) (рис. 1.-2; рис. 3.-2). Ушко представляет собой пластину подквадратной формы, высота которой равна или несколько больше ширины.

Отдел III. Петельчатые.

Тип 3. Горизонтальнопетельчатые (5 экз.) (рис. 1.-3; рис. 3.-3). Дужка и петля в месте соединения образуют замкнутую восьмерку. Петля как бы приплюснута, ее нижняя часть часто сливается с дужкой. Ширина петли в 1,5-2 раза больше ее высоты.

Раздел II. Круглые. Общий контур дужки представляет собой круг.

Подраздел А. С сильно изогнутой подножкой. Степень изогнутости подножки измеряется расстоянием между максимальным прогибом подножки и условной прямой, проведенной между точками перехода дужки в подножие. В данном случае это расстояние равно 2 см и более.

Раздел I. Вытянутоовальные. Подножка представляет собой овальную в плане пластину, меньший диаметр которой относится к большему как 1:2,5; 1:3.

Подраздел А. Э-образные. Поперечное сечение подножки представляет фигуру близкую букве Э, внешняя сторона которой соответствует внутренней поверхности подножки стремени. Боковые стороны пластины подножия загибаются вниз, центральная nervure в поперечном сечении имеет вытянуто-сегментовидную форму.

Отдел I. Петельчатые.

Тип 4. Вертикальнопетельчатые (2 экз.) (рис. 1.-4; рис. 3.-4).

Тип 5. Округлопетельчатые (5 экз.) (рис. 1.-5; рис. 4.-1). По форме петля представляет

собой фигуру близкую кругу. Ее ширина равна или несколько больше высоты.

Отдел II. Выделеннопластинчатые. Ушко стремени представляет собой прямоугольную пластину с прорезью для путлища, которая крепилась на дужке при помощи специальной шейки или «ножки». Это так называемые стремена с прямоугольной петлей на шейке.

Тип 6. Короткопластинчатые (2 экз.) (рис. 1.–6; рис. 4.–2). Длина пластины, служащей для крепления стремени ремня, равна или несколько меньше ее ширины.

Подраздел Б. Т-образные скругленные. Отличаются от Т-образных брусковидных тем, что боковые стороны пластины подножия и нервюра имеют в поперечном разрезе округлые очертания.

Отдел I. Петельчатые.

Тип 7. Округлопетельчатые (4 экз.) (рис. 1.–7; рис. 4.–3)

Отдел II. Выделеннопластинчатые.

Тип 8. Короткопластинчатые (2 экз.) (рис. 1.–8; рис. 4.–4).

Подразряд Б. Со слабоизогнутой подножкой. Степень изогнутости подножки не превышает 1,5 см.

Раздел I. Вытянутоовальные.

Подраздел Б. Т-образные скругленные.

Отдел I. Петельчатые.

Тип 9. Округлопетельчатые (8 экз.) (рис. 1.–9; рис. 5.–1).

Тип 10. Горизонтальнопетельчатые (11 экз.) (рис. 1.–10; рис. 5.–2).

Отдел II. Выделеннопластинчатые.

Тип 11. Удлиненнопластинчатые (4 экз.) (рис. 1.–11; рис. 5.–3). Длина пластины ушка превышает ее ширину, она как бы вытянута в вертикальной плоскости.

Тип 12. Короткопластинчатые (2 экз.) (рис. 1.–12; рис. 5.–4).

Подразряд В. С прямой подножкой.

Раздел I. Вытянутоовальные.

Подраздел Б. Т-образные скругленные.

Отдел I. Петельчатые.

Тип 13. Горизонтальнопетельчатые (7 экз.) (рис. 1.–13; рис. 5.–5).

Отдел II. Выделеннопластинчатые.

Тип 14. Короткопластинчатые (5 экз.) (рис. 1.–14; рис. 6.–1).

Раздел II. Вытянутоовальные прорезные. В пластине подножки имеются прорези круглой формы, расположенные по окружности.

Подраздел Б. Т-образные скругленные.

Отдел I. Выделеннопластинчатые.

Тип 15. Короткопластинчатые (2 экз.) (рис. 1.–15; рис. 6.–2).

Разряд III. Овальные. Общий контур дужки представляет собой вытянутый овал, усеченный подножкой по наибольшему диаметру не более чем на 2/3 его длины.

Подразряд А. С сильно изогнутой подножкой.

Раздел I. Вытянутоовальные.

Подраздел А. Э-образные.

Отдел I. Петельчатые.

Тип 16. Вертикальнопетельчатые (2 экз.) (рис. 2.–16; рис. 6.–3).

Тип 17. Округлопетельчатые (4 экз.) (рис. 2.–17; рис. 6.–4).

Подразряд Б. Со слабо изогнутой подножкой.

Раздел I. Вытянутоовальные.

Подраздел Б. Т-образные скругленные.

Отдел I. Петельчатые.

Тип 18. Округлопетельчатые (3 экз.) (рис. 2.–18; рис. 7.–1).

Отдел II. Выделеннопластинчатые.

Тип 19. Удлиненнопластинчатые (5 экз.) (рис. 2.–19; рис. 7.–2)

Подразряд В. С прямой подножкой.

Раздел I. Вытянутоовальные.

Подраздел Б. Т-образные скругленные.

Отдел I. Петельчатые.

Тип 20. Горизонтальнопетельчатые (7 экз.) (рис. 2.–20; рис. 6.–5).

Разряд IV. Пятиугольные. Очертания дужки представляют собой пятиугольную фигуру, в вершине которой находится петля для крепления путлища, а основание является подножкой.

Подразряд А. С прямой подножкой.

Раздел I. Вытянутоовальные.

Подраздел Б. Т-образные скругленные.

Отдел I. Петельчатые.

Тип 21. Горизонтальные (2 экз.) (рис. 2.–21; рис. 7.–3).

Разряд V. Арочные. Дужка имеет очертания напоминающие арку, то есть верхняя часть дужки, примыкающая к ушку округлая, а боковые прутья параллельны относительно друг друга.

Подразряд А. С прямой подножкой.

Раздел I. Вытянутоовальные.

Подраздел Б. Т-образные скругленные.

Отдел I. Петельчатые.

Тип 22. Горизонтальнопетельчатые (10 экз.) (рис. 2.–22; рис. 8.–1).

Отдел II. Выделеннопластинчатые.

Тип 23. Удлиненнопластинчатые с бортиками (2 экз.) (рис. 2.–23; рис. 8.–2). Отличаются от удлиненнопластинчатых тем, что боковые стороны пластины ушка загнуты в одну сторону, образуя как бы по краям бортики.

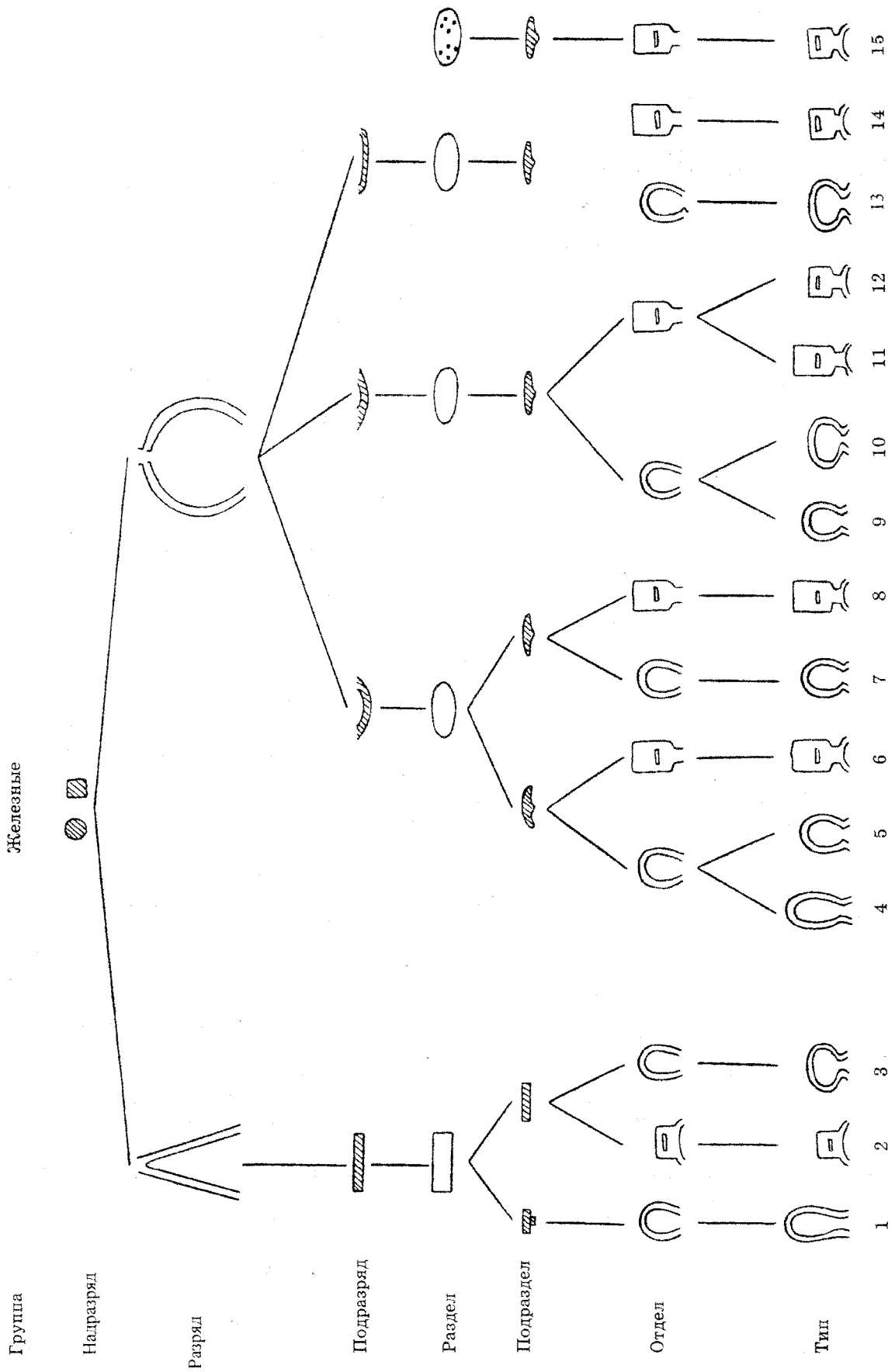

Рис. 1. Схема классификации стремьян.

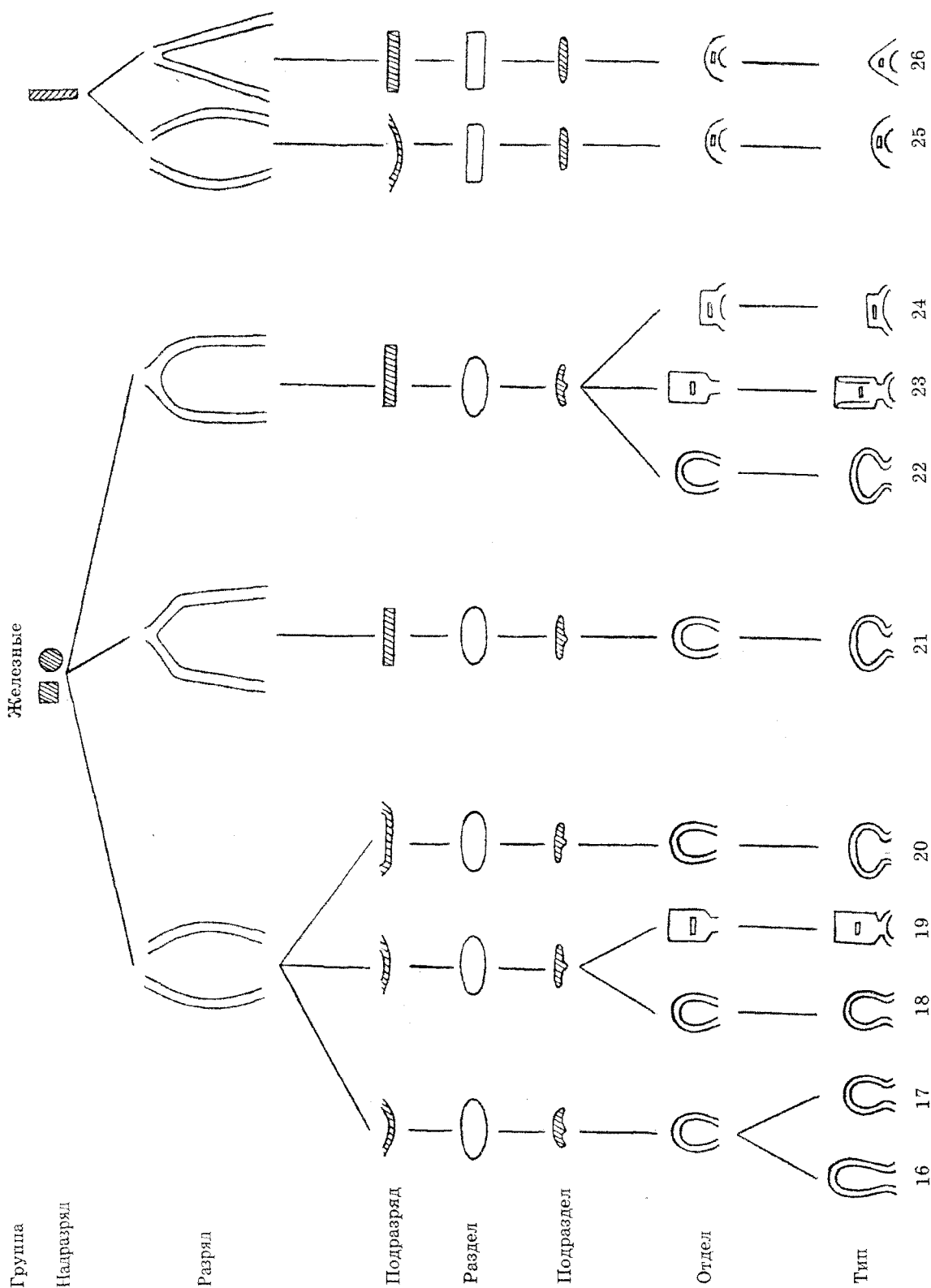

Рис. 2. Схема классификации стремян.

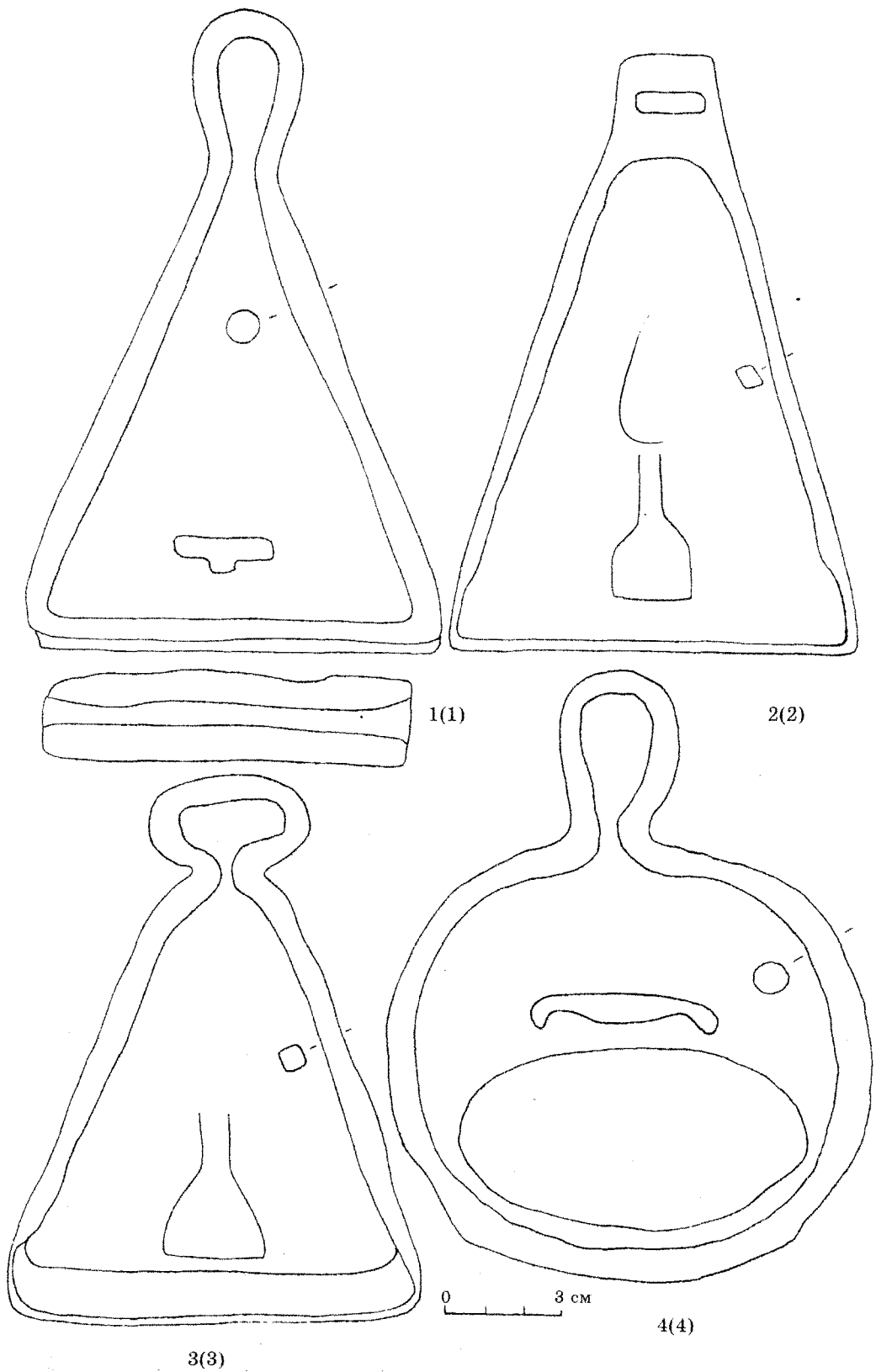

Рис. 3. Типы железных стремян.
 (Здесь и далее в скобках указаны номера типов согласно рис. 1, 2.).

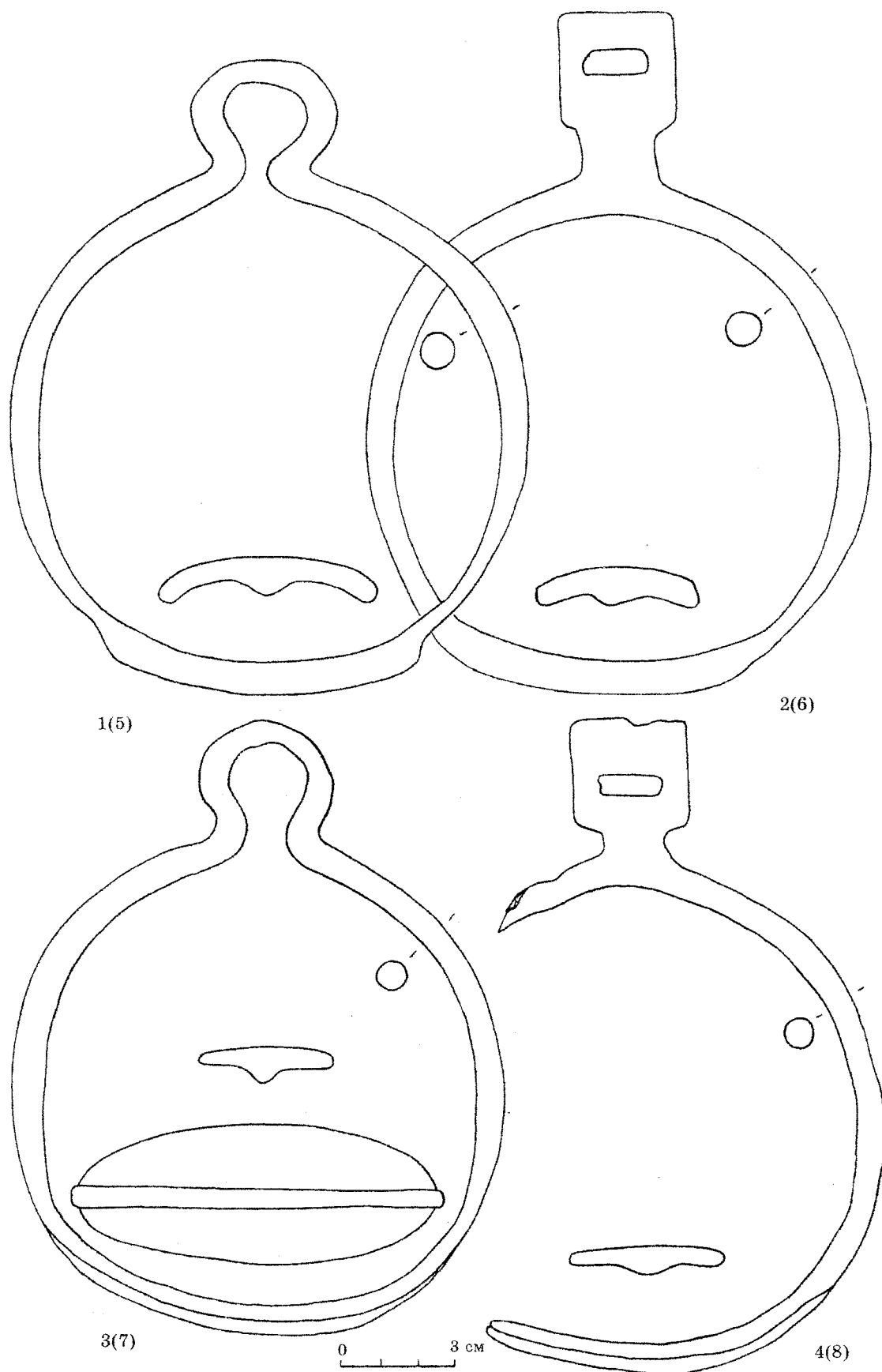

Рис. 4. Типы железных стремян.

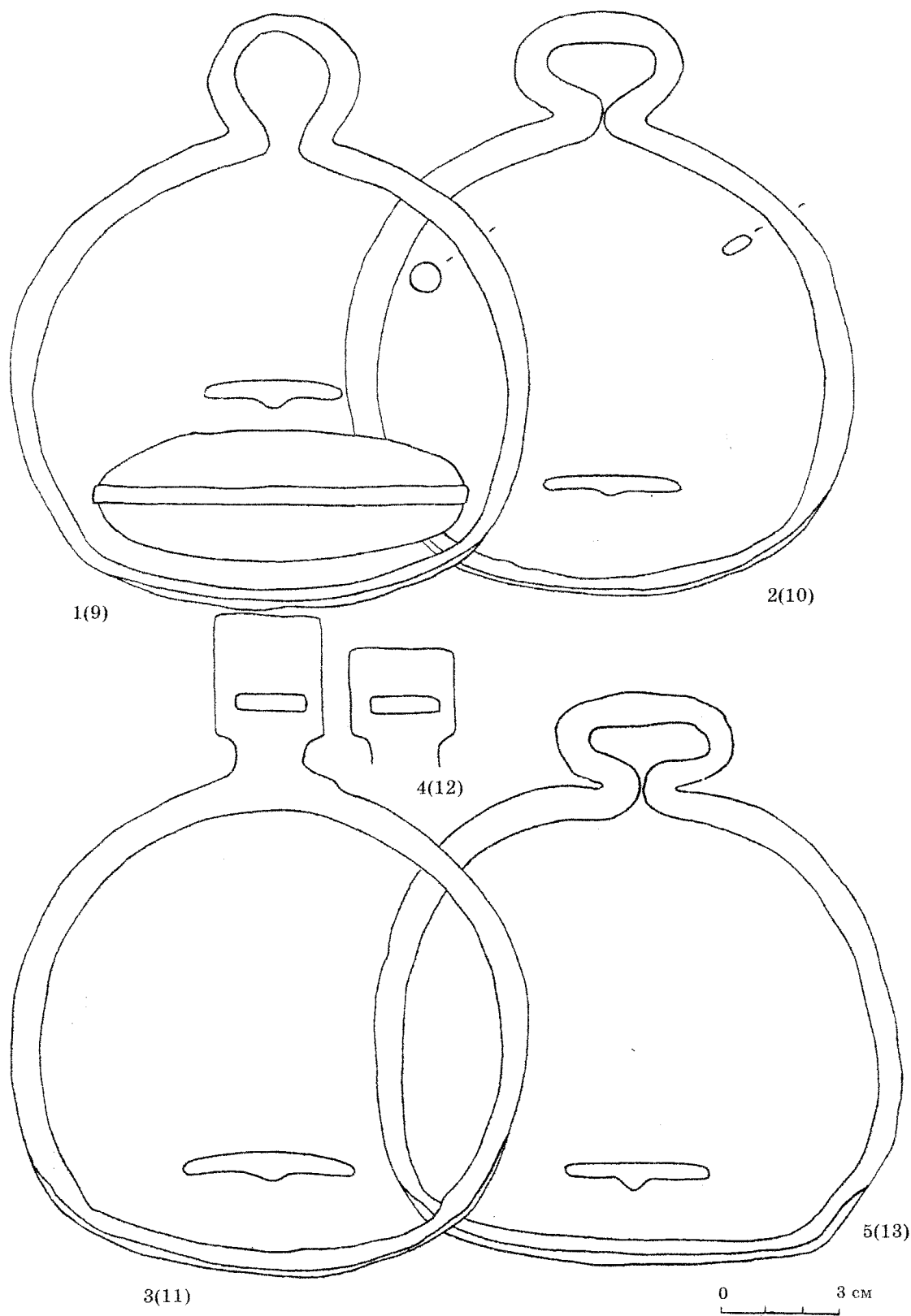

Рис. 5. Типы железных стремян.

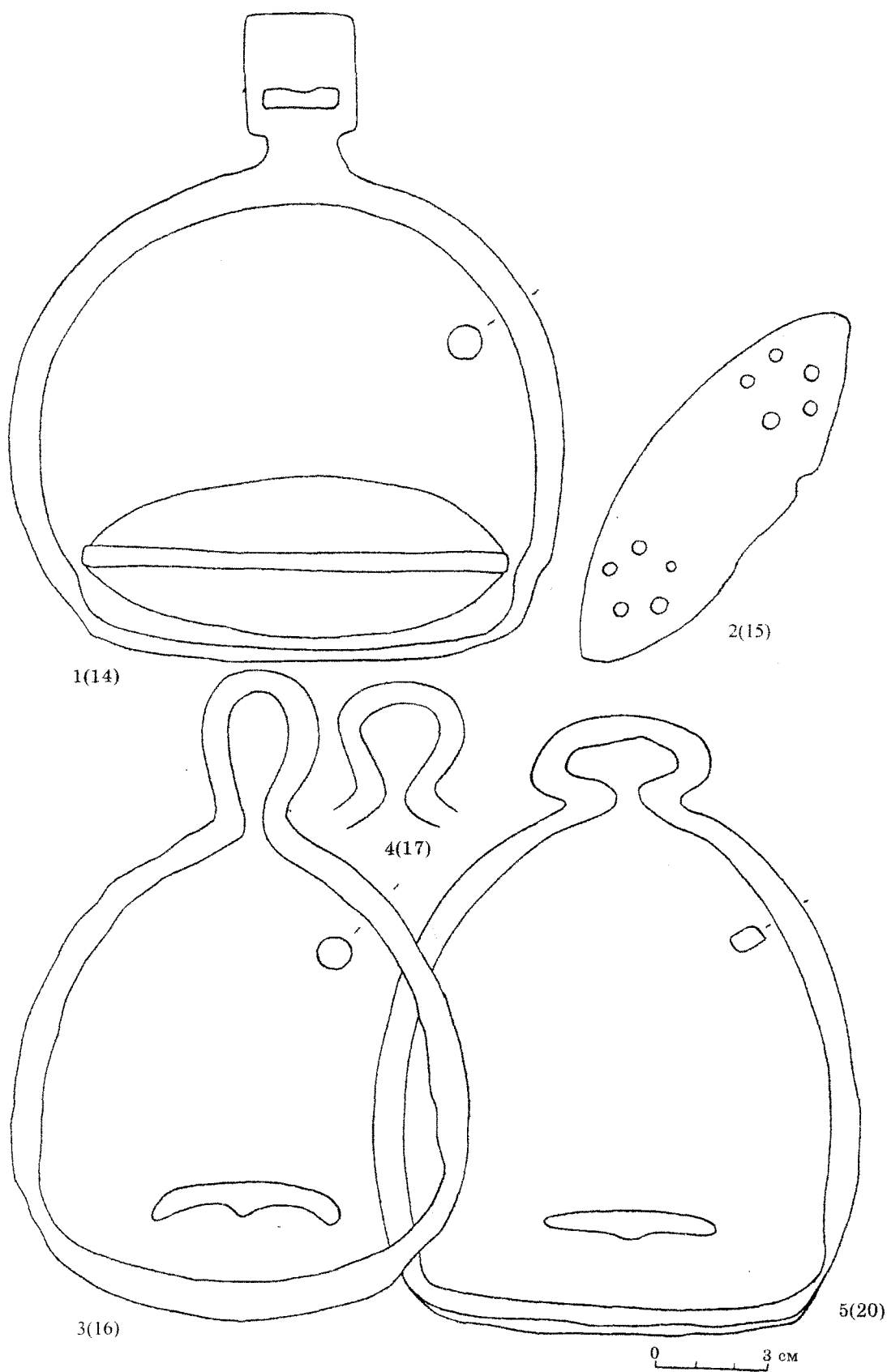

Рис. 6. Типы железных стремян.

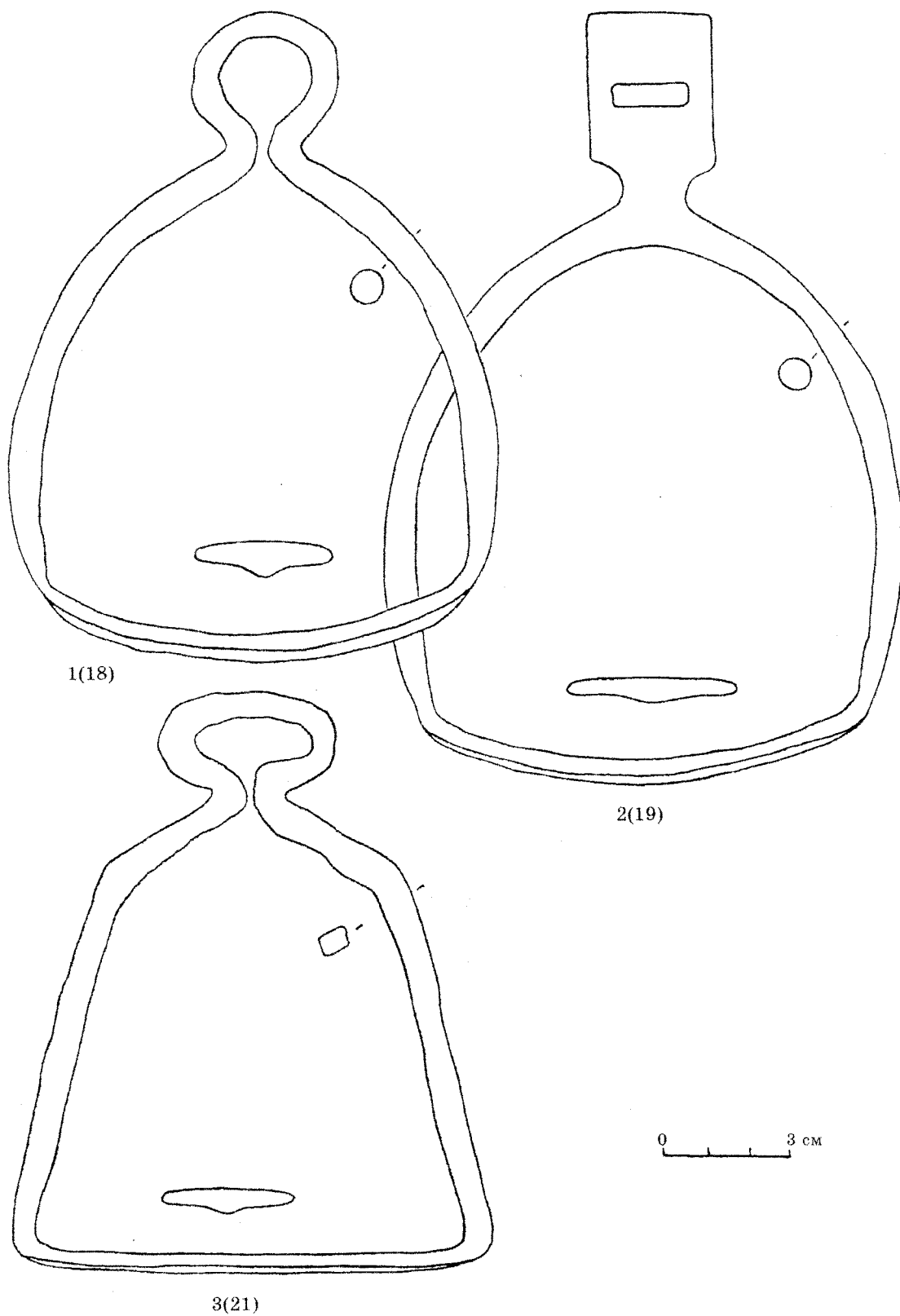

Рис. 7. Типы железных стремян.

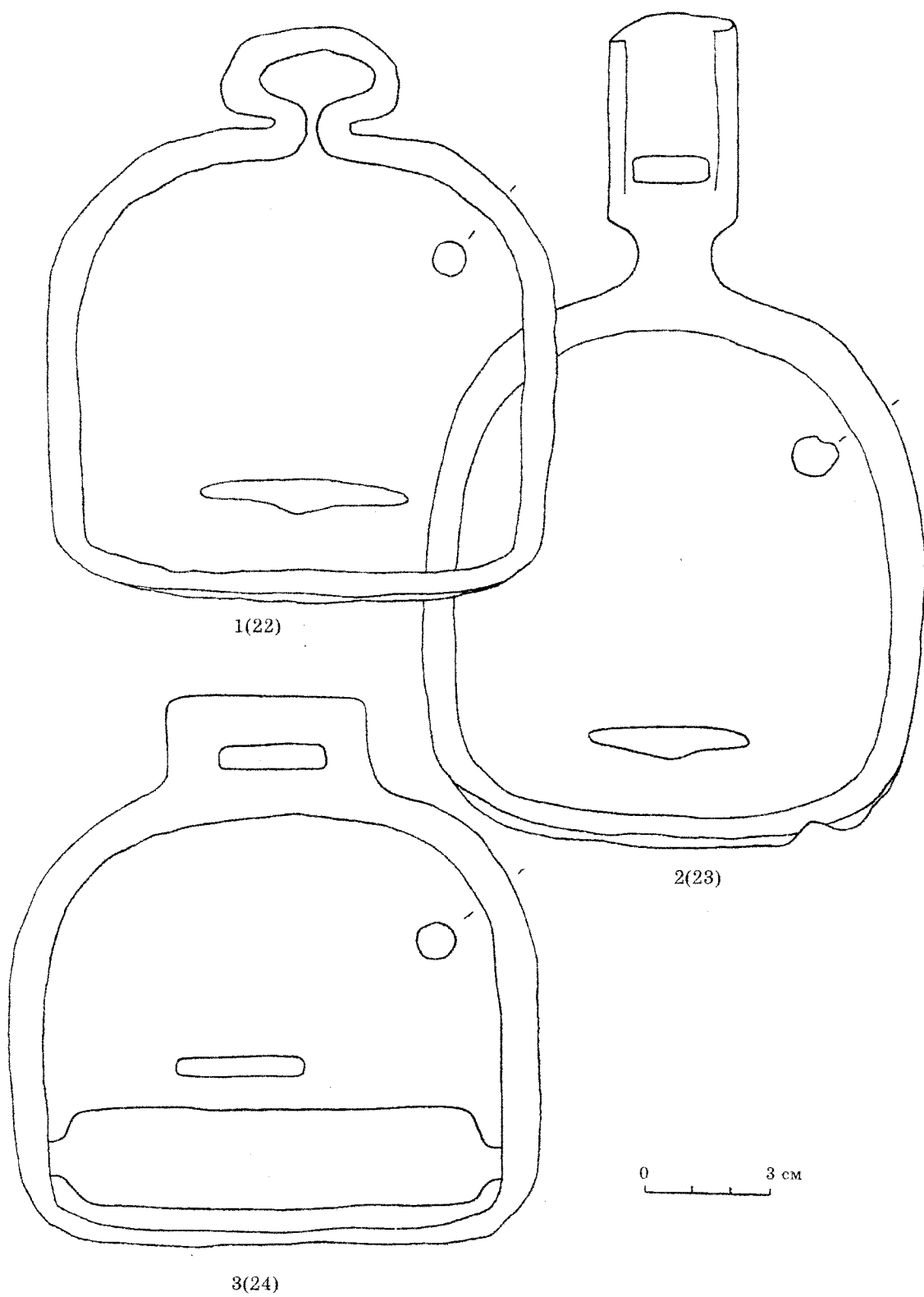

Рис. 8. Типы железных стремян.

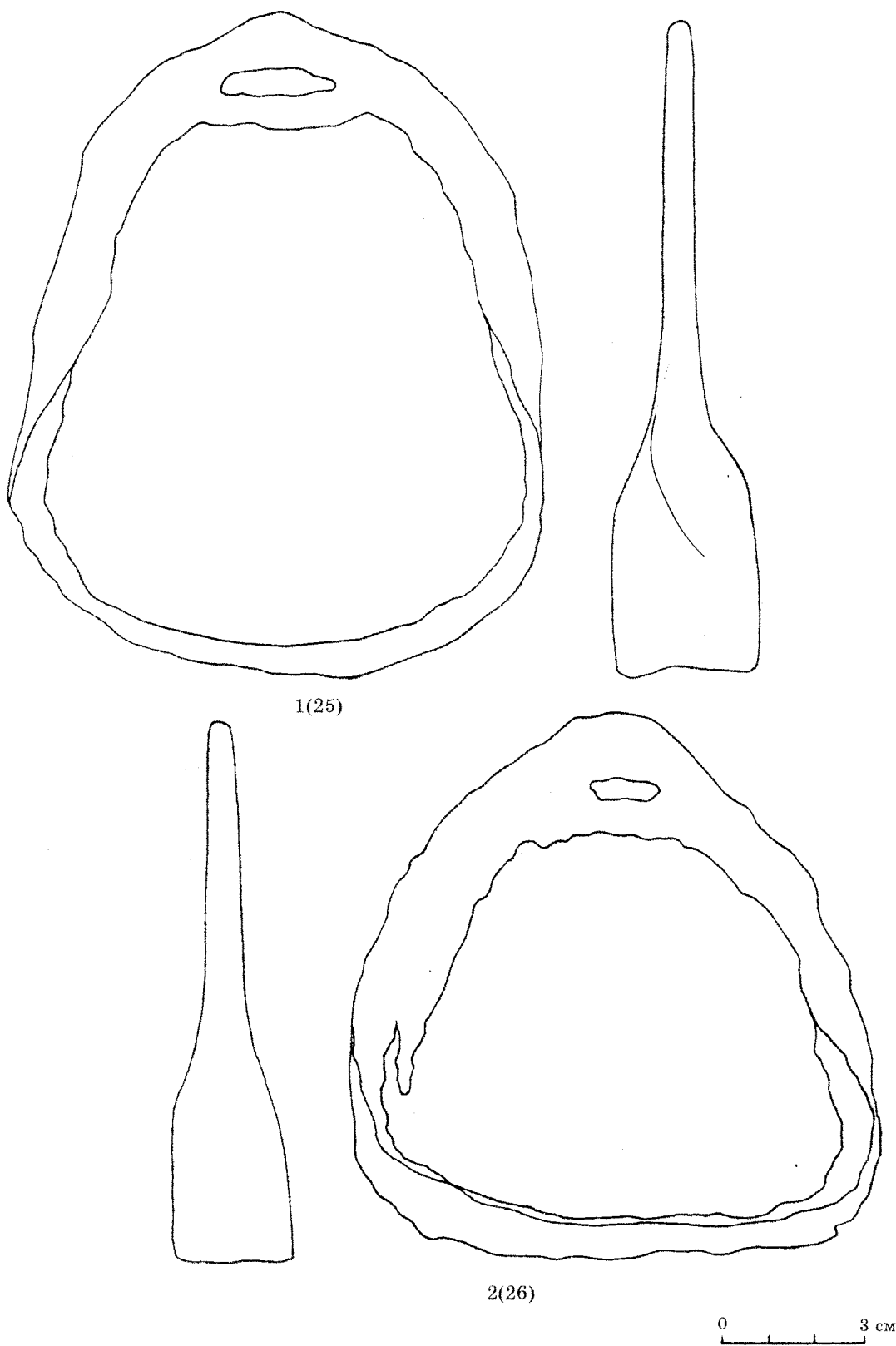

Рис. 9. Типы железных стремян.

Таблица № 1

**Допустимые напряжения в сечении
подножия, дужек и ушка различных типов стремян**

Типы стремьян	M1	M2	M3
1	0,09ПР	0,654ПР	0,222ПР
2	0,09ПР	0,601ПР	0,222ПР
3	0,09ПР	0,634ПР	0,211ПР
4	0,318ПР	0,316ПР	0,156ПР
5	0,318ПР	0,316ПР	0,156ПР
6	0,318ПР	0,316ПР	0,156ПР
7	0,318ПР	0,316ПР	0,156ПР
8	0,318ПР	0,316ПР	0,156ПР
9	0,178ПР	0,230ПР	0,193ПР
10	0,201ПР	0,270ПР	0,222ПР
11	0,201ПР	0,270ПР	0,163ПР
12	0,201ПР	0,270ПР	0,163ПР
13	0,350ПР	0,360ПР	0,193ПР
14	0,350ПР	0,365ПР	0,193ПР
15	0,350ПР	0,360ПР	0,193ПР
16	0,318ПР	0,316ПР	0,156ПР
17	0,318ПР	0,316ПР	0,156ПР
18	0,222ПР	0,290ПР	0,200ПР
19	0,222ПР	0,290ПР	0,200ПР
20	0,196ПР	0,380ПР	0,213ПР
21	0,110ПР	0,780ПР	0,230ПР
22	0,375ПР	0,125ПР	0,156ПР
23	0,375ПР	0,125ПР	0,156ПР
24	0,375ПР	0,125ПР	0,156ПР
25	0,318ПР	0,316ПР	0,156ПР
26	0,09ПР	0,601ПР	0,222ПР

При одинаковой силе нагрузки на стремя:

M1 — момент допустимого напряжения (момент излома) в сечении подножки;

M2 — момент допустимого напряжения в сечении дужек;

M3 — момент допустимого напряжения в сечении ушка.

Границы (точки излома) показаны на таблице № 2.

Расчет изменения допустимого напряжения в сечении дужек и подножия проводился по формуле:

$$d = M_{изл.} / W \times j < [d] \text{ (при изменении угла } j), \text{ где}$$

d — нормальное напряжение в сечении;

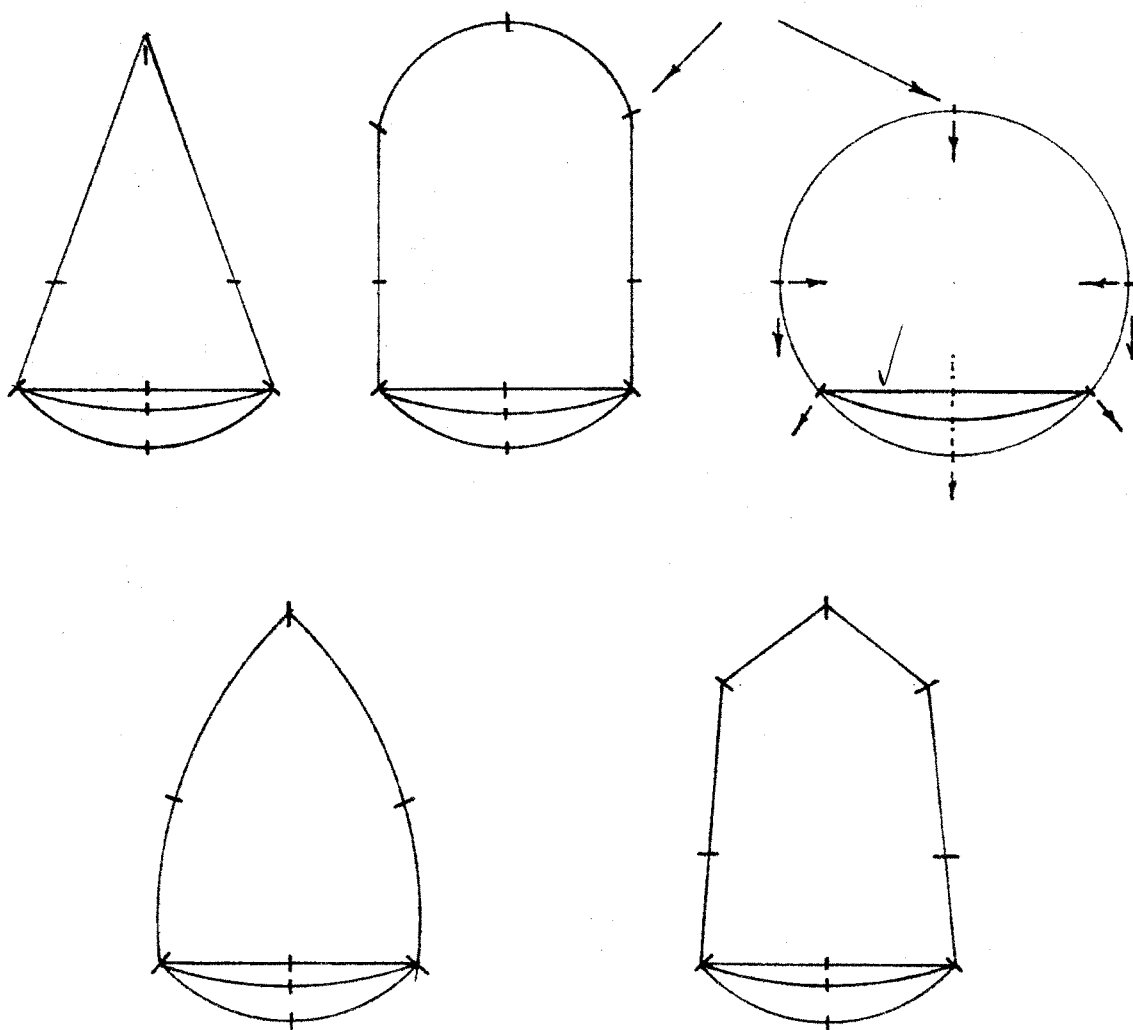
M_{изл.} — критическая точка допустимой нагрузки;

W — момент сопротивления сечения;

[d] — допустимые напряжения в сечении.

**Основные модели, использованные при расчете
допустимых напряжений в сечении подножия, дужек и ушка**

Точки расчета момента излома

Раздел II. Прямоугольные.

Подраздел А. Уплощеннопрямые.

Отдел I. Невыделеннопластинчатые.

Тип 24. Горизонтальнопластинчатые (4 экз.) (рис. 2.–24; рис. 8.–3). Ушко представляет собой пластину прямоугольной формы, высота которой в два и более раз меньше ее длины.

Надразряд II. Уплощенные. Поперечное сечение дужки дает прямоугольную фигуру, ширина которой значительно (в два раза и более) превышает высоту. Подножие находится в перпендикулярной плоскости к дужке, то есть при переходе в подножие плоскость дужки меняется на взаимоперпендикулярную.

Разряд I. Овальные.

Подразряд А. С сильно изогнутой подножкой.

Раздел I. Прямоугольные.

Подраздел А. Уплощеннопрямые.

Отдел I. Безпластинчатые. Прорезь для крепления путлица проделана непосредственно в уплощенной верхней части дужки, которая и служит ушком.

Тип 25. Овальноушковые (1 экз.) (рис. 2.–25; рис. 9.–1). Верхняя часть дужки имеет овальную или, лучше сказать, дугообразную форму.

Разряд II. Треугольновидные.

Подразряд А. С прямой подножкой.

Раздел I. Прямоугольные.

Подраздел А. Уплощеннопрямые.

Отдел I. Безпластинчатые.

Тип 26. Остроушковые (3 экз.) (рис. 2.–26; рис. 9.–2). Верхняя часть дужки заканчивается острым носиком.

Петельчатые, так называемые восьмерковидные стремяна, имеющиеся в нашем распоряжении, представлены типами 1, 3, 4, 5, 7, 9, 10, 13, 16, 17, 18, 20, 21, 22. Аналогии им найти несложно. Петельчатые стремяна во второй половине I тыс. широко были распространены по всей территории Евразии [Ляпушкин, 1958, с. 143–144; Плетнева, 1967, с. 167, рис. 46.–5; Кирпичников, 1973, рис. 29, с. 49; Федоров-Давыдов, 1966, рис. 1; Амброз, 1981, рис. 4а.–22, 39; Мажитов, 1981, рис. 6, 8, 31, 20–27, 37, 11; Могильников, 1973, рис. 2; Арсланова, 1969, табл. 68, 69; Гаврилова, 1965, рис. 8.–8, табл. XII.–10, табл. XIX.–22; Киселев, 1949, с. 579; Кызласов Л.Р., 1969, табл. 1.–25, с. 20; Вайнштейн, 1966, с. 67, рис. 10, 12, 47, 93; Кызласов И.Л., 1981, рис. 38, 5; Савинов, 1979, с. 53–72; Деревянко Е.И., 1974, рис. 3; Кызласов И.Л., 1981, рис. 35.–28]. Их появление относят к VI–VII вв. [Кызласов Л.Р., 1969,

с. 20; Могильников, 1981, с. 32; Киселев, 1949, с. 290–291; Гаврилова, 1965, с. 59–60]. Наибольшей популярностью они пользовались в VII–X вв. [Савинов, 1984, с. 132–134; Кирпичников, 1973, с. 48]. К концу X–XI вв. они постепенно выходят из употребления [Кызласов, 1983, с. 36, 37]. Отдельные экземпляры в древностях Восточной Европы известны в XIII в. [Кирпичников, 1973, с. 48], а в Южной Сибири — вплоть до современности [Кренке, 1984, с. 140, 141, рис. 1, 2].

Несоответствия в типах стремян нашего собрания: существование треугольных, овальных, круглых, арочных, и других форм дужек, сочетание их с различными вариантами подножек и ушками (вертикальнопетельчатыми, округлопетельчатыми, горизонтальнопетельчатыми) и т.д. — все это, как и в среде средневековых евразийских культур, указывает на их типологическое развитие, причины которого будут вскрыты ниже.

Некоторые исследователи (С.И. Вайнштейн, А.К. Амброз, Д.Г. Савинов, В.А. Грач) считают, что железные стремяна появляются в Южной Сибири в IV–VI вв. [Вайнштейн, 1966, с. 64–65; Амброз, 1973, с. 86; Савинов, 1984, с. 133; Грач, 1982, с. 160, рис. 7]. По их мнению, своими формами они повторяют однотипные экземпляры Дальнего Востока (Япония, Корея) IV–VI вв. и, скорее всего, являются заимствованными в Южной Сибири образцами, на основе которых формировались все более поздние типы. Соглашаясь с ними в отношении даты стремян типа улугхорумских, имеющих дужки овальных форм, прямое подножие и, главное, — удлиненное не выделенное шейкой пластинчатое ушко, хочется еще раз напомнить, что железные миниатюрные модели петельчатых стремян, как было показано С.В. Киселевым и Л.Р. Кызласовым, известны значительно раньше, уже в таштыкской культуре, где датируются II в. [Киселев, 1949, с. 516–518; Кызласов Л.Р., 1960, с. 140, рис. 9, 10; Кызласов И.Л., 1973, с. 29–30, рис. 5]. В связи с этим, на наш взгляд, нельзя так категорично ставить вопрос о прямом заимствовании стремян вообще, по крайней мере петельчатых, VI–VII вв. в Южной Сибири непосредственно от дальневосточных и относить их появление к середине I тыс. Видимо, формирование характерных черт железных петельчатых стремян происходило значительно раньше, во время, предшествующее уйбатскому этапу таштыкской культуры, а складывание их типологических признаков осуществлялось на местной сибирской основе, восходя своими кор-

нями к еще более ранним прототипам мягких стремненных опор.

Восьмерковидные стремена с петельчатым ушком произошли, вероятно, от веревочных или ременных стремненных упоров [Агеева, Джузупов, 1963, с. 86; Вайнштейн, 1966, с. 63–64; Кызласов И.Л., 1983, с. 31], которые, по предполагаемой конструкции, должны были иметь удлиненное петельчатое ушко с перехватом в нижней части петли, служащим для ограничения передвижения по ремню путлища и закрепления на нем. Именно отсюда идет традиция изготовления железных петельчатых стремян, где сжатые вплотную боковины дужки при переходе в ушко функционально представляют тот же самый перехват. Железная, деревянная или иная по материалу подножка-распорка обусловливала прямое подножие, что в конечном итоге предопределило общую треугольную в сочетании с подножкой конфигурацию стремян. Данные конструктивные особенности ременных упоров, безусловно, должны были сказаться на ранних железных экземплярах стремян. Последние, подобные нашему типу I (рис. 3.-1), с вертикальновытянутой петлей, треугольными очертаниями и прямым подбрусковидным подножием, следует признать тогда для этой серии самими ранними по времени формирования основных типологических признаков железных петельчатых стремян. Необходимо отметить, что, как в Приобье, так и в культурах сопредельных территорий, треугольной формы стремяна встречаются очень редко. Ведущими типами в VI–VII вв. в Горном Алтае, в VII–VIII вв. — в Хакасии, Туве, Восточном Казахстане, Приуралье являются стремяна овальных или округлых очертаний, такими же, как у типов 4, 5, 9, 16, 18 [Гаврилова, 1965, табл. VII.-3,4, табл. XIX.-22; Кызласов И.Л., 1981, рис. 28.-5; Вайнштейн, 1966, табл. I.-10, табл. III.-15, табл. VIII.-4; Арсланова, 1968, табл. I]. Можно предположить, что в отличие от них стремяна типа I в рассматриваемый период являются пережиточными формами, сохранившимися только в лесостепных периферийных районах. По своему виду они, пожалуй, восходят к традициям предшествующих единцовских племен Верхней Оби, у которых, по мнению М.П. Грязнова, в первой половине I тыс. были распространены стремяна, изготовленные из органических материалов. Сравнительно недавно в единцовском погребении (IV–VI вв.) могильника Крохоловка в Новосибирской области было обнаружено стремя, подобное

улуг-хорумскому [Троицкая, Новиков, 1987, с. 273]. Это подтверждает мнение М.П. Грязнова о существовании стремян на Верхней Оби в предшествующее сrostкинской культуре время. Некоторые сомнения на первый взгляд вызывает прямая подножка у стремян типа I (рис. 3.-1), представляющая собой, как считает А.Н. Кирпичников, более поздний типологический признак, появляющийся в Восточной Европе не ранее конца IX, X вв. [Кирпичников, 1973, с. 45]. Однако, в Южной Сибири стремяна с прямой подножкой известны в IV–VI вв. [Грач, 1982, с. 162]. Но они такие же, как у типа I, отличаются от южносибирских и восточноевропейских конца I тыс. наличием нервюры, подквадратным брусковидным поперечным сечением и шириной, которая в данном, рассматриваемом случае не превышает 2 см. Эта подножка была рассчитана на максимальную нагрузку, совершенно не нужную в таких по структуре железных стремянах, так как момент излома равен всего 0,09 PR (табл. I). Видимо, данная форма была обусловлена предшествующей традицией изготовления прямых распорок-подножек ременных опор, у которых, помимо прямой нагрузки на подножке (в отличие от железных) дополнительная сила сжатия дужек, прямо пропорциональная первой величине, и момент излома повышается при одинаковом усилении 80 кг/с² примерно до 4,75 PR. По форме подножек стремяна типа I обнаруживают наибольшую типологическую связь со стремянами IV–VI вв. типа улуг-хорумских и найденных в Крохоловке [Грач, 1982, рис. 7; Троицкая, Новиков, 1987, с. 273].

Как уже отмечалось, железные стремяна с треугольными очертаниями в середине I тыс. встречаются довольно-таки редко. Это объясняется тем, что если у ременных или волосяных стремненных опор дужки эластичны, принимают боковую форму обуви, то в железных этого можно добиться лишь их округлением или увеличением длины подножки. Это непременно ведет к потере несущих качеств всей конструкции, так как, например, увеличение угла между дужками в месте перехода к петле (угол γ) всего на 10° ведет к понижению уровня момента излома, приходящегося на дужки, в 35 раз (табл. I). В цифровых значениях допустимого напряжения в сечении повышается с увеличением длины прямой подножки с 0,09 PR до 3,17 PR (табл. I). Следовательно, если принять стремяна с треугольными очертаниями за ранние, то дальнейшее усовершенствование треугольных форм стре-

мян должно было идти по пути изменения общей конфигурации дужек, а не за счет увеличения длины подножия. Поэтому следующей ступенью развития, с позиции оптимального распределения нагрузок, следует признать стремяна типов 4, 16 (рис. 3.–4; рис. 6.–3). Они оформлены такой же вертикальновытянутой петлей, как у типа I, а вид дужек новый: овальный или круглый. Появление таких форм приводит, в свою очередь, к другим изменениям. Сохранение прямой подножки в стремянах с округлой формой дужек становится нерациональным, так как в данном случае увеличивается нагрузка на дужки ($M_{изл.}=0,316 PR$)³. А они, как показывают расчеты, являются, с точки зрения жесткости всей конструкции стремян, наиболее важным звеном. Учитывая это, древние мастера опытным путем стремились выработать их наиболее оптимальные варианты, конечно, в сочетании с самыми удобными и прочными формами других элементов, в первую очередь — подножиями. Поэтому появление стремян с сильно изогнутыми и со слабо изогнутыми подножками не случайно. Их применение позволяло понизить момент излома дужек соответственно до 0,230 PR (типы 9, 10) и 0,182 PR (типы 4, 5) (рис. 5.–1,2; рис. 3.–4). Но если на прямой подножке нагрузка распределяется равномерно по всей длине, а момент излома, как было показано, равен 0,09 PR, то у сильно изогнутой или слабо изогнутой она концентрируется в месте максимального прогиба, а момент излома повышается до 0,318 PR (типы 4, 5, 7). Это должно было привести к появлению не только усиленного ребра жесткости в виде нервюры, проходящей под пластиной подножия, но и приобретению подножкой овальной в плане формы. То есть увеличивается ширина подножки (до 3–5 см и больше) в месте максимального напряжения (типы 4, 5, 16, 17) (рис. 6.–2).

Петельчатые стремяна с овальными или круглыми очертаниями, подобные нашим типам 4, 5, 7, 9, 10, 13 известны в VI–VIII вв. в Горном Алтае [Гаврилова, 1965, табл. XII.–10, табл. XIX.–22, табл. XXI.–11; Вайнштейн, 1966, с. 137, рис. 6.–1,2; Киселев, Евтюхова, 1941, с. 99, рис. 28; Киселев, 1949, с. 291], в VII–VIII вв., в Хакасии [Кызласов И.Л., 1981, рис. 28.–5; Николаев, 1972, с. 77; Николаев, 1982, рис. 1,2; Евтюхова, 1938, рис. 135], Туве [Руденко, 1953, рис. 30.–104; Кызласов Л.Р., 1969, табл. I, 12; Кызласов Л.Р., 1979, с. 133, рис. 92.–13, рис. 93.–4; Вайнштейн, 1966, табл. III.–15, табл. V.–15], Восточном Казахстане [Археологическая карта Казахстана,

1960, табл. IX; Арсланова, 1969, табл. I; Арсланова, 1968, рис. 4; Черников, 1957, с. 18–20], Приуралье [Мажитов, 1981, рис. 6, 31, 11, 21; Савинов, 1973, рис. 4,5]. В X–X вв. аналогичные формы на указанных территориях встречаются редко, исключение, пожалуй, представляют районы Приуралья [Мажитов, 1981, рис. 37.–11]. По имеющимся в литературе данным время их максимального распространения надо отнести к VI–VIII вв., самое большое до середины IX в. По проведенным расчетам, стремяна с дужками круглых и овальных очертаний в сочетании с сильно изогнутыми или слабо изогнутыми подножками (типы 5, 7, 10, 17, 18) являются одними из самых совершенных, с точки зрения распределения допустимых нагрузок между их различными элементами (табл. I). Однако, судя по материалам памятников Евразии, развитие такого типологического признака, как подножка, шло в конце I — начале II тыс. по пути перехода от форм округлых и дуговидных, а затем прямых. Это связано с тем, пишет А.Н. Кирпичников, что «стремени принимают все большую нагрузку и их подножия в целях большой устойчивости (всадника — С.Н.) в ряде случаев распрямляются» [Кирпичников, 1973, с. 45]. Данный процесс, как и в первом случае, был связан с изменением общего вида дужек. Это объясняется тем, что применение слабо изогнутых или прямых подножек совместно с дужками овальных или круглых очертаний вело к переносу допустимого напряжения в сечении с подножия на дужки. Так момент излома дужек возрастал соответственно с 0,185 PR у стремян типа 5 до 0,270 PR у стремян типа 10, а у стремян типа 13 он повышался до 0,360 PR. Подобное перераспределение для сохранения нормальных напряжений внутри всей конструкции неминуемо должно было вести к появлению новых форм дужек. По материалам Южной Сибири намечается линия развития дужек от форм округлых к овальным и далее к арочным и пятиугольным (пятиугольные стремяна по расчетам могут быть отнесены к подтипу арочных) (табл. I). Это демонстрируют не только наши стремяна типов 7, 17, 21, 22, но и большинство стремян этого времени на соседних территориях [Агеева, Максимова, 1959, рис. 4; Худяков, 1985, табл. III.–15, рис. V.–15; Кызласов Л.Р., 1979, рис. 149; Левашова, 1952, рис. 1.–41, рис. 5.–45,50; Кызласов И.Л., 1983, табл. XV; Савинов, 1984, с. 132–133; Плетнева, 1967, рис. 4.–6]. Ранее конца VIII в. петельчатые стремяна с дужками арочных и пятиугольных форм встречаются крайне редко,

что же касается верхней даты, то в сочетании с невыделенно-пластинчатыми ушками или в беспластинчатых стременах они доживают практически до современности. Видимо, стремяна типов 21, 22 необходимо признать характерными только для самого конца I — начала II тыс. Они представляют собой заключительный этап развития стремян с петельчатым ушком.

Увеличение нагрузки на стремяна не могло не сказаться на изменении петли. Расчеты показывают, что момент излома, приходящийся на ушко в стременах с различными дужками и подножиями, колеблется от 0,156 PR до 0,206 PR (табл. I). То есть решающим фактором в развитии петли необходимо признать не форму стремян, а ее несущие качества, зависящие от ширины стремennого ремня. В таком случае стремяна типов 1, 4, 16 отражают лишь начальный этап освоения этой категории легковооруженными всадниками. Вертикальновытянутая узкая петля позволяла использовать стремennые ремни шириной 1,4–1,7 см. Стремяна, оформленные подобной петлей, известны в VI–VII вв. в Горном Алтае [Гаврилова, 1965, табл. XIX.–22, табл. XXI.–11], в VII–VIII вв. в Туве [Савинов, 1984, табл. II.–10; Овчинникова, 1982, с. 37], Восточном Казахстане [Черников, 1957, с. 81]. С увеличением нагрузки на стремяна закономерно меняется и ширина путлица, что приводит к появлению типов 5, 7, 9, 17, 18 с округлой петлей, позволяющей использовать ремень шириной 2,3–2,7 см, и с горизонтальновытянутой, у которой этот показатель увеличивается до 3 см и больше (типы 3, 10, 13, 20, 21, 22). В Южной и Западной Сибири первые датируются VII–VIII вв., VIII–IX вв. [Вайнштейн, 1966, табл. I.–10; Савинов, 1982, рис. 4.–9; Кызласов Л.Р., 1979, рис. 92.–13; Кызласов И.Л., 1981, рис. 28.–5, 7, 8; Грязнов, 1980, рис. 88.–3, рис. 90.–8], а вторые — ранее середины IX в. неизвестны [Кызласов И.Л., 1981, рис. 33, 36; Киселев, 1949, табл. IV.–9; Савинов, 1984, с. 133]. В Приуралье и Восточной Европе наблюдаются в конце I — начале II тыс. те же самые процессы [Кирпичников, 1973, с. 46; Мажитов, 1981, рис. 37.–11, рис. 38.–19; Федоров-Давыдов, 1966, рис. 46.–5], хотя стремяна, соответствующие по величине прорези ушка типам 10, 13 появляются значительно позднее, в XI–XII вв. [Кирпичников, 1973, с. 46]⁴. Интересно отметить, что стремяна типов 5, 7, 17, 18 присущи для большинства средневековых южносибирских культур, тогда как стремяна

типов 20, 21, 22 в большой степени распространяются на территории Хакасии, в памятниках средневековых хакасов в Туве, Восточном Казахстане и Западной Сибири. Не является исключением и Верхнее Приобье [Кызласов И.Л., 1981, рис. 33, 36; Агеева, Джузупов, 1963, рис. 2; Кызласов И.Л., 1983, с. 36; Савинов, 1984, с. 133]. Имеющиеся у нас материалы близки, но не тождественны древнехакасским. Так, для последних характерным признаком является частое оформление подножки прорезными фигурами (круглыми, серповидными, подпрямоугольными и т.д.), которые располагались по кругу. В.А. Могильников, Д.Г. Савинов считают этот признак специально «древнекыргызским» [Могильников, 1981, с. 36; Савинов, 1984, с. 133]. Причем такое украшение подножки соответствует, как правило, именно восьмерковидным петельчатым стременем. В наших материалах такое оформление подножек встречается очень редко. Необходимо констатировать еще один факт. Петельчатые стремяна нашего собрания в большинстве своем имеют дужки, изготовленные чаще всего из железного дрота подквадратного сечения. Такое явление наблюдается и в памятниках Горного Алтая, тогда как в Туве и Хакасии подобные формы стремян имели дужки округлого сечения. В настоящее время трудно сказать, являются перечисленные отличия этническими или же объясняются различными приемами изготовления стремян. Вряд ли этот критерий можно выделять как хронологический, так как подобным образом оформлены и стремяна типов 21, 22.

Итак, выделенные нами разнородные типологические признаки петельчатых стремян, даже взятые по отдельности, могут служить определенными хронологическими и территориальными показателями. Этому не противоречат, а скорее всего подтверждают и варианты взаимовстречаемости их элементов. Так вертикальновытянутые петли соответствуют только округлым дужкам с Э-образными сильноизогнутыми подножиями. Исключение составляют единичные экземпляры подтреугольной формы, но также в комплексе с вертикальновытянутой петлей. Стремяна с овальными или округлыми дужками встречаются как с округлыми, так и с горизонтальновытянутыми петлями (типы 7, 10, 18, 20). В настоящее время невозможно выделить какие-либо устойчивые группы признаков, позволяющие соотнести их с более узкими хронологическими рамками. Время их

силу изгиба, действующую на шейку. Специальных расчетов этих величин нами не проводилось, так как уже основные формулы⁶ позволяют сделать определенные выводы: чем больше ширина и меньше высота шейки, тем выше уровень допустимого напряжения в сечении. И действительно, судя по имеющимся у нас материалам, южносибирские стремена VI–VIII вв. оформлялись более узкой и высокой шейкой по сравнению со стременами IX–X вв. На раннюю датировку стремян с узкой-высокой шейкой указывают и формы их дужек, круглые или овальные, в сочетании с Э-образными сильноизогнутыми и Т-образными слабоизогнутыми подножиями, подобные нашим типам 6, 19, которые, исходя из этого, скорее всего датируются VII–VIII вв. Это подтверждается и другим фактом. В конце I тыс. в Южной Сибири были распространены стремена с пластинчатым ушком, крепившимся к дужкам посредством круглой или овальной в сечении шейки. В комплексе с арочными дужками и спрямленными подножками такие стремена широко известны в памятниках VIII–XI вв. Горного Алтая, Тувы, Хакасии и Восточного Казахстана [Савинов, 1982, рис. 4.–11–13; Новиков, 1985, рис. 30.–62, 106; Левашова, 1952, рис. 1.–39,42]. По форме и параметрам шейки они отличаются от синхронных восточноевропейских находок, имеющих пластинчатую, часто очень широкую и невысокую шейку [Плетнева, 1967, рис. 46; Федоров-Давыдов, 1966, с. 14,15; Каргер, 1940, рис. 18.–35]. Существующие различия, как нам кажется, объясняются тем, что сечение шейки южносибирских экземпляров независимо от ее высоты, конечно, в допустимых пределах, обеспечивало необходимый запас прочности — в 2,5–3 раза превышающий момент излома у аналогичных стремян с пластинчатой плоской шейкой. Для усиления несущих качеств необходимо было увеличивать ширину и уменьшать высоту шейки, что демонстрируют материалы Восточной Европы. Это, как будет показано ниже, и обусловило корни двух линий происхождения невыделеннопластинчатых стремян X–XII вв.

Сейчас пока трудно ответить на вопрос, какие причины лежали в основе развития пластины ушка в вертикальной плоскости, так как даже при минимальной ее высоте обеспечивалась нужная прочность. Однако это не снимает необходимости рассмотрения несоответствий признаков, как правило, в VII–IX вв. длина пластины превышает ее ширину в два и более раза, тогда как к концу I тыс. параметры этих показателей практи-

чески выравниваются. Некоторые вертикальновытянутые пластины у стремян VIII–IX вв. оформлялись по бокам дополнительными выступами-бордюрами [Левашова, 1952, рис. 1.–39,40,42, рис. 5.–53,54; Савинов, 1982, рис. 4.–12,13]. С одной стороны, они могли играть роль ребер жесткости, усиливающих пластину, с другой, — быть своеобразными ограничителями для горизонтального перемещения стременинного ремня и, с третьей, — быть своеобразными украшениями пластины. Такие бордюры практически не встречаются у стремян X–XI вв. и более поздних. Возможно, это обуславливалось какими-то традициями, а может, было связано с дополнительными способами крепления стремян к путлицу, о чем свидетельствуют стремена с обоями на пластинах. Исходя из сказанного, стремена типа 6, 19 (рис. 4.–2; рис. 7.–2) скорее всего, датируются VII–VIII вв. На это указывают формы их овальных и округлых дужек в сочетании с сильноизогнутыми подножиями, а также узкая, сравнительно высокая шейка в варианте с короткопластинчатым ушком. Необходимо признать такие стремена довольно-таки редкими формами для Верхнего Приобья. Ведущими здесь в конце VII–XII вв. оставались восьмерковидные петельчатые стремена типов 5, 7, 9, 13, 18, 20. Поэтому определение Д.Г. Савиновым стремян с пластинчатой петлей на дужке, близких нашим типам 6, 8, 11, 15, 19, типично сrostкинскими, и его вывод о происхождении невыделеннопластинчатых стремян в Южной Сибири непосредственно от них выглядит категоричным [Савинов, 1973, с. 189–192; Савинов, 1984, с. 133; Савинов, 1977, с. 37, 38].

В Южной Сибири во второй половине I тыс. параллельно развивалось два типа стремян: восьмерковидные петельчатые и выделеннопластинчатые, формально совпадающие с нашими типами 5, 7, 9, 6, 8, 11, 15 и др. На данном этапе исследования имеющиеся материалы не позволяют провести корреляцию между различными типами стремян и другими категориями вещей и оружия, найденных в археологических комплексах, что позволило бы конкретнее судить о том, какие причины (социального, этнического или иного порядка) лежали в основе этих различий. Несмотря на это, позволим себе некоторые предположения. Как показывают расчеты, пластинчатые стремена были более приспособлены к высоким нагрузкам, чем петельчатые (табл. I). Исходя из этого, а также учитывая тактику конного боя, состав

конницы, конструкции седел, изменения стремян и т.д., можно сделать вывод о том, что первые использовались тяжеловооруженными, а вторые — легковооруженными всадниками. Косвенно об этом свидетельствуют следующие факторы:

— выделеннопластинчатые стремяна имеют лучшую, по сравнению с восьмерковидными, отделку; только среди них встречаются экземпляры, украшенные орнаментом и даже инструктированные серебром. Вспомним широко известное стремя из Уйбатского чаа-таса и другие [Киселев, 1949, табл. IV.–12, с. 326; Левашова, 1952, рис. 1.–40; Троицкая, Новиков, Сальникова, 1984, рис. 28.–4; Евтюхова, 1948, рис. 16; Кызласов Л.Р., 1983, рис. 1.–3];

— материалы полевых исследований показывают, что если в погребениях находят непарные стремяна, а такое явление в Южной и Западной Сибири наблюдается очень часто с VI в. вплоть до современности, то левое — парадное или почетное стремя всегда является выделеннопластинчатым [Кызласов Л.Р., 1969, с. 182];

— не случайно ли выделеннопластинчатые стремяна типов 6, 8, 14, 19, 23 получили максимальное распространение в Горном Алтае, Туве и особенно в Хакасии, то есть на территориях, исконно принадлежащих центрам ранних государственных объединений, таких, как Древнетюркский и Уйгурский каганаты, государство средневековых хакасов, из населения которых в большинстве случаев формировались отряды гвардии — тяжелобронированных всадников-копейщиков [Худяков, 1980, с. 139; Худяков, 1986, с. 137–206];

— из населения зависимых периферийных территорий создавались отряды легковооруженных всадников-лучников, именно здесь ведущими типами могут быть признаны восьмерковидные петельчатые стремяна, подобные нашим типам 5, 7, 9, 13, 18, 20 [Худяков, 1980, с. 140]⁷. Не являются исключением и материалы Верхнего Приобья. Если это все так, то поиски в этих направлениях могут привести к тому, что стремяна станут служить, конечно, в допустимых пределах, показателями социальной принадлежности.

Кроме рассмотренных выше форм в материалах сrostкинской культуры известны невыделеннопластинчатые, так называемые с прямоугольным выступом на дужке, стремяна — типов 2, 24. Их можно рассматривать как переходные к широко известным в монгольское время беспластинчатым стремянам (рис. 3.–24; рис. 8.–3).

По вопросу их происхождения имеется несколько точек зрения. Так Д.Г. Савинов считает, что они появляются как закономерный процесс развития выделеннопластинчатых стремян, поздние типологические формы которых (низкая, широкая шейка) свидетельствуют о ходе «срачивания» пластины с дужкой [Худяков, 1980, с. 87]. Другую схему предложил И.Л. Кызласов: «типологическое влияние формы петель поздних восьмерковидных стремян на облик, по крайней мере ряда экземпляров с петлей на шейке, на наш взгляд, несомненно. Фактически перед нами уплощенная «сросшаяся» с плечиками овальная петля» [Кызласов, 1983, с. 36, 37]. Окончательное решение этого вопроса на имеющихся материалах не представляется возможным, хотя рассмотренные нами поздние типы (20, 21, 22) восьмерковидных петельчатых стремян нашей серии, их арочные и пятиугольные формы дужек, прямые подножия, горизонтальновытянутые петли, часто смыкающиеся с дужками, — все эти типологические особенности сближают их с однотипными невыделеннопластинчатыми стремянами X–XII вв., что свидетельствует в пользу предположения И.Л. Кызласова. С другой стороны, недавно в Горном Алтае (Катанда) найдено несколько экземпляров стремян, у которых прямоугольная пластина близко посажена к дужкам и отделена от них двумя круглыми боковыми вырезами. В принципе остается их только замкнуть, чтобы получить прямоугольную пластину с двумя отверстиями для ремня путлища. Подобные стремяна с двумя отверстиями в пластине на дужке известны в памятниках Горного Алтая [Киселев, Евтюхова, 1941, с. 27]. Видимо, процесс перехода к невыделеннопластинчатым стремянам шел параллельно и обуславливался типологическим развитием как петельчатых, так и пластинчатых стремян. Возможно, он определялся двумя традициями, которые можно условно и предварительно назвать южносибирской и восточноевропейской. Их суть заключается в следующем. Переход к невыделеннопластинчатым стремянам предмонгольского времени в Южной Сибири происходил на основе поздних типологических форм восьмерковидных стремян. Во-первых, об этом свидетельствует широкое распространение исходных форм в южносибирских средневековых культурах (типа 3, 10, 13, 20, 21, 22), во-вторых, в IX–X вв. здесь хорошо известны выделеннопластинчатые стремяна с цельной овальной или даже круглой, достаточно высокой шейкой, типо-

логические особенности которых вряд ли могут служить базой для возникновения невыделеннопластинчатых типов. В то же время стремяна с очень широкой шейкой или даже без нее, но с довольно высокой петлей в VIII–X вв. широко известны в памятниках Восточной Европы [Кызласов И.Л., 1983, с. 37]. Именно здесь бытуют их производные формы с прямоугольным выступом над дужкой — стремяна, характерные для X–XII вв., которые формировались очевидно, на основе поздних форм выделеннопластинчатых стремян [Кирпичников, 1973; Плетнева, 1967; Федоров-Давыдов, 1966; Мерперт, 1951].

Невыделеннопластинчатые стремяна, аналогичные нашим типам 3, 24 в X–XII вв. известны практически на всей территории Евразии [Кирпичников, 1973, рис. 29; Плетнева, 1967, рис. 46.–8; Киселев, 1949, с. 326; Кызласов И.Л., 1983, с. 36, 37; Мажитов, 1981, рис. 45.–6; Арсланова, 1968, табл. I; Могильников, 1981, рис. 73.–7]. Среди них тип 24 является, пожалуй, более ранним по сравнению с типом 3. Об этом свидетельствуют такие его признаки, как прямоугольная, довольно-таки длинная пластина ушка, дужки круглого сечения, их арочная форма и упрощеннопрямое подножие (рис. 3.–2; рис. 5.–3). Все это сближает их с поздними формами восьмерковидных петельчатых стремян IX–X вв. (типы 21, 22). Тип 3 имеет уплощенную, подквадратную пластину и, что важно, пластинчатое поперечное сечение дужек подтреугольной формы — признаки, характерные, как правило, для стремян XI–XII вв., получивших широкое распространение в предшествующее время в памятниках Восточной Европы и Приуралья. Скорее всего в этих стремянах наиболее сильно сказалось западное влияние. В Восточном Казахстане, Южной и Западной Сибири стремяна типов 3, 24 появляются не ранее X в. Позднее в XI–XIII вв. они широко известны в культурах предмонгольского времени [Агеева, Максимова, 1959, с. 32–58; Кызласов И.Л., 1980, с. 139; Кызласов И.Л., 1983, с. 47; Басандайка, 1948, с. 114]. Как было показано выше, развитие предшествующих форм и их типологические особенности не позволяют датировать стремяна типов 3, 24 VIII–X вв., как считает Д.Г. Савинов [Савинов, 1977, с. 37, 38]. Никаких оснований для такой датировки нет. Поэтому вряд ли можно говорить о первоначальном появлении невыделеннопластинчатых стремян в материалах сrostкинской культуры. Скорее всего стремяна типов 3, 24 необходимо рассматривать в общем контек-

сте развития этих форм и датировать X–XII вв. По этим причинам они не могут служить основой для южносибирских типов невыделеннопластинчатых стремян, а отсюда необоснованным выглядит мнение Д.Г. Савинова о сложении стремян с отверстием для путлища в самой дужке (беспластинчатых) на базе сrostкинских типов невыделеннопластинчатых стремян [Савинов, 1984, с. 133, 134].

Беспластинчатые стремяна нашей серии представлены типами 25, 26 (рис. 9.–1,2). Данные типы стремян появляются в начале II тыс. Постепенно видоизменяясь, они становятся характерными для XIII–XIV вв., о чем свидетельствуют погребения кочевников Евразийских степей. На Алтае они, видимо, типологически следуют за округлыми и арочного типа стремянами с прямоугольным выступом в верхней части дужки (невыделеннопластинчатые стремяна типов 3, 24). Стремяна, подобные нашим типам, известны в погребениях монгольского времени могильника Кударге. А.А. Гаврилова датирует их XIII–XIV вв. [Гаврилова, 1965, с. 83]. А.П. Уманский, описывая инвентарь раскопок К.Ф. Ледебур, считает возможным отнести их ко времени середины IX–XII вв. [Уманский, 1964, с. 42]. На наш взгляд, для Алтая нижняя хронологическая граница несколько занижена. Скорее всего, исходя из формы верхней части дужки и подножия, их следует датировать XI–XIII вв. [Плетнева, 1958, с. 70]. Конструктивно близкие стремяна были найдены и в погребении у села Сухие Гривы на Алтае. Д.Г. Савинов датирует их XIII–XIV вв., считая эту могилу кыпчакской [Савинов, 1979, с. 70]. В Восточном Казахстане похожие стремяна известны в погребениях XI–XII вв. Ждановского могильника [Агеева, Максимова, 1959, с. 45]. В Томском Приобье они найдены в комплексах Басандайки и Еловского курганного могильника и также относятся к X–XII вв. Известны и в Хакасии на малиновском этапе (X–XII вв.) аскизской культуры [Кызласов И.Л., 1981, с. 203]. Стремяна типов 25, 26 мы склонны датировать XI–XII вв. Дело в том, что в XIII–XIV вв. стремяна, сохраняя предшествующую форму, становятся более массивными, а край очень широкой подножки чаще отогнут книзу. Появляются и иные конструктивные особенности, связанные с формами стремян (треугольные с сильноизогнутыми подножиями Э-образного сечения; со своеобразным переходом дужек в подножие и т.д. [Кирпичников, 1973]. Более того, стремя типа 25 повторяет собой форму выделеннопластинчатых стремян, хорошо

известную ранее на Алтае, в Восточном Казахстане, в Хакасии и Туве. Такое конструктивное сочетание старой формы с новым типом крепления могло сложиться только в самом конце I — начале II тыс. В заключение хочется добавить, что племена сrostкинской культуры, наряду с изученными типами, возможно, употребляли стремяна, изготовленные из других материалов (кость, дерево, ременные опоры и т.д.), которые не сохраняются в погребениях VI–XI вв., но из-

вестны в более поздних курганах; например, к ним можно отнести роговое стремя подтреугольной формы с округлой подножкой и прорезью для ремня в дужке из Калмакского могильника в Среднем Причулымье [Беликова, 1990], деревянное невыделенно-пластинчатое стремя из теленгитского погребения XVII вв. в Горном Алтае [Гаврилова, 1964, рис. 20], а также известные этнографические экземпляры [Кызласов И.Л., 1986, с. 100–130].

Примечание

- ¹ В данном случае учитывались опубликованные в археологической литературе типы, а также материалы известных нам коллекций.
- ² Математические расчеты распределения нагрузки (момент излома ($M_{изл.}$) ушка, дужек, подножия) внутри различных по форме стремян проведены по абсолютным моделям основных форм кандидатом технических наук, доцентом кафедры сопротивления материалов АГТУ им. И.И. Ползунова А.Ф. Родиным, за что приношу ему большую благодарность.
- ³ Изменение подножки зависело и от других причин, главная же из которых — усиление устойчивости всадника, в частности же приспособление к определенной форме обуви. К сожалению, в настоящий момент для Южной Сибири практически не имеется данных, позволяющих провести такое соотношение.
- ⁴ Увеличение ширины стремennого ремня, изменение длины прорези ушка стремян не могло

- не сказаться на размерах приемной прорези пряжек, использовавшихся для крепления ремня путлища к седлу. Следовательно, для пряжек эти параметры, также могут быть использованы в качестве хронологического показателя.
- ⁵ Расчеты для петельчатых стремян проводились по математическим моделям, которые соответствуют и известным формам выделеннопластинчатых стремян, поэтому все основные выводы будут справедливы и для них.
  - ⁶ $Wx_1 = cd^2$; $Wx_2 = dc^2$; $d \geq 0$, то $Wx_1 >> Wx_2$; Wx_1 — момент сопротивления поперечного сечения; Wx_2 — момент сопротивления продольного сечения; d — ширина шейки; c — высота шейки [Шиляев, 1976].
  - ⁷ С этой точки зрения для данных районов находки выделеннопластинчатых стремян могут служить, вероятно, определенными показателями социального и военно-иерархического положения умершего.

Распределители ремней Южной Сибири VII–X вв.

Типология инвентаря древних обществ занимает особое место в археологическом исследовании, поскольку дает возможность наиболее обоснованно подойти к решению таких проблем, как этническая принадлежность археологических памятников, хронология, периодизация и территория распространения археологических культур, взаимодействие между различными народами населявшими определенную территорию в древности. По замечанию Л.Н. Гумилева: «Всякое деление материала при классификации условно, но именно поэтому оно конструктивно поскольку определяется задачей, поставленной исследователем [Гумилев, 1993, с. 126].

Среди предметного комплекса связанного со снаряжением верхового коня встречаются так называемые распределители ремней, которые имели как декоративное, так и функциональное назначение. А.И. Кирпичников описывая оголовья верхового коня на Руси в IX–XIII вв. пишет: «Особое значение придавалось таким свойствам конструкции, которые бы делали ее одновременно жесткой и эластичной. Для этого не менее чем в четырех местах неподвижного соединения ремней крепились крупные бляхи, допускавшие некоторые прогиб мягких частей, но не их боковое смещение» [Кирпичников, 1973, с. 21]. Распределители ремней известны в археологических памятниках на огромной территории: от Венгрии (могильник Сабол-Вонтапорт) до Дальнего Востока (Мохэские памятники) и имеют разнообразные формы: прорезные округлые бляхи, кольца с наконечниками двух-, трех-, четырехлопастные бляхи и т.д. Количество лопастей и прорезей зависело от того, сколько ремней соединялось в данном месте. Распределители известны со скифского времени (Голиграды) и, пройдя в своем развитии несколько этапов, в виде колец, к которым крепятся ремни, доживают до наших дней.

В исследуемый период на территории Южной Сибири в качестве распределителей ремней используются так называемые тройники или бляхи-тройчатки (рис. 1.–2). Широкое распространение и многообразие форм позволяют видеть в них важную часть инвентаря

способную пролить свет на некоторые проблемы истории кочевников раннего средневековья.

Попытки классифицировать распределители ремней предпринимались и ранее. Так Б.Б. Овчинникова по оформлению лопастей выделяла несколько типов тройников: «1 — треугольные лопасти; 2 — секировидные; 3 — трехлепестковые; 4 — зубчатые». Она так же обратила внимания на то, что они могут представлять интерес «в плане хронологии» [Овчинникова, 1990, с. 89–90]. И.Л. Кызласов, проводя типологию инвентаря аскизской культуры замечает, что выделенные им типы железных распределителей ремней X–XIV вв. н.э. продолжают традиции бронзовых тройников тюхтятской культуры [Кызласов И.Л., 1983, с. 32].

В данной работе мы предлагаем типологию трехлопастных распределителей ремней, распространенных на территории Южной Сибири в VII–X вв. н.э. (автор выражает благодарность С.В. Неверову, идеи которого легли в основу данной статьи, за возможность использовать его материалы и иллюстрации при составлении рис. 1–2.). Предварительные замечания по данной теме нами были опубликованы ранее [Григоров, 1994, с. 103–106].

Для классификации распределителей ремней нами была использована шестичленная (категория — группа — разряд — раздел — отдел — тип) система деления археологического материала предложенная И.Л. Кызласовым для систематизации инвентаря аскизской культуры [Кызласов И.Л., 1983, с. 20]. Группы выделяются по способу соединения с ремнями (подвижное, неподвижное), разряды — по форме распределителей, разделы и отделы уточняет форму, типы выделяются по оформлению окончаний лопастей. Там, где требуется выделяются подотделы и надтипы.

Всего для классификации было использовано 84 тройника из 23 памятников и 4 случайные находки. На основе данной классификации было выделено 23 типа распределителей ремней (рис. 3).

Группа I. Неподвижные распределители или тройники (в группу входят цельные распределители ремней угол соединения с рем-

нями которых постоянны). Группа имеет всего один разряд. Распределители этой группы были распространены в тюркоязычной среде с VII по X вв. н.э. [Бараба в тюрское время, 1988, с. 6, 89; Грач, 1968, с. 109; Евтюхова, 1948, с. 57; Киселев, 1951, с. 524; Кызласов Л.Р., 1978, с. 51; Кызласов Л.Р., Король, 1990, с. 117–118; Левашова, 1952, с. 128; Мажитов, 1981, с. 32–132; Нечаева, 1966, с. 117; Памятники истории и культуры Северо-Западного Алтая, 1990, с. 56; Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981, с. 144; Тишкин, 1991, с. 19].

Разряд I. Трехлопастные. Представлен двумя разделами.

Раздел I. Т-образные (в раздел входят распределители лопасти, которых образуют между собой угол в 90°). Распределители этого раздела появляются в VII–VIII вв. н.э. на территории Алтая и Минусинской котловины [Неверов, 1988, с. 1–19; Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981, с. 144]. В VIII–X вв. они широко распространяются на территории Южной Сибири, Урала и Барабинской лесостепи [Бараба в тюрское время, 1988, с. 6; Мажитов, 1981, с. 32; Овчинникова, 1990, с. 89–90]. Раздел состоит из двух отделов.

Отдел I. Выпуклые (в отдел входят так называемые бляхи-тройники, состоящие из центрального полушария и отходящих от него лопастей) (рис. 1). Эти распределители появляются в VIII в. на территории Горного Алтая [Савинов, 1982]. В IX вв. они широко распространяются на Урале и Барабе [Неверов, 1988; Нечаева, 1966]. Отдел имеет 11 типов.

Тип 1. Завершение бутоновидное.

Тип 2. Завершение полукруглое с маленькими ушками.

Тип 3. Завершение гроздевидное. Имеет распространение на Урале в IX–X вв. [Там же].

Тип 4. Завершение подтреугольное трехчастное с фигурным носиком.

Тип 6. Завершение дугообразное с большим бутончатым выступом.

Тип 7. Завершение шаровидное с маленьким носиком.

Тип 8. Завершение галочковидное.

Тип 9. Завершение секировидное.

Тип 10. Завершение трехлепестковое.

Тип 11. Завершение секировидное с носиком.

Отдел II. Уплощенные (в отдел входят плоские распределители с выпуклостью посередине или без нее) (рис. 2). Такие распределители появляются в IX в. на территории Минусинской котловины [Кызласов, Король,

1990, с. 96]. В IX–X вв. они известны среди древностей сросткинской культуры [Савинов, 1996, с. 200]. В отделе выделяется два подотдела.

Подотдел I. Распределители с прямым верхом являются более поздними, чем распределители второго подотдела, и датируются X в. Выделяется два надтипа.

Надтип I. Бортик прямой.

Тип 12. Завершение лопастей имеет волнообразную подтреугольную форму.

Надтип II. Бортик с полукруглыми выступами.

Тип 13. Завершение имеет прямоугольную форму с выступом посередине.

Подотдел II. Распределители с дугообразным верхом.

Надтип III. Бортик волнистый.

Тип 14. Завершение имеет волнообразную закругленную форму.

Надтип IV. Бортик прямой.

Тип 15. Завершение прямоугольное.

Надтип V. Бортик с прямоугольными выступами имеет два типа.

Тип 16. Завершение прямоугольное с полукруглым выступом.

Тип 17. Завершение прямоугольное с маленьким острым треугольным выступом.

Надтип VI. Бортик ломаный.

Тип 18. Завершение треугольное.

Надтип VII. Бортик вогнутый.

Тип 19. Завершение зубчатое.

Надтип VIII. Бортик выгнутый.

Тип 20. Завершение подтреугольное трехчастное.

Надтип IX. Бортик фигурноскобчатый.

Тип 21. Завершение подтреугольное трехчастное с удлиненным носиком.

Раздел III. Симметричные распределители ремней (в раздел входят тройники, лопасти которых расходятся под углом 120°). Распределители этого раздела встречаются реже, чем распределители раздела I. Их форма обуславливается, скорее всего, практической необходимостью. Они бытовали наряду с распределителями первого раздела. Выделяются два отдела.

Отдел III. Уплощенные.

Надтип X. Бортик фигурноскобчатый.

Тип 22. Завершение полукруглое, волнообразное.

Отдел IV. Выпуклые.

Тип 23. Завершение трехлепестковое.

Проведенная типология распределителей ремней позволяет сделать некоторые выводы. Среди распределителей ремней VII–X вв. н.э. на территории Южной Сибири выделяются

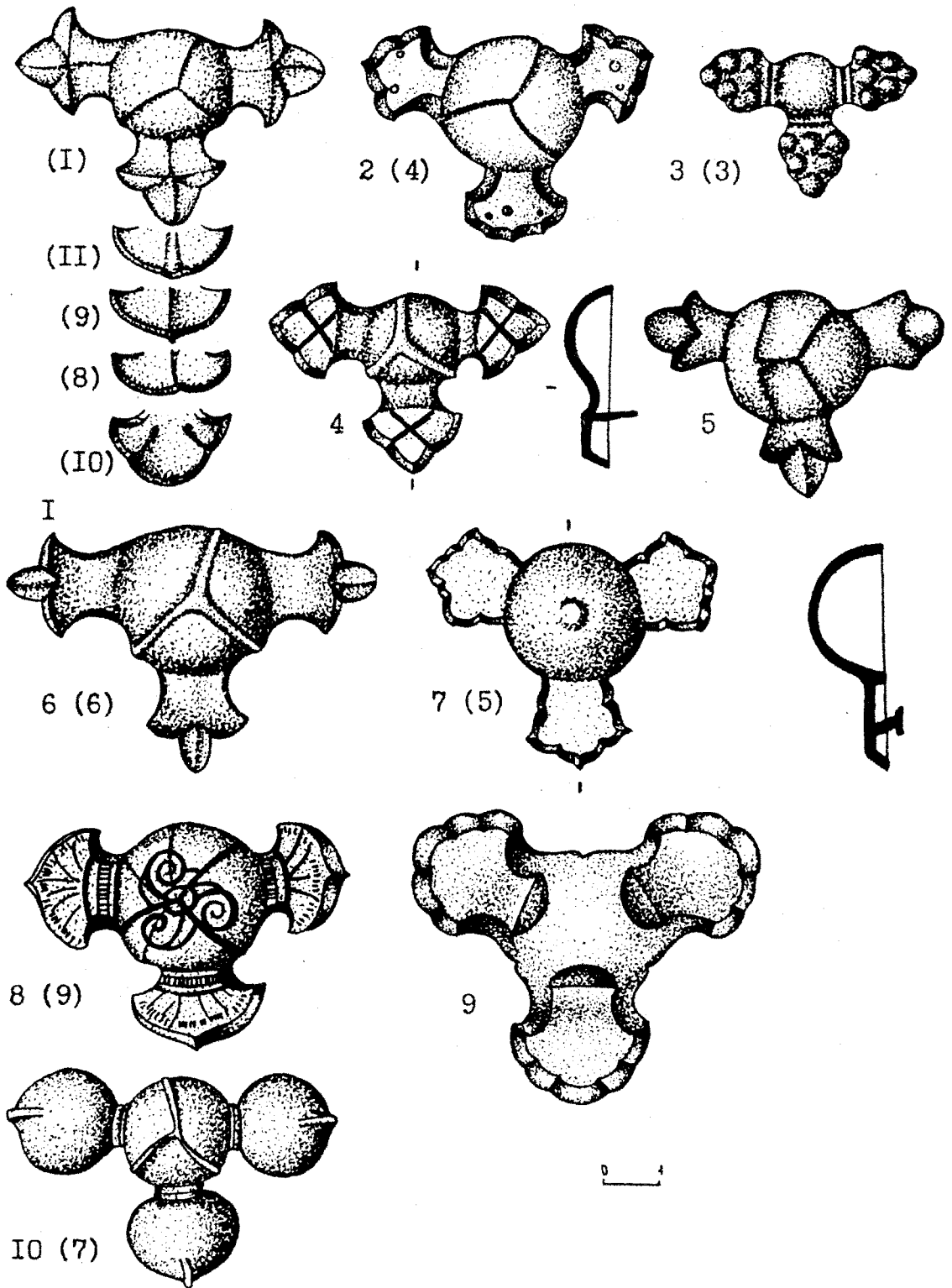

Рис. 1. Распределители ремней VIII — сер. IX в.

1 — Узунтал IV; 1, 2, 3, 4 — Иня; 5 — Мало-Панюшово;

6 — Гилево XII; 7 — Курай III; 8 — Курай IV; 9 — Дмитрогритово.

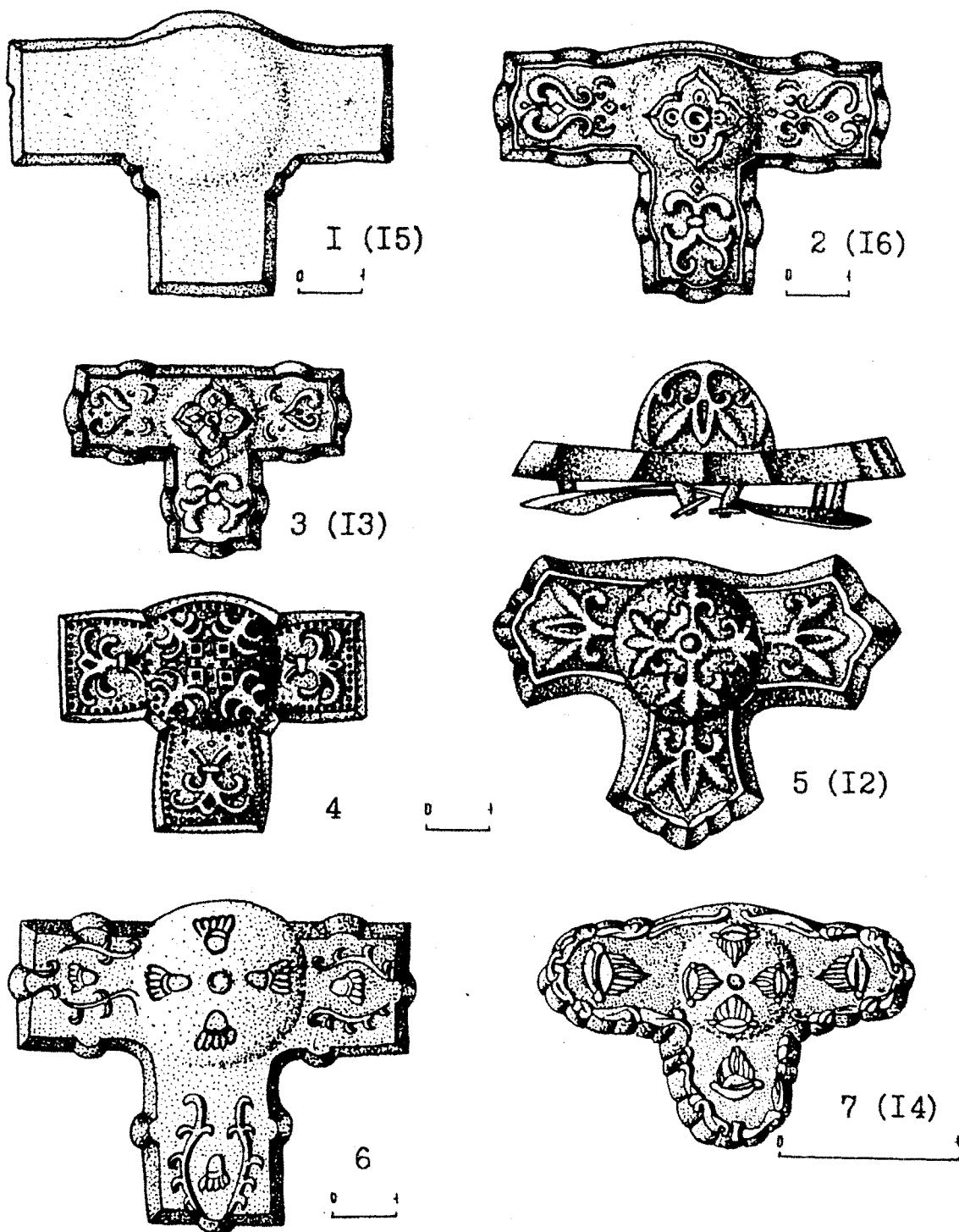

Рис. 2. Распределители ремней IX-X вв.
 1, 3 — Сростки; 2 — Гилево III; 5 — Михайловка;
 6 — Тюхтятский клад; 7 — случайная находка (ММ).

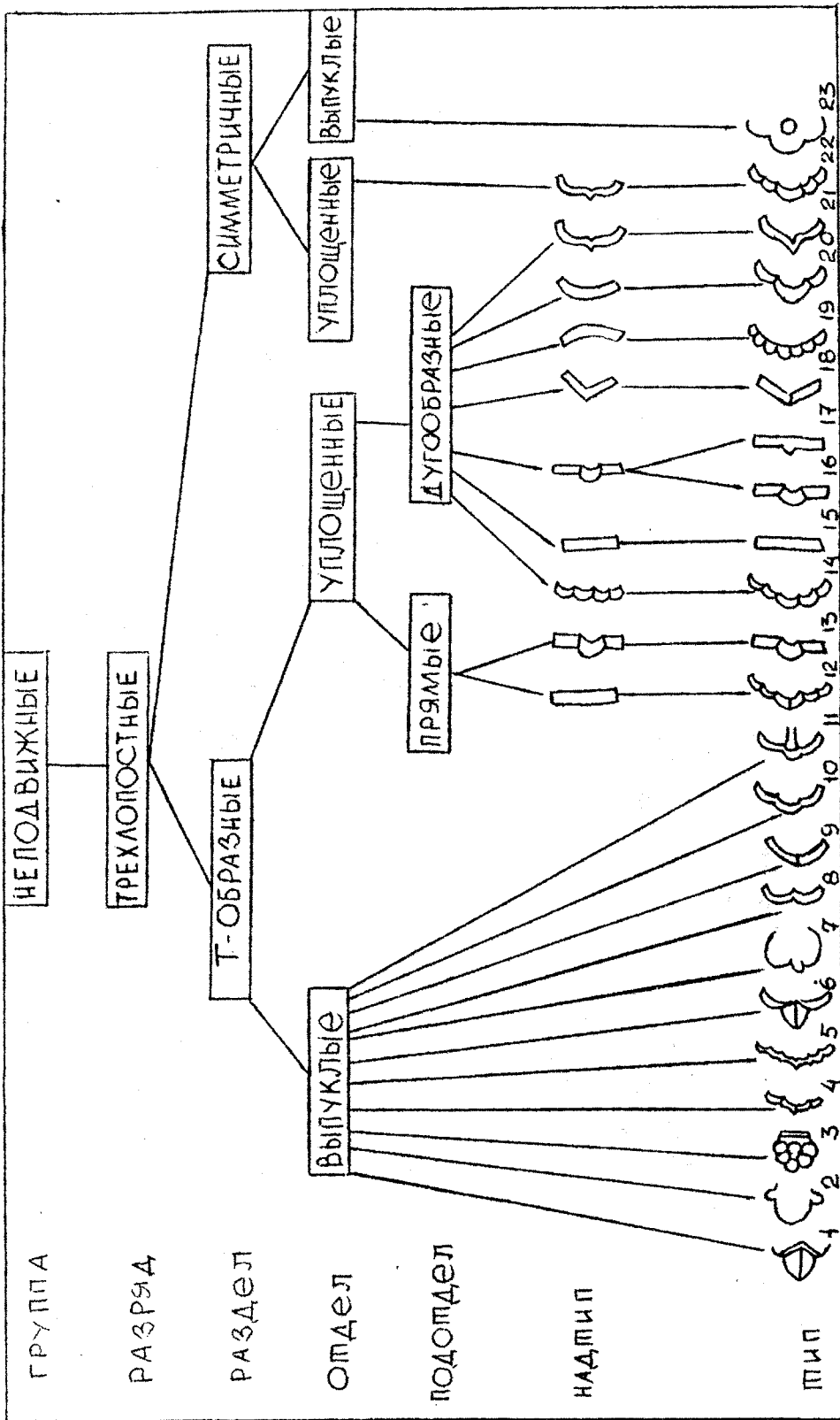

Рис. 3. Классификационная схема распределителей ремней.

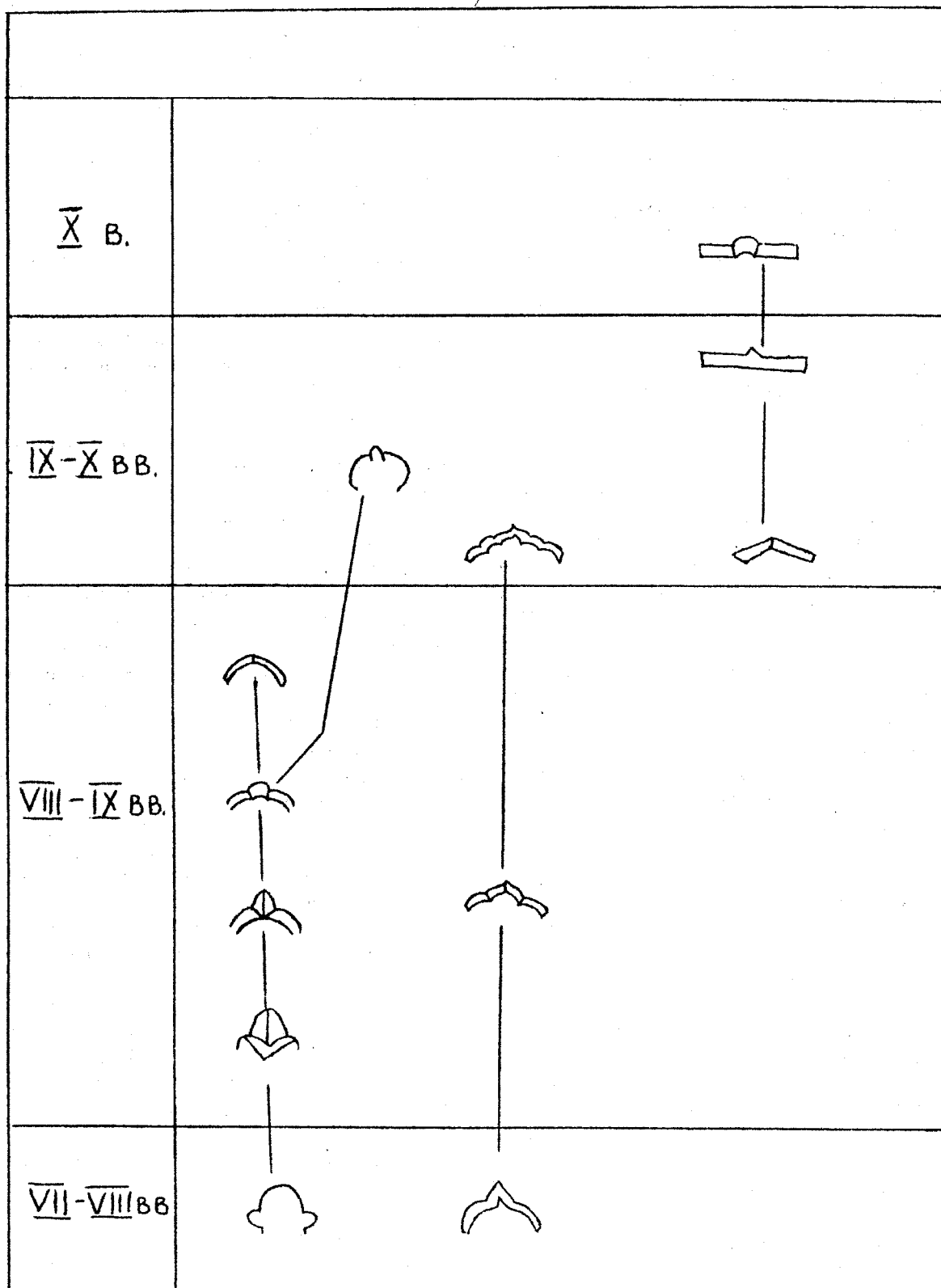

Рис. 4. Типологическая последовательность развития распределителей ремней VII-X вв.

две больших группы соответствующие I и II отделам нашей типологии [Григоров, 1994, с. 103–106]. Тройники отдела I встречаются на территории Горного Алтая (Узунтал, Курай, Туяхта), лесостепного Алтая (Иня, Сростки, Гилево, Мало-Панюшово), Минусинской котловины (Кыпчалы), Тувы (Саглы-Бажи) в погребениях человека с конем. Данные памятники датируются VIII — началом IX вв. [Неверов, 1988; Савинов, 1984]. Аналогии им имеются на Южном Урале (Хусаиново) в Барабе (Кызырь). По сопутствующему инвентарю и по погребальному обряду (труположение с конем) данные памятники исследовали связывают с алтае-телескими тюрками [Кирпичников, 1973; Савинов, 1984]. Поэтому есть все основания специфическую форму тройников отдела I (центральное полушарие и отходящие от него лопасти) считать тюркской традицией.

Распределители отдела II встречаются на территории Минусинской котловины («тютятский клад», случайные находки из Минусинского музея), Тувы (Шанчиг), лесостепного Алтая (Михайловка, Гилево, Сростки). Данные памятники датируются с середины IX–X вв. [Кызласов Л.Р., Король, 1990; Неверов, 1988]. Тройники этого отдела по оформлению (растительный орнамент) [Кызласов Л.Р., Король, 1990, с. 66] и нахождению в погребениях с трупосожжением [Тишкин, 1991, с. 18; Худяков, 1982, с. 130] принадлежат хакасам. Что позволяет выраженную Т-образность и уплощенность относить к хакасской традиции.

Часть распределителей обоих отделов были найдены в погребениях, которые С.В. Неверов относит к сросткинской культуре (Сростки, Иня), что говорит о влиянии на сросткинской населения, как тюрков, так и хакасов. Причем, тройники тюркской традиции встречаются в погребениях Гоньбинского периода сросткинской культуры п.п. IX в., а хакасской в погребениях Чулымского периода этой культуры — сер. IX–X вв. [Неверов, 1988]. Некоторое из этих тройников не являются чисто тюркскими или хакасскими. Они переработаны на местной основе. Чисто сросткинским признаком можно считать прямое завершение лопастей (тип 15) на распределителях отдела II.

Внутри выделенных традиций удалось проследить типологическую последовательность развития распределителей ремней VII–X вв. (рис. 4). К тюркской традиции относятся тройники 1, 2, 4–11, 21 типов. Самыми ранними формами являются: тип 2 (завершение полукруглое с маленькими ушками) и тип 21

(завершение подтреугольное с удлинненным носиком). Они встречаются в могильнике Кыпчалы I (к. 1, м. 2, к. 4) в захоронении человека с конем и датируются VII–VIII вв. н.э. Прослеживается несколько линий развития оформления лопастей. Основой для них являются тройники 2 и 21 типов.

Первая линия развития идет по пути превращения полукруглого завершения (тип 2) в бутонovidное (тип 1), а затем по пути уменьшения бутона (тип 6) с окончательным его исчезновением и приобретением секировидной формы (тип 9).

Вторая линия развития идет по пути дробления полукруглого завершения (тип 2) и приобретения гроздевидной формы (тип 3). В основе третьей линии развития лежит тип 21 (завершение подтреугольное трехчастное с удлинненным носиком). Данный тип перерастает в тип 4 (завершение подтреугольное трехчастное с фигурным носиком), а затем по пути дробления лопасти на сегменты в тип 5 (завершение полукруглое волнообразное с фигурным носиком).

Для хакасов наиболее характерны типы 14, 16, 17, 18. В этой группе так же можно проследить некоторую преемственность. Треугольное завершение (тип 18) перерастает в прямоугольное с маленьким острым выступом (тип 17), а затем выступ закругляется (тип 16) (рис. 4).

Нами была проведена корреляция типов оформления тройников-распределителей и элементов орнамента. Самым распространенным является циркулярный орнамент. Для тюркских распределителей характерно разделение центральной выпуклости на три части валиком или желобком. На хакасских и сросткинских широко распространен растительный орнамент.

Проведенная работа приводит к следующим заключениям. Появление тройников-распределителей ремней в VII в. связано с алтайскими тюрками. Трехлопастная форма характеризует конструкцию узды периода раннего средневековья на территории Южной Сибири. Две традиции в оформлении тройников имели общую основу, но развивались независимо друг от друга. Выпуклые распределители отдела I не переросли в уплощенные, что подтверждается материалами Южного Урала, где выпуклые тройники бытуют вплоть до X в. [Нечаева, 1966, с. 123]. Уплощенные сросткинские распределители развивались на хакасской основе, следовательно появляются на Алтае не ранее сер. IX в. н.э.

Снаряжение верхового коня у алтайских кочевников I пол. II тыс. н.э. (классификация и типология)

В последние годы заметно возрос исследовательский интерес к снаряжению верхового коня древних народов Алтая. Регулярно публикуются в научной литературе предметы и наборы конской упряжи начиная со скифского времени и до конца I тыс. н.э. Целью данной работы является попытка систематизации снаряжения верхового коня из памятников Горного Алтая и лесостепного Верхнего Приобья, относящихся к I пол. II тыс. н.э. (Автор считает своим долгом выразить благодарность С.В. Неверову за всесторонние консультации при подготовке данной статьи.)

Выполнить эту работу невозможно без строго научной системы классификации и типологии основных категорий инвентаря. В основу классификации положена шестичленная схема деления археологического материала (категория — группа — разряд — раздел — отдел — тип), предложенная И.Л. Кызласовым и дополненная С.В. ровым для средневековых памятников Алтая [Кызласов, 1983; Неверов, 1988]. Мы подвергли классификации только опубликованные в литературе основные категории снаряжения верхового коня, являющиеся наиболее встречаемыми в комплексах предмонгольского и монгольского времени Алтая. К ним относятся: удила, псалии, стремена, роговые и железные пряжки. Остальные, приведенные нами предметы конской упряжи, встреченные в единичных экземплярах, используются как дополнение к общей сводке.

Удила. К настоящему времени имеется 10 экземпляров удил, происходящих из археологически изученных комплексов XI–XIV вв. С территории Горного Алтая и прилегающих степей. В приводимой нами классификации все удила по материалу изготовления относятся к одной группе — железных; по форме соединения звеньев — к разряду соединеннокрюковых; по форме стержней звеньев — к разделу гладких. Отделы и типы последовательно уточняют оформление их концов. Все-го нами выявлено 3 типа удил.

Самыми распространенными удилами в среде кочевого населения Горного Алтая и

лесостепного Верхнего Приобья являются равнокрючные (тип 2) (рис. 1.–2). Их появление здесь фиксируется в самом конце I — начале II тыс. н.э. [Неверов, Степанова, 1990, с. 121]. Местных корней они не имеют и их появление необходимо связывать с влиянием культур Восточного Казахстана и Южного Зауралья, где эта форма была наиболее характерной в середине I тыс. н.э. [Неверов, 1988, с. 93].

Упоровые перпендикулярнокольчатые удила (тип 1) (рис. 1.–1) представляют собой типичный древнехакасский экземпляр, наиболее характерный для XI–XII вв. [Неверов, 1991, с. 142].

Интересна находка однокольчатых удил (рис. 1.–3) в комплексе XIII–XIV вв. Данный тип известен у народов Южной Сибири еще со скифского времени. Подобные удила широко бытуют на протяжении всего I тыс. н.э., хотя к рубежу эр их количество резко сокращается, а в начале II тыс. н.э. они уже не встречаются, так как, по-видимому, были повсеместно вытеснены удилами типа 2 (равнокрючными). Для выяснения причин возвращения однокольчатых удил в сферу их повседневного применения алтайским населением необходимы новые данные из памятников XI–XIV вв.

Псалии. В нашей коллекции имеется 21 экземпляр псалиев (целые и части) из погребений Алтая I пол. II тыс. н.э. В данной классификации *группа* выделяется по материалу изделия (железные); *разряд* характеризуется основными принципами соединения псалия с кольцом удил и связанная с ним общая форма псалиев. Дальнейшие ступени классификации для вертикальных и кольчатых псалиев различны. Для вертикальных *раздел* отражает основную форму, которая определяется поперечным сечением тела псалия, *отдел* характеризуется общими контурами псалия, *тип* определяется формой нижнего окончания, а *подтипы* — верхнего. У кольчатых псалиев: *раздел* — диаметр кольца; *отдел* — общий вид кольца, определяющийся формой продольного сечения

кольца; тип — форма поперечного сечения. На основе принципов данной классификации нами выделено три типа псалиев.

Типологически наиболее ранними являются округлолистовидные (разряд вертикальные) псалии из «могилы с оградкой» у с. Усть-Кан (рис. 1.–4). В Южной Сибири они известны на протяжении всего I тыс. н.э. и являются типично древнехакасскими [Неверов, 1988, с. 97; Неверов, 1991, с. 141]. По мнению С.В. Неверова, кольчатые (типы 2, 3) (рис. 1.–5,6) псалии появляются на Алтае уже в сформировавшемся виде ближе к концу I тыс. н.э. [Неверов, 1988, с. 98]. В это время их находки на территории Южной Сибири довольно малочисленны. Однако, как отмечает И.Л. Кызласов, в XII в. они уже начинают вытеснять вертикальные псалии, а в XIII–XIV вв. господствуют повсеместно. Территорией их проникновения на Алтай принято считать Восточную Европу [Кызласов И.Л., 1983, с. 57].

Сочетание удила и псалиев. В начале II тыс. н.э. племенами Горного Алтая и Верхнего Приобья продолжают использоваться вещи древнехакасского предметного комплекса, о чем свидетельствует нахождение упорных перпендикулярнокольчатых удила (тип 1) с округлолистовидными псалиями (тип 1). Аналогии им есть в материалах черновского периода (XII — начало XIII вв.) аскизской культуры [Кызласов, 1983, рис. 28]. Однако в алтайских памятниках позднее XII в. они неизвестны.

Равнокрючные удила (тип 2) с большими свободновращающимися кольцами-тренажерами (тип 3), по мнению С.В. Киселева, начинают распространяться на Алтае с середины IX в. [Киселев, 1949, с. 286]. А.А. Гаврилова называет их позднесросткинскими и датирует IX–X вв. [Гаврилова, 1965, с. 81–82]. С.В. Неверов пишет, что наибольшее распространение они получают в XI–XII вв. и существуют в Южной Сибири вплоть до этнографической современности [Неверов, Степанова, 1990, с. 123]. Как показал проведенный нами анализ с привлечением материалов сопредельных территорий, этот тезис оправдан лишь для удила с малым (тип 2) диаметром колец (до 5 см). В свою очередь удила с большими кольцами становятся господствующей формой не ранее XIII в. И с этого времени они являются одной из основных категорий инвентаря на протяжении практически всего пояса евразийских степей [Кызласов И.Л., 1981, рис. 74.–63; Уманский, 1964, рис. 2.–к; Худяков, 1990, рис. 5; Чиндина, 1992, рис. 2.–5].

Стремена. В настоящее время известно 8 пар и 3 непарных стремена из археологически изученных комплексов XI–XIV вв. горного и лесостепного Алтая. Для классификации имеющихся у нас стремян мы используем следующие единицы: **группа** определяется материалом, из которого изготовлены стремена (все — железные); **надразряд** фиксирует форму поперечного сечения, проведенного по середине дужек; **разряд** и **подразряд** уточняют общую форму стремени — первый определяется контуром дужек, второй — формой продольного плоскостного сечения подножки; **раздел** определяется формой подножки, если смотреть на стремя сверху, а **подраздел** определяется по форме поперечного сечения подножки; **отделы** и **типы** последовательно уточняют форму верхней части дужки, служащей для крепления стремени к путлицу. В нашей коллекции имеется 19 стремян. Все они железные и поэтому относятся к одной группе. На основе данной классификации выделено 8 типов стремян.

Большинство из них принадлежит к отряду беспластинчатых (типы 2–8), наиболее распространенных в монгольское время (16 экз.). Однако в нашем собрании имеется и 3 экз. невыделеннопластинчатых стремян (тип 1) из памятников Горного Алтая. Данный тип стремян является переходной формой от выделеннопластинчатых стремян к беспластинчатым [Кирюшин, Неверов, Степанова, 1990, с. 240]. Невыделеннопластинчатые стремена характеризуются такими признаками, как подпрямоугольная, довольно широкая пластина ушка, пластинчатые дужки арочных форм, дугообразный прогиб дужек под пластиной, широкое уплощеннопрямое подножие (рис. 2.–1). Аналогичные стремена в XI–XII вв. известны практически на всей территории Евразии [Бараба в тюркское время, 1988, рис. 19.–6; Кызласов, 1983, табл. XV.–3; Мажитов, 1981, рис. 45.–6]. В это же время они появляются и в приалтайских степях у местного тюркизованного населения (Сростки, к. 13), а также в снаряжении верхового коня древнехакасского всадника (Гилево-XIII, к. 4) [Неверов, 1988, с. 129].

Появление на Алтае беспластинчатых стремян принято связывать с началом II тыс. н.э. [Неверов, 1982, с. 115]. Для них характерно уменьшение ширины и длины пластины (ушка), которая как бы сливается с дужками (типы 2–7) (рис. 2.–2–8). По мнению С.В. Неверова, стремя типа 2 «повторяет

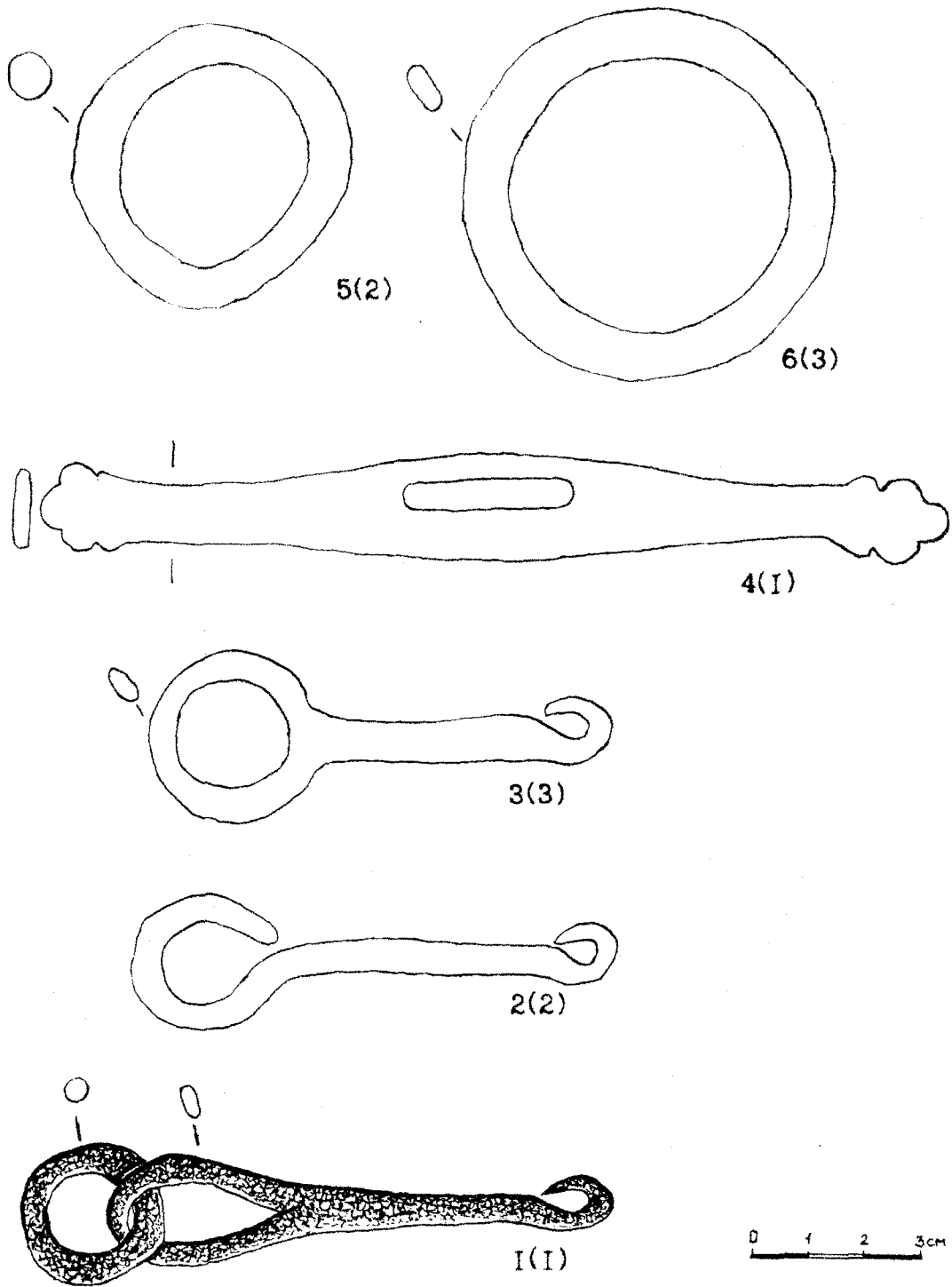

Рис. 1. Типы железных удил и псалиев (здесь и далее в скобках указаны номера типов, которые соответствуют номерам в таблицах).

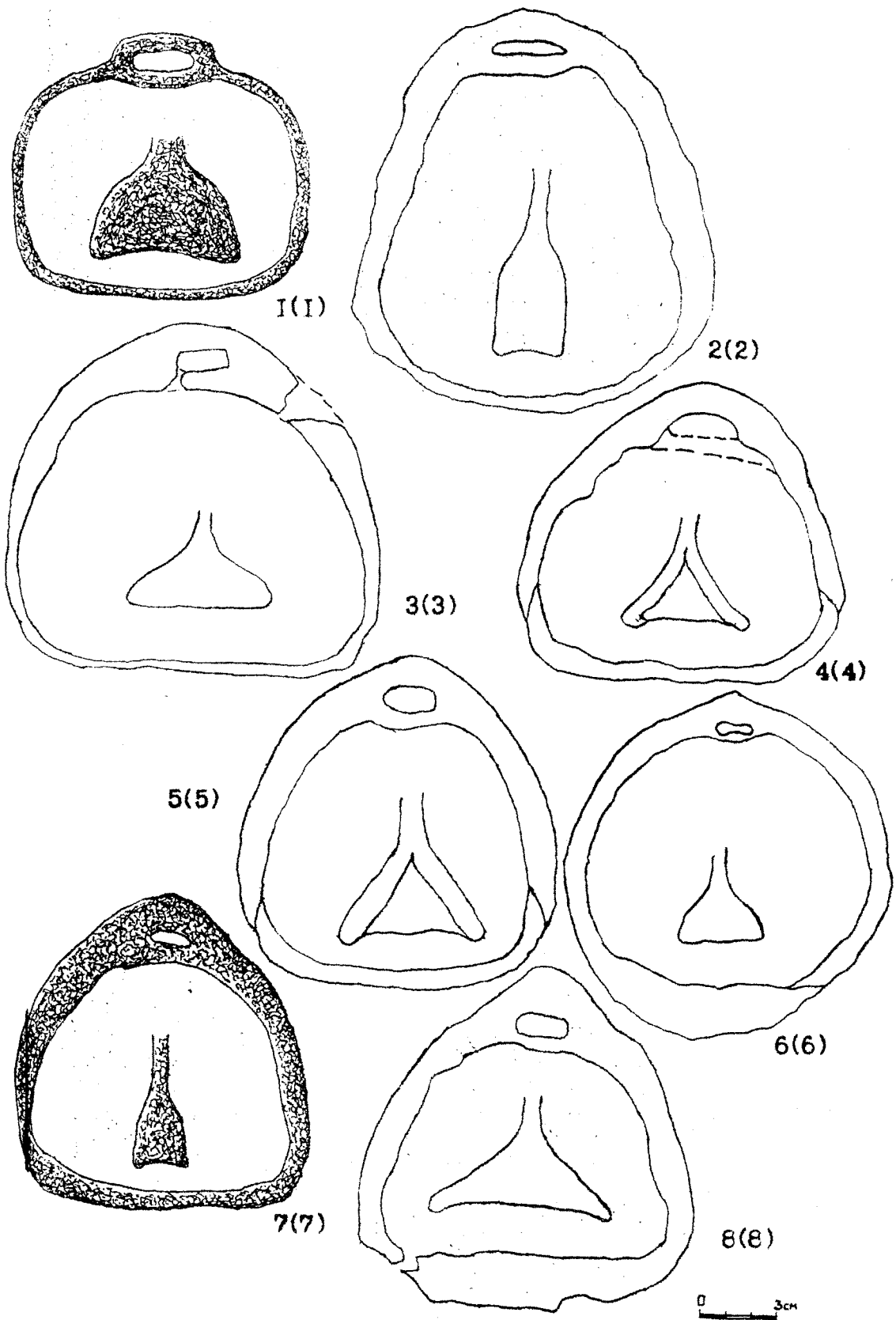
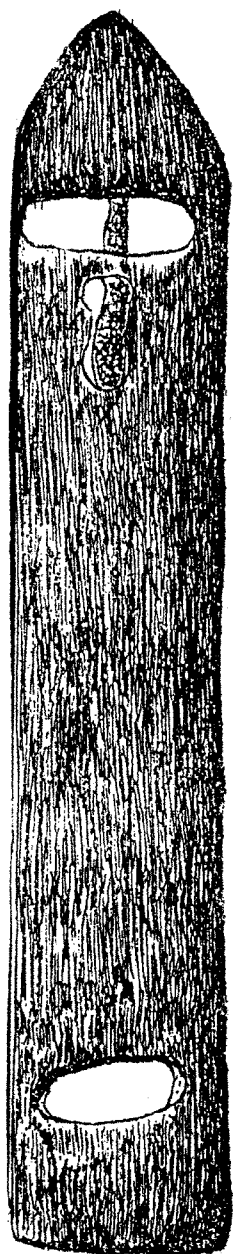
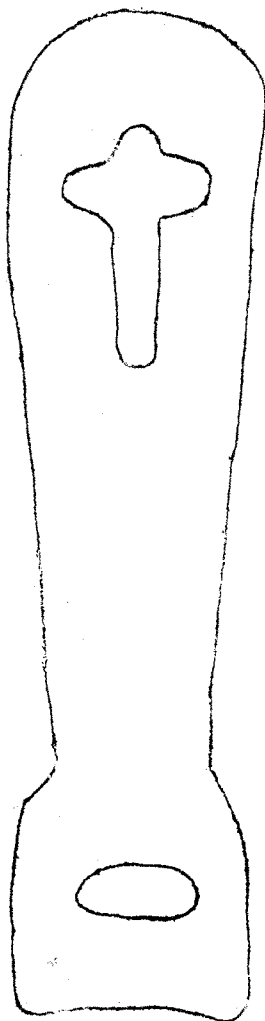

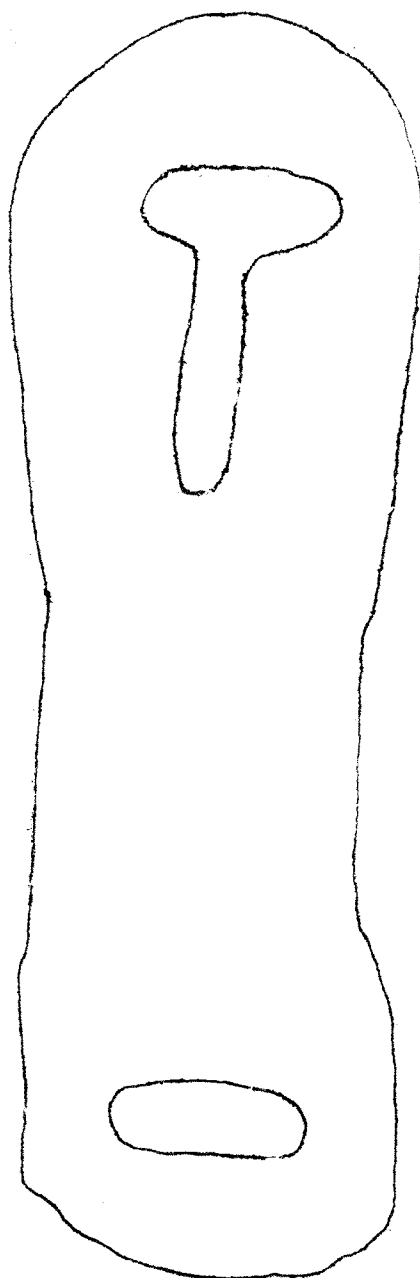
Рис. 2. Типы железных стремян.

1/2/

2/3a/

3/36/

Рис. 3. Типы костяных пряжек.

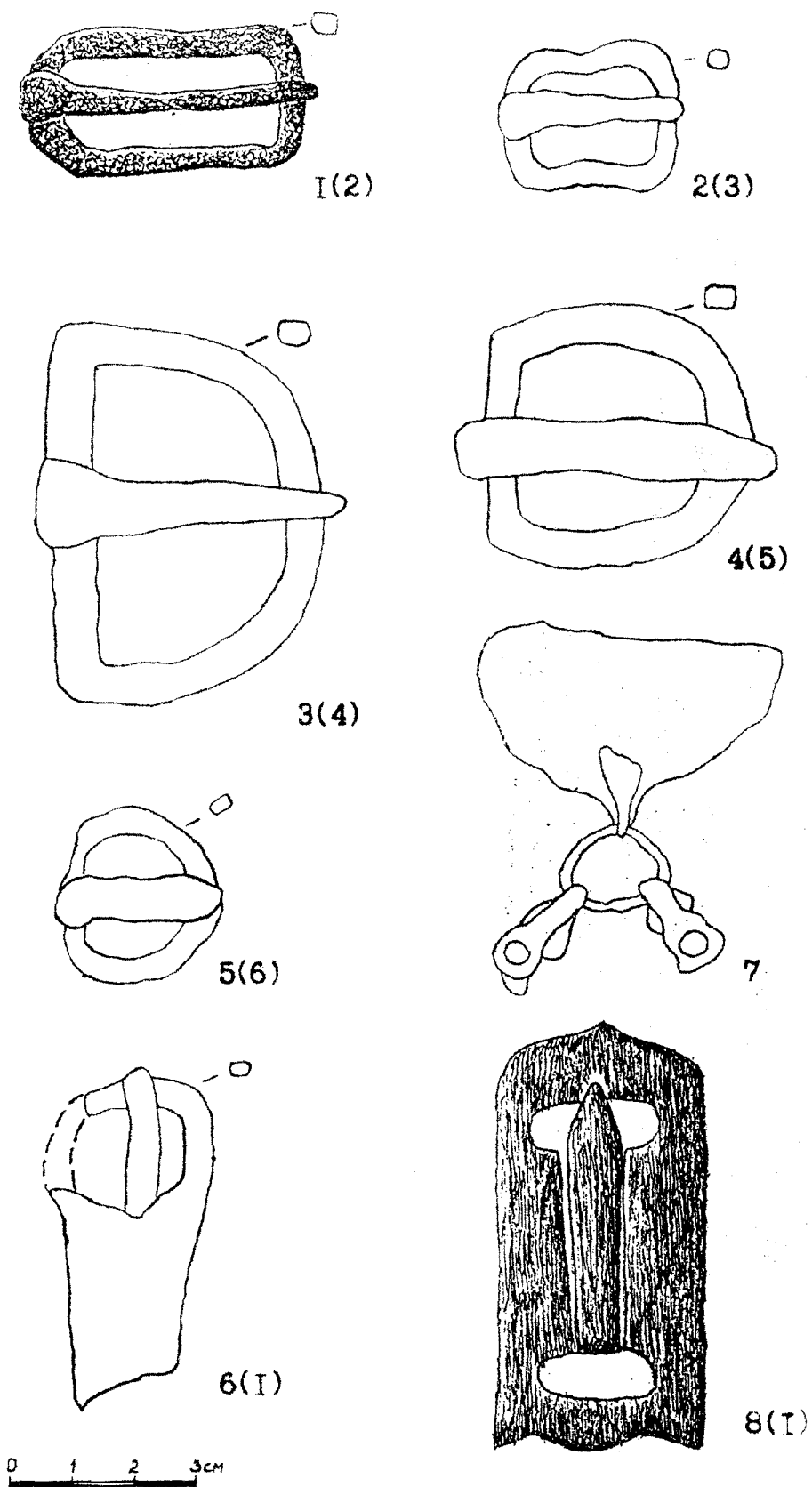

Рис. 4. Типы железных пряжек (1–6),
тройник-распределитель 7), костяная пряжка (8).

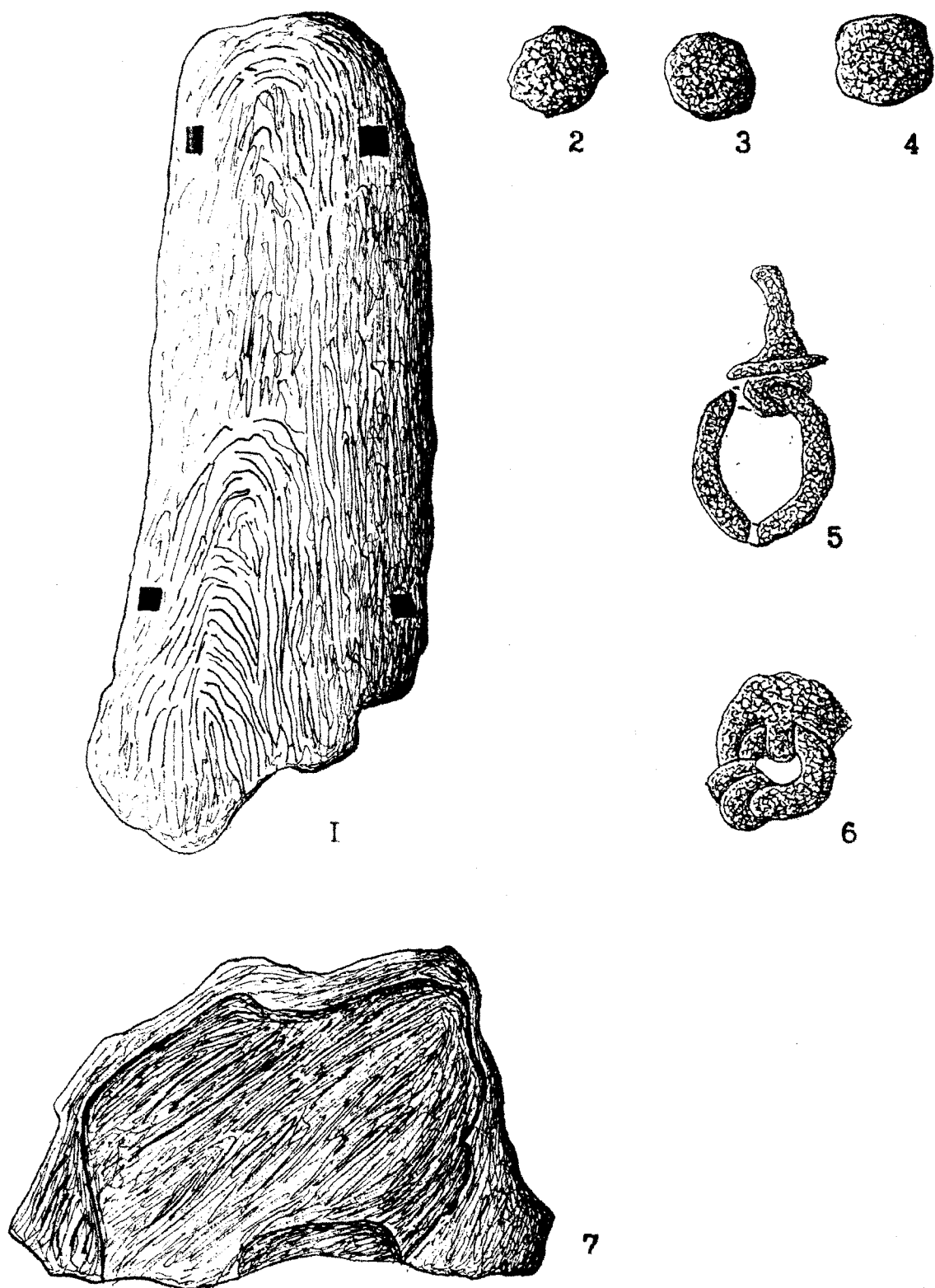

Рис. 5.

Рис. 5. Остатки седел и их принадлежности.

Таблица 1

Раздел I	Отдел	Тип	Памятник
Гладкие (10 экз.)	I. упоровые (1)	1. перпендикулярно-кольчатые (1)	Усть-Кан
	II. равнокрючные (8)	2. нераскляпанно-крюковые (8)	Катанда Б.к. в.м.; Верх-Еланда-I, к. 1; Пазырык к.5 в.м.; Ильинка к. 5; Элекманар-II к. 17; БЕ-VI м. 7,8; Кашкарагайха к. 1
	III. однокольчатые (1)	3. круглые (1)	Усть-Алейка. Клуб. м. 2

Таблица 2

Разряд	Раздел	Отдел	Тип	Памятник
I. вертикальные (2)	I. стержневые (2)	I. пластинчатые (2)	1. округлолитовидные (2)	Усть-Кан.
			2. круглые (7)	Ильинка к. 5 (2); Пазырык к. 5 в.м (2); Кудыргэ м. 19 (2); Сухие Гривы м.1.
II. кольчатые (19)	II. большие (12)	I. круговые (12)	3. пайбовидные (12)	Элекманар-II к. 17 (2); Катанда Б.к. в.м (2); Верх-Еланда-I к. 1 (2); БЕ VI м. 7 (2), 8 (2); Кашкарагайха к. 1 (2)

Таблица 3

Надразряд	Разряд	Подразряд	Раздел	Подраздел	Отдел	Тип	Памятник
I. стержневые (3)	I. арочные (3)	А. с прямой подножкой (3)	I. прямоугольные (8)	I. прямоугольные (3)	I. Невыделенно-пластинчатые (3)	1. горизонтально-пластинчатые (3)	Верх-Еланда-I, к. 1 (2); Пазырык к. 5 в.м.
						II. овалы (9)	I. с сильно изогнутой подножкой (1)
II. круглые (2)	А. с сильно изогнутой подножкой (2)	Б. с прямой подножкой (8)	I. прямоугольные (2)	А. уплощенно-прямые (3)	I. беспластинчатые (3)	3. овальноушкового (3)	Сухие Гривы м. 1; Ильинка к. 5 (2)
						III. треугольные (6)	Б. Э-образные (5)
					I. беспластинчатые (2)	6. остроушкового (2)	Усть-Кан
					I. беспластинчатые (1)	7. остроушкового (1)	Змеевка к. 4 м. 2
					I. беспластинчатые (5)	8. остроушкового (5)	Ильинка к. 4 (2); Бийск АБ; Кудыргэ м. 14 (2)

Таблица 4

Разряд	Раздел	Отдел	Тип	Подтип	Памятник
I. с костяным язычком (1)	I. одноставровые (1)	I. невыделеннорамчатые (1)	1. фигурные (1)		Усть-Кан
			2. пятиугольные (1)		с/н с г. Елбанка
II. с железным язычком (3)	I. одноставровые (3)	II. выделеннорамчатые (2)	3. круглые (2)	а. прямоугольные скобчатые (1)	Усть-Алейка Клуб м. 2
				б. овальные (1)	БЕ-VI м. 8

Таблица 5

Разряд	Раздел	Отдел	Тип	Памятник
I. щитковые	I. Подпрямоугольные (1)	I. короткощитковые (1)	1. Овальнощитковые (1)	БЕ-VI м. 7
			2. прямоугольнорамчатые (2)	Пазырык к. 5 вл. м.; БЕ-VI м. 7
II. рамчатые (7)	II. подпрямоугольные (2)	I. прямоугольные (2)	3. фигурнорамчатые (1)	БЕ-XIV м. 6
			4. овальнорамчатые (1)	Сухие Гривы м. 1
			5. овальнорамчатые (1)	БЕ-VI м. 8
	III. овалы (1)	I. прямоугольные (1)	6. овальнорамчатые (2)	БЕ-VI м. 8 (2)
IV. трапециевидные (1)	I. прямоугольные (1)			
V. округлые (2)	I. прямоугольные (2)			

собой форму выделеннопластинчатых стремян, хорошо известную ранее на Алтае, в Восточном Казахстане, в Хакасии и Туве. Такое конструктивное сочетание старой формы с новым типом крепления могло сложиться только в самом конце I — начале II тыс. н.э. [Неверов, 1988, с. 132]. Подобные стремяна, кроме указанных территорий, встречены в это время и в Томском Приобье [Матющенко, Старцева, 1970, с. 170].

В XII в. происходит повсеместное распространение стремян с круглой формой дужки (тип 6). В это время они фиксируются в кыпчакских могилах у с. Мануйловки около Таганрога, в Мрясимовских курганах на Южном Урале, в погребении с трупосожжением Черновы в Хакасско-Минусинской котловине [Кызласов И.Л., 1983, табл. XVI.-1; Мажитов, 1981, рис. 73.-17; Савинов, 1979, рис. 2].

В XIII в. беспластинчатые стремяна, в целом сохранив общую форму, претерпевают некоторые конструктивные изменения. Так, поперечное сечение подножки показывает, что ее края отогнуты книзу, а сами стремяна становятся более массивными (типы 3-5,8) (рис. 2.-3-5,8). Найти аналогии алтайским экземплярам XIII-XIV вв. на сопредельных территориях не составляет особого труда [Бараба в тюркское время, 1988, рис. 2.-8; Кызласов, 1983, табл. XVI.-7; Мажитов, 1981, рис. 75.-2; Худяков, 1979, рис. 1.-3; Худяков, 1990, рис. 5]. По результатам проведенного нами анализа можно также констатировать, что общие пропорции стремян XIII в. больше, чем стремян XII в. и, соответственно, меньше, чем у стремян XIV в. Последние, по существу, становятся с этого времени уже традиционной формой стремян у коренного населения Сибири в эпоху позднего средневековья [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, рис. 60.-1,3].

Помимо железных, местные племена, как и в предшествующее время, широко использовали и стремяна изготовленные из других материалов (рог, дерево и др.), что подтверждается находкой деревянного стремени из Горного Алтая, датированной II пол. II тыс. н.э. [Кочеев, 1983, с. 156], а также рядом этнографических экземпляров.

Костяные пряжки. В собранных нами материалах имеется 4 экземпляра костяных пряжек с подвижным язычком. В предлагаемой классификации *группа* определяется по материалу изделия, *разряд* по материалу подвижного язычка, *раздел* определяется формой прорезей для ремня и крепления

язычка, *отдел* характеризуется наличием или отсутствием вырезов на бортиках, которые четко отделяют рамку от щитка, *тип* выделяется по форме продольного плоскостного сечения рамки, *подтип* — формой продольного плоскостного сечения щитка. Всего нами выделено 3 типа костяных пряжек, по своему назначению являющихся подпружными, так как в археологических комплексах они зафиксированы в наборах сопроводительного конского снаряжения или с остатками седел.

Наиболее интересными в нашем собрании являются костяные пряжки с железным язычком (типы 2,3) (рис. 3). Как считает В.А. Могильников, «они генетически восходят к костяным пряжкам сrostкинской культуры, но в отличие от них имеют крупные и удлиненные пропорции» [Могильников, 1981, с. 197]. Приводимая им датировка — XIII-XIV вв. Именно в это время происходит стандартизация их облика — пряжки подобных размеров в предшествующее время не прослеживаются. Аналогичные пряжки имеются в XIII-XIV вв. на Енисее (Часовенная гора), в Минусинской котловине (Быстрая), в Забайкалье (Ильмовая падь) [Гаврилова, 1965, рис. 13.-18; Савинов, 1990, рис. II.-5, рис. III.-11, рис. V.-7]. В силу своей яркой хронологической выразительности в специальной литературе они имеют название пряжек монгольского времени.

Фигурные пряжки с костяным язычком (тип 1) (рис. 4.-8) известны по материалам всех средневековых культур Южной Сибири в I — начале II тыс. н.э. и достаточно подробно рассмотрены [Неверов, 1985, с. 192].

Железные пряжки. В наборах конской упряжки из памятников Алтая I пол. II тыс. н.э. нередко встречаются железные пряжки. Всего нами собрано 8 экземпляров пряжек, объединенных по материалу изготовления в одну *группу*. Далее нами используются следующие классификационные единицы: разряд определяется общим принципом крепления к ремню — щитковые и рамчатые (бесщитковые); *раздел* — общим контуром рамки; *отдел* (у щитковых пряжек) характеризуется длиной щитка (коротко-, средне- и длиннощитковые), *тип* — формой завершения конца щитка. У рамчатых пряжек отдел выделяется по форме поперечного сечения рамки. С учетом данной схемы нами выделено 6 типов рамчатых бесщитковых пряжек и 1 тип щитковых железных пряжек.

Рамчатые бесщитковые пряжки нашего собрания представлены типами 2-6 (рис. 4.-1-5).

В комплексах сопредельных территорий XI–XIV вв. аналогии им найти несложно [Басандайка, 1948, табл. 33.–49, табл. 60.–91; Иванов, Кригер, 1988, рис. 7.–3, 18, рис. 12.–18, рис. 13.–22; Кирюшин, Неверов, Степанова, 1990, рис. 10.–3]. По мнению В.А. Могильникова, подобные пряжки «принадлежат к типам, имеющим широкое распространение» [Могильников, 1981, с. 197]. С.В. Неверов считает их продолжением линии развития подобных пряжек Южной Сибири еще гунно-сарматского времени, «где можно найти практически все их исходные формы» [Неверов, 1988, с. 141]. Далее автор отмечает, что «пряжки круглого сечения в начале II тыс. встречаются редко, а ведущими типами становятся пряжки с пластинчатыми рамками» [Неверов, 1988, с. 142]. Данный тезис хорошо подтверждается экземплярами нашей серии.

Железная пряжка с коротким щитком (тип 1) (рис. 4.–6) находит прямые аналогии в материалах аскизской культуры, продолжающей развитие тухтятской культурной традиции [Кызласов И.Л., 1983, рис. 17.–4, с. 35]. К снаряжению верхового коня в материалах нашего собрания относятся остатки седельных лек, железные кольца для приторачивания, а также железный тройник — распределитель ремней (рис. 4.–7; рис. 5).

Таким образом, подводя итог проделанной работе, можно отметить, что нами рассмотрены практически все опубликованные в научной литературе предметы конской упряжи, происходящие из алтайских комплексов I пол. II тыс. н.э. Однако, несомненно, что с введением в научный оборот результатов новых исследований по предмонгольскому и монгольскому времени Алтая, наши таблицы существенно пополнятся.

Список литературы

- Абдулганеев М.Т.* Майэмирские курганы Бойтыгема // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 37–43.
- Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х.* Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 52–77.
- Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л.* Курганы быстриянской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 143–155.
- Агеева Е.И., Джузупов А.* Интересная находка // УЗ КГУ. Т. IV. Вып. 12. Алма-Ата, 1963. С. 175–179.
- Агеева Е.И., Максимова А.Г.* Отчет павлодарской экспедиции 1955 г. // Труды ИИАЭ Казахской ССР. Т. 7. Алма-Ата, 1959. С. 32–58.
- Адрианов А.В.* К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.) // Известия Императорской Археологической Комиссии. Вып. 62. Петроград, 1916. 92 с.
- Акишев А.К., Акишев К.А.* Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С. 38–63.
- Акишев К.А.* Саки азиатские и скифы европейские (Общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973. С. 43–58.
- Акишев К.А.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978. 132 с.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963. 321 с.
- Алексеев А.Ю.* Чертомлыкский курган и его место среди погребений скифской знати IV — начала III вв. до н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982. 21 с.
- Алексеев А.Ю.* Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н.э. // АСГЭ. Вып. 31. 1991. С. 43–56.
- Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р.* Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н.э.). Киев, 1991. 416 с.
- Алексеев В.П.* Палеоантропология Алтая эпохи железа // Советская антропология. № 1. 1958. С. 45–49.
- Алексеев В.П.* К палеоантропологии Горного Алтая в эпоху раннего железа // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 175–178.
- Алексеев В.П., Гохман И.И.* Антропология азиатской части СССР. М., 1984. 208 с.
- Алехин Ю.П., Гельмель Ю.И.* Курган гунно-сарматского времени у с. Усть-Пустынка Краснощековского района // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 94–96.
- Алехин Ю.П., Кирюшин Ю.Ф.* Змеиногорский район: Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 12–21.
- Амброз А.К.* Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VII вв.) // СА. 1973. № 4. С. 81–98.
- Андреева Ж.В.* Древнее Приморье. Железный век. М., 1970. 146 с.
- Андреева Ж.В.* Приморье в эпоху первобытнообщинного строя. Железный век. М., 1977. 240 с.
- Анфимов И.Н.* Могильник протомеотской культуры хут. Казазово // Меоты — предки адыгов. Майкоп, 1989. С. 27–35.
- Анфимов Н.В.* Основные этапы развития культуры меото-сарматских племен Прикубанья. (По материалам грунтовых могильников). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954. 16 с.
- Анфимов Н.В.* Сложение меотской культуры и ее связи со степными культурами Северного Причерноморья // МИА. № 177. 1971. С. 170–177.
- Арсланова Ф.Х.* Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–XII вв.) // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 98–111.
- Арсланова Ф.Х.* Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. С. 43–57.
- Арсланова Ф.Х.* Новые материалы VII–VI вв. до н.э. из Восточного Казахстана // Древняя Сибирь. Вып. 4: Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 77–83.
- Арсланова Ф.Х.* Случайная находка бронзовых вещей в Семипалатинском Прииртышье // КСИА. Вып. 167. 1981. С. 54–58.
- Артамонов М.И.* Скифское царство в Крыму // Вестник Ленинградского ун-та. № 8. 1948. С. 56–78.
- Артамонов М.И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага-Ленинград, 1966. 120 с.
- Артамонов М.И.* Сокровища саков. М., 1973. 280 с.
- Артамонов М.И.* Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н.э.). Л., 1974. 60 с.
- Артамонова-Полтавцева О.А.* Культура северо-восточного Кавказа в скифский период // СА. № XIV. 1950. С. 20–101.
- Археологическая карта Казахстана.* Реестр. Алма-Ата, 1960. 450 с.

- Археология Украинской ССР*. В 3-х т. (на укр. яз.). Т. 2. Скифо-сарматская и античная археология. Киев, 1971. 504 с.
- Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И.* Древний Мингечаур (эпоха энеолита и бронзы). Баку, 1959. 191 с.
- Бадер О.Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970. 176 с.
- Вараба в тюркское время. Новосибирск, 1988. 176 с.
- Баркова Л.Л.* Курган Шибе и вопросы его датировки // АСГЭ. Вып. 19. 1978. С. 37–44.
- Баркова Л.Л.* Погребение коней в кургане Шибе // АСГЭ. Вып. 20. 1979. С. 55–65.
- Баркова Л.Л.* Изображения свернувшихся хищников на золотых пластинах из Майэмира // АСГЭ. Вып. 24. 1983. С. 20–31.
- Баркова Л.Л.* Образ орлиноголового грифона в искусстве древнего Алтая (по материалам Больших Алтайских курганов) // АСГЭ. N 28. 1987. С. 5–29.
- Басандайка.* Томск, 1948. 219 с.
- Батчаев В.М.* Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1976 гг. Т. 2. Нальчик, 1985. С. 7–115.
- Беликова О.Б.* Среднее Причулымье в XI–XIII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 17 с.
- Бернштам А.Н.* Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // СА. № XI. 1949. С. 337–384.
- Бернштам А.Н.* Чуйская долина // МИА. № 14. М.–Л., 1950. 158 с.
- Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // МИА. № 26. 1952. С. 185–294. 346 с.
- Берс Е.М.* Из раскопок в Горном Алтае у устья р. Куном // Древняя Сибирь. Вып. 4: Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 18–31.
- Бессонова С.С.* Религиозные представления скифов. Киев, 1983. 138 с.
- Бидзиля В.И., Яковенко Э.В.* Киммерийские погребения Высокой могилы. // СА. № 3. М., 1974. С. 148–159.
- Билимович З.А.* Бронзовый кувшин из VI Семибратнего кургана // СА. № 1. 1971. С. 216–218.
- Бобров В.В.* Олень в скифо-сибирском искусстве звериного стиля (тагарская культура). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1973. 29 с.
- Бобров Е.Г.* История и систематика лиственниц // Комаровские чтения. Вып. XXV. Л., 1972. 96 с.
- Бокий Н.Н.* Скифский период на пограничии Степи и Лесостепи в Днепровском Правобережье. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1980. 16 с.
- Боковенко Н.А.* Ранние формы скифо-сибирской узды // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. Кемерово, 1979. С. 67–70.
- Боковенко Н.А.* Динамика развития конской сбруи в скифское время на Алтае (к проблеме цикличности инноваций) // Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л., 1981. С. 55–57.
- Боковенко Н.А.* Некоторые особенности формирования погребального обряда ранних кочевников Саяно-Алтая и Казахстана // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986а. С. 46–48.
- Боковенко Н.А.* Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986б. 24 с.
- Боковенко Н.А.* Новые памятники раннескифского времени в Западных Саянах // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Суздаль, 1987. С. 46–47.
- Боковенко Н.А.* Проблемы генезиса погребального обряда раннекочевнической знати Центральной Азии // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. С. 41–48.
- Боковенко Н.А.* Новый памятник аржанского этапа в центре Азии // Южная Сибирь в древности. СПб., 1995. С. 85–90.
- Боковенко Н.А., Кузьмин Н.Ю., Курочкин Г.Н., Павлов П.Г., Савинов Д.Г.* Работы Среднеенисейской экспедиции // Археологические открытия 1986 года. М., 1988. С. 219–223.
- Боровка Г.И.* Археологическое изучение среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Т. 1, 2. Л., 1927.
- Бородаев В.Б.* Находки из Змеиногорска и его окрестностей, опубликованные в археологическом атласе 1877 г. // Охрана и использование памятников истории горного дела и камнерезного искусства Алтайского края. Барнаул, 1986. С. 94–98.
- Бородаев В.Б.* Местонахождение Вакулиха-1 // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Тезисы. Часть I. Барнаул, 1993. С. 150–155.
- Бородовский А.П.* Снаряжение верхового коня второй половины I тыс. до н.э. (по материалам раскопок на Северо-Западном Алтае) // Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР. Новосибирск, 1988. С. 73–80.
- Бородовский А.П.* Древнее костерезное дело юга Западной Сибири. Новосибирск, 1997. 224 с.
- Боярский П.В.* Седлайте коней! М., 1994. 160 с.
- Бродянский Д.Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла (II–I тысячелетия до н.э.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1969. 20 с.
- Вадецкая Э.Б.* Роль бугровщиков и мифы «о могильном золоте» на Енисее // СА. № 2. 1971. С. 208–211.
- Вадецкая Э.Б.* Первые итоги работ на КАТЭКе // Древние культуры евразийских степей. По материалам археологических работ на новостройках. Л., 1983. С. 47–56.

- Вайнштейн С.И.* Тува в эпоху первобытнообщинного строя // История Тувы. Т. I. М., 1964.
- Вайнштейн С.И.* Памятники казылганской культуры // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. II. М.-Л., 1966. С. 143-184.
- Вайнштейн С.И.* Памятники второй половины I тысячелетия в западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. II. М.-Л., 1966. С. 292-347.
- Вайнштейн С.И.* Конская сбруя // Материальная культура. Свод этнографических понятий и терминов. М., 1989. С. 69-72.
- Вайнштейн С.И.* Мир кочевников центра Азии. М., 1991. 296 с.
- Вальчак С.Б.* О некоторых цельнолитых уздечных комплексах предскифского времени на юге Восточной Европы // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989-1990 гг. Материалы семинара по скифо-сарматской археологии. М., 1993.
- Вальчак С.Б.* Хронология черногоровского этапа (по материалам уздечных наборов) // Проблема скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1994. С. 40-42.
- Вальчак С.Б.* Предскифская узда Восточной Европы: уздечные комплексы с трехплетельчатыми псалиями (классификация и хронология) // Древности Евразии. М., 1997. С. 88-119.
- Вальчак С.Б.* Предскифские колесницы и «новочеркасские кладь» некоторые дополнения к проблеме // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. МИАР. № 1. М., 1997. С. 40-56.
- Вальчак С.Б., Эрлих В.Р.* Еще раз о комплексах типа Новочеркасского клада // Вторая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 1993.
- Вальчак С.Б., Мамонтов В.И., Сазонов А.А.* Ранние памятники черногоровского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология // Историко-археологический альманах (армавирского краеведческого музея). Вып. 2. Армавир, М., 1996. С. 23-44.
- Варёнов А.В.* Скифские памятники Алтая, Ордоса и происхождение сюннуской культуры // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 123-125.
- Варёнов А.В.* «Сакская» керамика в погребениях Северного Китая и Алтай // Горный Алтай и Россия 240 лет. Горно-Алтайск, 1996. С. 31-34.
- Васютин А.С.* Некоторые вопросы относительной хронологии комплексов со стременами и удилами кудыргинского и катандинского типов // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I-II тысячелетии н.э. Кемерово, 1994. С. 55-68.
- Васютин А.С., Илюшин А.М., Елин В.Н., Миклашевский Е.А.* Погребения предтюрокского времени на могильнике Кок-Паш из Восточного Алтая // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск, 1985. С. 29-50.
- Ведянин С.Д., Тишкин А.А.* Результаты археологической разведки в Романовском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. II. Барнаул, 1995. С. 204-207.
- Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII-IV вв. до н.э.). Грозный, 1972. 389 с.
- Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунин А.П.* Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С. 184-199.
- Виргинский В.С.* Петр Козьмич Фролов (1775-1839 гг.). М., 1968. 190 с.
- Витт В.О.* Лошади Пазырыкских курганов // СА. № XVI. 1952. С. 163-205.
- Вишневская О.А., Итина М.А.* Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 97-208.
- Вишневская О.А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э.: По материалам Уйгарака. М., 1973. 160 с.
- Владимиров В.Н., Глоба Г.Д.* Раскопки у с. Белый Бом // АО 1980 года. М., 1981. С. 172-173.
- Владимиров В.Н., Цыб С.В.* Исследования в Горном Алтае // АО 1979 года. М., 1980. С. 196-197.
- Волков В.В.* Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967. 148 с.
- Волков В.В.* Улангомский могильник (по материалам раскопок 1972 г.) // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 101-107.
- Волков В.В.* Оленьи камни Монголии. Улан-Батор, 1981. 254 с.
- Воронов Ю.Н.* О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С. 200-218.
- Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье.* М., 1992.
- Гаврилова А.А.* Раскопки второго Катандинского могильника (Работы Катандинского отряда Горно-Алтайской экспедиции 1954 г.) // СА. № XXVII. 1957. С. 250-268.
- Гаврилова А.А.* Могилы поздних кочевников у г. Суханихи на Енисее // СА. № 2. 1964. С. 164-170.
- Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л., 1965. 146 с.
- Гаврилова А.А.* Узор иранской ткани из 5-го Пазырыкского кургана (реконструкция) // СГЭ. Вып. XIV. 1980. С. 52-55.

- Гаврилюк А.Н., Таиров А.Д. Курганы у села Обручѣвка в Южном Зауралье // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С. 53-67.
- Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Бранденбурга) // САИ. Вып. Д I-33, М., 1977. 66 с.
- Галанина Л.К. Курджипский курган. Памятник культуры прикубанских племен IV в. до н.э. Л., 1980. 127 с.
- Галанина Л.К. Раннескифские уздечные наборы (по материалам келермесских курганов) // АСГЭ. Вып. 24. Л., 1983. С. 32-55.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972. 371 с.
- Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 116-126.
- Гольмстен В.В. К разработке приемов исследования вещественных памятников // Сообщения ГАИМК. № 11-12. 1932. С. 11-14.
- Гольмстен В.В. Из области культа древней Сибири // Изв. ГАИМК. Вып. 100. М.-Л., 1933. С. 100-124.
- Горбунов В.В. Реконструкция вооружения воинов Горного Алтая эпохи «великого переселения народов» // Материалы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Абакан, 1993а. С. 42-44.
- Горбунов В.В. Грунтовый могильник с обрядом кремации Троицкий Елбан-1 // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993б. С. 80-90.
- Горбунов В.В. Реконструкция вооружения древнетюркских воинов Горного Алтая // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Барнаул, 1994. С. 109-116.
- Горбунова К.С. Костяная пластинка с гравированным рисунком из VI Семибратнего кургана // СГЭ. Вып. XI. 1957. С. 46-47.
- Горбунова К.С. Костяные пластинки с гравированными изображениями из VI Семибратнего кургана // СГЭ. Вып. XXXII. 1971а. С. 56-58.
- Горбунова К.С. Серебряные килики с гравированными изображениями из Семибратних курганов // Культура и искусство античного мира. Л., 1971б. С. 18-38.
- Горбунова Н.Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа // АСГЭ. Вып. 5. 1962. С. 91-122.
- Горбунова Н.Г. Основные этапы развития культуры древней Ферганы // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Вып. 5. М., 1983. С. 34-42.
- Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX — первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 163-208.
- Горелик М.В. Степной бой (из военного дела татаро-монголов) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 155-160.
- Горелик М.В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н.э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993а. С. 149-179.
- Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие — IV в. до н.э.). М., 1993б. 349 с.
- Горелик М.В. Вооружение народов Восточного Туркестана // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1995. С. 359-430.
- Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре // МИА. № 36. 1954. 240 с.
- Граков Б.Н. Скифы: Научно-популярный очерк. М., 1971. 200 с.
- Граков Б.Н. Ранний железный век: Культуры Западной и Юго-Восточной Европы. М., 1977. 232 с.
- Грач А.Д. Алтай и Тува в скифское время // История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. I. Л., 1968а. С. 227-233.
- Грач А.Д. Древнетюркские курганы на юге Тувы // КСИА. Вып. 114. 1968б. С. 105-111.
- Грач А.Д. Итоги и перспективы археологических исследований в Туве // КСИА. Вып. 118. 1969. С. 43-57.
- Грач А.Д. Алды-бельская культура раннескифского времени в Туве // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975. С. 249-258.
- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. 256 с.
- Грач В.А. Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 156-168.
- Григорьев Е.В. Тройники-распределители Южной Сибири VII-X вв. // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Барнаул, 1994. С. 103-106.
- Гришин Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы // САИ. Вып. В 3-12. М., 1971. 90 с.
- Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М., 1981. 203 с.
- Гришин Ю.С. Производство в тагарскую эпоху // Гришин Ю.С., Тихонов Б.Г. Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа // МИА, № 90. М., 1960. С. 116-206.
- Грязнов М.П. Раскопки княжеской могилы на Алтае // Человек. № 2-4. 1928. С. 217-219.
- Грязнов М.П. Пазырыкское княжеское погребение на Алтае // Природа. № 11. 1929. Стб. 971-984.

- Грязнов М.П.* Древние культуры Алтая // *Материалы по изучению Сибири.* Вып. 2. Новосибирск, 1930а. 12 с.
- Грязнов М.П.* Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // *История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства.* Части I–II (на правах рукописи) М.–Л., 1939. С. 399–413.
- Грязнов М.П.* Раскопки на Алтае // *СГЭ.* Вып. I. 1940. С. 17–21.
- Грязнов М.П.* Пазырык. Погребение племенного вождя на Алтае. Дис. ... доктора ист. наук. Л., 1941. 593 с. (Рукопись).
- Грязнов М.П.* Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // *КСИИМК.* Вып. XVIII. М.–Л., 1947. С. 9–17.
- Грязнов М.П.* Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. 89 с., табл.
- Грязнов М.П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // *МИА.* № 48. 1956а. 163 с.
- Грязнов М.П.* Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // *КСИИМК.* Вып. 61. 1956б. С. 8–16.
- Грязнов М.П.* Древнее искусство Алтая. Л., 1958. 96 с.
- Грязнов М.П.* Связи кочевников Южной Сибири со Средней Азией и Ближним Востоком в I тысячелетии до н.э. // *Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии.* М.–Л., 1959. С. 136–142.
- Грязнов М.П.* Саки // *История Киргизии.* Т. I. Фрунзе, 1963. С. 68–72.
- Грязнов М.П.* Тагарская культура // *История Сибири с древнейших времен до наших дней.* Т. I. Древняя Сибирь. Л., 1968. С. 187–196.
- Грязнов М.П.* К хронологии древнейших памятников эпохи ранних кочевников // *Успехи среднеазиатской археологии.* Вып. 3. Л., 1975. С. 9–12.
- Грязнов М.П.* К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // *КСИА.* Вып. 154. 1978а. С. 9–18.
- Грязнов М.П.* Саяно-алтайский олень // *Проблемы археологии.* Вып. 2. Л., 1978б.
- Грязнов М.П.* Об едином процессе развития скифо-сибирских культур // *Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства.* Кемерово, 1979. С. 4–7.
- Грязнов М.П.* Аржан: Царский курган раннескифского времени. Л., 1980а. 62 с.
- Грязнов М.П.* Таптыгская культура // *Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее.* Новосибирск, 1980б. С. 89–146.
- Грязнов М.П.* Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // *Археология Южной Сибири.* Кемерово, 1983. С. 3–18.
- Грязнов М.П., Завитухина М.П., Комарова М.Н., Миняев С.С., Пшеницына М.Н., Худяков Ю.С.* Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1980. 167 с.
- Грязнов М.П., Манай-оол М.Х.* Курган Аржан — могила «царя» раннескифского времени // *Ученые записки ТНИИЯЛИ.* Вып. XVI. Кызыл, 1973. С. 191–206.
- Грязнов М.П., Манай-оол М.Х.* Курган Аржан по раскопкам 1973–1974 гг. // *Ученые записки ТНИИЯЛИ.* Вып. XVII. Кызыл, 1975. С. 185–198.
- Гумилев Л.Н.* Статуэтки воинов из Туук-Мазара // *СМАЭ.* Т. XII. М.–Л., 1949. С. 232–253.
- Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 1993. 503 с.
- Гуревич Д.Я., Роголёв Г.Т.* Словарь-справочник по коневодству и конному спорту. М., 1991. 240 с.
- Даль В.* Толковый словарь живого русского языка. Т. 1–4. СПб., М., 1881. Перездание: М., 1979.
- Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1995. 688 с.
- Давудов О.М.* Культура Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974. 192 с.
- Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР // *Тр. Ин-та этнографии.* Новая серия. Т. 4. М.–Л., 1948. 392 с.
- Демин М.А.* Чудские копи Алтая по литературным источникам XVIII века // *250 лет горного производства на Алтае.* Барнаул, 1977. С. 27–30.
- Демин М.А.* Из истории первых известий по археологии Алтая // *Древняя история Алтая.* Барнаул, 1980. С. 131–138.
- Демин М.А.* История археологического изучения Алтая (дооктябрьский период). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1981. 22 с.
- Демин М.А.* Первооткрыватели древностей. Барнаул, 1989. 120 с.
- Демин М.А., Гельмель Ю.И.* Курганное погребение раннескифского времени из Горного Алтая // *Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла.* Барнаул, 1992. С. 28–34, 170–175.
- Демин М.А., Шульга П.И.* Работы в районе р. Сентелек // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края.* Вып. V. Ч. 2. Барнаул, 1995. С. 97–101.
- Деревянко А.П.* Приамурье в древности (до начала нашей эры). Автореф. дис. ... доктора ист. наук. Новосибирск, 1971. 63 с.
- Деревянко А.П.* Ранний железный век Приамурья. Новосибирск, 1973. 354 с.
- Деревянко А.П.* Приамурье (I тысячелетие до нашей эры). Новосибирск, 1976. 384 с.

- Деревянко Е.И.* К вопросу о древних связях племен Дальнего Востока с кочевниками Центральной Азии во второй половине I тыс. н.э. // Известия ЛАИ. Кемерово, 1974. Вып. 5. С. 86–97.
- Диков Н.Н.* Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958. 108 с.
- Дмитриева Е.Н., Левашева В.П.* Материалы из раскопок сибирских бугровщиков // СА. № 2. 1965. С. 225–236.
- Доманский Я.В.* Нижнее Побужье в VII–V вв. до н.э. (Историко-археологическое исследование). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1955. 15 с.
- Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок).* Новосибирск, 1994. 224 с.
- Древности Боспора Киммерийского.* Т. I. СПб, 1854. 280 с.
- Дубовская О.Р.* О территориальном соотношении всаднических погребений групп Черногоровки и Новочеркасского клада // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. VI Республиканская конференция молодых археологов. Киев, 1987. С. 50–51.
- Дубовская О.Р.* К интерпретации комплексов типа Новочеркасского клада // СА. № 1. 1989. С. 63–69.
- Дубовская О.Р.* Плеть как возможный атрибут предскифских погребений // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. МИАР. № 1. М., 1997. С. 57–61.
- Дударев С.Л.* Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991. 165 с.
- Дьяконова Н.В.* Осада Кушинагары // Восточный Туркестан и Средняя Азия. М., 1984. С. 97–107, 215–218.
- Дэвлет М.А.* Племена бассейна Среднего Енисея в раннем железном веке. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1966. 23 с.
- Дэвлет М.А.* Памятники «скифского» времени в северо-восточной Туве // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 119–127.
- Дэвлет М.А.* К истории исследования памятников тагарской культуры // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово, 1976. С. 16–33.
- Дэвлет М.А.* Петроглифы Енисея. Автореф. дис. ... доктора ист. наук. М., 1982а. 82 с.
- Дэвлет М.А.* Петроглифы на кочевой тропе. М., 1982б. 128 с.
- Евтюхова Л.А.* К вопросу о каменных курганах на Среднем Енисее // Труды ГИМ. 1938. Вып. VIII. С. 78–113.
- Евтюхова Л.А.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948. 110 с.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В.* Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. Вып. XVI. 1941. С. 75–117.
- Ермолаева А.С.* Раскопки могильника у с. Измайловка // АО 1981 года. М., 1983. С. 437–438.
- Ермолаева А.С.* Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. С. 64–94.
- Ермолаева А.С.* Измайловский погребальный комплекс переходного периода от бронзы к раннему железу из Восточно-Казахстанского Прииртышья // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1996. С. 154–163.
- Есаян С.А., Погребова М.Н.* Скифские памятники Закавказья. М., 1985. 153 с.
- Железчиков Б.Ф.* Ранние кочевники Южного Приуралья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. 16 с.
- Железчиков Б.Ф.* История изучения памятников савроматского времени // Савроматская эпоха. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 1. М., 1994. С. 27–38.
- Завитухина М.П.* Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // АСГЭ. 1961. Вып. 3. С. 89–108.
- Завитухина М.П.* Второй Бийский могильник // СГЭ. 1962. Вып. 22. С. 28–30.
- Завитухина М.П.* Курганы у села Быстрянского в Алтайском крае (по раскопкам С.М. Сергеева в 1930 г.) // АСГЭ. Вып. 8. 1966а. С. 61–78.
- Завитухина М.П.* Курганный могильник Сростки-II на Алтае // СГЭ. 1966б. Вып. 27. С. 51–53.
- Завитухина М.П.* Собрание М.П. Гагарина 1716 года в Сибирской коллекции Петра I // АСГЭ. Вып. 18. 1977. С. 41–51.
- Завитухина М.П.* Коллекция Г.Ф. Миллера из Сибири — одно из древнейших археологических собраний России // СГЭ. Л., 1978. Вып. XIV. С. 37–40.
- Завитухина М.П.* Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. Л., 1983. 191 с.
- Заднепровский Ю.А.* Древняя Фергана // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1954. 18 с.
- Заднепровский Ю.А.* Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА. № 118. 1962. 328 с.
- Заднепровский Ю.А.* Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии. Автореф. дис. ... доктора ист. наук. М., 1978. 52 с.
- Заднепровский Ю.А.* Новая археологическая культура ранних кочевников Восточного Тянь-Шаня (могильник Чавухугоу, Кунбак и другие) // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992. С. 95–97.
- Замоторин И.М.* Относительная хронология Пазырыкских курганов // СА. № 1. 1959. С. 21–30.

- Захариева Е.А.* Археологическое дерево как исторический источник (Дендрохронология Саяно-Алтайских курганов VIII–III вв. до н.э.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1974. 20 с.
- Захариева Е.И.* Дендрохронологическое исследование кургана Аржан // СА. № 1. 1976. С. 100–107.
- Захаров А.А.* Материалы по археологии Сибири. Раскопки академика В.В. Радлова в 1865 г. // Труды ГИМ. Вып. I. М., 1926. С. 71–106.
- Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. № 30. 1952. 321 с.
- Зеймаль Е.В.* Амударьинский клад: Каталог выставки. Л., 1979. 96 с.
- Зиняков Н.М.* История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. Томск, 1988. 276 с.
- Зуев В.Ю., Исмаилов Р.Б.* Карсуковский клад // Южная Сибирь в древности. Археологические изыскания. Вып. 24. СПб., 1995. С. 67–75.
- Иванов В.А., Кригер В.А.* Курганы кыпчатского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М., 1988. 90 с.
- Иванов Г.Е., Медникова Э.М.* Новообинский курган // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 89–95.
- Иессен А.А.* К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.) // СА. № XVIII. 1953. С. 49–110.
- Иессен А.А.* Некоторые памятники VIII–VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954. С. 112–131.
- Измайлов И.Л.* Появление и ранняя история стремян в Среднем Поволжье // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 61–70.
- Ильинская В.А.* Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968а. 188 с., ил.
- Ильинская В.А.* Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968б. 205 с., табл.
- Ильинская В.А.* Скифская узда IV в. до н.э. // Скифские древности. Киев, 1973. С. 42–63.
- Ильинская В.А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н.э.). Киев, 1975. 223 с.
- Ильинская В.А., Тереножский А.И.* Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983. 380 с.
- История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней).* Т. I. Алма-Ата, 1977. 479 с.
- История Сибири с древнейших времен до наших дней.* Т. I. Древняя Сибирь. Л., 1968. 454 с.
- Кадиков Б.Х., Скрипин С.И.* Петроглифы Кызыл-Джара — памятник древнего искусства Алтая // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 139–154.
- Кадырбаев М.К.* Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Тр. Института истории, археологии и этнографии. Т. 7. Археология. Алма-Ата, 1959. С. 162–203.
- Кадырбаев М.К.* Памятники Тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С. 303–433.
- Кадырбаев М.К.* Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 21–36.
- Кадырбаев М.К.* Курганы Котанэмеля // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 127–132.
- Кадырбаев М.К.* Скотоводство (историко-археологический очерк) // Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Алма-Ата, 1980. С. 31–59.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К.* Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С. 137–156.
- Казаков Е.П.* Измерский VII могильник // Памятники древней истории Волго-Камья. Вопросы археологии Татарстана. Вып. 1. Казань, 1994. С. 104–123.
- Камбалов Н.А., Сергеев А.Д.* Первооткрыватели и исследователи Алтая. Барнаул, 1968. 72 с.
- Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А.* Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М., 1975. 174 с.
- Кан Ин Ук.* Функциональный анализ скрипковидных кинжалов // Гуманитарные науки в Сибири. № 3. Новосибирск, 1996. С. 103–107.
- Каргер М.К.* Погребение киевского дружинника X в. // КСИИМК. Вып. V. Л., 1940. С. 111–123.
- Карташёв В.Т.* Упряжь и седла (производство и ремонт). М., 1956. 196 с.
- Каряка А.В.* О типологии псалий скифо-сарматского времени // Проблема скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1994. С. 75–78.
- Кеменцеи Т.* Предскифская эпоха в Восточной Венгрии // Археология Венгрии. Конец II тыс. до н.э. — I тыс. н.э. М., 1986. С. 139–153.
- Киреев С.М.* Работы на Майминском комплексе в 1990–1991 гг. // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии (материалы конференции). Горно-Алтайск, 1992а. С. 55–56.
- Киреев С.М.* Курганы «Майма XIX» // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири. Барнаул, 1992б. С. 39–50.
- Кирпичников А.Н.* Снаряжение всадника и верховного коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1–37. Л., 1973. 138 с.
- Кирюшин Ю.Ф.* К вопросу о происхождении культуры раннего железа в Нарымском Приобье // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973. С. 211–214.

- Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Неверов С.В.* Аварийные раскопки на Средней Катуни // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 26–27, рис.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А.* Город Бийск. Памятники археологии // Бийск, Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992. С. 7–19, рис. 1–17.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А.* Бийский район. Памятники археологии // Бийск, Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992. С. 100–114, рис. 18–29.
- Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф.* Курганный могильник Верх-Еланда-I в Горном Алтае // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990. С. 224–242.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 1. Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 231 с.
- Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири // МИА. № 9. М.–Л., 1949. 364 с.
- Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 642 с.
- Киселев С.В.* Из работ Алтайской экспедиции Государственного Исторического музея в 1934 г. // СЭ. № 1. 1935. С. 97–106.
- Киселев С.В.* Монголия в древности // Известия АН СССР. Серия истории и философии. № 4. М., 1947. С. 355–370.
- Клюкин Г.А.* Случайные находки из Алейских степей // Охрана и изучение культурного наследия Алая. Тезисы. Ч. I. Барнаул, 1993. С. 136–140.
- Книга о лошади.* Использование лошади и уход за нею (сост. под руководством С.М. Будёного). Т. IV. М., 1959. 318 с.
- Ковпаненко Г.Т.* Племена скифского времени на Ворскле (на укр. яз.). Киев, 1967. 188 с.
- Ковпаненко Г.Т.* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев, 1980. 159 с.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А.* Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев, 1989. 336 с.
- Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С.* Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 75–106.
- Козенкова В.И.* Кобанская культура. Восточный вариант // САИ. Вып. В 2–5. М., 1977. 88 с.
- Козенкова В.И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. Вып. В 2–5. М., 1982. 177 с.
- Козенкова В.И.* Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. В 2–5. М., 1995. 166 с.
- Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э.* // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 5. 1967. 348 с.
- Колчин Б.А., Шер Я.А.* Абсолютное датирование в археологии // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972. С. 3–10.
- Комарова М.Н.* Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // МИА. № 24. 1952. С. 7–50.
- Коневодство.* Справочник (сост. А.А. Ремизов). М., 1992. 192 с.
- Копылов И.И.* Сакские племена Сыр-Дарьи и Семиречья по археологическим данным. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1953. 19 с.
- Коровина А.К.* К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. № 2. 1957. С. 174–187.
- Корякова Л.Н.* Саргатская культура раннего железного века западносибирской лесостепи: Источниковедческий анализ. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. 19 с.
- Косарев М.Ф.* К вопросу о степном компоненте в культурах железного века лесного Приобья // СА. № 2. 1964. С. 211–213.
- Косарев М.Ф.* Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974. 168 с.
- Косиков В.А.* Техника изготовления художественных бронзовых предметов конского снаряжения скифской эпохи // Донецкий археологический сборник. Вып. 2. Донецк, 1992. С. 39–83.
- Котович В.Г.* Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982. 236 с.
- Кочеев В.А.* Погребение II тыс. н. э. у с. Ело // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 153–162.
- Кочеев В.А.* Раннескифские памятники средней Катуни // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 51.
- Кочеев В.А.* Курганный могильник Айрыдаш-IV на Средней Катуни // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1996. С. 134–137.
- Кренке Н.А.* Коллекция В.В. Радлова из раскопок курганов XVII в. в Сибири // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984. С. 137–146.
- Крупнов Е.И.* Киммерийцы на Северном Кавказе (По археологическим данным) // МИА. № 68. 1958. С. 176–195.

- Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. 520 с.
- Кубарев В.Д.* Новые находки эпохи ранних кочевников в Горном Алтае // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Ч. I. Новосибирск, 1972. С. 45–59.
- Кубарев В.Д.* Работы в Горном Алтае // АО 1975 года. М., 1976. С. 251–255.
- Кубарев В.Д.* Первые работы в долине р. Юстыд // АО 1976 года. М., 1977. С. 209–211.
- Кубарев В.Д.* Курганы Юстыда // АО 1977 года. М., 1978. С. 242–244.
- Кубарев В.Д.* Курганы Юстыда и Бар-Бургазы // АО 1978 года. М., 1979а. С. 235–237.
- Кубарев В.Д.* Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск, 1979б. 120 с.
- Кубарев В.Д.* Разведки и раскопки на Алтае // АО 1979 года. М., 1980. С. 212, 213.
- Кубарев В.Д.* Археологические памятники Кош-Агачского района // Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск, 1980. С. 69–91.
- Кубарев В.Д.* Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981а. С. 29–54.
- Кубарев В.Д.* К интерпретации предмета неизвестного назначения из кургана I памятника Туэкта (Горный Алтай) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981б. С. 65–74.
- Кубарев В.Д.* Работы на Алтае // АО 1980 года. М., 1981в. С. 187–188.
- Кубарев В.Д.* О работах на Алтае // АО 1981 года. М., 1983. С. 205.
- Кубарев В.Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984. 230 с.
- Кубарев В.Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 302 с.
- Кубарев В.Д.* Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 189 с.
- Кубарев В.Д.* Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. 219 с.
- Кубарев В.Д.* Изваяние с реки Хара-Яма // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 158–162.
- Кубарев В.Д.* Древние кочевники Восточного Алтая. Автореф. дис. ... доктора ист. наук. Новосибирск, 1997а. 30 с.
- Кубарев В.Д.* Погребение раннескифского времени на реке Каракол // Гуманитарные науки в Сибири. № 3. 1997б. С. 6–10.
- Кубарев В.Д., Гребенщиков А.В.* Курганы Чуйской степи (по материалам работ Восточно-алтайского отряда в полевой сезон 1975 г.) // Сибирь в древности. Новосибирск, 1979. С. 61–75.
- Кубарев В.Д., Кадиков Б.Х., Чевалков Л.М.* Разведки по рекам Аргут, Чуя и Башкаус // АО 1978 года. М., 1979. С. 237–239.
- Кубарев В.Д., Кочеев В.А.* Курганы урочища Бураты // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 90–109.
- Кубарев В.Д., Маточкин В.П.* Петроглифы Алтая. Новосибирск, 1992. 123 с.
- Кубарев В.Д., Черемисин Д.В.* Образ птицы в искусстве ранних кочевников Алтая // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1984. С. 86–100.
- Кубарев Г.В.* Новые данные по древним тюркам Алтая // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Т. 2. Красноярск, 1991. С. 60–61.
- Кубарев Г.В.* Древнетюркское погребение с р. Чуи // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 91–92.
- Кузнецова Т.М.* Этюды по скифской истории. М., 1991. 150 с.
- Кузнецов-Красноярский И.* Минусинские древности. Меднобронзовый и переходный периоды. Вып. I. Томск, 1908. 26 с., табл.
- Кузьмина Е.Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. Вып. В 4–9. М., 1966. 152 с.
- Кузьмина Е.Е.* В стране Кавата и Афрасиаба. М., 1977. 144 с.
- Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983. 257 с.
- Кулемзин А.М.* История вооружения и военного дела племен тагарской культуры. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1973. 27 с.
- Кулемзин А.М.* Работа Акташского отряда Алтайской экспедиции // АО 1969 года. М., 1970. С. 201.
- Кунгуров А.Л., Кунгурова Н.Ю.* Раскопки могильника Аэродромный в Бийске // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 77–89.
- Курочкин Г.Н.* Тагарские курганы в зоне Новосёловской оросительной системы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. Л., 1988. С. 5–22.
- Курочкин Г.Н.* Образ стоящего оленя в искусстве ранних кочевников Саяно-Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. 1. Барнаул, 1995. С. 94–99.
- Курьер ЮНЕСКО.* Научный гений Древнего Китая. Ноябрь, 1988.
- Кушаев Г.А.* Ранние погребения Алакульской впадины // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 135–145.

- Кызласов Л.Р.* Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении) // Вестник МГУ. № 4. Историко-филологическая серия. 1958. С. 71–99.
- Кызласов Л.Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М., 1960. 197 с.
- Кызласов Л.Р.* Начало сибирской археологии // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 43–52.
- Кызласов Л.Р.* История тувы в средние века. М., 1969. 211 с.
- Кызласов Л.Р.* Курганы древнехакасской тюхтятской культуры в Туве // Вестник МГУ. Серия 8. История. № 6. М., 1978.
- Кызласов Л.Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979. 207 с.
- Кызласов Л.Р., Король Г.Г.* Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990. 216 с.
- Кызласов И.Л.* О происхождении стремян // СА. № 3. 1973. С. 24–36.
- Кызласов И.Л.* Аскизская культура (средневековые хакасы X–XIV вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 200–207.
- Кызласов И.Л.* Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. // САИ. Вып. Е 3–18. М., 1983а. 126 с.
- Кызласов И.Л.* К истории художественной обработки металла в Южной Сибири. Насечка по дереву // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983б. С. 120–130.
- Кызласов И.Л.* Таштыкские рыцари // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990. С. 182–191.
- Кызласов И.Л.* Археологические и эпиграфические исследования на Саяно-Алтайском нагорье // АО 1994 года. М., 1995. С. 284–285.
- Кызласов И.Л.* Материалы к ранней истории тюрков. I. Древнейшие свидетельства об армии // РА. № 3. М., 1996. С. 73–89.
- Лаохэшень.* Институт археологии Цзилинь. Пекин, 1987. С. 138–142 (на кит.яз.).
- Лапушнян В.Л.* Ранние фракийцы X — начала IV в. до н.э. в лесостепной Молдавии. Кишинев, 1979. 142 с.
- Ларичев В.Е.* О происхождении культуры плиточных могил Забайкалья // Археологический сборник. Т. I. Улан-Уда, 1959. С. 63–73.
- Левашова В.П.* Два могильника кыргызов (хакасов) // МИА. № 24. М.-Л., 1952.
- Лесков А.М.* Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. Киев, 1965. 198 с.
- Лесков А.М.* Курганы: находки, проблемы. Л., 1981. 180 с.
- Лесков А.М.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья // МИА. № 177. 1971. С. 75–91.
- Лесков А.М.* Предскифский период на юге Украины. Автореф. дис. ... док. ист. наук. М., 1975. 46 с.
- Либеров П.Д.* Хронология памятников Поднепровья скифского времени // Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конф. ИИМК АН СССР 1952 г.). М., 1954. С. 132–167.
- Либеров П.Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Вып. Д 1–31. М., 1965. 112 с.
- Либеров П.Д.* Древняя история населения Подонья. Автореф. дис. ... док. ист. наук. М., 1971. 57 с.
- Литвинский Б.А.* Древние кочевники «крыши мира». М., 1972. 270 с.
- Литвинский Б.А., Пьянков И.В.* Военное дело у народов Средней Азии в VI–IV вв. до н.э. // ВДИ. № 3. 1966. С. 36–52.
- Лубо-Лесниченко Е.И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975. 240 с.
- Лубо-Лесниченко Е.И.* Могильник Астана // Восточный Туркестан и Средняя Азия. М., 1984. С. 108–120, 219–235.
- Лукашов А.В.* Новый памятник VIII–VII вв. до н.э. в Заволжье // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 157–161.
- Луконин В.Г.* Искусство Древнего Ирана. М., 1977. 232 с.
- Ляпушкин И.И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона // МИА. № 62. М.-Л., 1958. С. 85–150.
- Мажитов Н.А.* Южный Урал в IX- начале X вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981а. С. 80–82.
- Мажитов Н.А.* Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М., 1981б. 160 с.
- Максименко В.Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов, 1984. 224 с.
- Максименков Г.А.* Новые данные по археологии района Красноярска // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 301–315.
- Максимова А.Г.* Курганы сакского времени могильника Джуван-тобе // КСИИМК. № 80. М., 1960. С. 60–64.
- Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951. 447 с.
- Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959. 108 с.
- Мамадаков Ю.Т.* Работы Онгудайского отряда // АО 1981 года. М., 1983. С. 212.
- Мамадаков Ю.Т.* Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 173–191.

- Мамадаков Ю.Т.* Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. до н. э. Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 19 с.
- Мамадаков Ю.Т.* Курганы скифского могильника Кырлык 2 // Изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул, 1995. С. 81–87.
- Мамадаков Ю.Т.* Колушечее оружие булан-кобинского населения // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул, 1996. С. 75–78.
- Манай-оол М.Х.* Тува в скифское время (уюкская культура). М., 1970. 117 с.
- Мандельштам А.М.* Исследования на могильном поле Аймырлыг: Некоторые итоги и перспективы // Древние культуры евразийских степей. По материалам археологических работ на новостройках. Л., 1983. С. 25–33.
- Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У.* О некоторых проблемах истории ранних кочевников Тувы // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980. С. 43–59.
- Манцевич А.П.* Курган Солоха. Л., 1987. 143 с.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. 436 с.
- Марсадалов Л.С.* Памятники ранних кочевников в Усть-Куюме на Алтае (по раскопкам С.П. Сосновского и С.П. Сергеева) // АСГЭ. Вып. 22. 1981а. С. 11–22.
- Марсадалов Л.С.* О дендрохронологии памятников ранних кочевников Саяно-Алтая // Контакты и взаимодействие древних культур. Л., 1981б. С. 45–48.
- Марсадалов Л.С.* Исследования в Онгудайском и Улаганском районах Горного Алтая // АО 1980 года. М., 1981в. С. 195–196.
- Марсадалов Л.С.* Зеркало из алтайской коллекции П.К. Фролова // СГЭ. Вып. XLVII. Л., 1982. С. 30–33.
- Марсадалов Л.С.* Методы естественных наук и хронология пяти больших Пазырыкских курганов // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул, 1983. С. 15–20.
- Марсадалов Л.С.* О последовательности сооружений пяти больших курганов в Пазырыке на Алтае // АСГЭ. Вып. 25. 1984. С. 90–98.
- Марсадалов Л.С.* Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н.э.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 16 с.
- Марсадалов Л.С.* Курган Аржан. Хронология, алтайские и европейские аналогии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1989. С. 81–82.
- Марсадалов Л.С.* История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб., 1996. 100 с.
- Марсадалов Л.С.* Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талда). СПб., 1997. 56 с.
- Марсадалов Л.С., Зайцева Г.И., Семенов А.А., Лебедева Л.М.* Возможности радиоуглеродного датирования для привязки плавающей шкалы больших курганов Саяно-Алтая к календарному времени // Радиоуглерод и археология. Вып. 1. СПб., 1996. С. 24–38.
- Мартиросян А.А.* О периодизации археологических памятников Армении эпохи бронзы и раннего железа // СА. № 3. 1964. С. 21–36.
- Мартынов А.И.* Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979. 208 с.
- Мартынов А.И.* Из истории представлений о древе жизни у древних народов Северной Азии // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово, 1984. С. 15–28.
- Мартынов А.И., Абсаямов М.Б.* Исследования в Горном Алтае // АО 1978 года. М., 1979. С. 248.
- Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С.* Раскопки могильника у поселка Акташ в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 147–172.
- Марьяшев А.Н., Рогожинский А.Е.* «Звериный» стиль в петроглифах Казахстана // Скифо-сибирский мир. Новосибирск, 1987. С. 121–124.
- Марьяшев А.Н., Рогожинский А.Е.* Наскальные изображения в горах Ешки-Ольмес. Алма-Ата, 1991. 48 с. и ил.
- Массон В.М.* Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. № 73. 1959. 216 с.
- Матющенко В.И., Старцева Л.М.* Еловский курганный могильник-I эпохи железа // Вопросы истории Сибири. Вып. 5. Томск, 1970. С. 152–174.
- Матющенко В.И., Сыркина Л.М.* О новых находках эпохи раннего железа в Томско-Чулымском Приобье // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 146–150.
- Махортых С.В.* Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991. 133 с.
- Махортых С.В.* Восточно-Европейские клады VIII–VII вв. до н.э. как исторический источник // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Часть II. Омск, 1992. С. 25–27.
- Махортых С.В.* Об уздечных принадлежностях юга Восточной Европы предскифского времени // Проблема скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1994. С. 123–125.

- Мозильников В.А., Суразаков А.В.* Археологические исследования в долинах рек Боротал и Алагаил // СА. № 2. 1980. С. 180–191.
- Мозолевский Б.Н.* Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности. Киев, 1973. С. 187–234.
- Мозолевский Б.М.* Товста Могила. Киев, 1979. 248 с.
- Молодин В.И.* Бараба в древности. Автореф. дис. ... доктора ист. наук. Новосибирск, 1983. 36 с.
- Молодин В.И., Петрин В.Т.* Разведка в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 50–73.
- Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск, 1990. 260 с.
- Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д1–10. М., 1963. 56 с.
- Мошкова М.Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974. 52 с.
- Муральт Е.Г.* Скифские древности, хранящиеся в Императорском Эрмитаже // Записки Императорского Археологического общества. Т. V. СПб, 1853. С. 205–216.
- Мурзин В.Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984. 134 с.
- Мурзин В.Ю., Черненко Е.В.* О средствах защиты боевого коня в скифское время // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С. 155–167.
- Неверов О.Я.* Металлические перстни и печати // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 239–240.
- Неверов С.В.* Погребения могильника Змеевка на Алтае // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 100–121.
- Неверов С.В.* Костяные пряжки сrostкинской культуры // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 192–203.
- Неверов С.В.* История племен сrostкинской культуры в VIII–XII вв. н. э. Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1988а. 19 с.
- Неверов С.В.* История племен сrostкинской культуры в VIII–XII вв. н. э. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1988б. 389 с.
- Неверов С.В.* Удила средневековых хакасов на Алтае // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 141–145.
- Неверов С.В.* Удила второй половины I тыс. н. э. Верхнего Приобья (классификация и типология) // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 141–154, 234–238.
- Неверов С.В., Степанова Н.Ф.* Могильник скифского времени Кайнду в Горном Алтае // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990а. С. 242–270.
- Неверов С.В., Степанова Н.Ф.* Новые материалы из курганов конца I — начале II тыс. н. э. Средней Катунь // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990б. С. 120–123.
- Нечаева Л.Г.* Погребение с трупосожжением могильника Тара-Тол-Арты // Труды ТКЗАИ. Т. 11. М.-Л., 1966. С. 108–142.
- Николаев И.И.* Защитное вооружение курьян VI–X веков // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1991. С. 77–86.
- Николаев Р.В.* Средневековые курганы близ железнодорожной станции Минусинск // СА. 1972. № 2. С. 198–205.
- Николаев Р.В.* Кыргызское погребение в Большемуртинском районе Красноярского края // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 131–135.
- Николаева Т.В.* Изображения на плитах оград курганов тагарской культуры (методика и хронология). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1983. 20 с.
- Новгородова Э.А.* Древняя Монголия. М., 1989. 384 с.
- Новгородова Э.А., Горелик М.В.* Наскальные изображения тяжеловооруженных воинов с Монгольского Алтая // Древний Восток и античный мир. М., 1980. С. 101–112.
- Новиков А.В.* Новый памятник верхнеобской культуры в Новосибирском Приобье // Окладниковские чтения. Новосибирск, 1985. С. 78–81.
- Новиков А.В.* Новый памятник верхнеобской культуры в Новосибирском Приобье // Источники и историография. Археология и история. Омск, 1988. С. 47–54.
- Обзор корейской археологии.* 1993. № 9. С. 407 (на кор. яз.).
- Обручев В.А.* Путешествия Потанина. М., 1953. 190 с.
- Овчинникова Б.Б.* Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск, 1990. 223 с.
- Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1990. 916 с.
- Окладников А.П.* Далекое прошлое Приморья (Очерки по древней и средневековой истории Приморского края). Владивосток, 1959. 292 с.
- Окладников А.П., Деревянко А.П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973. 440 с.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.* Ленские писаницы. М.-Л., 1959. 198 с.

- Окладникова Е.А.* Петроглифы Жалгыс-Тепе // Полевые исследования института этнографии. 1992. М., 1986. С. 183–190.
- Окладникова Е.А.* Образ человека в наскальном искусстве центрального Алтая // Антропоморфные изображения. Первобытное искусство. Новосибирск, 1987. С. 170–180.
- Окладникова Е.А.* Граффити Кара-Оюка. Восточный Алтай (характеристика изобразительных особенностей и хронология) // Материальная и духовная культура народов Сибири. СМАЭ. Т. XLII. Л., 1988. С. 140–158.
- Окладникова Е.А.* Петроглифы урочища Шалкобы (Горный Алтай) // Новое в этнографии. Вып. I. М., 1989. С. 130–140.
- Ольховский В.С.* Погребальные обряды населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1978. 21 с.
- Памятники истории и культуры Северо-Западного Алтая.* Барнаул, 1990. 132 с.
- Переводчикова Е.В.* Еще раз об инокультурных влияниях в скифском зверином стиле Алтая и соседних областей в V–IV вв. до н.э. // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Ч. 2. Омск, 1992. С. 90–92.
- Переводчикова Е.В.* Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М., 1994. 206 с.
- Петренко В.Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. // САИ. Вып. Д1–4. М., 1967. 180 с.
- Петренко В.Г.* Комплекс VIII–VII вв. до н.э. из Ставрополя // КСИА. Вып. 170. 1982. С. 70–73.
- Петренко В.Г.* Скифская культура на Северном Кавказе // АСГЭ. Вып. 23. 1983. С. 43–48.
- Пиккуль М.И.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967. 176 с.
- Пиотровский Б.Б.* Скифы в Закавказье // Ученые записки. ЛГУ. № 85. Серия ист. наук. Вып. 13. 1949. С. 172–190.
- Пиотровский Б.Б.* Скифы и Древний Восток (Доклад на конф. по скифо-сарматской археологии) // СА. № XIX. 1954. С. 141–158.
- Пиотровский Б.Б.* Ванское царство (Урарту). М., 1959. 284 с.
- Пиотровский Б.Б.* Искусств Урарту VIII–VI вв. до н.э. Л., 1962. 164 с.
- Пиотровский Б.Б.* Скифы и Урарту: Доклад II Международного симпозиума по армянскому искусству. Ереван, 1978. 10 с.
- Плетнева Л.М.* Томское Приобье в конце VIII–III вв. до н.э. Томск, 1977. 108 с.
- Плетнева С.А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62. М.–Л., 1958. С. 151–227.
- Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. № 142. М., 1967. 195 с.
- Погожева А.П.* Погребения ранних кочевников на западе Горного Алтая // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 68–73.
- Погожева А.П.* Раскопки могильников ранней бронзы и ранних кочевников на Алтае // АО 1980 года. М., 1981. С. 205–206.
- Погребова М.Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977. 184 с.
- Погребова М.Н.* Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984. 248 с.
- Погребова М.Н., Раевский Д.С.* Ранний железный век // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1988. С. 156–189.
- Погребова М.Н., Раевский Д.С.* Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992. 260 с.
- Полосьмак Н.В.* Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск, 1987. 144 с.
- Полосьмак Н.В.* Некоторые аналоги погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. Новосибирск, 1990. С. 101–107.
- Полосьмак Н.В.* Изображение рыбы в искусстве пазырыкской культуры // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992. С. 134–138.
- Полосьмак Н.В.* Исследование памятников скифского времени на Укоке // Altaica. № 3. Новосибирск, 1993а. С. 21–31.
- Полосьмак Н.В.* Птица «феникс» в искусстве пазырыкской культуры // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. 1. Барнаул, 1993б. С. 169–173.
- Полосьмак Н.В.* «Стерегущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск, 1994. 125 с.
- Полторацкая В.Н.* Памятники эпохи ранних кочевников в Туве // АСГЭ. Вып. 8. Л.–М., 1966. С. 78–102.
- Посредников В.А.* К археологической карте Алтая // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 25–37.
- Потанин Г.Н.* Памятники древности в Северозападной Монголии // Тр. ИМАО. Т. 10. 1885. С. 50–57.
- Пшеницына М.Н.* Тесинский этап // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1980. С. 70–89.
- Пшеничный А.Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983. 200 с.

- Пьянков А.В., Тарабанов В.А.* Могильник протомеотского времени Казазово-3 и другие находки из чаши Краснодарского водохранилища // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. М., 1997. С. 62–70.
- Пяткин Б.Н.* Шалаболинские петроглифы (Вопросы методики и хронологии). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982. 14 с.
- Рабинович В.З.* О датировке некоторых скифских курганов Среднего Приднепровья // СА. № 1. 1936. С. 79–102.
- Рабинович В.З.* Шлемы скифского периода // Труды ОИПК. Т. I. 1941. С. 99–171.
- Радлов В.В.* Сибирские древности. Т. I. Вып. 2 // МАР. № 5. СПб, 1891. С. 42–80.
- Радлов В.В.* Сибирские древности. Т. I. Вып. 3 // МАР. № 15. СПб, 1894, С. 81–132.
- Радлов В.В.* Сибирские древности. Из путевых записок по Сибири. Отдельный оттиск из VII тома Записок Императорского Русского Археологического Общества. Пер. с нем. яз. СПб, 1896. 70 с.
- Раевский Д.С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М., 1977. 216 с.
- Рамишвили А.Т.* Из истории материальной культуры Колхиды. Батуми, 1974.
- Распопова В.И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980. 139 с.
- Розен М.Ф.* О поисковых и исследовательских работах на Алтае в XVIII в. по материалам архива АН СССР в Ленинграде // 250 лет горного производства на Алтае. Барнаул, 1977. С. 23–26.
- Руденко С.И.* К палеоантропологии Южного Алтая // Казаки: Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 15. Л., 1930. С. 137–148.
- Руденко С.И.* Скифское погребение Восточного Алтая // Сообщения ГАИМК. № 2. 1931. С. 25–31.
- Руденко С.И.* Скифская проблема и алтайские находки // Известия АН СССР. Серия ист. и филос. Т. I. № 6. 1944. С. 266–275.
- Руденко С.И.* Второй пазырыкский курган. Л., 1948. 64 с., ил.
- Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.–Л., 1953. 385 с., ил.
- Руденко С.И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.–Л., 1960. 350 с., таблицы.
- Руденко С.И.* Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тысячелетия до н.э.). М., 1961. 88 с.
- Руденко С.И.* Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.–Л., 1962. 206 с.
- Руденко С.И.* Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. Из оледенелых курганов Горного Алтая. М., 1968. 135 с.
- Рунич А.П.* О конской сбруе из района Пятигорья // СА. № 1. 1973. С. 163–170.
- Рыбаков Б.А.* Геродотова Скифия. М., 1979. 247 с.
- Сабурова М.А., Ягодин В.Н.* Литейная форма из Хорезма // СА. № 1. М., 1963. С. 304–307.
- Савин А.М., Семенов А.И.* Кудыргинские лучники // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 78–80.
- Савинов Д.Г.* К археологии Восточного Алтая // Археология и краеведение Алтая. Барнаул, 1972. С. 43–46.
- Савинов Д.Г.* Курганы позднескифского времени в долине Узунтал // АО 1973 года. М., 1974. С. 220–221.
- Савинов Д.Г.* К выделению ранних и поздних элементов в культуре Пазырыкского времени // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л., 1975. С. 45–52.
- Савинов Д.Г.* Из истории убора верхового коня у народов Южной Сибири (I тысячелетие н.э.) // СЭ. № 1. 1977. С. 31–48.
- Савинов Д.Г.* О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // КСИА. Вып. 154. 1978. С. 48–55.
- Савинов Д.Г.* Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С. 53–72.
- Савинов Д.Г.* Изображения собак на оленных камнях (некоторые вопросы семантики) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С. 319–328.
- Савинов Д.Г.* Древнетюркские курганы Узунтала // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982.
- Савинов Д.Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984а. 175 с.
- Савинов Д.Г.* Этнокультурные процессы Южной Сибири в эпоху раннего средневековья (вторая половина I тыс. н.э.) // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово, 1984б. С. 46–55.
- Савинов Д.Г.* Археологические памятники завершающего этапа культуры енисейских кыргызов // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 114–131.
- Савинов Д.Г.* К проблеме происхождения металлических стремян в Центральной Азии и Южной Сибири // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул, 1996. С. 16–20.
- Савинов Д.Г.* Погребения сросткинского могильника (по материалам раскопок М.Н. Комаровой, 1925) // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 192–206.

- Савинов Д.Г., Членова Н.Л. Западные пределы распространения оленных камней и вопросы их культурно-этнической принадлежности // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 72–94.
- Самбу И.У. Исследования в долине р. Ортаа-Хем // АО. 1969 года. М., 1970. С. 182–183.
- Сергеев С.М. О резных костяных украшениях конской узды из “скифского” кургана на Алтае // СА. № 8. 1946. С. 289–292.
- Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. 464 с.
- Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. 493 с.
- Семенов С.А. Обработка дерева на древнем Алтае (По материалам Пазырыкских курганов) // СА. № XXVI. 1956. С. 204–226.
- Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953 гг.) // МИА. № 60. 1959. С. 39–205.
- Ситников С.М., Шульга П.И. Работы на юго-западном Алтае // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 59–62.
- Смирнов А.П. Железный век Чувашского Поволжья // МИА. № 96. 1961. 171 с.
- Смирнов А.П. Скифы. М., 1966. 200 с.
- Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. № 101. М., 1961. 162 с.
- Смирнов К.Ф. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М., 1964. 379 с.
- Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975. 176 с.
- Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. Вып. Д 1–9. М., 1963. 40 с.
- Смирнова Г.И. Археологические культуры лесостепной правобережной Украины и Молдавии в VII–V вв. до н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1954. 16 с.
- Смирнова Г.И. Закрытые предскифские комплексы у села Днестровка-Лука // Древние памятники культуры на территории СССР. Л., 1982. С. 30–53.
- Смирнова Г.И. О хронологическом соотношении памятников типа Сахарна-Солончены и Жаботин (по материалам курганов у с. Мервинцы на Днестре) // СА. № 4. 1977. С. 94–107.
- Сорокин С.С. Культура древних скотоводов в предгорьях Ферганы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1958. 20 с.
- Сорокин С.С. Железные изделия Саркела-Белой Вежи // МИА. М.–Л., 1959. № 75. С. 34–81.
- Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ. Вып. 8. 1966. С. 39–60.
- Сорокин С.С. Материалы к археологии Горного Алтая // Уч. зап. ГАНИИИЯЛ. Вып. 8, Барнаул, 1969а. С. 71–88.
- Сорокин С.С. Новый памятник VII–VI вв. до н.э. на Южном Алтае // СА. 1969б. № 2. С. 249–252.
- Сорокин С.С. Большой Берельский курган (Полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Труды ГЭ. Т. X. 1969. С. 208–236.
- Сорокин С.С. Цепочки курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-Су (Южный Алтай) // АСГЭ. № 16. Л., 1974. С. 62–91.
- Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катунь. Горно-Алтайск, 1992. 116 с.
- Соенов В.И., Эбель А.В. Ритуальные сооружения могильника Мендур-Соккон-1 // Известия лаборатории археологии. Вып. 2. Горно-Алтайск, 1997. С. 103–115.
- Сокольский Н.Н. Воспорские мечи // МИА. № 33. 1954. С. 123–196.
- Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск, 1987. 193 с.
- Сосновский Г.П. Ойротская автономная область, 1936 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения. М.–Л., 1941. С. 304–306.
- Спицын А.А. Сибирская коллекция Кунсткамеры // Записки отделения русской и славянской археологии. Т. 8. Вып. I. СПб, 1906. С. 227–248.
- Степанова Н.Ф. Куумский тип памятников VIII–VI вв. до н.э. // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 79–81.
- Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кастахта // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 168–183.
- Степанова Н.Ф. Погребения в каменных ящиках и их датировка // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 54–69.
- Стоянов В.Е. Ранний железный век западносибирской лесостепи (Опыт классификации и периодизации). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1969. 17 с.
- Суразаков А.С. О погребальных сооружениях пазырыкцев // Барнаулу 250 лет. Барнаул, 1980а. С. 71–73.
- Суразаков А.С. Раскопки могильников в Горном Алтае // АО 1979 года. М., 1980б. С. 236, 237.
- Суразаков А.С. О вооружении ранних кочевников Горного Алтая // Вопросы истории Горного Алтая. Вып. I. Горно-Алтайск, 1980в. С. 170–192.

- Суразаков А.С.* Горный Алтай в конце I тыс. до н.э. // Вопросы истории Горного Алтая. Вып. I. Горно-Алтайск, 1980. С. 193–204.
- Суразаков А.С.* Исследования у с. Куюс в Горном Алтае // АО 1980 года. М., 1981. С. 214.
- Суразаков А.С.* Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 121–136.
- Суразаков А.С.* Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань-I // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983а. С. 42–52.
- Суразаков А.С.* О социальной стратификации пазырыкцев // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983б. С. 72–87.
- Суразаков А.С.* Небесные кони пазырыкских вождей // Археология Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988а. С. 3–31.
- Суразаков А.С.* Об этногенезе населения Горного Алтая рубежа эпохи бронзы и скифского времени // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988б. С. 168–171.
- Суразаков А.С.* Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа // Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1988в. 216 с.
- Таиров А.Д., Боталов С.Г.* Курганы у села Варна // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988. С. 100–125.
- Татаринов С.И.* Раннескифское погребение из Приазовья // СА. № 1. 1982. С. 227–229.
- Телегин А.Н.* Некоторые итоги второго года раскопок курганной группы Ключи-III // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 138–141.
- Теплоухов С.А.* Раскопки курганов в горах Ноин-Улы // Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. Л., 1925. С. 13–22.
- Тереножкин А.И.* Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961. 246 с.
- Тереножкин А.И.* Основы хронологии предскифского периода // СА. № 1. М., 1965. С. 63–85.
- Тереножкин А.И.* Дата мингечаурских удил // СА. № 4. М., 1971. С. 71–84.
- Тереножкин А.И.* Киммерийцы. Киев, 1976. 223 с.
- Тереножкин А.И.* Рецензия на книгу: Грязнов М.П. Аржан — царский курган раннескифского времени. Л., 1980. 65 с. // СА. № 3. 1982. С. 267–270.
- Техов Б.В.* Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971. 294 с.
- Техов Б.В.* Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н.э. (по материалам Тлийского могильника). М., 1980. 93 с.
- Тишкин А.А.* Некоторые итоги археологических исследований курганов северо-западных предгорий Алтая // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 16–18.
- Тишкин А.А.* Курганный могильник Белый Камень — новый памятник эпохи средневековья северо-западных предгорий Алтая // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993а. С. 232–247.
- Тишкин А.А.* Аварийные археологические раскопки курганного могильника Щепчиха-I // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993б. С. 90–99.
- Тишкин А.А.* Погребальные сооружения курганного могильника Вийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996а. С. 20–54.
- Тишкин А.А.* К вопросу о возможности выделения контактных археологических культур // Горный Алтай и Россия 240 лет. Горно-Алтайск, 1996б. С. 25–28.
- Тишкин А.А.* Культура населения Центрального и Северо-Западного Алтая в раннескифское время. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1996в. 28 с.
- Тишкин А.А.* Исследование одного разрушенного кургана раннескифского времени в Змеиногорском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996г. С. 119–123.
- Тишкин А.А., Казаков А.А., Бородаев В.Б.* Третьяковский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 194–210.
- Тишкин А.А., Медникова Э.М.* Некоторые изделия с городища Елбаны // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. I. Барнаул, 1993. С. 133–136.
- Тишкин А.А., Тишкина Т.В.* Комплекс аварийных археологических памятников Туриной Горы // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 106–110.
- Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.–Л., 1948. 328 с.
- Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. 324 с.
- Толстов С.П., Итина М.А.* Саки в низовьях Сырдарьи (по материалам Тагискена) // СА. № 2. 1966. С. 151–175.
- Трапи М.М.* Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР. Сухуми, 1962. 82 с.
- Тревер К.В.* Ахеменидский ритм // Сокровища Эрмитажа. М.–Л., 1949. С. 103–106.
- Троицкая Т.Н.* Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979. 124 с.

- Троицкая Т.Н.* Лесостепное Приобье в раннем железном веке. Автореф. дис. ... доктора ист. наук. Новосибирск, 1981. 38 с.
- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П.* Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. 184 с.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.* Работы у с. Крохалевка Новосибирской области // АО 1985 года. М., 1987. С. 364–365.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.* Крохалевка-23 — памятник одиноцкого этапа верхнеобской культуры // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). Омск, 1992. С. 116–119.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В., Сальникова И.В.* Погребения с сожжениями могильника Каменный Мыс // Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан, 1984. С. 80–90.
- Уманский А.П.* Памятники культуры Алтая. Барнаул, 1959. 252 с.
- Уманский А.П.* Археологические раскопки К.Ф. Ледебур в Горном Алтае (1826 г.) // Ученые записки ГАНИИИЯЛ. Вып. 6. 1964. С. 35–52.
- Уманский А.П.* Безмолвные стражи алтайских степей // Алтай: Альманах. № 2 (37). 1966. С. 93–116.
- Уманский А.П.* Случайные находки предметов скифо-сарматского времени в Верхнем Приобье // СА. № 2. М., 1970. С. 169–179.
- Уманский А.П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980. 296 с.
- Урусов С.П.* Книга о лошади. Т. 2. СПб., 1911. 642 с.
- Уэнь, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн.* Могильник сюнну в деревне Даодуньцзы уезда Гуньсинь в Нинся // Китай в эпоху древности. Новосибирск, 1990. С. 88–101.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. 275 с.
- Филонов К.П.* Лось. М., 1983. 246 с.
- Формозов А.А.* Очерки по истории русской археологии. М., 1961. 128 с.
- Хабдулина М.К.* Степное Прииртышье в эпоху раннего железа. Алматы, 1994. 170 с.
- Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М., 1977. 262 с.
- Хара-Даван Э.* Чингис-хан как полководец и его наследие. Алма-Ата, 1992. 272 с.
- Хачатрян Т.С.* Древняя культура Ширака III–I тыс. до н.э. Ереван, 1975. 277 с.
- Худяков Ю.С.* Находки монгольского времени у с. Белый Яр // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С. 46–52.
- Худяков Ю.С.* Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск, 1980. 174 с.
- Худяков Ю.С.* Кыргызы на Тобате. Новосибирск, 1982.
- Худяков Ю.С.* Типология и хронология средневековых памятников Табата // Урало-Алтаистика: Археология, этнография, язык. Новосибирск, 1985. С. 102–107.
- Худяков Ю.С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. 266 с.
- Худяков Ю.С.* Кыргызский курган Соян-Сее // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 103–113.
- Худяков Ю.С.* Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993. С. 107–148.
- Худяков Ю.С.* Археология Южной Сибири II в. до н. э.–V в. н. э. Новосибирск, 1993. 89 с.
- Худяков Ю.С.* Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. Вып. 2. Горно-Алтайск, 1997. С. 28–37.
- Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В.* Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 95–150.
- Цэвээндорж Д.* Чандманьская культура // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 108–117.
- Черненко Е.В.* Скифский доспех. Киев, 1968. 189 с.
- Черненко Е.В.* Оружие из Семибратних курганов // Скифские древности. Киев. 1973. С. 64–81.
- Черненко Е.В.* Скифские лучники. Киев, 1981. 168 с.
- Чернецов В.Н.* Усть-полуйское время в Приобье // МИА. № 35. 1953. С. 221–241.
- Черников С.С.* Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1948 г. // Известия АН Казахской ССР. Серия археологическая. Вып. 3. Алма-Ата, 1951а. С. 64–80.
- Черников С.С.* Восточно-Казахстанская экспедиция // КСИИМК. Вып. XXXVII. 1951б. С. 144–150.
- Черников С.С.* Восточно-Казахстанская экспедиция 1950 г. // КСИИМК. Вып. XLVIII. 1952. С. 81–92.
- Черников С.С.* К изучению древней истории Восточного Казахстана // КСИИМК. Вып. 69. 1957. С. 12–21, 111–137.
- Черников С.С.* Работы Восточно-Казахстанской археологической экспедиции в 1956 году // КСИИМК. 1959. Вып. 73. С. 99–106.
- Черников С.С.* Загадка золотого кургана (где и когда зародилось скифское искусство). М., 1965. 185 с.

- Черников С.С. К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников (по археологическим материалам Восточного Казахстана) // *Первобытная археология Сибири*. Л., 1975. С. 132–137.
- Чикишева Г.А. К вопросу о формировании антропологического состава населения пазырыкской культуры Горного Алтая // *Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири*. Новосибирск, 1996. С. 249–252.
- Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). Томск, 1991. 184 с.
- Чиндина Л.А. Тюркские погребения Усть-Киндинского могильника // *Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии)*. Омск, 1992. С. 128–132.
- Членова Н.Л. Место Тувы скифского времени в ряду других «скифских» культур Евразии // *Уч. зап. ТНИИЯЛИ*. Вып. IX. Кызыл, 1961. С. 133–155.
- Членова Н.Л. Первые комплексы раннескифского времени из Тувы // *КСИА*. Вып. 107. 1966. С. 47–53.
- Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 299 с.
- Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972. 248 с.
- Членова Н.Л. Суртайка — могильник карасукской эпохи в Предгорном Алтае // *КСИА*. Вып. 134. М., 1973. С. 114–121.
- Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск, 1984. 100 с.
- Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М., 1994. 170 с.
- Членова Н.Л. Алтайские бронзы раннескифской эпохи из собрания ГИМ // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края*. Вып. V. Ч. 2. Барнаул, 1995. С. 91–96.
- Членова Н.Л. Хронология опорных памятников скифской эпохи // *История, археология, культурная антропология и этнография*. М., 1996. С. 313–318.
- Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. М., 1997. 98 с.
- Членова Н.Л., Кубарев В.Д. Хронологические парадоксы Горного Алтая // *КСИА*. М., 1990. С. 46–55.
- Чугунов В.К. Датировка Больших Пазырыкских курганов — новый виток старой дискуссии // *Охрана и изучение культурного наследия Алтая*. Ч. 1. Барнаул, 1993. С. 167–169.
- Шарафутдинова Э.С., Дубовская О.Р. О двух группах погребений предскифского времени в Северном Причерноморье // *Проблемы археологических культур степей Евразии*. Кемерово, 1987. С. 27–38.
- Шер Я.А. Особенности раннего этапа скифо-сибирского звериного стиля // *Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства*. Кемерово, 1979. С. 116–120.
- Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980. 328 с.
- Шер Я.А., Миклашевич Е.А., Самашев З.С., Советова О.С. Петроглифы Жалтырак-Таша // *Проблемы археологических культур степей Евразии*. Кемерово, 1987. С. 70–78.
- Шилов В.П. Население Прикубанья конца VII — середины IV в. до н.э. по материалам городищ и грунтовых могильников. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.-Л., 1951. 15 с.
- Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // *МИА*. № 60. 1959. С. 323–523.
- Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975. 208 с.
- Шилляев Н.М. Сопротивление материалов (учебное пособие для вузов). М., 1976. 607 с.
- Шульга П.И. Работы в предгорьях Алтая // *АО* 1993 года. М., 1994. С. 194–195.
- Шульга П.И. Об эволюции раннекочевнической узды VII–VI вв. до н.э. // *Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири*. Новосибирск, 1996. С. 261–264.
- Шульга П.И. О сакском влиянии на Алтай в раннескифское время // *Четвертые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова*. Омск, 1997. С. 193–196.
- Шульга П.И., Казаков А.А., Ведянин С.Д., Семибратов В.П., Ситников С.М. Аварийные работы на реке Чарыш // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края*. Барнаул, 1997. С. 124–128.
- Эрлих В.Р. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья // *Древности Северного Кавказа и Причерноморья*. М., 1991.
- Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994. 178 с.
- Эрлих В.Р. К проблеме связей Предкавказья и Средней Европы в новочеркасский период // *Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы*. МИАР. № 1. М., 1997. С. 19–34.
- Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала: Из истории звериного стиля // *Труды ГИМ*. Вып. X. М., 1940. 104 с.
- Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья. М., 1996. 185 с.
- Ядринцев Н.М. Описание сибирских курганов и древностей. Путешествие по Западной Сибири и Алтаю в 1878 и 1880 г. // *Тр.ИМАО*. Т.9. 1883. С. 181–205.
- Яценко С.А. Загадочные монстры пазырыкцев и китайская мифология эпохи Чжоу // *Жречество и шаманизм в скифскую эпоху*. СПб., 1996. С. 154–158.
- Aspelin J.R. Antiquites du Nord Finno-Ougrien. Livraison 1: Ages de la pierre et du bronze. Helsingfors, 1877.
- Muscarella O.W. Bronze and iron. Ancient Near Eastern Artifacts in The Metropolitan Museum of Art. New York, 1988. Pp. 439–444.
- Potratz J.A.H. Die Pferdetransportmittel des Alten Orient // *Analecta Orientalia*. 41: Roma, 1966.

Список сокращений

- АККМ — Алтайский краевой краеведческий музей (г. Барнаул)
АГУ — Алтайский государственный университет (г. Барнаул)
АО — Археологические открытия (г. Москва)
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БКМ — Бийский краеведческий музей
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная академия материальной культуры
ГАНИИИЯЛ — Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы (сейчас — ГАИГИ — Горно-Алтайский институт гуманитарных исследований)
ГИМ — Государственный исторический музей (г. Москва)
ГЭ — Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург)
ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук
ИИМК — Институт истории материальной культуры (г. Санкт-Петербург)
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
ЛАИ — Лаборатория археологических исследований (г. Кемерово)
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛИК — Лаборатория исторического краеведения Барнаульского государственного педагогического университета
МАР — Материалы по археологии России
МГУ — Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НПЦ — Научно-производственный центр
РА — Российская Археология (г. Москва)
СА — Советская археология (г. Москва)
САИ — Свод археологических источников
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СО РАН — Сибирское отделение Российской академии наук
СЭ — Советская этнография (г. Москва)
ТНИИИЯЛИ — Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

Сведения об авторах

- Боковенко Н.А.** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры (г. Санкт-Петербург)
- Бородаев В.Б.** — научный сотрудник лаборатории исторического краеведения Барнаульского государственного педагогического университета
- Горбунов В.В.** — директор Музея археологии и этнографии Алтая при Алтайском государственном университете (г. Барнаул)
- Григорьев Е.В.** — аспирант лаборатории исторического краеведения Барнаульского государственного педагогического университета
- Ефремов С.А.** — научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск)
- Кубарев В.Д.** — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск)
- Марсадолов Л.С.** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург)
- Неверов С.В.** — кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и источниковедения Алтайского государственного университета (г. Барнаул)
- Соенов В.И.** — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Горно-Алтайского государственного университета
- Тишкин А.А.** — кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и источниковедения Алтайского государственного университета (г. Барнаул)
- Шульга П.И.** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН (г. Барнаул)

Содержание

Марсадолов Л.С. Основные тенденции в изменении форм удил, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII–V веках до н.э.	5
Шульга П.И. Раннескифская упряжь VII — нач. VI вв. до н.э. по материалам погребения на р. Чарыш	25
Боковенко Н.А. Один из вариантов конской узды скифской эпохи в Центральной Азии	50
Бородаев В.Б. Вакулихинский клад (Комплекс находок раннескифского времени с местонахождения Вакулиха-1)	56
Кубарев В.Д. Погребение раннескифского времени на р. Каракол	74
Тишкин А.А. Находки некоторых элементов конского снаряжения скифской эпохи в предгорной зоне Алтая	78
Марсадолов Л.С., Тишкин А.А. Основная библиография печатных работ археологов за последние 50 лет (1947–1997 гг.) по конскому снаряжению I тыс. до н.э. в степной полосе Евразии	91
Соенов В.И. Удила и псалии гунно-сарматского времени Горного Алтая	93
Шульга П.И., Горбунов В.В. Стремя раннего типа из Алейской степи	99
Горбунов В.В. Тяжеловооруженная конница древних тюрок (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая)	102
Несеров С.В. Стремена Верхнего Приобья в VII–XII вв. (классификация и типология)	129
Григорьев Е.В. Распределители ремней Южной Сибири VII–X вв.	152
Добринин С.А. Снаряжение верхового коня у алтайских кочевников I пол. II тыс. н.э. (классификация и типология)	159
Список литературы	170
Список сокращений	189
Сведения об авторах	190

Научное издание

**СНАРЯЖЕНИЕ ВЕРХОВОГО КОНЯ
НА АЛТАЕ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ
И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

Публикуется в авторской редакции

Технический редактор Д. Колдаков
Компьютерный набор М. Кузевановой

ЛР 020261

Н/К

Сдано в набор 31.10.97. Подписано в печать 30.04.98. Формат 60x84/8.

Бумага типографская. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,2.

Уч.-изд. л. 20,4. Тираж 300 экз. Заказ

Типография издательства

Алтайского государственного университета:

656099, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66